

АЛЕКСАНДР
БЛОК

Александр Блок

4

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

В. Н. ОРЛОВА
А. А. СУРКОВА
К. И. ЧУКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1961

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ЧЕТВЕРТЫЙ

ТЕАТР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1961

Подготовка текста
П. П. ГРОМОВА

Примечания
Л. К. ДОЛГОПолова

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

БАЛАГАНЧИК

*Посвящается
Всеволоду Эмильевичу
Мейерхольду*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К о л о м б и н а.

П ь е р о.

А р л е к и н.

М и с т и к и обоего пола в сюртуках и модных пла-
тнях, а потом в масках и маскарадных костюмах.

П р е с е д а т е л ь м и с т и ч е с к о г о с о б р а -
н и я

Т р и п а р ы в л ю б л е н н ы х.

П а я ц.

А в т о р.

Исторический мюз.

Коломбина

Пьеро

Арлекин ^{дети и кавальеры} ~~сначала в ступу как и~~ ~~люди в масках и на пер-~~

Мисфун ~~(сначала из провинции, а потом в~~ ~~столице)~~

Три пары влюбленных ^{мисфунского} ~~сначала~~

~~Авторы~~

~~Один из нас, Пьеро.~~

Авторь.

~~Образы были театральными~~
~~Колумба с двумя друзьями, окраска и др.~~
~~Утка с двумя с парой друзей~~

сидеть мисфун своею по са -

Она ~~сначала~~ в ступу как и мисфун ^{и мисфун}

Пьеро в ступу как и мисфун ^{и мисфун}
мисфун и резбосах и в виде мисфун - мисфун,
Беруши Беруши как в ступу Пьеро.
мисфун мисфун мисфун мисфун.

Обыкновенная театральная комната с тремя стенами, окном
и дверью.

У освещенного стола с сосредоточенным видом сидят мистики
обоого пола — в сюртуках и модных платьях. Несколько
поодаль, у окна, сидит Пьеро в белом балахоне, мечтательный,
расстроенный, бледный, безусый и безбровый, как все Пьеро.

Мистики некоторое время молчат.

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Наступит событие.

Пьеро

О, вечный ужас, вечный мрак!

Первый мистик

Ты ждешь?

Второй мистик

Я жду.

Третий мистик

Уж близко прибытие:

За окном нам ветер подал знак.

Пьеро

Неверная! Где ты? Сквозь улицы сонные
Протянулась длинная цепь фонарей,
И, пара за парой, идут влюбленные,
Согретые светом любви своей.
Где же ты? Отчего за последней парой
Не вступить и нам в назначенный круг?
Я пойду брэнчать печальной гитарой
Под окно, где ты пляшешь в хоре подруг!
Нарумяню лицо мое, лунное, бледное,
Нарисую брови и усы приклею.
Слышишь ты, Коломбина, как сердце бедное
Тянет, тянет грустную песню свою?

Пьеро размечтался и оживился. Но из-за занавеса сбоку вылезает обеспокоенный автор.

Автор

Что он говорит? Почтеннейшая публика! Спешу уверить, что этот актер жестоко насмеялся над моими авторскими правами. Действие происходит зимой в Петербурге. Откуда же он взял окно и гитару? Я писал мою драму не для балагана... Уверяю вас...

Внезапно застыдившись своего неожиданного появления, прячется обратно за занавес.

Пьеро

(Он не обратил внимания на автора. Сидит и мечтательно вздыхает)

Коломбина!

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Приближается дева из дальней страны.

Первый мистик

О, как мрамор — черты!

В т о р о й м и с т и к

О, в очах — пустота!

Т р е т и й м и с т и к

О, какой чистоты и какой белизны!

П е р в ы й м и с т и к

Подойдет — и мгновенно замрут голоса.

В т о р о й м и с т и к

Да. Молчанье наступит.

Т р е т и й м и с т и к

Надолго ли?

П е р в ы й м и с т и к

Да.

В т о р о й м и с т и к

Вся бела, как снега.

Т р е т и й м и с т и к

За плечами — коса.

П е р в ы й м и с т и к

Кто ж она?

Второй наклоняется и что-то шепчет на ухо первому.

В т о р о й м и с т и к

Ты не выдашь меня?

П е р в ы й м и с т и к

(в неподдельном ужасе)

Никогда!

Автор опять испуганно высовывается, но быстро исчезает, как будто его оттянул кто-то за фалды.

П ь е р о (по-прежнему, мечтательно)

Коломбина! Приди!

Первый мистик

Тише! Слышишь шаги!

Второй мистик

Слышу шелест и вздохи.

Третий мистик

О, кто среди нас?

Первый мистик

Кто в окне?

Второй мистик

Кто за дверью?

Третий мистик

Не видно ни зги.

Первый мистик

Посвети. Не она ли пришла в этот час?

Второй мистик поднимает свечу.

Совершенно неожиданно и непонятно откуда появляется у стола необыкновенно красивая девушка с простым и тихим лицом матовой белизны. Она в белом. Равнодушен взор спокойных глаз. За плечами лежит заплетенная коса.

Девушка стоит неподвижно. Восторженный Пьеро молитвенно опускается на колени. Заметно, что слезы душат его. Все для него — неизреченно.

Мистики в ужасе откинулись на спинки стульев. У одного беспомощно болтается нога. Другой производит странные движения рукой. Третий выкатил глаза. Через некоторое время очнувшись, громко шепчут:

— Прибыла!

— Как бела ее одежда!

— Пустота в глазах ее!

— Черты бледны, как мрамор!

— За плечами коса!

— Это — смерть!

Пьеро услышал. Медленно поднявшись, он подходит к девушке, берет ее за руку и выводит на середину сцены. Он говорит голосом звонким и радостным, как первый удар колокола.

Пьеро

Господа! Вы ошибаетесь! Это — Коломбина! Это — моя невеста!

Общий ужас. Руки всплеснулись. Фалды сюртуков раскачиваются. Председатель собрания торжественно подходит к Пьеро.

Председатель

Вы с ума сошли. Весь вечер мы ждали событий. Мы дождались. Она пришла к нам — тихая избавительница. Нас посетила смерть.

Пьеро (*звонким детским голосом*)

Я не слушаю сказок. Я — простой человек. Вы не обманете меня. Это — Коломбина. Это — моя невеста.

Председатель

Господа! Наш бедный друг сошел с ума от страха. Он никогда не думал о том, к чему мы готовились всю жизнь. Он не измерил глубин и не приготовился встретить покорно Бледную Подругу в последний час. Простим великодушно простеца. (*Обращается к Пьеро.*) Брат, тебе нельзя оставаться здесь. Ты помешаешь нашей последней вечере. Но, прошу тебя, взглядишь еще раз в ее черты: ты видишь, как бела ее одежда; и какая бледность в чертах; о, она бела, как снега на вершинах! Очи ее отражают зеркальную пустоту. Неужели ты не видишь косы за плечами? Ты не узнаешь смерти?

Пьеро (*по бледному лицу бродит растерянная улыбка*)

Я уйду. Или вы правы, и я — несчастный сумасшедший. Или вы сошли с ума — и я одинокий, непонятый вздыхатель. Носи меня, вьюга, по улицам! О, вечный ужас! Вечный мрак!

Коломбина (*идет к выходу вслед за Пьеро*)

Я не оставлю тебя.

Пьеро остановился, растерян. Председатель умоляюще складывает руки.

П р е с е д а т е л ь

Легкий призрак! Мы всю жизнь ждали тебя! Не покидай нас!

Появляется стройный юноша в платье Арлекина. На нем серебристыми голосами поют бубенцы.

А р л е к и н (*подходит к Коломбине*)

Жду тебя на распутьях, подруга,
В серых сумерках зимнего дня!
Над тобою поет моя вьюга,
Для тебя бубенцами звеня!

Он кладет руку на плечо Пьеро. — Пьеро свалился навзничь и лежит без движения в белом балахоне. Арлекин уводит Коломбину за руку. Она улыбнулась ему. Общий упадок настроения. Все безжизненно повисли на стульях. Рукава сюртуков вытянулись и закрыли кисти рук, будто рук и не было. Головы ушли в воротники. Кажется, на стульях висят пустые сюртуки. Вдруг Пьеро вскочил и убежал. Занавес сдвигается. В ту же минуту на подмостки перед занавесом выскакивает взъерошенный и взволнованный автор.

А в т о р

Милостивые государи и государыни! Я глубоко извиняюсь перед вами, но снимаю с себя всякую ответственность! Надо мной издеваются! Я писал реальнейшую пьесу, сущность которой считаю долгом изложить перед вами в немногих словах: дело идет о взаимной любви двух юных душ! Им преграждает путь третье лицо: но преграды наконец падают, и любящие навеки соединяются законным браком! Я никогда не рядил моих героев в шутовское платье! Они без моего ведома разыгрывают какую-то старую легенду! Я не признаю никаких легенд, никаких мифов и прочих пошлостей! Тем более — аллегорической игры словами: неприлично называть косою смерти женскую косу! Это порочит дамское сословие! Милостивые государи...

Высунувшаяся из-за занавеса рука хватает автора за шиворот. Он с криком исчезает за кулисою. Занавес быстро раздергивается.

Бал. Маски кружатся под тихие звуки танца. Среди них прогуливаются другие маски, рыцари, дамы, паяцы. Грустный Пьеро сидит среди сцены на той скамье, где обыкновенно целуются Венера и Тангейзер.

П ь е р о

Я стоял меж двумя фонарями
И слушал их голоса,
Как шептались, закрывшись плащами,
Целовала их ночь в глаза.

И свила серебристая вьюга
Им венчальный перстень-кольцо.
И я видел сквозь ночь — подруга
Улыбнулась ему в лицо.

Ах, тогда в извозчицьи сани
Он подругу мою усадил!
Я бродил в морозном тумане,
Издали за ними следил.

Ах, сетями ее он опутал
И, смеясь, звенел бубенцом!
Но, когда он ее закутал, —
Ах, подруга свалилась ничком!

Он ее ничем не обидел,
Но подруга упала в снег!
Не могла удержаться сидя!..
Я не мог сдержать свой смех!..

И, под пляску морозных игол,
Вкруг подруги картонной моей —
Он звенел и высоко прыгал,
Я за ним плясал вкруг саней!

И мы пели на улице сонной:
«Ах, какая стряслась беда!»
А вверху — над подругой картонной —
Высоко зеленела звезда.

И всю ночь по улицам снежным
Мы брели — Арлекин и Пьеро...
Он прижался ко мне так нежно,
Щекотало мне нос перо!

Он шептал мне: «Брат мой, мы вместе,
Неразлучны на много дней...
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!»

Пьеро грустно удаляется.
Через некоторое время на той же скамье обнаруживается
пара влюбленных. Он в голубом, она в розовом, маски — цвета
одежд.

Они вообразили себя в церкви и смотрят вверх, в купола.

О н а

Милый, ты шепчешь — «склонись...»
Я, лицом опрокинута, в купол смотрю.

О н

Я смотрю в непомерную высь —
Там, где купол вечернюю принял зарю.

О н а

Как вверху позолота ветха.
Как мерцают вверху образа.

О н

Наша сонная повесть тиха.
Ты безгрешно закрыла глаза.

Поцелуй.

О н а

...Кто-то темный стоит у колонны
И мигает лукавым зрачком!
Я боюсь тебя, влюбленный!
Дай закрыться твоим плащом!

Молчание.

О н

Посмотри, как тихи свечи,
Как заря в куполах занялась.

О н а

Да. С тобою сладки нам встречи.
Пусть я сама тебе предалась.

Прижимается к нему.

Первую пару скрывает от зрителей тихий танец масок и паяцов.

В средину танца врывается вторая пара влюбленных. Впереди — она в черной маске и вьющемся красном плаще. Позади — он — весь в черном, гибкий, в красной маске и черном плаще. Движения стремительны. Он гонится за ней, то настигая, то обгоняя ее. Вихрь плащей.

О н

Оставь меня! Не мучь, не преследуй!
Участи темной мне не пророчь!
Ты торжествуешь свою победу!
Снимешь ли маску? Канешь ли в ночь?

О н а

Иди за мной! Настигни меня!
Я страстней и грустней невесты твоей!
Гибкой рукой обними меня!
Кубок мой темный до дна испей!

О н

Я клялся в страстной любви — другой!
Ты мне сверкнула огненным взглядом,
Ты завела в переулочек глухой,
Ты отравила смертельным ядом!

О н а

Не я манила, — плащ мой летел
Вихрем за мной — мой огненный друг!
Ты сам вступить захотел
В мой очарованный круг!

О н

Смотри, колдунья! Я маску сниму!
И ты узнаешь, что я безлик!
Ты смелá мне черты, завела во тьму,
Где кивал, кивал мне — черный двойник!

О н а

Я — вольная дева! Путь мой — к победам!
Иди за мной, куда я веду!
О, ты пойдешь за огненным следом
И будешь со мной в бреду!

О н

Иду, покорен участи строгой,
О, вейся, плащ, огневой проводник!
Но трое пойдут зловещей дорогой:
Ты — и я — и мой двойник!

Исчезают в вихре плащей. Кажется, за ними вырвался из толпы кто-то третий, совершенно подобный влюбленному, весь — как гибкий язык черного пламени.

В среде танцующих обнаружилась третья пара влюбленных. Они сидят посреди сцены.

Средневековье. Задумчиво склонившись, она следит за его движениями. — Он, весь в строгих линиях, большой и задумчивый, в картонном шлеме, — чертит перед ней на полу круг огромным деревянным мечом.

О н

Вы понимаете пьесу, в которой мы играем не последнюю роль?

О н а (*как тихое и внятное эхо*)

Роль.

О н

Вы знаете, что маски сделали нашу сегодняшнюю встречу чудесной?

О н а

Чудесной.

О н

Так вы верите мне? О, сегодня вы прекрасней, чем всегда.

О н а

Всегда.

О н

Вы знаете все, что было и что будет. Вы поняли значение начертанного здесь круга.

О н а

Круга.

О н

О, как пленительны ваши речи! Разгадчица души моей! Как много ваши слова говорят моему сердцу!

О н а
Сердцу.
О н
О, Вечное Счастье! Вечное Счастье!

О н а
Счастье.
О н (*со вздохом облегчения
и торжества*)
Близок день. На исходе — эта зловещая ночь.

О н а
Ночь.

В эту минуту одному из паяцов пришло в голову выкинуть штуку. Он подбегает к влюбленному и показывает ему длинный язык. Влюбленный бьет с размаху паяца по голове тяжким деревянным мечом. Паяц перегнулся через рампу и повис. Из головы его брызжет струя клюквенного сока.

П а я ц (*пронзительно
кричит*)

Помогите! Истекаю клюквенным соком!

Поболтавшись, удаляется.
Шум. Суматоха. Веселые крики: «Факелы! Факелы! Факельное шествие!» Появляется хор с факелами. Маски толпятся, смеются, прыгают.

Х о р

В сумрак — за каплей капля смолы
Падает с легким треском!
Лица, скрытые облаком мглы,
Озаряются тусклым блеском!
Капля за каплей, искра за искрой!
Чистый, смолистый дождь!
Где ты, сверкающий, быстрый,
Пламенный вождь!

Арлекин выступает из хора, как корифей.

А р л е к и н

По улицам сонным и снежным
Я таскал глупца за собой!

Мир открылся очам мятежным,
Снежный ветер пел надо мной!
О, как хотелось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти в мир!
Совершить в пустом безлюдьи
Мой веселый весенний пир!
Здесь никто понять не смеет,
Что весна плывет в вышине!
Здесь никто любить не умеет,
Здесь живут в печальном сне!
Здравствуй, мир! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мне давно!
Иду дышать твоей весною
В твое золотое окно!

Прыгает в окно. Даль, видимая в окне, оказывается нарисованной на бумаге. Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту.

В бумажном разрыве видно одно светлеющее небо. Ночь истекает, копошится утро. На фоне занимающейся зари стоит, чуть колблемая дорассветным ветром, — Смерть, в длинных белых пеленах, с матовым женственным лицом и с косою на плече. Лезвее серебрится, как опрокинутый месяц, умирающий утром.

Все бросились в ужасе в разные стороны. Рыцарь споткнулся на деревянный меч. Дамы разроняли цветы по всей сцене. Маски, неподвижно прижавшиеся, как бы распятые у стен, кажутся куклами из этнографического музея. Любовницы спрятали лица в плащи любовников. Профиль голубой маски тонко вырезывается на утреннем небе. У ног ее испуганная, коленоопреколенная розовая маска прижалась к его руке губами.

Как из земли выросший Пьеро медленно идет через всю сцену, простирая руки к Смерти. По мере его приближения черты Ее начинают оживать. Румянец заиграл на матовости щек. Серебряная коса теряется в стелющемся утреннем тумане. На фоне зари, в нише окна, стоит с тихой улыбкой на спокойном лице красивая девушка — Коломбина.

В ту минуту, как Пьеро подходит и хочет коснуться ее руки своей рукой, — между ним и Коломбиной просовывается торжествующая голова автора.

А в т о р

Почтеннейшая публика! Дело мое не проиграно! Права мои восстановлены! Вы видите, что преграды рухнули! Этот господин провалился в окошко! Вам остается быть свидетелями счастливого свиданья двух

влюбленных после долгой разлуки! Если они потратили много сил на преодоление препятствий, — то теперь зато они соединяются навек!

Автор хочет соединить руки Коломбины и Пьеро. Но внезапно все декорации взрываются и улетают вверх. Маски разбегаются.

Автор оказывается склоненным над одним только Пьеро, который беспомощно лежит на пустой сцене в белом балахоне своем с красными пуговицами.

Заметив свое положение, автор убегает стремительно.

Пьеро (приподнимается и говорит жалобно и мечтательно)

Куда ты завел? Как угадать?
Ты предал меня коварной судьбе.
Бедняжка Пьеро, довольно лежать,
Пойди, поищи невесту себе.

(Помолчав.)

Ах, как светла — та, что ушла
(Звенящий товарищ ее увел).
Упала она (из картона была).
А я над ней смеяться пришел.

Она лежала ничком и бела.
Ах, наша пляска была весела!
А встать она уж никак не могла.
Она картонной невестой была.

И вот, стою я, бледен лицом,
Но вам надо мной смеяться грешно.
Что делать! Она упала ничком...
Мне очень грустно. А вам смешно?

Пьеро задумчиво вынул из кармана дудочку и заиграл песню о своем бледном лице, о тяжелой жизни и о невесте своей Коломбине.

КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К о р о л ь — на террасе дворца.

З о д ч и й — старик в широких и темных одеждах. Чертами лица и сединами напоминает Короля.

Д о ч ь З о д ч е г о — высокая красавица в черных шелках.

П о э т — юноша, руководимый на путях своих Зодчим, влюбленный в его Дочь.

Ш у т — прихлебатель сцены и представитель здравого смысла. Иногда он прикрывает свое расшитое золотом брюхо священнической рясой.

В л ю б л е н н ы е, З а г о в о р щ и к и, П р и д в о р н ы й, П р о д а в щ и ц а р о з, Р а б о ч и е, Ф р а п т ы, Н и щ и е, Л и ц а и Г о л о с а в т о л п е.

С л у х и — маленькие, красные, шныряют в городской пыли.

ПРОЛОГ

Городская площадь. Задний план занят белым фасадом дворца с высокой и широкой террасой; на массивном троне — гигантский Король. Корона покрывает зеленые, древние кудри, струящиеся над спокойным лицом, изборожденным глубокими морщинами. Тонкие руки лежат на ручках трона. Вся поза — величавая. В самом низу — у рампы — под высоким парапетом набережной — скамья; к ней с двух сторон спускаются лестницы. Скамья на берегу моря, которое узкой полосой подходит издали, слева огибая мыс с площадью и дворцом, и сливается с оркестром и театром, так что сцена представляет из себя только остров — случайный приют для действующих лиц.

Солнце не взошло еще. Почти в полном мраке Шут, в качестве Пролога, подплывает с моря, привязывает свою лодку у берега, вынимает из нее удочку и узелок и садится на скамью.

Ш у т

Еще и солнцу лень светиться,
А я — на берегу.
Светила могут не трудиться,
А я вот — не могу.

Но я без них нашел дорогу
И вот, приплыл сюда,
Чтоб здоровьем своей немного
Смягчить вас, господа.

Вот здесь — дворец на темном фоне,
И на террасе — трон.
Король, как видите, в короне,
И стар и удручен.

Перед дворцом гуляет всякий,
Кто хочет отдохнуть.
Лишь демократу и собаке
Здесь не показан путь.

Здесь — чистой публике дорога,
Здесь для нее — скамья.
И только на правах Пролога
На ней присел и я.

Передо мной — в оркестре — море,
Волна его темна,
Но если солнце встанет вскоре,
Увижу все до дна.

Мой долг был — только вас понудить
Взглянуть на этот вид.
А рыбу в мутных водах удить
Мне здравый смысл велит.

Шут садится верхом на рампу и закидывает удочку в оркестр.
Во время действия его большею частью не видно за боковой
занавесью — он появляется только в отдельных сценах.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

УТРО

Ночь борется с утром. Над берегом чуть видны в сумерках двое неизвестных. Первый — в черном — прислонился к белому камню дворца. Другой сидит на берегу. Третьего не видно: он где-то близко, и слышен только его голос — прерывистый и зловещий.

Первый

Вот и день забелел.

Второй

Тяжко, когда просыпается день.

Голос Третьего

Отчаянья не предавайте. Смерти не предавайте.

Первый

Мне печего предавать, товарищ, я больше ни во что не верю. Но я боюсь за других.

Второй и голос Третьего

(вместе)

За нас не бойся.

Первый

За вас я не боюсь. Город страшит меня. Все жители сошли с ума. Они строят свое счастье на какой-то сумасшедшей мечте. Они ждут чего-то от кораблей, которые придут сегодня.

Второй (*хватаясь за голову*)

Боже мой, боже мой! Корабли с моря! Да ведь это безумие! Если они верят в это, значит уж больше не во что верить! — Страшное время!

Первый

Смешно говорить: страшное время. Если дать себе волю — всякий сойдет с ума. Найдем в себе силу дожить этот день до конца, чтобы потом — умереть.

Второй

Какое счастье — умереть.

Голос Третьего

Он говорит о счастье. Пойдем одни — жечь и разрушать.

Первый

Пусть говорит. Это ничего. Его отчаянье также безмерно.

Молчат.

Второй

Ни крова, ни семьи. Негде приклонить голову. Страшно.

Первый

Чего бояться тому, кому ничего не жаль?

Второй

Утренних сумерек. Смертной тоски.

Голос Третьего

Жечь. Жечь.

В т о р о й

Страшно. Жалко.

Г о л о с Т р е т ь е г о

Умирай, если жалко.

Молчат. Медленно свстает.

В т о р о й

Скажи мне, товарищ, ведь и ты когда-то верил в добродетель?

П е р в ы й

Вот тебе моя рука. И я искал благополучия. И я любил уюты, где пахнет духами, где женщина ставит на стол хлеб и цветы.

В т о р о й

Ты любил детей?

П е р в ы й

Оставим это. Я любил детей. Но больше не жаль и детей.

В т о р о й

Скажи мне последнее: веришь ли ты, что разрушение освободительно?

П е р в ы й

Не верю.

В т о р о й

Спасибо. И я не верю.

Молчат.

П е р в ы й *(смотрит на короля)*

Вот он дремлет над нами. Красота его древних кудрей правит миром. Ибо могут ли править миром такие дряхлые руки?

В т о р о й

И ты боишься чего-то. Мы сильны только твоей силой. Но если и ты только призрак, — то мы растаем

в этом бродячем утреннем свете. Люди не пойдут за нами. Люди боятся обмана.

Первый

Все пойдут за нами. Настанет час — и все пойдут за нами.

Второй

У них — семьи, дома.

Первый

Их семьи растленны. Дома пошатнулись.

Второй

В них нет места огню.

Первый

Все равно — все сгорит. Тяжелое и легкое, сухое и сырое. От сырого больше дыму.

Второй

И старик сгорит?

Первый

В нем нечему гореть. Все окаменело.

Второй

Так он останется цел!

Голос Третьего

Развеем по ветру. Бросим в море.

Второй

И никто не вспомнит о нем?

Первый

Вспомнит тот, кто любит.

Молчат. День разгорается.

Первый

Во всем городе я знаю двух живых. Все боятся старого Зодчего.

Второй

И ты боишься?

Первый

Нет, он не помешает нам. Толпа слишком мелка для того, чтобы слушаться воли титана.

Второй

Кто же другой?

Первый

Другой? — Его Дочь.

Второй

Смешно! Ты боишься женщины! Твой голос дрогнул!

Первый

Не смейтесь. Я не боюсь ни здравости, ни воли, ни труда, ни грубой мужской силы. Я боюсь безумной фантазии, нелепости — того, что звали когда-то высокой мечтой.

Второй

Ты боишься религии, поэзии? Мир давно перешагнул через них. Мир забыл о пророках и поэтах.

Первый

Так было. Но в смертный час всем вспоминается прекрасное, что было забыто. — Она заразит их своей безумной красотой. Незримо и таинственно — теперь она правит городом. Она хочет вдохнуть новую жизнь в короля.

Второй

Разве это возможно? — Разве это остановит разрушение?

Первый

Да. Они припадут к стопам ее. Они сделают ее королевой. Они станут поклоняться ей в храмах.

В т о р о й

Старые мечты не возрождаются.

П е р в ы й

Но к безумствам все готовы вернуться. Они способны венчать свое безумие, когда утрачены все надежды и все добродетели.

В т о р о й

Ты бредишь. Ты сошел с ума.

П е р в ы й

Пусть так. Без меня вы бессильны. Верьте мне, в ней творческий хмель ее отца и гнев последних поколений!

В т о р о й

Что же нам делать?

П е р в ы й

Переждать этот день. Сегодня вечером она будет говорить с народом и королем.

В т о р о й

Еще целый день! Пустой и светлый! Лучше умереть!

П е р в ы й

Клянусь вам: мы все умрем к ночи!

Г о л о с Т р е т ь е г о (*как эхо*)

Умрем.

Совсем рассвело. Город просыпается — все слышнее музыка утренних шумов. Издали, со стороны моря, ветер доносит стук топоров.

В т о р о й

Слышишь? Они еще не потеряли надежды. Топорики стучат.

П е р в ы й

Стучат и строят. Будут строить до последней минуты.

В т о р о й

Они украшают мол. Воздвигают какие-то сооруже-
ния для встречи кораблей.

П е р в ы й

Пусть надеются. Мы погибнем одни, если придут
корабли, или осуществится ее высокая мечта.

Г о л о с Т р е т ь е г о

Корабли не придут. Их уничтожит буря. Горячий
ветер разносит смерть.

Они расходятся. Третий вынырнул из-за камня. Сухими чертами
лица и костлявым телом он больше всех похож на птицу.
На площади перед дворцом начинается гулянье. Проходят взад
и вперед несколько франтов. Идут двое запоздалых рабочих.

П е р в ы й р а б о ч и й

Работа началась. Иди скорей.

В т о р о й р а б о ч и й

Вчера один из них приходил говорить с нами.
Он запрещает строить. Говорит, что буря разнесет все.
Торопливо проходят. Ветер гонит струйки пыли. Бледная жен-
щина продает розы. Невдалеке от нее останавливаются Юноша
и Девушка.

Д е в у ш к а

Взоры свои к небесам подними.
Солнечный день утолит твою грусть.

Ю н о ш а

Вечно плывут и плывут облака,
Белые башни роняют в моря.

Д е в у ш к а

Грустно тебе — посмотри мне в глаза.
Радость свиданья с тобою прочти.

Ю н о ш а

Вижу, твои посинели глаза.
К ночи влечет тебя юность твоя.

Д е в у ш к а

К веселью! К веселью! Моря запевают!
Я слышу, далеко идут корабли!

Ю н о ш а

Я слышу, как ропщут далекие волны,
Я вижу, как ветер погнал облака.

Д е в у ш к а

Лучи маяков проникают туманы,
Над молом поставят на стражу огни.

Ю н о ш а

Смотри — буревестники рыщут над пеной,
На гребне волны их качает судьба.

Д е в у ш к а

Над бурей взлетит золотая ракета
Навстречу веселым моим кораблям!

Ю н о ш а

Я вещей душой проникаю в напевы,
Сулящие нам неизбежную ночь.

Д е в у ш к а

Душистые розы у девушки бледной —
Невинный залог безмятежного дня.

Подходит к продавщице роз.

Д е в у ш к а

Отчего ты бледна? Отчего ты шатаешься?

П р о д а в щ и ц а р о з

Я умираю от горячего солнца, от пыли, от усталости,
от голода.

Д е в у ш к а

Ты умираешь?

П р о д а в щ и ц а р о з

Я задую тебя цветами, если ты не дашь мне хлеба.

Д е в у ш к а (даёт деньги)

Дай мне розы. Уходи скорее —

Продавщица роз уходит.

Голодная! — Утро погибло.

Наверху встречаются два франта.

П е р в ы й

Скажите, отчего, в самом деле, так ждут этих кораблей?

В т о р о й

Право, я сам не знаю. Да не все ли равно?

П е р в ы й

Я рад встретиться со здоровым человеком. Все так возбуждены, только и говорят, что о кораблях. И знаете, сам начинаешь верить.

В т о р о й

Да, что ни говорите, влияния толпы отрицать нельзя. Это заразительно.

П е р в ы й

Чем нелепей, тем заразительней.

В т о р о й

Пора бы рассеять все эти толки энергичными мерами. Правительство...

Проходят.

Д е в у ш к а

Как жалки отрывки сытых речей!
Как страшны цветы у нищих в руках!
Я больше не верю моим кораблям!

Ю н о ш а

Больше не думай о них.
Смотри на цветы.

Д е в у ш к а

Мне душно от белых цветов!

Юноша

Забудем цветы. Смотри мне в глаза,
Тяжелые розы сжигают тебя.

Девушка

Я брошу их в море. Забудем о них.

Они спускаются к морю.

Девушка

Забудем о страшном,
Запомним, что любим.

Плывите, плывите, плывите, цветы.

Она бросает розы в воду. Юноша грустным взглядом следит за
легкими движениями возлюбленной.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СРЕДИНА ДНЯ

Та же декорация — только краски потускнели и линии сожжены зноем. Море неподвижно. Горизонт в парáх. На площади немного гуляющих. Иногда проходят сторонкой рабочие и оборванцы. Топоры слабо, но непрерывно стучат вдали.

Первый рабочий

С часу на час дожидаются кораблей.

Второй рабочий

Спросить бы, чего ждут от них. Торопят строить, заставляют петь песни, чтобы веселее работали.

Первый рабочий

Строят, строят, а все еще не достроили.

Проходят. Издали доносится заунывная песня рабочих. Идут два франта.

Первый

Кто-то сказал, что корабли уже видны с мола.

Второй

Ложный слух! Это рыбацьи суда огибали мыс.

П е р в ы й

Ах, да не все ли равно! Дались им эти корабли.
Что придумал всю эту глупость, хотел бы я знать?

Проходят. Шут бредет с удочкой в руках.

Ш у т

Скверная погода. Даже рыба не клюет. Никто не хочет идти на удочку здравого смысла. Все сошли с ума. Вот наконец идут самые сумасшедшие, — авось клюнет.

Уходит за занавес. На скамью садятся Зодчий и Поэт.

П о э т

Больше никто не спит ночей. На всех лицах тревога, все ждут чего-то. Научи меня бороться с тоской.

З о д ч и й

Ты сам не знаешь, о чем твоя тревога.

П о э т

Если бы знать! Голодный добывает хлеб трудом. Оскорбленный мстит. Любовник говорит женщине: будь моею. Но я сыт, и никто не оскорбляет меня. В женщинах я люблю только тонкие волосы, струнные голоса и мечту о невозможном. Мне нечего достигать — я обречен на тоску.

Песня рабочих едва слышна.

З о д ч и й

Знай, что тревога напрасна. Не думай о невозможном. Пока этот берег омывает море, пока городом правит король — ничто не изменится, кроме твоих блуждающих мыслей.

П о э т

Сознание мешает мне жить. Я знаю, что жизнь города так же призрачна, как моя. Море кажется мне стеклянным, люди — куклами.

З о д ч и й

Ты болен.

П о э т

Мне часто кажется, что и король...

З о д ч и й *(прерывая)*

Ты болен. Живи проще. Ты — поэт — бессмысленное певучее существо, — и, однако, тебе суждено выражать мысли других; они только не умеют высказать всего, что говоришь ты. Горе тебе, если ты подскажешь людям их тайные, сумасшедшие мысли.

Отдаленный грохот и крики, как будто что-то тяжелое упало в воду. Через площадь бегут рабочие.

Р а б о ч и й

Леса сорвались! Десять человек упали в море!

Д р у г о й р а б о ч и й

А семья без хлеба!

Т р е т и й р а б о ч и й

Скажи его жене, чтобы бежала к морю; может быть, еще можно спасти.

П о э т

Сегодня, я чувствую, готовится что-то неслыханное. Слишком горяч воздух. Слишком пуста душа.

З о д ч и й

Ты думаешь, что перевернется мир? Может быть, и ты ждешь кораблей?

П о э т *(восторженно)*

Корабли придут!

З о д ч и й

Безумный! Ты бичуешь их семьи, ты бичуешь их пошлость! Но все они лучше тебя. Ты изломан, ты не можешь дышать ни морем, ни пылью. Они умеют по крайней мере дышать желтой зловонной пылью — преклоняй же перед ними колени!

П о э т

Ты убиваешь меня.

З о д ч и й

Несчастный! Может быть, слишком много нищих наполнило сегодня из дальних кварталов, и они растревожили гнусавыми голосами нервы белоручек; может быть, много детей умерло, и матери плачут слишком громко; может быть, просто горячий ветер разнес по городу слухи и сплетни. Вот — вся твоя тоска.

П о э т

Оставь, ты убиваешь во мне последнее.

З о д ч и й

Вот твой конец мира! Где-то грызутся собаки, или женщины сплетничают и визжат! Ты мечтаешь о последнем дне! Рядом с тобой будут трудиться, голодать, умирать, — а ты только к вечеру очнешься от бреда.

Стук топоров возобновляется.

П о э т

Слова твои стучат, как топоры, в самое сердце.

З о д ч и й

Я не отнимаю у тебя надежды. Но подумай о том, что я сказал. Слушай, слушай, как стучат топоры — пусть бьют тебя сильнее. Иначе сердце твое заглохнет и опустеет. Я отвернусь от тебя. Я верю только тем, кто различает добро и зло. Прощай.

Уходит. Порыв ветра взметает его широкую одежду. Облако желтой пыли застилает площадь, дворец и Короля. Видно, как из клубов пыли выскакивают маленькие красные Слухи. Они прыгают и рассыпаются во все стороны. Кажется, что ветер свистит, когда они заливаются смехом. Сию же минуту в толпе гуляющих раздаются тревожные голоса.

Г о л о с а в т о л п е

Король болен! При смерти!

Заговорщики хотят сжечь дворец!

Король взят под стражу!

Нас обманули! Разве это — Король?

Пыль рассеялась. По-прежнему виден дворец и спокойная фигура старого Короля. Толпа затихает. Гулянье продолжается. Вместе

с тем в воздухе проносятся освежительные струи, как будто жар спал. Плавно и медленно выступает из толпы Дочь Зодчего — высокая красавица в черных тугих шелках. Она останавливается на краю, прямо над скамьей, где сидит убитый тоскою Поэт, — и смотрит на него сверху.

Д о ч ь З о д ч е г о

Слышишь ты меня?

П о э т *(смотрит вверх)*

Слышу музыку. Море повеяло солью.

Ветер остановился, и стук топоров затих. Некоторое время слышна отдаленная музыка моря, которую прерывает ворчание Шута.

Ш у т

Начинается. Только что клюнула большая рыба. Влюбленные глупцы спугнут всю мою рыбу.

Молчание. В то время как Дочь Зодчего медленно сходит вниз, сцена заволакивается туманом, который оставляет видимым только островок скамьи, где находятся Дочь Зодчего и Поэт.

Д о ч ь З о д ч е г о

Когда опускается пыль,
И прячутся красные Слухи
В полдневные норы свои,
Рождается музыка в море,
Под ветром свежее душа.

П о э т

Прозрачный нисходит туман
И белой влюбленностью тает,
Но древнее море не может
Напевом своим заглушить
Пронзительный голос Шута.

Д о ч ь З о д ч е г о

Ты говоришь как во сне,
Певучую душу твою узнаю
И темные речи люблю.

П о э т

Я смутное только могу говорить.
Сказанья души — несказанны.

Вдыхает море, влача туман.

П о э т

Парус белый тает вдали.

Д о ч ь З о д ч е г о

Моим виденьем полон ты.

П о э т

Вижу вдали корабли, корабли...

Д о ч ь З о д ч е г о

Кладу заклятье — будь верен ты.

П о э т

Я вижу берег новой земли...

Д о ч ь З о д ч е г о

Снимаю чары. Свободен ты.

Как будто подул ветер и подвинулся туман — уже нет больше
молочной белизны. Откуда-то проникло солнце. Но все еще
видна только скамья.

П о э т

Брызги пены морской ослепили меня.
Над морем движешься ты,
И тень кораблей за тобою встает.

Д о ч ь З о д ч е г о

Ты всех верней мне детской душой.
Ты будешь петь, когда я с тобой,
Когда я погибну — ты будешь петь.

П о э т

Будь со мной! Мои крылья растут!
Я слаб, когда бушует толпа,
Я слаб, когда говорит твой отец,

Сердце открыто только тебе —
Темным напевам душа предана.

Молчанье снова прерывается ворчливым голосом Шута.

Ш у т

Право, все это слишком известно. Что бы она ни сказала, — все ему понравится, потому что он влюбленный дурак. А старую гримзу, отца ее, он, конечно, не станет слушать.

Шут вылезает из-за занавеса. Его мерзкий профиль с удочкой на мгновение закрывает влюбленных от театра. Потом он поднимается по лестнице вверх и пропадает в тумане.

П о э т

В серебристые ризы тумана оделась тоска.

Д о ч ь З о д ч е г о

Сердце тумана пронзили дневные лучи.

П о э т

Голос тоски прозвенел.

Д о ч ь З о д ч е г о

Это волны хрипели у берега.

П о э т

Как звóнок пронзительный голос тоски.

Д о ч ь З о д ч е г о

Солнце пронзит ее ризу и сердце —
ты будешь свободен.

П о э т

Солнце закатится скоро.

Д о ч ь З о д ч е г о

На закате ты будешь свободен.

П о э т

Сказки твои о свободе пленяют меня.

Д о ч ь З о д ч е г о

Сказка — вся жизнь для тебя,
Слушай же сонной душой
Сказку о жизни вечерней,
Ты, очарованный мной.

П о э т

Да, говори, королевна,
Так, чтобы яркие сны предо мною текли,
Яркие сны небывалой страны.

Д о ч ь З о д ч е г о

Знаю великую книгу о светлой стране,
Где прекрасная дева взшла
На смертное ложе царя
И юность вдохнула в дряхлое сердце!
Там — над цветущей страной
Правит высокий Король!
Юность вернулась к нему!

Во время предыдущей сцены море поет все громче. При последних словах туман совсем рассеивается и начинает носиться пыль, в которой шмыгают красные Слухи. Сквозь возрастающий гул толпы, собирающейся у дворца, снова явственно доносится стук топоров.

Д о ч ь З о д ч е г о

Жизнь уходила на миг,
Снова вернулась она!
Слышишь, как строят одни?
Слышишь, как ропщут другие?
Видишь, как Слухи смущают толпу!

П о э т

Чужды виденья, и чужды слова.
Сказкой твоею дышу —
Не уходи от меня.

Д о ч ь З о д ч е г о

Нет, не могу оставаться с тобой!
Сказку мою я должна воплотить.
Жди меня к вечеру здесь,

Будь верен душой Королю.
К вечеру будешь свободен.

Она поднимается наверх и смешивается с толпой, которая все время глухо ропщет в клубах пыли. Поэт, задумчивый, остается внизу.

Г о л о с а в т о л п е

Ты слышал, ночью пришли корабли!
Король кивал сегодня головой...
Король отдал приказ! Корабли ушли обратно!
Смотрите паверх: Короля уже нет!
Король здесь! Ничего не видно в пыли!

Голоса прерываются странными звуками — точно кто-то всхлипывает. Сквозь пыль можно разглядеть Шута, который прильнул брюхом к парапету набережной, над самой скамьей, и обоими кулаками зажимает рот, чтобы сдержать хохот.

Ш у т *(кричит сквозь гул)*

Ваша милость! Чем могу быть полезным?

П о э т *(быстро поднимаясь,
смотрит на Шута вверх)*

Я уже видел тебя во сне. Где твоя удочка?

Ш у т *(покатывается
со смеху)*

Здесь, здесь, вот она, со мной! Я ловец человеков!

П о э т

Помоги мне! Спаси от тоски!

Ш у т

Пока вы объяснялись, тут приготовился целый политический переворот!

П о э т

Корабли близко?

Ш у т

Какие корабли? Вы рехнулись? Примкните к партии!
Нельзя валандаться без дела!

П о э т

Что делать? Говори.

Ш у т

Выбирайте скорей. Я привел двух на выбор.

Из-за спины Шута высовываются с обеих сторон двое похожих на птиц: один в черном, другой в золотом. Они сбегают к Поэту.

Ч е р н ы й

Пора! Иди за нами! Пой нам песни! Город стосковался без песен!

П о э т

Кто ты?

Ч е р н ы й

Не теряй времени! Пой о свободе! Толпа возбуждена — она пойдет за тобой!

П о э т

Ты против Короля?

Ч е р н ы й

Смерть ему!

П о э т

Оставь меня. Она не позволит тебе коснуться святыни.

Черный убегает с проклятиями.

Ш у т (*кричит*)

Говори с другим!

Толпа гудит. Золотой кланяется Поэту.

З о л о т о й

Я счастлив говорить с вами. Нельзя терять ни минуты. Толпа в ваших руках.

П о э т

Кто ты, золотая птица?

З о л о т о й

Верный слуга Короля. Придворный. Ваш поклонник.

П о э т

Что я могу?

З о л о т о й

Петь о святыне. Сохранить Короля от буйной черни. Каждый миг дорог.

П о э т

Я буду петь. Веди.

Быстро всходит наверх. Золотой бежит впереди вприпрыжку.
Толпа гудит.

Ш у т (*покатываясь со смеху*)

Поймал! Поймал! Хоть один здравомыслящий! Беспартийный! Стронник правительства!

Шут вмешивается в толпу. Поэт, восходя над толпой, на одну из ступеней террасы, говорит среди затихающей народной бури:

Всё как во сне.

Обращается лицом к толпе. Она безмолвна и готова внимать его песням.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

НОЧЬ

Та же декорация. Вечереет. Свинцовые тучи бегут по небу. Издали доносится усиленный стук топоров. Через сцену, не переставая, идут люди к морю, огибая дворец. Жесты оживленные, глаза блестят; волнение достигло крайней степени. На всех лицах тревога и жадная надежда. Один из толпы останавливается и опирается на перила набережной. К нему присоединяется второй.

В т о р о й

Ты совсем ослабел.

П е р в ы й

Да, сумасшедшая тревога сказалась. Сердце не выдержит, если это продлится еще хоть один день. Неужели корабли не придут и сегодня?

В т о р о й

Сегодня они должны быть здесь. Иначе — мы погибли. Народ уверен, что корабли принесут спасение. Если они не придут и сегодня — терпенье лопнет.

П е р в ы й

Последние, последние часы! — Смотри, они все идут к молу и будут ждать до ночи. Что, если не дождутся?

В т о р о й

Буря загонит их в дома.

П е р в ы й

Буря только раззадорит их. Всю ночь будут жечь и грабить. Тогда — всему конец.

В т о р о й

Кто поселил в нас надежду? — Только приготовления торжественной встречи, обещания вечного счастья.

П е р в ы й *(низко склоняется к перилам)*

У меня бывают минуты просветления. Как перед смертью. Куда нас несет? Что нас заставило поверить?

В т о р о й

Только хватание за жизнь. Верить в это — значит хвататься за соломинку.

П е р в ы й

Топоры, топоры стучат. Стучат без отдыха. Куда деваться от стука топоров?

В т о р о й

С утра и до вечера стучат. Строят башню, чтобы пустить ракету, когда появится в море первый корабль.

П е р в ы й *(плачет)*

Гнутся колени. Я не спал столько ночей! Отдыха! Отдыха!

В т о р о й

Потерпи. Может быть, ждть недолго.

Ответа нет. Первый низко склонился на перила. В эту минуту подходит нищая с ребенком на руках.

Н и щ а я

Помогите ради бога. Мой муж утонул в море. Подайте на хлеб.

Второй, не обращая на нее внимания, пристально вглядывается в лицо Первого. Тот совсем склонился на перила и свесил голову.

Люди идут мимо.

Н и щ а я

Добрые люди, помогите ради ребенка.

Молчание.

Н и щ а я

Сегодня всем будет весело. Корабли придут. Только я — без хлеба.

Ребенок начинает плакать. Нищая укачивает его, с удивлением отступая. Второй охватывает руками Первого, склонившегося на перила. Тело падает на колени. На чугунной перекладине лежит мертвая голова.

В т о р о й (*опускаясь над трупом, тихо говорит нищей*)

Он умер. Слышите. Мертвые не подают.

Нищая крестится, пятится и уходит. Люди идут мимо. Среди них — Шут в священнической рясе и капюшоне. Он с любопытством приближается к трупу, над которым беспомощно склонился Второй.

Ш у т (*строго*)

Пьяный?

В т о р о й (*серьезно*)

Мертвый.

Ш у т

Причина смерти?

В т о р о й

Разрыв сердца. Тревожные события этих дней.

Ш у т (*качая головой*)

Все обошлось бы благополучно, если б он обратился ко мне.

В т о р о й

Кто же вы такой?

Ш у т

Врач духовный.

Порыв ветра распахивает рясу и срывает капюшон с головы Шута.

Второй (сомнительно качает
головой)

Врач духовный не носит красного колпака. Врач духовный не нашивает золотых позументов на красное брюхо...

Щеки Шута вздрагивают от смеха. Он быстро запахивает рясу. Тихо вечереет.

Ш у т (строго)

И вы смеетесь? Смеетесь, когда умер ваш друг?

Вокруг них собирается кучка людей из проходящей толпы. Все с любопытством стараются взглянуть поближе.

Второй (с изумлением смотрит
на Шута)

Я где-то видел твою ханжескую рожу. Не помню где, — я много видел на своем веку: в суде, где ты внушал присяжным смертные приговоры; или в церкви, где ты проповедовал смирение; или... да! здесь, на берегу, ты доказывал людям, что им не надо свободы.

На лицах окружающих просыпается ненависть.

Ш у т

Братья, скорбные дела творятся здесь. Идите своим путем. Успокойтесь. Именем божьим...

Г о л о с а в т о л п е

Новая ложь! Не поминай напрасно имени божьего! Истины! Истины! Под рясой скрывается лукавое сердце!

Шут мгновенно распахивает рясу. Он как бы вырастает в красной с золотом одежде. Над толпою качается его дурацкий колпак.

Ш у т

Вам надо истины? Вот истина! Стекайтесь, люди! Смотрите на меня с кровель, приветствуйте меня на улицах, кланяйтесь мне до земли!

Страшное волнение среди прибывающей толпы. Шут потряхивает колпаком, бубенцы звенят.

Г о л о с а в т о л п е

В такую ночь маски на улицах! — Где мы? Где мы? — Ночь близка!

Ш у т

Вам надо истины? Она пред вами, люди! Смотрите на меня! Я — сама Истина — в красной и золотой наготе! Убирайте трупы с ваших улиц!

Г о л о с а в т о л п е

Страшно! — Это призрак над мертвецом! Ветер насылает привидения! — Слухи весь день носились в пыли! — Маленькие вертелись под ногами, красные кричали в уши, пыльные разносили тревогу! — Слухи овладели толпой! — Это один из них! — Смотрите, как разнесло его к ночи! — Ночь близка! — Это голос народа, это молва! Ветер несет ее по всей земле! Внимайте, внимайте!

Ш у т

Я — голос молвы! Я многолик, но во всей вселенной ношу одно имя! Здравый Смысл — имя мое!

Г о л о с а

Слушайте! Здравый Смысл говорит с нами!

Ш у т

Бедные овцы без пастыря! Пусть успокоится сердце ваше! Я — пастырь добрый! Не медлите над местом, где веет скорбь! Минует эта тревожная ночь! Не медлите — возвращайтесь к вашим оставленным семьям!

Г о л о с а

Верим тебе! Сердца открыты! Говори!

Ш у т

Буду пасти вас, стада мои, жезлом железным! Если вы не послушаетесь меня, страшная кара падет на вас! Море захлестнет безумцев! Свинцовые тучи погребут под собою смятенный город! Так говорит Здравый Смысл! Он карает возмущенных душой! Мое красное золото весело поет пред вами! Но веселое красное золото принесет вам смерть и пожары, если вы будете испытывать Здравый Смысл!

Г о л о с а

Тише! Успокойтесь! Страшно! Горе безумным! В путь! К морю! К морю! Навстречу кораблям!

Толпа шелестит и расходится. Мертвого уносят. Замирают отдельные восклицания. Шут, завернувшись в рясу, снова держит путь в толпе. Скоро на сцене не остается никого. Отсталые торопливо проходят к молу, где смолкает стук топоров.

На площади появляется Зодчий.

З о д ч и й

Они кончают свое строительство.

Он стоит среди площади и смотрит на Короля. Справа медленно выходит Поэт, направляясь за толпою к морю.

З о д ч и й

И ты идешь за толпой?

П о э т

Ты отвлека преграждаешь мне путь, хотя наш город поглощает и разделяет всех.

З о д ч и й

Да, город всех сбивает с пути. Но мне легко находить дорогу, ибо я чужд всем вам. Вы жадно смотрите друг другу в глаза. Я смотрю через ваши головы и ясно вижу мой синий путь.

П о э т

Тебя называют колдуном. Про тебя ходят разные слухи.

З о д ч и й

Маленькие Слухи погубят вас. Они рождаются в сухой и желтой пыли и проникают вместе с нею в мятежные сердца. Сойдет небесная гроза и прибьет пыль, и вы погибнете вместе с пылью.

Зодчий смотрит на клубящиеся тучи.

П о э т

Я не хочу больше видеть тебя. Я хотел научиться от тебя мудрости, но ты горд и стар. Ты не любишь меня.

З о д ч и й

Ты не встретил бы меня, если бы я не любил тебя.

П о э т (ломая руки)

Что же мне делать?

З о д ч и й

Останься здесь. Не ходи за толпою. Не пой для нее мятежных песен. С ночью остаться повелеваю тебе. Да будет спасен одинокий, произнесший в такую ночь слова о любви.

Зодчий удаляется. Поэт спускается к морю и садится на скамью. Сумерки быстро сгущаются. Рог ветра трубит, пыль клубится, гроза приближается, толпа глухо ропщет вдали, на моле, откуда видны сигнальные огни. Вверху, над скамьею, вырастает Дочь Зодчего. Ветер играет в ее черных волосах, среди которых светлый лик ее — как день.

П о э т

Слышу, слышу твое приближение.
Ты снова восходишь над пылью,
Как виденье, мгновенна.
В новой пыли ты исчезнешь,
Новый ветер тебя унесет.

Д о ч ь З о д ч е г о

В последний раз схожу я к тебе.
Недобрые вести дошли до меня.
Как черные птицы, в желтой пыли
Замыслов новых носятся клочья.

П о э т

Близится ночь.
Над морем краснеет заря.
Свинцовые тучи несутся.
Спящая юность проснулась во мне!

Д о ч ь З о д ч е г о

Стекло морей разбито ветром!
В твоей душе расплеснулось море!

Слышишь крик зловещих птиц?
Слышишь плеск свинцовых волн?

Ветер рвет ее черные шелка и мечется в ее волосах. Мрак сгущается.

П о э т

В час зловещий, в час последний, быть может,
Дай прильнуть устами к руке,
Под черной тучей белеет она!

Д о ч ь З о д ч е г о

В последний раз к руке прикоснись.

П о э т

В эту ночь впервые тебя узнаю.

Д о ч ь З о д ч е г о

В последний раз ты видишь меня.

П о э т

Зачем так ярко вспыхнула юность?
Разве скоро жизнь догорит?
Разве юность прошла, королевна?

Д о ч ь З о д ч е г о

Я над жизнью твоей властна.
Кто со мною — будет свободен.
Королевой меня не зови,
Я — дочь безумной толпы!

П о э т

Так же свистел осенний ветер,
Так же летела тучами пыль,
Когда я увидел впервые
Твой легкий, твой странный образ!

Д о ч ь З о д ч е г о

Я искала в тебе героя.
Я грядущему в очи смотрю.

П о э т

Ты сходила ко мне из высоких покоев.
Ты смотрела, как смотришь теперь, на зарю!

Д о ч ь З о д ч е г о

Прошедшего нет.

Бледная молния.

П о э т

Но ветер играл в очертаниях сонных,
И я пред тобою — был светлый поэт,
Овеянный ветром твоим.
И в глазах твоих склоненных
Я прочел, что тобою любим.

Д о ч ь З о д ч е г о

Забудь о прошедшем. Прошедшего нет.

П о э т

Но ты рукою коснулась меня!
Я к этой руке устами приник!
И в темных твоих волосах
Королевский вспыхнул венец!

Д о ч ь З о д ч е г о

Я никогда не была королевной!
И как мне пышность узнать?
Я — нищая дочь толпы.

П о э т

В последний раз — в одичалом мраке —
Я вижу — горит королевский венец
В темных твоих волосах!
Или молнии свет скользнул?
Как озарилось твое лицо!

В бледном свете молнии кажется, что ее черные шелка светятся. В темных волосах зажглась корона. Она внезапно обнимает его... Из дальних кварталов, с дальних площадей и улиц несется возрастающий вой прибывающей толпы. Кажется, сама грозовая ночь захлебнулась этим воем, этим свистом бури, всхлипываньем волн, бьющих в берег, в дрожащем, матовом, пресыщенном грозою блеске.

Дочь Зодчего (внезапно выпрямляясь, отталкивает его от себя)

Видишь, море швыряется в берег?
Видишь, зажглись лампы молний?
Братья ждут меня! Прощай!

Он остается один, в непроглядном мраке, между прибоем моря и хлынувшей над ним на площадь толпы.
Она поднимается по ступеням и вступает на площадь. Дикий вой.

Человек с факелом (несется в толпе и кричит на бегу, как бы подхваченный ветром)

С мола дали знак! Кто-то видел корабль с башни!
Появляются новые факелы, распространяя дымный красноватый свет. Высокая фигура в черном на одной из ступеней террасы.

Человек в черном

Вы собрались здесь все. Ночь наступает. Истекли последние сроки, которые вам назначены для прихода этих несчастных кораблей.

Рев и визг в толпе.

И вот — кораблей нет! Берегитесь, голодные! Берегитесь, страдальцы! Вас будут обманывать еще! Вам сулят невозможное счастье! В твоих руках, оскорбленный народ, месть тому, кто равнодушно смотрит на твою гибель, вон там, над моей головой!

Поднимает руку, указывая на Короля. Толпа разрывает воздух воплем. В эту минуту рядом с черной фигурой появляется Дочь Зодчего. Она стоит молча и неподвижно смотрит на толпу.

Голоса в толпе

Колдунья! Зачем она пришла?

Вдруг прорывается женский вопль:

Святая!

Другие голоса (подхватывая, раскатываются по площади)

В тебе защита! Исцели наши раны!
Освободи! Помоги! Дай нам новую жизнь!

Черная фигура заговорщика исчезает. Дочь Зодчего медленно поднимается по ступеням на террасу. Толпа затихает.

Чей-то голос (*слишком обыденный, чтобы ясно слышать его, говорит*)

В истории известны примеры, когда женщины...
И я не удивлюсь...

Где-то в толпе мелькает красный колпак Шута, и слышен сдержанный хохот его, покрываемый шипеньем. Дочь Зодчего появляется на террасе и останавливается в нескольких шагах от Короля. Толпа совершенно безмолвна. Над городом, как бы умершим от восторга ожидания, возвышаются только двое:
Она и Король.

Она (*прерывает молчание низким и грудным голосом, который медленно несется сверху, как вздох благовеста*)

Король! Грядущее в руках моих. Твой народ передал мне твою власть над собою.

Молчание.

Король! Во мне довольно силы, чтобы сейчас сразить тебя. Никто не заплачет над твоим старым прахом, если исполнится моя воля.

Молчание. Голос становится ярче и тревожнее, как в последний раз вспыхнувший костер.

Король! Я не хочу убивать тебя. Если ты угаснешь, угаснет и вон та узкая полоса зари. Я могу больше, чем угасать свет. Я возвращу тебе прежнюю силу и отдам тебе прежнюю власть. Вот — я отдаю тебе мое нетронутое тело, Король! Бери его, чтобы от юности моей вспыхнула юность в твоём древнем разуме.

Молчание не нарушается ни одним звуком. Бледнеет красная полоска зари. Дочь Зодчего двинулась вперед. На расстоянии одного шага от Короля она опускается на колени и прикасается устами к королевской мантии, складками лежащей на полу.

Она поднимается с бледным лицом и глухо говорит сверху.

Не прикасайтесь. Дайте ему дремать и смотреть на звезды. Я узнала в нем печать Отца.

И покорным движением, спокойная, садится у ног его, обняв гигантские колени. Она кажется теперь ребенком у ног царственного Отца.

Толпа все еще очарована.
Носятся удивленные шопоты.
Женщины тихо плачут.

Шут пробирается сквозь толпу к морю — с удочкой и узелком.
Красный колпак его дрожит от ветра.

Ш у т *(бормочет)*

Я говорил, что море слишком мутно сегодня. Я уже никому не нужен здесь. Кто послушается здравого смысла, когда все потеряли голову. Подождите, вы еще хватитесь меня, да только поздно. А пока здравому смыслу остается одно средство — эмиграция...

Спускается к морю и уходит во мрак — искать свою лодку. Плачет ребенок. Испуганно баюкает его нищая мать, но плач не смолкает. Тогда нищая пронзительно вопит, поднимая ребенка над толпой.

Н и щ а я

Ребенок умирает!

Г о л о с н и щ е г о *(присоединяется)*

Помогите! Умираю...

М н о г и е г о л о с а

Хлеба! Нас обманули! Долой Короля! Долой дворец!

Т о т ж е о б ы д е н н ы й г о л о с

Фантазиями людей не накормишь. Пора самим дело делать, когда власти бездействуют.

Смятение. На сцену, со стороны моря, бегут люди, впереди стремительно бежит Золотой.

З о л о т о й *(кричит)*

Корабли пришли! Счастье! Счастье!

Вдали взвивается ракета, за ней другая, — ракеты летят все чаще.

Г о л о с а в т о л п е

Поздно! Поздно!

На ступени террасы выскакивает Черный — костлявый, как птица.

Ч е р н ы й

Здравый смысл покинул вас! Смотрите, вы без пищи и без крова, вы во власти Слухов, среди вас мечутся

золотые и красные черти! Жгите, разрушайте все, вы не можете ручаться за завтрашний день!

Из мрака снизу появляется Поэт. Его восторженное лицо горит над площадью. На один миг он останавливается среди толпы.

П о э т

Счастье с нами! Корабли пришли! Свободен!

Он начинает свое последнее восхождение по ступеням террасы. С каждым шагом его растет ярость толпы. С каждым шагом
Дочь Зодчего сверху приветствует его взорами.

П о э т (*восходя*)

Роза небесная! Иду к тебе!

Д о ч ь З о д ч е г о (*у ног Короля*)

Ты идешь к Отцу.

П о э т (*выше*)

Смотри, осыпаются дождем ракеты — лепестки небесных роз!

Д о ч ь З о д ч е г о

Ты свободен.

П о э т (*еще выше*)

Твое лицо озарено!

Д о ч ь З о д ч е г о

Ближе! Ближе!

П о э т (*на последней ступени*)

Здравствуй, небо!

Д о ч ь З о д ч е г о

Выше! Выше! Минуя меня, ты идешь к Отцу!

В тот же миг разъяренная толпа хлынула на ступени за Поэтом. Снизу распатываются колонны. Вой и крики. Терраса рушится, увлекая за собою Короля, Поэта, Дочь Зодчего, часть народа. Ясно видно, как в красном свете факелов люди рыщут внизу, разыскивая трупы, поднимают каменный осколок мантии, каменный обломок торса, каменную руку. Слышатся крики ужаса:
«Статуя! — Каменный истукан! — Где король?»

З о д ч и й (появляется над
грудой обломков и неподвижно ждет,
пока смолкнет толпа)

Я послал вам сына моего возлюбленного, и вы убили его. Я послал вам другого утешителя — дочь мою. И вы не пощадили ее. Я создал вам власть, я обтесал твердый мрамор — и каждый день вы любовались красотой этих древних кудрей, вышедших из-под моего резца. Вы разбили мое создание, и вот остается дом ваш пустым. Но завтра мир будет по-прежнему зелен, и море будет так же спокойно.

О т д е л ь н ы е п о м е р к ш и е г о л о с а

Кто же накормит нас? Кто вернет нам мужей и детей? Кто утишит нашу боль?

З о д ч и й

Вас накормит Тот, Кто движет светилами, Тот, Кто поит черную землю дождями, Тот, Кто собирает тучи над морем. Вас накормит Отец.

Он медленно спускается с обломка дворца и пропадает во мраке. За картиной разрушения нет больше ни одного огня. Над мысом господствует бледный мрак. Ропот толпы усиливается и сливается с ропотом моря.

О ЛЮБВИ, ПОЭЗИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Диалог

УЧАСТНИКИ ДИАЛОГА

Влюбленный поэт.

Шут — здравомыслящий человек неизвестного звания.

Придворный.

Несколько нищих.

Место действия: городская площадь на берегу моря. Над водою сидит с удочкой Шут. К нему подходит Поэт в задумчивости.

П о э т. Не раз замечал я, что вы удите рыбу в здешних водах. По всей видимости, вы — бедный рыбак?

Ш у т. На ваш гамлетовский вопрос я могу ответить: да, господин. Особенно удачна ловля в такие дни, как сегодня: море мутно, пыль столбом; добыча слепнет и прямо бросается на удочку.

П о э т. И что же, хороший бывает улов?

Ш у т. Как когда. Вот недавно мне удалось поймать огромную рыбу. Я уверен, что она останется довольна мной.

П о э т. Рыба довольна вами?

Ш у т. Тут нет ровно ничего удивительного. Я долго учил ее здравому смыслу и политической экономии. А иногда вся рыба какая-то бешеная: так заносчива, что ни за что не пойдет на мою удочку.

П о э т. Не понимаю ваших слов. Вы говорите о рыбах, точно о людях.

Ш у т. О, да, господин. Такому шутнику и добряку, как я, свойственен аллегоризм: по заветам Писания, я уловляю человеков.

П о э т. Право, с вами весело разговаривать. Что же вы делаете с вашими рыбами?

Ш у т. Я выпускаю их на свободу дрессированными: они больше никогда не тоскуют, не рошут, ни трево-

жаты по пустякам, довольны настоящим и способны к труду.

Поэт. Слова ваши дышат горячим убеждением. О, если бы и мне узнать вашу науку. Но боюсь, что вы увлекаетесь: море обширно, а всех рыб все равно не переучить.

Шут. О, нет, я твердо надеюсь на них. Наука моя — заразительная, веселая наука.

Поэт (*в сторону*). Однако, он читал Ницше!

Шут. Одна рыба научит другую. А я сам поспею, где угодно, на моей легкой лодочке здравого смысла.

Поэт. Ваша жизнерадостность заставляет меня задумываться....

Шут (*восторженно*). О, да, я оптимист. Смело, положив руку на сердце, скажу вам и еще: я идеалист. Я патриот. Я участвую в культурном строительстве. Всякий, кто последует за мной, будет пользоваться равенством, довольством и здоровьем, ибо на знамени моем начертано: здравый смысл. Я и прогресс — одно.

Поэт. Не поделитесь ли со мною вашим опытом?

Шут. С радостью, господин. Охотно бросаю удочку, чтобы поговорить с вами.

Поэт. Но кто же вы такой? Чтобы довериться вам, я должен узнать вас ближе.

Шут. Умалчивая по скромности, что я — самый нужный человек в городе, могу отрекомендоваться аллегорически: я — благоразумнейший из участников нашего диалога, и потому чувствую свою ответственность перед читателем. Если вы будете удлинять беседу праздными раздумьями, — гнев читателей падет на меня: вы — первый любовник, который всегда выходит сух из воды, а я — простой прихлебатель и дорожу своим временем и спиной.

Поэт (*в раздумьи*). Этот человек говорит неспроста. Его грубая народная мудрость легко ложится на мою тоскующую душу.

Шут. Решайтесь же поскорее, господин. А то, скучно читать ваши мысли.

Поэт. Вы правы, друг. От ваших слов веет здоровьем. Но почему вы заговорили о читателях?

Ш у т. Я, господин, просто говорю, что пора оставить лишние разговоры и перейти к делу. По некоторым признакам я вижу, что сам сочинитель нашего разговора большой путаник. Без меня дело не обойдется — здравый смысл всегда придет на помощь авторской фантазии.

П о э т. Окончательно ничего не понимаю. Но знаю, что корни народной мудрости — темны и узловаты. Вы возбуждаете во мне доверие. Будьте поверенным моей души. Знаете ли вы, кто я?

Ш у т. Отлично знаю. Вы — поэт, тоскующий в окружающей пошлости. Жалобы свои вы изливаете в стихах, хотя и прекрасных, но непонятных, так как дух ваш, вероятно, принадлежит иным поколениям.

П о э т. Клянусь, это так!

Ш у т. Сверх того, вы еще — прекрасный юноша, страстно влюбленный в не менее прекрасную даму.

П о э т. Ни слова больше! Вы — сердцеведец! Скажите мне прежде всего, как мне вести себя с прекрасной дамой?

Ш у т. Советую вам прежде всего посвятить ей одно из ваших стихотворений. Или, еще лучше, — целый том.

П о э т. О, это уже давно сделано!

Ш у т. В таком случае, вам следует проводить с нею часы над морем, намекая, что ваша любовь так же широка, как оно.

П о э т. *(полубессознательно)*.

В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега...

Ш у т. Или, наконец, расталкивать перед ней народ на площади, хотя бы подвергаясь обвинениям в неумении вести себя на улице.

П о э т. О, все эти средства испытаны, милый друг.

Ш у т. И все-таки, ваша дама остается непреклонной?

П о э т. К сожалению, да. Она смотрит на меня, но как бы не замечает меня. Взор ее всегда устремлен в даль.

Ш у т. Судя по вашим словам, господин, ваша дама очень эксцентрична. Не страдает ли она склонностью к либерализму?

Поэт. Я убежден, что она выше всех ходячих формул. Но ей дорога свобода — не так ли вы хотели выразиться?

Шут. Извините, что грубо выразился; служение ближним заставляет быть грубым на словах, хотя и нежным душою. Итак, мой последний совет вам — написать гражданские стихи.

Поэт. Вы правы, я напишу гражданские стихи! Обличительные стихи!

Шут. Но только раз, только раз, господин! Не советую вам вообще пускаться в обличительную литературу. Это — не ваша область, вы — чистый художник. Ваши туманные образы всегда найдут с десяток чутких ценителей. Неужели вам приятнее действовать на низшие инстинкты толпы, чем услаждать вкус избранных?

Поэт. Из духа вашей же мудрости я почерпаю глубокую идею: литература должна быть общественной! Напрасно упрекать толпу в невнимании к утонченной поэзии! Толпа по-своему чутка и знает, что ей нужно! Литература должна быть насущным хлебом!

Шут. Вы все еще неверно толкуете мои слова. Напрасно вы стараетесь вырвать из души вместе с плеবেлами — глубокие истины. Презрение к толпе — вот отличие высокого ума. Толпа не чутка, а только падка на приятное, потому общественная литература ей вредна. Литература развивает фантазию, фантазия — мать бездны. Бездельники и взбалмошные головы вредны для народного благосостояния, как это достаточно показали герои Горького. Да, литература положительно вредна. И в этом-то разговоре я участвую только затем, чтобы он скорее кончился.

Поэт. Какое остроумие! Да вы — символист! Я и сам не поклонник Горького...

Шут. Что значит — «человек слова»? Вы так восхитились моей речью, что как будто совсем забыли о даме. А между тем моя прямая цель — содействовать тому, чтобы вы скорейшим образом добились ее руки.

Поэт. Но я вовсе не добиваюсь ее руки... Я люблю ее нездешней любовью...

Ш у т. О, господин, сколько же времени мы потеряли зря! Ведь я даю советы только в реальных делах, когда дело идет о браке, о протекции, о заключении торговой сделки...

П о э т. Я прощаю вашу грубость; она искупается глубиной и мудростью ваших слов. Делайте что хотите, только излечите меня от тоски!

Ш у т. Нечего вам тосковать, лучше найдите себе какое-нибудь дело. А главное — не говорите так медленно и задумчиво, а лучше помолчите пока. Я замечаю, что вокруг нас собираются нищие: полагаю, что их скоро разгонят; мы насладимся благородным зрелищем восстановления порядка.

Появляется придворный, вышедший на прогулку. Его окружает несколько нищих. Видя, что все равно не уйти, он обращается к ним с речью.

П р и д в о р н ы й. Господа, я готов дать полезные указания. Стоя на страже интересов страны, мы, придворные, чутко прислушиваемся к народному голосу. Прошу вас излагать ваши мысли возможно короче и точнее.

Н и щ и й. Я голоден.

П р и д в о р н ы й. Гм. Это кратко, но неточно.

Ш у т. Позвольте обратить внимание Вашей светлости на неразвитость этого человека. Он будет выражаться грубо, пока образование не коснется его.

П р и д в о р н ы й. Все силы правительства устремлены на просвещение. Но не беспокойтесь — в наше время приходится выслушивать еще более оскорбительные вещи. Позвольте узнать, с кем имею дело?

Ш у т. В настоящий момент — я слуга Вашей светлости и народный трибун.

П р и д в о р н ы й. Более чем приятно слышать. Я всегда ждал появления людей, которые рассеют недоразумения между народом и правительством. Помоему, для этого стоит только обладать здравым смыслом.

Ш у т. Всю жизнь я служу здравому смыслу и устраняю всякое трение, препятствующее сближению как частных лиц, так и общественных сил.

П р и д в о р н ы й. В таком случае, чтобы испытать вас, я попрошу вас передать народу, что требуется в данном случае.

Ш у т (*обращаясь к нищим*). Господа, ваши просьбы, надеюсь, вполне законны. В частности, желание этого человека будет рассмотрено в ближайшем будущем. Правительство, без сомнения, не меньше вас печется о народной сытости. Но, как люди заинтересованные, вы сами можете рассудить, что на это понадобится время. В настоящий момент правительство занято неотложными делами.

Нищие не могут ничего возразить. Придворный сочувственно жмет руку шута. Поэт отводит шута в сторону.

П о э т. Неужели здравый смысл велит поступать так?

Ш у т. Да, мы поступили вполне согласно с его указаниями.

П о э т. Неужели нельзя накормить этих нищих?

Ш у т. Ваша прямолинейность удивляет меня. Разве вы не видите, что мы делаем все, что можем.

П о э т. Вы откладываете дело в долгий ящик.

Ш у т. Вы все еще не понимаете сути дела. До чего вы несовременны! Здравый смысл хорош тогда, когда он согласуется с требованиями политической экономии.

П о э т. Никакая наука не заставит людей голодать!

Ш у т. Кроме самой тонкой науки. Осмелюсь упрекнуть вас в незнакомстве с положением дела: если вы накормите одного нищего, явится десять других. Если дадите послабление одним, вы поставите в рискованное положение других. Это — выше всех частных стремлений.

П о э т. Это — мерзость, а не здравый смысл!

Ш у т. Благородное негодование может даже выдвинуть человека. Только пользуйтесь им в меру. Тогда всякий увидит, что вы приносите личные интересы на алтарь общественности.

П р и д в о р н ы й (*окруженный нищими, говорит речь*). Я ручаюсь, господа, что все вы, так или иначе, будете удовлетворены. Лозунг правительства свободной страны — начала твердой законности. Начала эти уже

сами по себе плодотворны. (*Голос его становится проникновенным.*) Из них, как из хлебного зерна, вырастет пышная жатва. Основой современного государства служит уже не темный произвол правителей, но жиздительный труд и гуманное отношение между подданными и правительством.

Поэт (*шутя*). Удивляюсь терпению этого болтуна.

Шут. Клянусь вам, что удивляться решительно печему. Сто раз уже повторялись диалоги нищих и придворных. Сочинитель диалога, в который я затеялся, пойдет, по-видимому, по проторенной дорожке. Ему выгодно выставить всякого придворного в глупом виде.

Поэт. Опять вы говорите символами. Неужели можно забыть, что существуют богатые и бедные?

Шут. Позвольте вам заметить, что говорить пошлости и сентиментальничать неприлично поэту. Здравый смысл помог бы вам быть выше всех этих мелких интересов, в которые вы уходите с головой. Неудивительно, что вам некуда деваться от тоски.

Поэт. Я понимаю, вы учите меня народной мудрости. Но если я не в силах переносить вечной трагедии? Что, если я разобью себе голову о то, что вы называете пошлостью и сентиментальностью?

Шут. Глубоко современны ваши идеи. Нашим веком они унаследованы от девятнадцатого. Но вспомните только, что Федор Михайлович Достоевский, певец униженных и оскорбленных, был вместе с тем поклонником самодержавия, — и вы поймете меня.

Поэт. Все-таки я напишу обличительные стихи...

Шут. Опять! Вы приводите меня в ужас! Увольте меня, я больше не буду давать вам советов. Подойдите лучше к господину придворному и постарайтесь устроить себе карьеру.

Поэт гордо, но послушно, направляется к придворному. Придворный милостиво смотрит на поэта.

Придворный. Мне кажется, вы имеете ко мне дело, молодой человек. Судя по платью и манерам, я заключаю, что вы принадлежите к порядочному обществу

и обладаете воспитанием достаточно тонким, чтобы не затруднять деловых людей щекотливыми просьбами. Если не ошибаюсь, вы поэт?

Поэт (*несколько польщенный*). Да, до сегодняшнего дня я писал стихи, но не ожидал их широкого распространения. Тем более неожиданно для меня ваше знакомство с ними.

Придворный. О, я прекрасно знаю ваши стихи, молодой человек. Вы найдете во мне истинного ценителя субъективной лирики. Если не ошибаюсь, вы, как некогда Петрарка, в мистических исканиях ваших создали интимный культ женщины и женской любви?

Поэт. Это не совсем так... Но, конечно...

Придворный. О, простите, если я не вполне понял вас. Постоянные государственные заботы, как хотите, делают человека менее чутким к прекрасному. Но наградой за некоторую утрату личности служит зато сознание свято исполненного долга. Занятому человеку не приходится слишком много раздумывать и сожалеть.

Поэт. Последние ваши слова очень важны для меня. Меня привело к вам именно желание пожертвовать своей фантазией общественному благу.

Придворный. О, молодость, как я люблю тебя! Ты вся — в этих крайностях! В ваши годы и я был такой же горячей головой, молодой человек. Откровенно скажу вам, что и я когда-то писал стихи...

Поэт. О, неужели? Прочтите...

Придворный (*строго прерывая*) ...Но мне показалось, что поэтическая фантазия будет помехой моему призванию. И теперь, навеки отдавшись чужому благу и утратив личную жизнь (как видите, мне и гулять не дают спокойно), я порою раскаиваюсь, что перестал писать стихи... Быть может, во мне погиб поэт. (*Сморкается.*) Итак, ссылаясь на свой личный опыт, я спешу предупредить вас, что зарывать талант — грех.

Поэт. Я согласен с вами.

Придворный. Субъективная лирика — великое дело, молодой человек. Она дает избранным часы эстетического отдыха и позволяет им, хоть на минуту,

забыть голос капризной черни. О, я готов желать, чтобы вся литература была подобна вашим стихам! Такая поэзия не развращает нравов. Непосвященным ведь недоступно ничего, кроме разнузданных желаний: есть, иметь крышу над головой — вот все, что им нужно, как вы могли сами убедиться сейчас. Зато избранные, отирая потное чело, могут коснуться устами нетронутых краев священной чаши. *(Чрезвычайно доволен своею речью.)*

П о э т. Мне лестно ваше внимание к Музам. Ваши слова одушевили меня. Тем более, встречая столь разностороннего человека, как вы, я хотел бы воспользоваться вашими указаниями. Считаю долгом ответить вам откровенностью на откровенность: долгое служение Музам порождает тоску. Под ногами разверзаются бездны. Двойственные видения посещают меня. Я хочу твердой воли, цельных желаний, но не годен для жизни. В женщинах меня влечет и отталкивает вместе — их нежность и лживость. Я ищу человека, который бросит живые семена в мою растерзанную, готовую для посева душу.

П р и д в о р н ы й. Ваше признание хватает меня за сердце. Особенно запомнилось мне то, что вы говорили о женщинах. Это так остроумно и так глубоко. О, как мне это знакомо. Любить одну, но не уметь предпочесть ее другой... *(С улыбкой напоминает что-то.)*

П о э т. Я говорил не совсем так. Я хотел сказать не о двух, а об одной...

П р и д в о р н ы й. В таком случае это еще остроумней и тоньше, молодой человек. Красноречие ваше — редкая черта в людях нашего века.

П о э т *(загрустил).*

П р и д в о р н ы й. Теперь так мало действительно полезных и нужных людей, что я, не шутя, имею на вас виды; не имеете ли вы ко мне какой-нибудь специальной просьбы?

П о э т. Мне кажется иногда, что я избавился бы от тоски на государственной службе...

П р и д в о р н ы й. Это все, что я хотел слышать от вас, молодой человек! Мне нечего возразить вам — в наших симпатиях и вкусах мы вполне солидарны.

Надеюсь, вы не откажетесь принять мои предложения. Ваши речи о двойственности создали в моем уме блестящую комбинацию: мы будем готовить вас к дипломатической карьере.

Ш у т (*поздравляет поэта, который еще грустит*).

П р и д в о р н ы й (*шуту*). Вы также оказали мне неоценимые услуги. У меня найдется и для вас поручение. (*Таинственно указывает на нищих, которые все еще стоят невдалеке*).

Ш у т (*делает знак, что понял*).

П р и д в о р н ы й (*обращаясь к нищим*). Господа, мы рассмотрели ваши просьбы. Я счастлив сказать вам, что сегодня народ не обманул надежд своего правительства. Близко соприкоснувшись с вами, я нашел двух слуг для государства. Это ясно свидетельствует о том, что силы народные не оскудевают. Так же не оскудеет и наше попечение о вас. (*Быстро уходит*.)

Ш у т (*поэту*). Итак, мое разумное вмешательство принесло вам пользу. Да здравствует отечественная поэзия и государственная служба! А главное, да здравствует примиривший их здравый смысл!

Бежит вослед удаляющемуся поэту. Через некоторое время за сценой слышна отчаянная потасовка. Шут выбегает растрепанный.

Ш у т. Каков поэтический темперамент! Он вырвал у меня клочок волос и кричал, что не хочет быть дипломатом! Напрасно я принял участие в его судьбе! Взгляните, как пострадал я за правду, и выслушайте мою благородную мораль: никто, никогда и нигде...

Не досказав, бросается искать удочку, так как приближаются новые жертвы здравого смысла.

НЕЗНАКОМКА

На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худя лицом, может быть, и бледна...

Достоевский

— А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?

— Я вас тоже будто видел где-то?

— Где? — Где?

— Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне...

Достоевский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Незнакомка.

Голубой.

Звездочет.

Поэт.

Посетители кабачка

и гостинной.

Два дворника.

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ

Уличный кабачок. Подрагивает бело-матовый свет ацетиленового фонаря в смятом колпачке. На обоях изображены совершенно одинаковые корабли с огромными флагами. Они взрезают носами голубые воды. За дверью, которая часто раскрывается, впуская посетителей, и за большими окнами, украшенными плющом, идут прохожие в шубах и девушки в платочках — под голубым вечерним снегом.

За прилавком, на котором водружена бочка с гномом и надписью «Кружка-бокал», — двое совершенно похожих друг на друга: оба с коками и приборами, в зеленых фартуках; только у хозяина усы вниз, а у брата его, полового, усы вверх. У одного окна, за столиком, сидит пьяный старик — вылитый Верлэн, у другого — безусый бледный человек — вылитый Гауптман. Несколько пьяных компаний.

РАЗГОВОР В ОДНОЙ КОМПАНИИ

О д и н

Купил я эту шубу за двадцать пять рублей. А тебе, Сашка, меньше тридцати ни за что не уступлю.

Д р у г о й *(убедительно
и с обидой)*

Да врешь ты!.. Да вот поди ж ты... Я тебе...

Т р е т и й (*усатый, кричит*)

Молчать! Не ругаться! Еще бутылочку, любезный.

Половой подбегает. Слышно, как булькает пиво. Молчание. Одинокий посетитель поднимается из угла и неверной походкой идет к прилавку. Начинает шарить в блестящей посудине с вареными раками.

Х о з я и н

Позвольте, господин. Так нельзя. Вы у нас всех раков руками переберете. Никто кушать не станет.

Посетитель, мыча, отходит.

РАЗГОВОР В ДРУГОЙ КОМПАНИИ

С е м и н а р и с т

И танцевала она, милый друг ты мой, скажу я тебе, как небесное создание. Просто взял бы ее за белые ручки и прямо в губки, скажу тебе, поцеловал...

С о б у т ы л ь н и к (*визгливо хохочет*)

Эка, эка, Васинька-то наш, размычался, заалел, как маков цвет! А что она тебе за любовь-то? За любовь-то что?.. А?..

Все визгливо хохочут.

С е м и н а р и с т (*совсем красный*)

И, милый друг ты мой, скажу тебе, нехорошо смеяться. Так бы вот взял ее, и унес бы от нескромных взоров, и на улице плясала бы она передо мной на белом снегу... как птица, летала бы. И откуда мои крылья взялись, — сам полетел бы за ней, над белыми снегами...

Все хохочут.

В т о р о й с о б у т ы л ь н и к

Ты, Васька, смотри, того, по первопутку-то не очень полетишь...

П е р в ы й с о б у т ы л ь н и к

Тебе бы по морозцу-то легче, а то с твоей милой как раз в грязь угодишь...

Второй собутыльник

Мичтатель.

Семинарист *(совсем ословел)*

Эх, милые друзья, в семинарии не учась, скажу я вам, вы нежных чувств не понимаете. А впрочем, еще бы пивца...

Верлен *(бормочет громко сам с собою)*

Каждому свое. Каждому свое...

Гауптман делает выразительные знаки половому. Входят рыжий мужчина и девушка в платочке.

Девушка *(половому)*

Бутылку портеру, Миша. *(Продолжает быстро рассказывать мужчине.)* ...только она, милый мой, вышла, хватъ — забыла хозяйку пивом угостить. Сейчас — назад, а уж он комод открыл, да и роется, все перерыл, все перерыл, думал — не скоро вернется... Она, милый мой, кричать, а он, милый мой, ей рот зажимать. Ну, все-таки хозяйка прибежала, да сама кричать, да дворника позвала; так его, милый мой, сейчас в участок... *(Быстро прерывает.)* Дай двугривенный.

Мужчина хмуро вынимает двугривенный.

Девушка

Тебе нешто жалко?

Мужчина

Пей, да помалкивай.

Молчат. Пьют. Вбегает молодой человек и радостно бросается к Гауптману.

Молодой человек

Костя, друг, она у дверей дожидает!..

Гауптман

Ладно. Пошляется еще. Давай выпьем.

В е р л э н *(громко бормочет)*

И всем людям — свое занятие... И каждому — свое беспокойство.

Входит Поэт. Подзывает полового.

П о э т

Угостить вас?

П о л о в о й *(прирожденный юморист)*

Великая честь-с... От знаменитого лица-с...

Убегает за пивом. Поэт вынимает записную книжку. Тишина.

Ацетилен шипит. Похрустывают бублики.

Половой приносит Поэту бутылку пива и садится на край стула против него.

П о э т

Вы послушайте только. Бродить по улицам, ловить отрывки незнакомых слов. Потом — прийти вот сюда и рассказать свою душу подставному лицу.

П о л о в о й

Непонятно-с, но весьма утонченно-с...

Срывается со стула и бежит на зов посетителя. Поэт пишет в книжке.

Д е в у ш к а *(напевает)*

Как люблю я ее...

А она за любовь...

Половой возвращается к Поэту.

П о э т *(пьет)*

Видеть много женских лиц. Сотни глаз, больших и глубоких, синих, темных, светлых. Узких, как глаза рыси. Открытых широко, младенчески. Любить их. Желать их. Не может быть человека, который не любит. И вы их должны любить.

П о л о в о й

Слушаю-с.

П о э т

И среди этого огня взоров, среди вихря взоров, возникнет внезапно, как бы расцветет под голубым снегом—одно лицо: единственно прекрасный лик Незнакомки, под густою, темной вуалью... Вот качаются перья на шляпе... Вот узкая рука, стянутая перчаткой, держит шелестящее платье... Вот медленно проходит она... проходит она...

Жадно пьет.

В е р л э н *(бормочет)*

И все проходит. И каждому — своя забота.

С е м и н а р и с т *(заплетающимся языком)*

Танцовала она, как небесный, скажу вам, ангел, а вы, черти и разбойники, не стойте ее мизинца. А впрочем, выпьем.

С о б у т ы л ь н и к

Мичтатсль. Оттого и пьешь. И все мы — мичтатели. Поцелуй меня, дружок.

Обнимаются.

С е м и н а р и с т

И никто ее так не полюбит, как я. И будем мы на белом снегу свою грустную жизнь доживать. Она — плясать, а я — на шарманке играть. И полетим. И под самый серебряный месяц залетим. И туда, чорт возьми, скажу я вам, дурацким вашим грязным носам, милые други, не соваться. И все-таки я очень вас люблю и высоко ставлю. Кто из одной бутылки не пивал, тот и дружбы не видал.

Все хохочут.

С о б у т ы л ь н и к

Ай да Васька! Уж очень складно! Поцелуемся, дружок.

М о л о д о й ч е л о в е к *(Гауптману)*

Однако ж будет. Что ей столько на морозе дожидать? Замерзнет совсем. Пойдем, брат Костя.

Г а у п т м а н

Брось. Если женскому нраву потакать, так от мужчины ничего не останется — только ему в рожу плюнуть. Пусть пошляется, а мы еще посидим.

Молодой человек послушался. Все посетители пьют и хмелеют.

Человек в желтом трепаном пальто, сидевший отдельно, встает и обращается к честной компании с речью.

Ч е л о в е к в п а л ь т о

Государь мои! Есть у меня небольшая вещица — весьма ценная миниатюра. (*Вытаскивает из кармана камею.*) Вот-с, не угодно ли: с одной стороны — изображение эмблемы, а с другой — приятная дама в тюнике на земном шаре сидит и над этим шаром держит скипетр: подчиняйтесь, мол, повинуйтесь — и больше ничего!

Все одобрительно смеются. Некоторые подходят и рассматривают камею.

П о э т (*захмелевший*)

Вечная сказка. Это — Она — Мироправительница. Она держит жезл и повелевает миром. Все мы очарованы Ею.

Ч е л о в е к в п а л ь т о

Рад служить русской интеллигенции. Дешево продам, хотя досталось не дешево, но уж, как говорится, только по дружбе. Вижу, что любитель. Ну, так по рукам.

Поэт даст ему монету. Берет камею, рассматривает ее. Человек в пальто садится на свое место. Разговор продолжается только между двумя, сидящими за отдельным столиком.

П е р в ы й (*берет юмористический журнал*)

А теперь пришло время нам повеселиться. Ну, Ваня, слушай (*торжественно разворачивает журнал и читает*): «Любящие супруги. Муж: — Ты, милочка, зайди сегодня к мамаше и попроси ее...»

Заранее отчаянно хохочет.

В т о р о й

Ишь, чорт возьми, здорово!

П е р в ы й *(продолжает читать)*

«...И попроси ее... подарить Катеньке куколку...»

Страшно хохочет.

П е р в ы й *(читает)*

«Жена: — Что ты, милочка! Катеньке уж скоро двадцать лет. *(Еле может прочесть от смеха.)* Ей уж не куколку, а женишка пора подарить».

Громовой хохот.

В т о р о й

Вот так здорово!

П е р в ы й

Что называется, отбрила!

В т о р о й

Чорт их дери, ловко пишут!..

И опять одинокий посетитель шарит в посудине. Он вытаскивает красных раков за клешни. Подержит и положит. И опять хозяин отгоняет его.

П о э т *(рассматривает камю)*

Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию. Вот Она кружит свой процветающий жезл. Вот Она кружит меня... И я кружусь с Нею... Под голубым... под вечерним снегом...

С е м и н а р и с т

Танцует... Танцует... Я на шарманке, а она под шарманку. *(Делает пьяные жесты, как будто что-то ловит.)* Вот, не поймал... опять не поймал... но и вам, черти, не поймать, если уж мне не поймать...

Медленно, медленно начинают кружиться стены кабачка. Потолок наклоняется, один конец его протягивается вверх бесконечно. Корабли на обоях, кажется, плывут близко, а все не могут доплыть. Сквозь смутный общий говор человек в пальто, уже присоседившийся к кому-то, кричит.

Человек в пальто

Нет-с, я любитель! Люблю острый сыр, знаете, такой круглый! *(Делает кругообразные жесты.)* Забыл название.

Его собеседник *(неуверенно)*

А вы... пробовали?

Человек в пальто

Что пробовал? Вы думаете, нет? Я рошефор кушал!

Собеседник *(под которым качается стул)*

А знаете... люксембургский... так пахнет нехорошо... и шевелится, шевелится... *(Чмокает губами, шевелит пальцами.)*

Человек в пальто *(вдохновенно встает)*

Швейцарский!.. Вот что-с! *(Щелкает пальцами.)*

Собеседник *(мигает и сомневается)*

Ну, этим не удивите...

Человек в пальто *(громко, как ружейный залп)*

Бри!

Собеседник

Ну это... это... знаете...

Человек в пальто *(угрожающе)*

Что знаете?

Собеседник *(уничтожен)*

Все вертится, кажется, перевернется сейчас. Корабли на обоях плывут, вспенивая голубые воды. Одну минуту кажется, что все стоит вверх ногами.

Верлэн *(бормочет)*

И всему свой черед... И всем пора идти домой...

Г а у п т м а н (орет)

Шлюха она, ну и пусть шляется! А мы выпьем!

Д е в у ш к а (поет в ухо
мужчине)

Прощай, желанный мой...

С е м и н а р и с т

Снег танцует. И мы танцуем. И шарманка плачет.
И я плачу. И мы все плачем.

П о э т

Синий снег. Кружится. Мягко падает. Синие очи.
Густая вуаль. Медленно проходит Она. Небо открылось.
Явись! Явись!

Весь кабачок как будто нырнул куда-то. Стены расступаются.
Окончательно наклонившийся потолок открывает небо — зимнее,
синее, холодное. В голубых вечерних снегах открывается —

В Т О Р О Е В И Д Е Н И Е

Тот же вечер. Конец улицы на краю города. Последние дома, обрываясь внезапно, открывают широкую перспективу: темный пустынный мост через большую реку. По обеим сторонам моста дремлют тихие корабли с сигнальными огнями. За мостом тянется бесконечная, прямая, как стрела, аллея, обрамленная цепочками фонарей и белыми от инея деревьями. В воздухе порхает и звездится снег.

З в е з д о ч е т (на мосту)

Ночь полнозвездная светла.
У в з о р а — только два крыла.
Но счет звездам вести нельзя —
Туманна млечная стезя,
И бедный взор туманится...
Кто этот пьяница?

Два дворника волокут под руки пьяного Поэта.

Р а з ъ я р е н н ы е д в о р н и к и

Он — посетитель кабачка,
И с ним расправа коротка!
Эй, Ванька, дай ему щелчка!
Эй, Васька, дай ему толчка!

Волокут Поэта дальше.

Волубой. ~~Опыт мой гандев~~
~~Меня не мень веди Франц юта~~

Въ лесат зимней ноги таящас,
~~Меня ~~близко~~~~ Отража ко мот мой мим.
 Мн ~~близко~~ ^к сибсам такю втрошас
~~близко~~ Подара мот лесам сибн...

Она бгущает ^{Очи} ~~много~~ и кешу.

~~Кезнакошка.~~

Кезнакошка. Я звезда, звезда падучас
 Как Очи - звезды. ~~фрагмент~~
 Она небеса пути Умирания,
 Не свертывающуся.
~~Франц~~ Ухо кившев от пути
 Я не мот ~~мой~~
 О мот, мой лесоктроян,
 Я зречена в восте.

Его камбуи пашу очнам ^{сидебнелю,} ~~звездам.~~

Волубой. ~~Звезда~~ Въ синет твоей морозной
 Много звезда.
 Подь рукой моей синетной
 Светилни мер.

З в е з д о ч е т

Восходит новая звезда.
Всех ослепительней она.
Недвижна темная вода,
И в ней звезда отражена.
Ах! падает, летит звезда...
Лети сюда! сюда! сюда!

По небу, описывая медленную дугу, скатывается яркая и тяжелая звезда. Через миг по мосту идет прекрасная женщина в черном, с удивленным взором расширенных глаз. Все становится сказочным — темный мост и дремлющие голубые корабли. Незнакомка застывает у перил моста, еще храня свой бледный падучий блеск. Снег, вечно юный, одевает ее плечи, опушает стан. Она, как статуя, ждет.

Такой же Голубой, как она, восходит на мост из темной аллеи. Также в снегу. Также прекрасен. Он колеблется, как тихое, синее пламя.

Г о л у б о й

В блеске зимней ночи тающая,
Обрати ко мне твой лик.
Ты, снегами тихо веющая,
Подари мне легкий снег.

Она обращает очи к нему.

Н е з н а к о м к а

Очи — звезды умирающие,
Уклонившись от пути.
О тебе, мой легковеющий,
Я грустила в высоте.

Его голубой плащ осыпан снежными звездами.

Г о л у б о й

В синеве твоей морозной
Много звезд.
Под рукой моей железной
Светлый меч.

Н е з н а к о м к а

Опусти в руке железной
Светлый меч.

В синеве моей морозной
Звезд не счесть.

Голубой дремлет в бледном свете. На фоне плаща его светится
луч, как будто он оперся на меч.

Г о л у б о й

Протекали столетья, как сны.
Долго ждал я тебя на земле.

Н е з н а к о м к а

Протекали столетья, как миги.
Я звездою в пространствах текла.

Г о л у б о й

Ты мерцала с твоей высоты
На моем голубом плаще.

Н е з н а к о м к а

Ты гляделся в мои глаза.
Часто на́ небо смотришь ты?

Г о л у б о й

Больше взора поднять не могу:
Тобою, падучей, скован мой взор.

Н е з н а к о м к а

Ты можешь сказать мне земные слова?
Отчего ты весь в голубом?

Г о л у б о й

Я слишком долго в небо смотрел:
Оттого — голубые глаза и плащ.

Н е з н а к о м к а

Кто ты?

Г о л у б о й

Поэт.

Н е з н а к о м к а

О чем ты поешь?

Г о л у б о й

Всё о тебе.

Н е з н а к о м к а

Давно ли ты ждешь?

Г о л у б о й

Много столетий.

Н е з н а к о м к а

Ты мертв или жив?

Г о л у б о й

Не знаю.

Н е з н а к о м к а

Ты юн?

Г о л у б о й

Я красив.

Н е з н а к о м к а

Падучая дева-звезда
Хочет земных речей.

Г о л у б о й

Только о тайнах знаю слова,
Только торжественны речи мои.

Н е з н а к о м к а

Знаешь ты имя мое?

Г о л у б о й

Не знаю — и лучше не знать.

Н е з н а к о м к а

Видишь ты очи мои?

Г о л у б о й

Вижу. Как звезды — они.

Н е з н а к о м к а
Ты видишь мой стройный стан?

Г о л у б о й
Да. Ослепительна ты.
В голосе Ее просыпается земная страсть.

Н е з н а к о м к а
Ты хочешь меня обнять?

Г о л у б о й
Я коснуться не смею тебя.

Н е з н а к о м к а
Ты можешь коснуться уст.
Плащ Голубого колеблется, исчезая под снегом.

Н е з н а к о м к а
Ты знаешь ли страсть?

Г о л у б о й *(тихо)*
Кровь молчалива моя.

Н е з н а к о м к а
Ты знаешь вино?

Г о л у б о й *(еще тише)*
Звездный напиток — слаще вина.

Н е з н а к о м к а
Ты любишь меня?

Голубой молчит.

Н е з н а к о м к а
Кровь запеваает во мне.
Тишина.

Н е з н а к о м к а
Ядом исполнено сердце.
Я стройнее всех ваших дев.

Я красивее ваших дам.
Я страстнее ваших невест.

Голубой дремлет, весь осыпанный снегом.

Как сладко у вас на земле!

Голубого больше нет. Закрутился голубоватый снежный столб,
и кажется, на этом месте и не было никого. Зато рядом с Не-
знакомкой проходящий господин приподнимает котелок.

Г о с п о д и н

Вы с кем-то беседу вели?
Но здесь не видать никого.
Прелестный ваш голос звучал
В пространстве пустом...

Н е з н а к о м к а

Где он?

Г о с п о д и н

О, да, без сомнения, вы
Кого-то ждали сейчас!
Позвольте — нескромный вопрос...
Кто был ваш незримый друг?

Н е з н а к о м к а

Он был красив. В голубом плаще.

Г о с п о д и н

О, романтика женской души!
И на улице видите вы
Мужчин в голубых плащах!
Но как же звали его?

Н е з н а к о м к а

Он назвал себя: поэт.

Г о с п о д и н

Я тоже поэт! я тоже поэт!
По крайней мере, смотря
В прекрасные ваши глаза,

Я мог бы спеть вам куплет:
«Ах, как ты хороша!»

Незнакомка
Ты хочешь любить меня?

Господин
О, да! И очень не прочь.

Незнакомка
Ты можешь обнять меня?

Господин
Хотел бы знать, почему
Не могу я тебя обнять?

Незнакомка
И, уст касаясь моих,
Ты будешь ласкать меня?

Господин
Пойдем, красотка моя!
«Исполню все, что велишь»,
Как сказал старичок Шекспир...
Ты видишь теперь, что и я
Поэзии очень не чужд!
Незнакомка покорно дает ему руку.

Господин
Как имя твое?

Незнакомка
Постой.
Дай вспомнить. В небе, среди звезд,
Не носила имени я...
Но здесь, на синей земле,
Мне нравится имя «Мария»...
«Мария» — зови меня.

З в е з д о ч е т

Грубые люди! Оставьте меня.
Я женщин не вижу с тех пор,
Как пала моя звезда.

П о э т

Понятна мне ваша скорбь.
Я так же, как вы, одиночек.
Вы, верно, как я, — поэт.
Случайно, не видели ль вы
Незнакомку в снегах голубых?

З в е з д о ч е т

Не помню. Здесь многие шли,
И очень прискорбно мне,
Что вашей не мог я узнать...

П о э т

О, если б видели вы, —
Забыли б свою звезду!

З в е з д о ч е т

Не вам говорить о звездах;
Чересчур легкомысленны вы,
И я попросил бы вас
В мою профессию нос не совать.

П о э т

Все ваши обиды снесу!
Поверьте, унижен я
Ничуть не меньше, чем вы...
О, если б я не был пьян,
Я шел бы следом за ней!
Но двое тащили меня,
Когда я заметил ее...
Потом я упал в сугроб,
Они, ругаясь, ушли,
Решившись бросить меня...
Не помню, долго ль я спал...

Проснувшись, вспомнил, что снег
Замел ее нежный след!

З в е з д о ч е т

Я смутно припомнить могу
Печальную вещь для вас;
Действительно, вас вели,
Вам давали толчки и пики,
И был неуверен ваш шаг...
Потом я помню сквозь сон,
Как на мост дама взошла,
И к ней подошел голубой господин...

П о э т

О, нет!.. Голубой господин...

З в е з д о ч е т

Не знаю, о чем говорили они.
Я больше на них не смотрел.
Потом они, верно, ушли...
Я так был занят своим...

П о э т

И снег замел их следы!..
Мне больше не встретить Ее!
Встречи такие
Бывают в жизни лишь раз...
Оба плачут под голубым снегом.

З в е з д о ч е т

Стоит ли плакать об этом?
Гораздо глубже горе мое:
Я утратил астральный ритм!

П о э т

Я ритм души потерял.
Надеюсь, это — важней!

З в е з д о ч е т

Скорбь занесет в мои свитки:
«Пала звезда — Мария!»

П о э т

Прекрасное имя: «*Мария*»!
Я буду писать в стихах:
«Где ты, Мария?
Не вижу зари я».

З в е з д о ч е т

Ну, ваше горе пройдет!
Вам надо только стихи
Как можно длинней сочинять!
О чем же плакать тогда?

П о э т

А вам, господин звездочет,
Довольно в свитки свои
На пользу студентам вписать:
«Пала Мария — Звезда!»

Оба грустят под голубым снегом. Пропадают в нем. И снег грустит. Он запорошил уже и мост, и корабли. Он построил белые стены на канве деревьев, вдоль стен домов, на телеграфных проволоках. И даль земная и даль речная поднялись белыми стенами, так что все бело, кроме сигнальных огней на кораблях и освещенных окон домов. Снежные стены уплотняются. Они кажутся близкими одна к другой. Понемногу открывается —

ТРЕТЬЕ ВИДЕНИЕ

Большая гостиная комната с белыми стенами, на которых ярко горят электрические лампы. Дверь в переднюю открыта. Тоненький звонок часто извещает о приходе гостей. На диванах, креслах и стульях уже сидят хозяева и гости; хозяйка дома — пожилая дама, как бы проглотившая аршин; перед нею — корзинка с бисквитами, ваза с фруктами и чашка дымящегося чаю; против нее — глухой старик с глупым лицом жует и хлебает. Молодые люди, в безукоризненных смокингах, частью разговаривают с другими дамами, частью толпятся стадами в углах. Общий гул бессмысленных разговоров.

Хозяин дома встречает гостей в передней и каждому сначала деревянным голосом кричит: «А-а-а!», а потом говорит пошлость. В настоящий момент он занят тем же.

Х о з я и н д о м а *(в передней)*

А-а-а! Ну и закутались же вы, батюшка!

Г о л о с г о с т я

И холод же, доложу я вам! В шубе — и то замерз.

Гость сморкается. Так как разговор в гостиной почему-то исчерпался, слышно, как хозяин конфиденциально говорит гостю:

Х о з я и н

А где шили?

Г о с т ь

У Шевалье.

Из двери торчат фалды хозяйского сюртука. Хозяин рассматривает шубу.

Х о з я и н

А сколько платили?

Г о с т ь

Тысячу.

Хозяйка, стараясь замять разговор, кричит:

Х о з я й к а

Сег * Иван Павлович! Идите скорее! Только вас и ждали! Вот, Аркадий Романович обещался нам сегодня спеть!

Аркадий Романович, подходя к хозяйке, делает различные жесты, долженствующие показать, что он невысокого о себе мнения. Хозяйка жестами же старается показать ему обратное.

М о л о д о й ч е л о в е к Ж о р ж

Совершенная дура твоя Серпантини, Миша. Так танцевать, как она вчера, значит — не иметь никакого стыда.

М о л о д о й ч е л о в е к М и ш а

Ты, Жорж, ровно ничего не понимаешь! Я совершенно влюблен. Это — для немногих. Вспомни, у нее совсем классическая фигура — руки, ноги...

Ж о р ж

Я пошел туда затем, чтобы наслаждаться искусством. На ножки я могу смотреть и в другом месте.

Х о з я й к а

О чем это вы там, Георгий Николаевич? Ах, о Серпантини! Какой ужас, не правда ли? Во-первых —

* Дорогой (франц.). — *Ред.*

интерпретировать музыку — это уж одно — наглость. Я так страстно люблю музыку и ни за что, ни за что не допущу, чтоб над ней надругались. Потом — танцевать без костюма — это... это я не знаю, что! Я увела мою дочь.

Ж о р ж

Я совершенно согласен с вами. А вот Михаил Иванович — другого мнения...

Х о з я й к а

Что вы, Михаил Иванович! По-моему, здесь двух мнений не может быть! Я понимаю, молодым людям свойственно увлекаться, но на публичном концерте... когда ногами изображают Баха... Я сама музыкантша... страстно люблю музыку... Как хотите...

Старик, сидящий против хозяйки, неожиданно и просто выпаливает:

С т а р и к

Публичный дом.

Продолжает хлебать чай и жевать бисквиты. Хозяйка краснеет и обращается к одной из дам.

М и ш а

Ах, Жорж, все вы ничего не понимаете! Разве это — интерпретация музыки? Серпантини сама — воплощение музыки. Она плывет на волнах звуков, и, кажется, сам плывешь за нею. Неужели тело, его линии, его гармонические движения — сами по себе не поют так же, как звуки? Тот, кто истинно чувствует музыку, не оскорбляется за нее. У вас отвлеченное отношение к музыке...

Ж о р ж

Мечтатель! Завел машину. Строишь какие-то теории и ничего не слушаешь и не видишь. Я о музыке даже не говорю, и мне в конце концов наплевать! И я был бы очень рад видеть все это в отдельном кабинете. Но согласись же, не объявить на афише, что Серпантини будет завернута в одну тряпку, — это значит поставить

всех в пренеловкое положение. Если б я знал, я не повел бы туда мою невесту. (*Миша рассеянно шарит в корзинке с бисквитами.*) Послушай, оставь бисквиты. Ведь противно есть, если все перетрогаешь. Смотри, как на тебя смотрит кузина. А все оттого, что ты рассеян. Эх, мечтатели.

Миша, сконфуженно мыча, удаляется в другой угол.

Старик (*внезапно, хозяйке*)

Нина! Сиди смирно. У тебя на спине платье расстегнулось.

Хозяйка (*вспыхнув*)

Да полно, дядя, нельзя же при всех! Вы слишком... откровенны...

Старается незаметно застегнуть платье. В комнату впархивает молодая дама, за ней идет огромный рыжий господин.

Дама

Ах, здравствуйте, здравствуйте! Вот, позвольте вас познакомить: мой жених.

Рыжий господин

Очень приятно.

Угрюмо удаляется в угол.

Дама

Пожалуйста, не обращайтесь на него внимания. Он очень застенчив. Ах, представьте, какой случай!..

Торопливо пьет чай и шопотом рассказывает хозяйке что-то пикантное, судя по тому, что обе ерзают по дивану и хихикают.

Дама (*вдруг оборачивается к жениху*)

У тебя мой платок?

Жених угрюмо вытаскивает платок.

Дама

Тебе жалко, что ли?

Рыжий господин (*неожиданно
угрюмо*)

Пей, да помалкивай.

Молчат. Пьют. Вбегает молодой человек и радостно бросается к другому. В последнем легко узнать того, кто увел Незнакомку.

Молодой человек

Костя, друг, да она у дверей дожидает...

Запинается на полуслове. Все становится необычайно странным. Как будто все внезапно вспомнили, что где-то произносились те же слова и в том же порядке. Михаил Иванович смотрит странными глазами на Поэта, который входит в эту минуту. Поэт, бледный, делает общий поклон на пороге притихшей гостиной.

Хозяйка (*с натянутым
видом*)

Мы только вас и ждали. Надеюсь, вы прочтете нам что-нибудь. Сегодня престранный вечер! Наша мирная беседа не клеится.

Старик (*выпаливает*)

Точно кто-нибудь умер. Богу душу отдал.

Хозяйка

Ах, дядя, перестаньте! Вы всех окончательно спугнете... Господа! Обновим наш разговор... (*Поэту.*) Вы прочтете нам что-нибудь, не правда ли?

Поэт

С удовольствием... если это займет...

Хозяйка

Господа! Молчание! Наш прекрасный поэт прочтет нам свое прекрасное стихотворение, и, надеюсь, опять о прекрасной даме...

Все замолкают. Поэт становится у стены, прямо против двери в переднюю, и читает:

П о э т

Уже сбегали с плит снега,
Блестели, обнажаясь, крыши,
Когда в соборе, в темной нише,
Ее блеснули жемчуга.
И от иконы в нежных розах
Медлительно сошла Она...

Тоненький звонок в передней. Хозяйка умоляюще складывает руки по направлению к Поэту. Он прерывает чтение. Все с любопытством заглядывают в переднюю.

Х о з я и н

Сию минуту. Прошу извинения.

Выходит в переднюю, но не кричит там: «А-а-а!» Молчанье.

Г о л о с х о з я и н а

Чем могу служить?

Женский голос отвечает что-то. Хозяин появляется на пороге.

Х о з я и н

Ниночка, какая-то дама. Ничего не могу разобрать. Вероятно, к тебе. Извините, господа, извините...

Сконфуженно улыбается во все стороны. Хозяйка идет в переднюю и запирает за собой дверь. Гости шепчутся.

М о л о д о й ч е л о в е к (в углу)

Да не может быть...

Д р у г о й (прячась за него)

Да уверяю тебя... вот скандал!.. Я слышал ее голос...

Поэт стоит неподвижно против дверей. Двери открываются. Хозяйка вводит Незнакомку.

Х о з я й к а

Господа, приятный сюрприз. Моя очаровательная новая знакомая. Надеюсь, мы примем ее с радостью в наш дружеский кружок. Мария... извините, я не расслышала, как вас называть?

Н е з н а к о м к а

Мария.

Х о з я й к а

Но... ваше отчество?

Н е з н а к о м к а

Мария. Я зову себя: Мария.

Х о з я й к а

Хорошо, милочка. Я буду звать вас: Мэри. В вас есть некоторая эксцентричность, не правда ли? Но тем веселее мы проведем сегодняшний вечер с нашей восхитительной гостьей. Не правда ли, господа?

Все сконфужены. Неловкое молчание. Хозяин замечает, что один из гостей проскользнул в переднюю, и выходит за ним. Слышен извиняющийся шопот, слова: «не совсем здоров». Поэт стоит неподвижно.

Х о з я й к а

Итак, может быть, наш прекрасный поэт продолжит прерванное чтение? Дорогая Мэри, когда вы вошли, наш известный поэт как раз читал нам... читал нам.

П о э т

Простите. Позвольте мне прочесть в другой раз. Я так извиняюсь.

Никто не выражает неудовольствия. Поэт подходит к хозяйке, которая некоторое время делает умоляющие жесты, но скоро перестает. Поэт спокойно садится в дальний угол. Задумчиво смотрит на Незнакомку.

Горничная разносит, что полагается. Из общего бессмысленного говора вырывается хохот, отдельные слова и целые фразы:

Нет, как она танцевала! Да ты послушай! Русская интеллигенция...

К т о - т о (особенно громко)

Да и вам не поймать! Да и вам не поймать!

Все забыли о Поэте. Он медленно поднимается со своего места. Он проводит рукою по лбу. Делает несколько шагов назад и вперед по комнате. По лицу его заметно, что он с мучительным усилием припоминает что-то. В это время из общего говора доносятся слова: «рокфор», «камамбер». Вдруг толстый человек, в страшном увлечении, делая кругообразные жесты, выскакивает на середину комнаты с криком:

Бри!

Поэт сразу останавливается. Мгновение кажется, что он вспомнил все. Он делает несколько быстрых шагов в сторону Незнакомки. Но дорогу ему заслоняет Звездочет в голубом вицмундире, входящий из передней.

З в е з д о ч е т

Извините, я в вицмундире и запоздал. Прямо из заседания. Пришлось делать доклад. Астрономия...

Поднимает палец кверху.

Х о з я и н (*подходя*)

Вот и мы только что говорили о гастрономии. Ничночка, не пора ли ужинать?

Х о з я й к а (*встает*)

Господа, прошу вас!

Все выходят вслед за нею. В потемневшей гостиной остаются некоторое время Незнакомка, Звездочет и Поэт. Поэт и Звездочет стоят в дверях, готовые выйти. Незнакомка медлит в глубине у темной полуткрытой занавеси окна.

З в е з д о ч е т

Нам опять привелось встретиться с вами. Я очень рад. Но пусть обстоятельства нашей первой встречи останутся между нами.

П о э т

Прошу о том же и вас.

З в е з д о ч е т

Я только что сделал доклад в астрономическом обществе — о том, чему вы были невольным свидетелем. Поразительный факт: звезда первой величины...

П о э т

Да, это очень интересно.

З в е з д о ч е т (*восторженно*)

Да! Я занес в мои списки новый параграф: «Пала звезда Мария!» Наука в первый раз... Ах, извините, что я не спрашиваю вас о результатах ваших поисков...

П о э т

Поиски мои были безрезультатны.

Он оборачивается в глубь комнаты. Бездельно смотрит. На лице его — томление, в глазах — пустота и мрак. Он шатается от страшного напряжения. Но он все забыл.

Х о з я й к а *(на пороге)*

Господа! Идите же в столовую! Я не вижу Мэри...

Грозит им пальцем.

Ах, молодые люди! Вы спрятали куда-нибудь мою Мэри?

Всматривается в глубь комнаты.

Где же Мэри? Да где же Мэри?

У темной занавеси уже нет никого. За окном горит яркая звезда. Падает голубой снег, такой же голубой, как вицмундир исчезнувшего Звездочета.

1906

ПЕСНЯ СУДЬБЫ

Драматическая поэма

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение.

Первое послание Иоанна, IV, 18

Русь! Русь! — Открыто-пустынно и ровно все в тебе; — ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и широте твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? — Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? — Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?

Гоголь

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герман.

Елена, жена Германа.

Мать Германа.

Друг Германа.

Монах.

Фаина.

Спутник Фаины.

Коробейник.

Толпа.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Северный апрель — Вербная Суббота.

На холме — белый дом Германа, окруженный молодым садом, сияет под весенним закатом, охватившим все небо. Большое окно в комнате Елены открыто в сад, под капель. Дорожка спускается от калитки и вьется под холмом, среди кустов и молодых березок. Другие холмы, покрытые глыбами быстро тающего снега, уходят цепью вдаль и теряются в лысых и ржавых пространствах болот. Там земля сливается с холодным, ярким и четким небом. — Вдали зажигаются огоньки, слышен собачий лай и ранний редкий птичий свист.

На ступенях крыльца, перед большим цветником, над раскрытой книгой с картинками, дремлет Герман. Елена, вся в белом, выходит из дверей, некоторое время смотрит на Германа, потом нежно берет его за руку.

Е л е н а

Проснись, Герман! пока ты спал, к нам принесли больного.

Г е р м а н *(в полусне)*

Я опять уснул. Во сне — все белое. Я видел большую белую лебедь; она плыла к тому берегу озера, грудью прямо на закат...

Е л е н а

Солнце на закате и бьет тебе в глаза: а ты все спишь, все видишь сны.

Герман

Все белое, Елена. И ты вся в белом... А как сияли перья на груди и на крыльях...

Елена

Проснись, милый, мне тревожно, мне тоскливо. К нам принесли больного...

Герман *(просыпается)*

Ты говоришь — больного? Странно, отчего к нам? Ведь здесь никто не ходит, дорога упирается прямо в наши ворота...

Елена

Он совсем больной, какой-то прозрачный, ничего не говорит... только посмотрел на меня большими, грустными глазами. Мне стало жутко, и я разбудила тебя...

Герман

Почему только его принесли сюда, когда к нам нет дороги...

Елена

Милый мой, мне странно, мне дивно, точно что-то должно случиться... Взгляни на него, Герман: он лежит у меня в комнате, на маленьком диване. Точно ангел с поломанным крылом.

Герман

Это сны продолжаютя.

Елена

Не сны, Герман, а явь. Это страшнее снов. Только бы не заговорил. Точно он пришел звать меня из жизни...

Герман

Не надо так думать, Елена, не бойся. А то и я испугаюсь. Когда живешь уединенно, самые маленькие события кажутся большими... Ведь ничего не случилось, милая. Да и что может случиться?

Е л е н а

Пойди к нему, Герман. Взгляни — и возвращайся ко мне. А если он станет говорить, — не слушай.

Г е р м а н

Но ведь ты говоришь, он больной? И молчит? А если бы и заговорил... что нового может он рассказать?

Герман уходит в дом. Елена кружит около цветника. Входит Друг.

Д р у г

Добрый вечер. Сегодня ваш дом как-то особенно светел. Еще с того холма я увидел ваше белое платье и как будто большие белые крылья у вас за плечами.

Е л е н а

Сегодня к нам в дом принесли больного. Он очень похож на ангела, мне самой казалось, что у него — большие белые крылья.

Д р у г

Как вы любите сказки, странная женщина. Из самого маленького события устраиваете праздник. И всегда с таким серьезным лицом. Ну, что же, я верю вам: это смешно.

Е л е н а

Вам всегда все смешно.

Д р у г

Все смешно. Ведь я живу во времени и пространстве, а не на блаженных островах, как вы. Люди так тупы, что лучше смеяться, иначе пришлось бы плакать. Только одно не смешно.

Е л е н а

Что?

Д р у г

Вы знаете... Я люблю вас, Елена.

Е л е н а

Молчите, молчите. Вы говорите уже не в первый раз, но это неправда. Иначе — как же вы можете быть другом Герману?

Д р у г

Но ведь у вас все можно. Вы оба совсем не от мира сего. Какие-то необыкновенные...

Е л е н а

Смешные?

Д р у г

Я сказал: необыкновенные. Я люблю Германа. Но ведь в вас, Елена, вся тайна этого дома. Без вас Герман пропадет. Он безмерно слабый человек. Герман светится вашим светом. Уйди он отсюда — в нем останется только темное...

Е л е н а

Замолчите.

Д р у г

Молчу... удивительная, необычайная... Так это правда, что Герман уезжает?

Мать Германа выходит на крыльцо. Она — высокая пожилая женщина в черном платье.

М а т ь

Елена, надо бы зажечь лампадку в комнате Германа. Сегодня я видела во сне...

Е л е н а *(не слушая)*

Герман? Кто это вам сказал?

Д р у г

Я сам так думал...

Е л е н а

Так вот оно... Где же Герман, отчего он не идет так долго? Мама, мама, где Герман?

М а т ь

Герман в доме. С больным.

Е л е н а

Говорит?..

М а т ь

Герман молчит и слушает. А больной говорит слабым и прерывистым голосом, не разобрать что.

В эту минуту Герман выводит больного монаха из дома и бережно усаживает на ступеньку крыльца.

М о н а х (*говорит слабым голосом и тихо улыбается*)

Мир вам и вашему дому. Недаром мне стало легче. Я просил принести меня к вам, потому что издали увидал, что дом ваш светел; светлее всех, стоящих на холмах. А больше никого нет в этом доме?

Е л е н а

Нас только трое: Герман, я и мать.

М о н а х

Прекрасен Герман, живущий в тихом доме с женой и матерью; ибо дом его светел. Но с далекого холма увидал я над ним большие белые крылья...

Д р у г (*Елене*)

Вот, и он увидал ваши белые крылья.

М о н а х

...и подумал, что здесь — Фаина.

М а т ь

Даже имени такого не знаю.

Е л е н а

Это, верно, монашеское имя?

М о н а х

Разве вы никогда не слыхали о прекрасной Фаине?

Е л е н а (*задумчиво*)

Никогда.

М о н а х *(всем с улыбкой)*

Мало же вы знаете. Должно быть, одиноко живете. Весь мир знает Фаину.

Г е р м а н

Странное имя: Фаина. Тайна какая-то в нем. Темное имя.

М о н а х *(с улыбкой)*

И ты, юноша, не слыхал о Фаине?

Г е р м а н

Не слыхал.

М о н а х

Мир тебе, Герман. Скоро услышишь. Солнце садится, ветер крепчает. Дайте мне отдохнуть у вас в доме. *(Другу — лукаво.)* Вы мне поможете, удивительный человек?

Мать и друг уводят монаха в дом. — Сумерки.

Г е р м а н

Какой-то полный сказок день... Продолжение чудесного сна...

Е л е н а

О чем ты думаешь, Герман?

Г е р м а н

Правду ты сказала: что-то должно случиться. Снег тает. Теплый ветер. Ночью будут лужи, черное небо и невероятные, огромные звезды: знаешь, как весной?

Е л е н а *(беспокойно)*

Герман, ты говорил с ним?

Г е р м а н

Он говорил. Я только слушал. Он проснулся и нежно обнял меня. И показал в окно...

Е л е н а

Что же там?.. в окне?..

Герман

Я увидал, что снег сбегает с холмов. Я услышал, как мать в соседней комнате тихо читает: «В любви нет страха. Совершенная любовь изгоняет страх».

Елена

Милый! О чем ты думаешь?

Герман

Я увидал огромный мир, Елена: синий, неизвестный, влекущий. Ветер ворвался в окно — запахло землей и талым снегом. И еще — будто цветами, хотя ведь нет еще цветов. Солнце закатывалось, и холмы стали красные; а за холмами — синий, мгlistый простор, точно большое озеро раскинулось вдали... Там плыла большая белая лебедь, с сияющими перьями... грудью прямо на закат...

Елена (*радостно*)

Милый! Ты же видел это во сне!

Герман

Наяву, Елена. Я понял, что мы одни, на блаженном острове, отделенные от всего мира. Разве можно жить так одиноко и счастливо? Он рассказывал мне о чудесах мира. А там — весна началась...

Елена (*почти плачет*)

Я слышу тебя, Герман... Но больно...

Герман

Ты сама говорила: проснись. Вот — я проснулся. Мне надо к людям. Он велел идти. Но я вернусь скоро, Елена.

Елена

Верю в тебя. Слышу тебя. Дай мне поплакать одной... (*Уходит в дом.*)

Герман (*становится на колени*)

Господи. Так не могу больше. Мне слишком хорошо в моем тихом белом доме. Дай силу проститься с ним

и увидеть, какова жизнь на свете. Сохрани мне только жар молодой души и живую совесть, господи. Больше ни о чем не прошу тебя в этот ясный весенний вечер, когда так спокойны и ясны мысли. Я верю, что Ты услышал меня. Теперь — я спокоен.

Он встает с колен. Из дому выходит друг.

Д р у г

Так вы едете?

Г е р м а н

Откуда вы знаете?

Д р у г

Это хорошо, Герман.

Г е р м а н

Почему вы всегда меня поучаете? Я знаю сам.

Д р у г

Нет, вы мало знаете. Когда мы встретимся с вами — там (*показывает в театр*), вы увидите, что я знаю больше вас. — Очень не нравится мне этот монах.

Г е р м а н

Почему?

Д р у г

Лукавый и сентиментальный, как все монахи. Мне было стыдно слушать, как он издевался над вами.

Г е р м а н

Издевался?

Д р у г

Вы знаете, кто такая Фаина, которой он вас морочил? — Просто-напросто каскадная певица с очень сомнительной репутацией.

Г е р м а н (*резко*)

Не знаю почему, только вы иногда бываете мне противны, мой друг. Когда предстоит решить что-нибудь

важное, лучше, чтобы друзья ничего не советовали и держались подальше.

Д р у г

Какой вы злой, однако. Я не знал. Это мне тоже нравится.

Г е р м а н

Что же вам тут может нравиться? Кажется, это не особенно приятно.

Д р у г

Ну, я вижу, что я здесь — лишний. Надо же [вам дать время — посентиментальничать напоследок. До свиданья. (*Уходит.*)

Герман задумчиво бродит по саду. Из дому выходит Елена, вся белая, молодая и легкая.

Е л е н а

Ушел?

Г е р м а н

Ушел. — Правда, он все-таки любопытный человек?

Елена молчит.

Е л е н а

Так это решено, Герман?

Г е р м а н

Решено.

Е л е н а

Последнее слово, милый. Остайся со мной, если можешь и хочешь. (*Вдруг с каким-то вещим отчаяньем в голосе.*) Без тебя я состареюсь скоро. Мать умрет. (*Ломает руки.*) Лилия никогда не взойдет!

Г е р м а н

Что с тобой, милая? Ведь я вернусь очень скоро.

Е л е н а

Посмотри: у меня в окне лампада. У матери — лед на стекле, а у меня над окном — уже капель. У тебя — книги. В ките — померанцевые цветы...

Герман

Не могу, Елена. Ты видишь: весна настала.

Елена

Я знаю, Герман. Но больно...

Герман

Я принесу тебе новые вести.

Елена

Помнишь, ты сам сажал лилию прошлой весной? Мы носили навоз и землю и совсем испачкались. Потом ты зарыл толстую луковицу в самую черную землю и уложил вокруг дерн. Веселые, сильные, счастливые... Без тебя лилия не взойдет.

Герман

Лилия тебе дороже моей души. Посмотри наверх. Разве не понимаешь ты, что происходит там?

Елена

Когда ты говоришь, все понимаю. Без тебя — не пойму.

Герман

Слышишь, как поет ветер? Точно — песня самой судьбы... веселая песня. Слышишь? — Господи, как жутко и радостно! А в доме нет ветра и не слышно песни судьбы. Ты слышала, что сказано: «совершенная любовь изгоняет страх»?

Елена

Да, ты говоришь, мать читала эти слова...

Герман

Мать знает сердце сына...

Елена *(вдруг, точно очнувшись)*

Нет! Нет! Я знаю сердце моего возлюбленного! И больше — не боюсь! Если суждено, иди, мой милый,

иди, мой царственный! Иди туда, где звучит песня судьбы!

Совсем смерклось. Мать выходит и останавливается на темном пороге.

М а т ь

Боже мой! Боже мой! Зачем ты уходишь, дитя мое? Увижу ли тебя? Зачем уходишь? *(Садится на пороге. Ее лица не видно.)*

Е л е н а

Вот — фонарь. Светлый, как твое сердце, Герман. Милый, иди. Ты вернешься.

Г е р м а н

Прощай, Елена. Прощай, мама. Это не страшно. Я скоро вернусь. Самое трудное — перейти черту. Прощайте. У вас иннок в доме.

Быстро идет к калитке. Елена за ним. Мать на пороге — в страшной тоске.

Е л е н а

Я буду ждать.

И вдруг — точно грозовой весенний ливень: Елена, рыдая, обрушивает руки на плечи Германа.

Г е р м а н *(взволнованно)*

Скоро, Скоро.

Она смеется сквозь слезы. Он тихо разнимает ее сильные руки. Поднимает фонарь и, встряхнув головой, начинает быстро спускаться по дорожке. — Бледное лицо монаха приныкло к широкому стеклу и смотрит в ночь: точно больным и выцветшим глазам его нет приюта. — Весенний ветер усиливается, в разрывах черного неба — яркие и крупные звезды. — Елена тихо идет к дому. Пошатывается. Платье белеет.

ВТОРАЯ КАРТИНА

То же место — около дома Германа. Настала глубокая ночь и тишина. Не слышно собачьего лая и птичьего свиста. Острая крыша дома тонет в черном небе. Там несутся испуганные ветром тучи, то застилая, то открывая крупные звезды. Все погружено в полный мрак, только большое окно Елены открыто. Елена склонила пробор над работой у лампы, а перед нею сидит больной монах и смотрит на нее большими грустными глазами. Вся картина подернута нежно-голубой прозрачной кисеей, как будто и дом, и Елена, и монах — отошли в прошлое.

Е л е н а

Рассказывай дальше, брат. Теперь мой Герман уже в пути.

М о н а х

Нелегко мне рассказывать дальше, — так томит меня весна. Ну, слушай. — Черная была, весенняя ночь. Над лесистым обрывом широкой реки остановилось зарево от костров, и песни звенели. Слушай, Елена... Высоко, над обрывом стояла статная девушка и смотрела далеко за реку. Как монахиня, была она в черном платке, и только глаза сияли из-под платка. Так стояла она всю ночь напролет и смотрела в далекую Русь, будто ждала кого-то. Но никого не было там, только заливной луг, да чахлый кустарник, да ветер весенний. Когда же смотрела она наверх, были изломаны

гневные черные брови и чего-то просили бледные, полукрытые губы... Укрой меня, Елена.

Е л е н а *(укрывает его
платком)*

Ты бредишь, братец.

М о н а х

Слушай, слушай дальше. — Монастырь стоял на реке. И каждую ночь ждала она на том берегу. И каждую ночь ползали монахи к белой ограде, — посмотреть, не махнет ли рукавом, не запоет ли, не сойдет ли к реке Фаина...

Е л е н а *(бросает работу)*

Фаина? Ты рассказываешь про Фаину! Не надо говорить, не надо...

М о н а х

Не перебивай меня, слушай. Вечером на селе захлестывало хмелем душу Фаины, и все деды на палатах знали, что пошла она в пляс... Все парни из соседних сел собирались поглядеть, как пляшет, подбочась, Фаина... Но тоска брала ее среди пляса, и, покидая хоровод, уходила Фаина опять и опять к речному обрыву, долго стояла и ждала кого-то. И только глаза сияли из-под платка — все ярче, все ярче...

Е л е н а

Мне странно... Мне дивно...

М о н а х

И такая грусть обняла меня, Елена. И так я томился, так хотелось мне быть человеком... В черную ночь увидел я багровое зарево над рекой. Это — раскольники сжигались: старая вера встала заревом над землею... И стало на селе Фаины светло, как днем. Ветер гнул деревья, и далеко носились искры, и пламя кружилось в срубах. Из рева псалмов, из красного огня — спустилась Фаина в синюю тень береговую, и видел я, как дорожка синего серебра побежала за лодкой, как вышла из лодки под монастырем Фаина,

оглянулась назад и побежала от родного села в темное поле. Открыв малую дверь в белой ограде, вышел в поле и я. Поклонился земно золотым монастырским главам и побрел в темную ночь. Только не нашел я Фаины, и не приняли меня люди нигде. Долго искал я, и стал я хиреть...

Е л е н а

Не рассказывай больше. Жутко...

Во время последних слов у подножья холма начинает бродить какой-то рассеянный свет, не освещая окрестность. Елена упорно глядит в окно. За плечом ее — пристальный и печальный взор монаха. — Внизу появляется фонарик.

Г е р м а н (*ощупью ищет
дорогу*)

Никуда не пойду. Там дивно и тревожно. Я сбился с дороги. Здесь были где-то три березы? Ну, сердце, бледный фонарь! Указывай путь!

Он останавливается внезапно, дойдя до столба рассеянного света. Мерещится ли ему, только слабо мрщит, прислонясь у крутого откоса холма, еле зримый образ: очертания женщины, пышно убранной в тяжелые черные ткани; по ним разметаны серебряные звезды, — на плечах и на груди — чаще и мельче, внизу — крупнее; на длинном шлейфе лежит большая алмазная звезда. Лица не видно, только смотрят вперед огромные печальные глаза. Ветер ли пролетел, или дрогнули руки, — фонарь Германа гаснет.

Г е р м а н

Кто ты? Живая? Мертвая?

В и д е н и е (*невнятно, как
ветер*)

Нет.

Г е р м а н

Ждешь кого-нибудь?

В и д е н и е

Да.

Г е р м а н

Я пойду своим путем.

В и д е н и е

Иди.

Герман делает шаг вперед, но незримое препятствие заставляет его отступить.

Г е р м а н

Я заблудился у себя в саду. Погас фонарь. *(Смотрит наверх.)* Кажется, я шел оттуда. *(Показывает в даль.)* Мой дом — там. Так. Я иду своим путем.

Видение медленно уводит его от холма. Он идет ощупью.

В и д е н и е *(чуть слышно)*

За мной.

Свет меркнет. Видение исчезает.

Г о л о с Г е р м а н а *(в темноте)*

Здесь дорога. Слава богу. Это был только сон.

Слышны его удаляющиеся шаги.

Е л е н а *(в окне)*

Точно сейчас панихиду пели. Или мне только снилось? Или это ветер, брат? Или это — весна? Мне страшно, точно что-то случилось с милым. Что же ты молчишь?

Монах ничего не отвечает. По-прежнему он сидит перед нею и печально смотрит в окно.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Город. Семьдесят седьмой день открытия всемирной промышленной выставки.

Главное здание выставки — гигантский зал. Круглые стекла сверху — как очи дня, но в самом здании — вечная ночь. Электрический свет из шаров матового стекла проливается ослепительными потоками на высокие помосты, загроможденные машинами; стальные тела машин напоминают формами каких-то чудовищных зверей. Здесь собраны: локомотивы последних систем с саженными ведущими колесами, точно врезанные в короткие рельсы; автомобили на толстых шинах, чувствительные к легчайшему толчку; моторные лодки, закинувшие далеко вперед хищные носы, — подобия распластавшихся морских птиц; земледельческие орудия с протянутыми вверх закаленными остриями; и, наконец, в самой глубине зала, за сетью кольцеобразной и выпрямленной стали, за лесом перекладин и торчащих рычагов, — огромная летательная машина сияет каким-то незнакомым и легким металлом своих простертых к сводам зала крыльев.

Под сенью этих крыльев возносится высокая эстрада. Над нею, высоко под куполом, среди гирлянд из живых цветов и зелени, сияет разноцветная надпись: *Дворец Культуры*. Еще выше — мерно шатается маятник часов, загромождающих полкупола, внимательно полусклоненных над залом.

В противоположном конце — закрытые резные ворота на улицу; по обеим сторонам — красные, расшитые золотом лакеи. Сбоку — входная касса и турникет. У самого входа — правительственное объявление: среди золотых гербов можно разобрать слова: «Территория всемирной выставки неприкосновенна». На всех

стенах, столбах и машинах красуются разноцветные афиши с огромной надписью: *Фаина. Песня Судьбы.*
Толпа густою волною проливается в турникет. Среди других проходят Герман с Другом.

Г а з е т ч и к и (музыкальная гамма)

Торжество человеческого гения!
Последние открытия науки!
Клоуны, акробаты, разнообразный дивертиссемент!
Неприкосновенность территории всемирного «Дворца Культуры» обеспечена государством!
Семьдесят седьмой выход знаменитой Фаины!
Знаменитая Фаина исполнит «Песню Судьбы»!
Всемирно известная Фаина!
Фаина, самая красивая дива мира!

Г е р м а н (озирается кругом;
его ноздри раздуваются)

Как же вы узнали, что я здесь?

Д р у г

Как не найти лучшего друга...

Г е р м а н

Какой шум! Какая музыка! Какой ветер в этом городе! С минуты, как я вышел из дому, сбился с пути и шел, очарованный этим странным и печальным видением, — не прекращается ветер. Неужели так всегда?

Д р у г

Всюду ветер.

Г е р м а н

Господи, как это хорошо! Всюду — ветер! И всюду — такая музыка! Если бы я ослеп, я слышал бы только этот несмолкающий шум! Если бы оглох, — видел бы только непрерывное, пестрое движение! *(Сжимает кулаки и вытягивает руки, как человек, не знающий, как применить избыток играющей силы.)*

Д р у г

Я вам завидую. Забавно видеть взрослого младенца, для которого все — внове.

Герман

...И я пришел на городскую площадь...
Какое дымное стояло утро!
И в дымном утре — слабый женский голос
Пел о свободе. Я не мог понять,
Откуда голос и откуда песня.
Я стал смотреть вокруг себя, и поднял
Глаза наверх. И увидал окно,
Заделанное частою решеткой, —
Окно тюрьмы. И тихо поглядели
В мои глаза — спокойные глаза...
Какие светлые! С какою грустью!
Там девушка была...

Друг

Я полагал, однако,
Что вы насмешливей, мудрей и тоньше,
Что вы пришли с иронией сюда,
Чтоб только наблюдать, не предаваясь
Какому-то блаженному лиризму.
Опомнитесь и прогоните жалость.

Герман

Мне только передать хотелось вам
Видения таинственные жизни:
Рассказ о том кровоточивом нищем,
Который протянул за подаяньем
Уродливый обрубок, вместо рук;
О мальчике, попавшем в колесо
Извозчичьей кареты; о безносой,
Которая смотрела на меня
Свинцовым взглядом из-под красных век.
И так — везде. И это — неотступно.
Но жалости не знаю никакой...
А может быть, узнать мне надо жалость?

Друг

Нет, наблюдайте этот мир, смеясь.
И радуйтесь, что вы здесь — гость случайный;
Гоните жалость плетью смеха! Если ж

Разжалобитесь вы, что люди гибнут, —
Тогда я сам над вами посмеюсь!

Г е р м а н

О, самому мне ненавистна жалость,
Но также ненавистен этот смех!
То и другое — недостойно жизни:
Всегда жалеть — и мимо жизнь пройдет,
Всегда смеяться — протечет сквозь пальцы!
За смехом и слезами — жизнь влечется,
Как вялый недоносок, бледный сон!
Они — как серый занавес над сценой!
Они — как хмель, скрывающий от пьяниц
Многообразие живого мира!
Я трезвым быть хочу! Вы обещали
Мне пышный пир Культуры показать!

Д р у г

Да, мы в стенах Дворца Культуры. Надпись
Узорная, как надпись у ворот
Таинственного Дантовского Ада,
Гласит об этом. Мы пойдем в толпу
И будем наблюдать людскую тупость.

Они вмешиваются в толпу.

Т о л п а

Тише! Тише! Профессор говорит!

Розовый старичок с очками на длинном носу лезет дрожащими
ногами на эстраду.

С т а р и ч о к

Милостивые государины...

Т о л п а

Не слышно! Громче!

К о к о т к а (*щиплет подругу*)

Это он меня называет государыней. Го-го-го!

Д е в у ш к а (иностранцу)

Если вы будете продолжать, я позову полицию...
или дам вам пощечину...

И н о с т р а н е ц (самодовольно
глядит бритую щеку)

Территория всемирной выставки неприкосновенна...

Д е в у ш к а

Нахал!

С т а р и ч о к (громче)

Милостивые государи. В этом главном здании всемирной выставки собраны все продукты новейшей промышленной техники. Вы убедитесь воочию, сколь неутомима деятельность человеческого ума...

Т о л п а

Ума! Ума!

С т а р и ч о к

И сколь велика сила человеческого таланта...

Т о л п а

Таланта! Таланта! О-го-го!

С т а р и ч о к

Сегодня я произношу в семьдесят седьмой раз слово о торжестве человеческого прогресса. Мы, ученые, можем смело сказать, что наука — единственный путь, на коем человечество преодолевает все преграды, поставленные ему природой. В недалеком будущем, милостивые государи, люди перестанут тяготиться странством, ибо — вот автомобиль системы Лаунса, пробегающий полтора ста километров в час!

Представитель фирмы выступает и расшаркивается.

Т о л п а

О! О! В один час!

С т а р и ч о к

Вы видите, что знание опередило веру в чудесное. Нет более чудес, милостивые государи. Вам нечего же-

лать после того, как я познакомлю вас с последним великим открытием...

Т о л п а

О-го-го! Нечего желать!

С т а р и ч о к

Перед вами — летательный снаряд, обладающий чрезвычайной силой. Это последнее великое изобретение, сулящее нам в будущем возможность сообщения с планетами.

Т о л п а

О! О! С планетами!

С т а р и ч о к

Снаряд этот, обладающий минимальным весом, приготовлен из легчайшего матерьяла. Но, милостивые государи, сила его летательных мышц такова, что своими гигантскими крыльями он легко может раздавить и пожрать человека...

Т о л п а

О! О! Пожрать человека! О-о-го-го!

С т а р и ч о к

Сию минуту, господа, движение крыльев будет демонстрировано.

Рабочий нажимает невидимую кнопку, и крылья летательной машины начинают медленно вращаться. Оглушительные аплодисменты. Старичок, поправляя очки, лезет вниз. Немедленно его заменяют на эстраде акробаты и клоуны.

К л о у н

Позвольте познакомить вас с последним открытием науки. Нет более чудес, милостивые государи! Сила моей семьдесят седьмой летательной пощечины такова, что этот человек улетит высоко и исчезнет с горизонта вашего зрения!

Дает печальному человеку в черном фраке звонкую оплеуху. Человек с неизменным лицом перевертывается несколько раз в воздухе и кубарем улетает за эстраду. Рукоплескания, хохот.

Герман

Тупые, точно кукольные люди!
Все, что я видел, не смешно, а грустно...
Но где же пышность, золото и блеск?

Друг

Вы видите сияющие буквы:
Фаина — вот зачем пришла толпа.

Герман

Фаина? Где же дивная Фаина?
Который раз мне говорят о ней,
А я себе представить не умею
Ее лица: оно как будто тенью
Закрывается от меня... И кто она?

Друг

Какая-то каскадная певица,
Сумевшая привлечь к себе толпу...

Герман делает нетерпеливое движение. На эстраду входит оратор.

Оратор

Граждане! Территория всемирной выставки свободна и неприкосновенна! Здесь, в царстве прогресса и человеческого гения, я обращаюсь к вам, как к братьям, с речью о погибающем брате! Час тому назад раскрыт заговор величайшей государственной важности. Руководителю уже вынесен смертный приговор. Но, по законам нашей свободной страны, граждане, каждый из нас имеет право заявить о своем желании быть казненным вместо преступника. Я взываю, братья, к вашему великодушию! Кто из вас отдаст жизнь за осужденного брата? (*Молчание.*) Братья-граждане! Дело идет не о жизни и смерти! По всей вероятности, правительство свободной страны помилует того, кто захочет благородно пожертвовать жизнью! Оно помилует и преступника, которому достаточным наказанием послужит самоотверженность брата. (*Гул. Отдельные возгласы.*) Я не

скрываю, граждане, что есть опасность. Ибо брат наш посягнул на благосостояние самого государства...

Молчание. Подождав немного, оратор сходит с трибуны. Все становятся к нему спиной, пока он расчищает себе дорогу.

Г о л о с к о к о т к и

Что ж ты сам не пойдешь!

Г е р м а н *(бледный)*

Его казнят... Что меня удержало?

Д р у г *(смеясь ему в лицо)*

Любопытство.

Г е р м а н

Нет! Клянусь вам, нет!

Д р у г

Что с вами? Неужели вам не смешно?

Г е р м а н *(сосредоточенно)*

Господи! Что же? Предал? Совесть, совесть... *(Поднимает голову.)* Нет! Чистая совесть... *(Овладевает собой.)* Вы должны показать мне Фаину. Где она? Мне больше ничего здесь не надо...

Д р у г

Успокойтесь, она скоро появится на эстраде. Вы подозрительно интересуетесь ею.

Б е з у м н ы й ч е л о в е к *(врывается)*

Фаина! Фаина! Здесь Фаина! Здесь прошла!

Т о л п а

Фаина! Здесь? Фаина? Я не видал! Здесь?

С того конца зала, где движутся крылья машины, раздается короткий вой.

Что? В чем дело? Человека раздавили? Машина раздавила человека!

Сквозь толпу пробирается медицинский персонал.

Д а м а (передергиваясь)

Как это больно, должно быть...

Г а л а н т н ы й д о к т о р

О, нет, сударыня, нисколько: без следа...

Герман, удерживаемый Другом, бросается к выходу. Но уже с улицы доносится сначала смутный, потом разрастающийся гул и рев. Крики: «Фаина! Фаина!» Герман сжат толпой, которая, отхлынув, оставляет широкий путь посредине.

Теперь виден в толпе грузный человек в широкой шляпе. Это — печальный Спутник певицы. Он на целую голову выше других, ходит тяжелой поступью и смотрит только на Фаину.

Красные лакеи распахивают настежь ворота Дворца Культуры. Там появляется огромный черный автомобиль, украшенный розами. Он медленно и бесшумно подплывает к эстраде. При несмолкаемом реве толпы в стенах и за стенами Дворца, в волнах восторженных взоров мужчин и завистливого женского ропота, — выходит из автомобиля и тихо всходит на эстраду — Фаина. Она в простом черном платье, облегающем ее тонкую фигуру, как змеиная чешуя. В темных волосах сияет драгоценный камень, еще больше оттеняя пожар огромных глаз. В руке — длинный бич. Не кланяясь, не улыбаясь, Фаина обводит толпу взором и делает легкий знак бичом. Толпа безмолвна.

Фаина поет Песню Судьбы — общедоступные куплеты, — сузив глаза, голосом важным, высоким и зовущим. После каждого куплета она чуть заметно вздрагивает плечами, и от этого угрожающе вздрагивает бич

П е с н я С у д ь б ы

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,
Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!
Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!
Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!
Попробуй кто, приди в мой сад,

Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!
Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!
Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!
Над красотой, над сединой,
Над вашей глухой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

Когда Фаина кончат Песню, несколько мгновений — тихо.
Потом — гром рукошлесканий. Герман пробивается к эстраде
и, воодушевляясь, говорит все громче.

Г е р м а н

Я не могу и не хочу терпеть!
Так вот каков великий пир Культуры!
Там гибнут люди — здесь играют в гибель!
Здесь песней золотою покупают
Достоинство и разум, честь и долг...
Так вот куда нас привели века
Возвышенных, возвышенных мечтаний?
Машиной заменен пытливый дух!
Высокая мечта — цыганкой стала!
Пылали страсти! Царственная мысль,
Как башни шпиль, до неба достигала,
В бесчисленных горнах плавилась душа...
И хор веков звучал так благородно
Лишь для того, чтобы одна цыганка,
Ворвавшись в хор, неистовым напевом
В вас заглушила строгий голос долга!
(Вскакивает на нижнюю ступень.)
Ты отравила сладким ядом сердце,
Ты растоптала самый нежный цвет,
Ты совершила высшее кощунство:
Ты душу — черным шлейфом замела!
Проклятая! Довольно ты глумилась!
Прочь маску! Человек перед тобой!

Фаина выпрямляется и вся становится тонкой и высокой, как
бич, стиснутый в ее пальцах.

Ф а и н а

Не подходи.

Герман вскакивает на эстраду. Взвившийся бич сухим плеском бьет его по лицу, оставляя на щеке красную полосу. Каким-то случайным движением Герман падает на колени и смотрит на Фаину.

В зале стало тихо. Вызывающая улыбка на лице Фаины пропадает. Рука с бичом упала. Взор ее далек и бесконечно печален.

Ф а и н а

Бедный.

И, не забыв поднять свой черный шлейф, Фаина идет за кулисы походкой любимицы публики. В ту же минуту пропадает в толпе печальный Спутник ее, внимательно следивший за происходящим.

Д р у г (в толпе, со свойственной ему серьезностью)

Се человек.

Толпа уже отвлечена слухом о казни.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Огромная уборная Фаины освещена ярко и убрана роскошно и нелепо: загромождена мебелью, саженными венками и пестрыми букетами. В разных местах сидят ожидающие Фаину писатели, художники, музыканты и поэты. Зеркала удваивают их, подчеркивая их сходство друг с другом.

П и с а т е л ь

Господа! В ожидании прекрасной хозяйки, предлагаю вам устроить устное словопрение о качествах ее — явных и скрытых!

В с е (хихикают, один мерзее другого)

Охотно! Извольте! Вот прекрасно!

П и с а т е л ь (становится среди уборной в позу)

Внимание! Я начинаю! — Наподобие древнего певца, прославлявшего, согласно обычаю, красоту и славу мира сего... Но, господа: древнему певцу прежде всего надлежало воздать хвалу своему повелителю, пред лицом которого он имел честь прославлять красоту. В наш просвещенный век, господа, уже не существует повелителей... *(Многозначительно улыбается; общее одобрение; белобрысый юноша аплодирует, кричит*

и брызжет слюнями.) Тем не менее, я вижу среди нас нашего маститого Ивана Ивановича... Предлагаю вам, господа, почтить высокоуважаемого Ивана Ивановича безмолвным вставанием, ибо аплодисменты здесь неуместны.

Все встают и кланяются. Белобрысый юноша перегибается вдвое.

Знаменитый писатель

Я тронут. Право, это некстати, господа! Здесь, — в храме красоты и прогресса, мы все равны. Вы застигли меня врасплох, я извиняюсь за неудачный экспромпт. Там, за стенами этой уборной — шумное пиршество культуры. Если там, где гудит радостная толпа, приветствуя завоевания человеческого духа, — нет более рангов, как справедливо заметил мой младший коллега, — то тем более здесь, в уборной самой красоты, мы все равны... Итак, господа... да здравствует красота!

Все (*режут*)

Да здравствует красота! Да здравствует Иван Иванович!

Пьяненький журналист затягивает «со святыми упокой», но его усовещивают. — Белобрысый юноша быстро пишет в книжке.

Юноша

Завтра — в «Луч Истины»! Послезавтра — все перепечатают!

Писатель

Воздав должное гению нашего маститого Ивана Ивановича, я начинаю восхвалять красоту... За неимением лиры, беру сей стул! За отсутствием котурнов, встаю на табурет...

Репортер

Он всегда отличался остроумием...

Другой писатель

Вот и заврался, голубчик! Котурнов-то тогда и не носили!

П и с а т е л ь

Ну, вот, не все ли равно... Помешал... свинья... испортил настроение... *(Ворча, слезает с табурета.)*

В с е

Продолжайте! Продолжайте! Только что стало весело.

З н а м е н и т ы й п и с а т е л ь

Я повторяю, господа: все мы равны. Оставим личные счеты. Здесь не к чему делать исторические справки, это могло бы составить предмет особого доклада. Кто желает нарушать наше веселье, пусть удалится отсюда...

Ч е л о в е к в о ч к а х

Господа, мы говорили здесь о Фаине. А знает ли хоть кто-нибудь из нас серьезно, кто такая Фаина?

П и с а т е л ь

Только уж, ради бога, не серьезно... Вы всех умолите... Он имеет обыкновение говорить не менее двух часов подряд...

Д р у г о й п и с а т е л ь

Не любо — не слушай...

З н а м е н и т ы й п и с а т е л ь

Позвольте-с. Здесь говорят все, без различия направлений. Пусть и символисты выскажутся по интересующему нас вопросу.

Ч е л о в е к в о ч к а х

Когда я смотрю на Фаину, мне часто приходит в голову: почему это сюда допускаются только писатели, художники, артисты, — а не допускаются простые смертные...

П и с а т е л ь

Вон куда он метит! Это, значит, обличительная речь!

Д р у г о й п и с а т е л ь

Оставьте его. Ведь он, в конце концов, сам себя высечет...

Ч е л о в е к в о ч к а х

Может быть, мои слова будут не всем приятны. Право, господа, все мы ужасно односторонни и не видим лица самой жизни. Мы слишком много пишем, говорим, спорим...

П и с а т е л ь

Так вы бы и не спорили...

Д р у г о й п и с а т е л ь

И не писали...

Т р е т ь и й п и с а т е л ь

Я говорил, что он сам себя высечет!

Ч е л о в е к в о ч к а х

Мне хотелось бы все-таки договорить. — Вам не понять Фаину...

П и с а т е л ь

Где уж нам...

Ч е л о в е к в о ч к а х

Она принесла нам часть народной души. За это мы должны поклониться ей в ноги, а не смеяться. Мы, писатели, живем интеллигентской жизнью, а Россия, неизменная в самом существе своем, смеется нам в лицо. Эти миллионы окутаны ночью; еще молчат их дремлющие силы, но они уже презирают и ненавидят нас. Они придут и, знаю, принесут неведомые нам строительные начала. Останется ли тогда какой-нибудь след от нас? Не знаю. В моей душе разверзается пропасть, когда я слушаю песни Фаины. Эти песни, точно костры, — дотла выжигают пустынную, дряблую, интеллигентскую душу. Слушая ее голос, я чувствую, как слаб и ничтожен мой голос. Может быть, уже пришли люди с новой душой, и прячутся где-нибудь среди нас, неприметно. Они ждут только знака. Они смотрят прямо

в лицо Фаине, когда она поет Песню Судьбы. Вы не слушайте слов этой песни, вы слушайте только голос: он поет о нашей усталости и о новых людях, которые сменяют нас. Это — вольная русская песня, господа. Сама даль, зовущая, незнакомая нам. Это — синие туманы, красные зори, бескрайные степи. И что — слова ее песни? Может быть, она поет другие слова, ведь это мы только слышим...

П и с а т е л ь

Ишь, какой символ загнул.

Д р у г о й п и с а т е л ь

И вовсе это не символ, а плохая аллегория. Наш почтенный коллега не принадлежит к видным представителям символизма...

З н а м е н и т ы й п и с а т е л ь

Недурно. Интересно. Хотя немного отвлеченно и туманно. Впрочем, я обратил бы этот упрек ко всей новой школе. Побольше бы красок, сочности, жизни...

Ч е л о в е к в о ч к а х

Ведь я и говорил о недостатке жизни...

П и с а т е л ь

Довольно, довольно!

Ч е л о в е к в о ч к а х *(скромно садится в угол)*

Я кончил. Извиняюсь, что долго утруждал внимание.

Д р у г о й п и с а т е л ь

Противный ломака. А он таки сделает карьеру.

Х у д о ж н и к

Господа, я занимаю место выбывшего из строя оратора. К чему мне лира и котурны, символы и настроения? Я — только художник. Итак, я буду иметь удовольствие рассказать вам, как и при каких обстоятельствах мне привелось...

Л а к е й (в дверях)

Госпожа Фаина не очень здорова и просит не тревожить ее сегодня.

О б щ и й г а л д е ж

Ну, вот еще! — Не в первый раз! — Я не уйду! — Не прогонит же она!

З н а м е н и т ы й п и с а т е л ь

Скучно, господа, о, как скучно. Все вы ссоритесь по пустякам... Я уйду. *(Надевает калоши и шляпу, уходит. Все некоторое время молчат.)*

П и с а т е л ь

А он знает, когда уйти.

Д р у г о й п и с а т е л ь

Не прогадает. Не уйти ли и нам? Говорят, великие писатели знают все, что будет, надолго вперед.

П и с а т е л ь

Да ну, сиди. То — великие, а мы — невеликие. Прогонит, — так и ладно, а не прогонит, — так он же и останется в дураках.

Однако все волнуются. Один молчаливый поклонник, который все время вертел в руках коробку пудры с туалета Фаины, роняет ее. Пудра поднимается облаком. Все хохочут, стараясь скрыть испуг.

П о э т

Она и так не в духе. Что же нам делать? Разве подобрать, господа?

П и с а т е л ь

Подбирайте сами.

Поэт разыскивает щетку и начинает мести.

Д р у г о й п и с а т е л ь

Он выметает сор из храма...

Художник зарисовывает прилежно метущего поэта в альбом. Музыканты мурлыкают что-то, обнявшись. Все стараются принять

непринужденные позы. Открывается дверь, и порывисто входит Фаина. Между бровями у нее — гневная складка. Она останавливается среди комнаты, швырнув в угол бич. Все вскакивают.

Фаина

Что это за люди? Я велела не принимать.

Писатель *(подобострастно)*

Писатели, художники, поэты осмеливаются тревожить вас...

Фаина *(гневно)*

Писатели? Художники? Поэты? — Вон!

Писатель

Но, лучезарная...

Фаина *(топает ногой)*

Вон.

Вся компания, согнув спины, неловко выползает в дверь.

Фаина

Старуха! Туши огни.

Она садится в кресло перед большим зеркалом. Сбоку, из маленькой двери, выходит старая старуха и тушит огни, оставляя только один — над зеркалом.

Старуха

Хайть будут тебя, дитяtko, хайть будут...

Фаина

А, ну их! Пусть хают. Очень надо. — Ох, устала я, старуха... Так устала... Не глядеть бы глазам моим... Расчесывай волосы. Рассказывай сказки.

Старуха *(расчесывая темные волосы Фаины, рассказывает привычно дребезжащую сказку)*

«Как с далекого синего моря выплывала белая лебедка с девичьим ликом. Выплывала она из терема по вечерней заре, в кудри черные жемчуга впутаны, крылья белые, как пожар, горят»...

Ф а и н а

Дальше. Про лебедь я знаю.

С т а р у х а

«Как из дальней пристани выбегали корабли, тридцать три острогрудых корабля. Как на первом корабле — добрый молодец, и стоит он под ветрилом шахматным»...

Ф а и н а

Под шахматным ветрилом? Вот это я люблю.

С т а р у х а

«На черных кудрях — шапочка заморская, а на статных плечах — кафтан расписной. Щеки румяные, а губы — что малина»...

Ф а и н а

Ну, кончай скорее.

С т а р у х а

«Как завидел добрый молодец лебедь белую, загорелся весь. Говорит он белой лебеди: а и станешь ли, лебедь белая, молодой женой добру молодцу? Как сказало, так и сделалось»...

Ф а и н а *(разочарованно)*

Так и сделалось?

С т а р у х а

«...Так и сделалось. Обернулась лебедь белая — чудной девицей — раскрасавицей, ни дать ни взять — Фаина прекрасная. А и взял он ее за белые руки»...

Ф а и н а

Ах...

С т а р у х а

«...И увез он ее за море, и поставил ей терем среди бела вишенья, и постлал ей перину пуховую»...

Ф а и н а

Молчи, старуха. Не знаешь новых сказок, так молчи.

Фаина опускается в кресле и бледнеет. Лицо у нее теперь простое, почти — детское: лицо прекрасной женщины, которая устала и не хочет нравиться.

Тихо, никем не замеченный, входит Герман с кровавой полосой на щеке. Он останавливается в самом темном углу, смотрит на Фаину сзади и слабо отражается в зеркале. Но зеркало заслонено старухой, и Фаина не видит Германа.

Ф а и н а

Рассказала бы сама, да словами сказать не умею. А хорошая сказка: как весна была, ветер плакал, а молодлица на берегу ждала... И плывет к ней на льдине такой светлый... так и горит весь, так и сияет... будто сам Иисус Христос... Только вот — слов не подобрать... *(Задумывается.)* Верно, скучают без меня парни... А мне их не надо. Никого мне не надо. Стояла над рекой, да ждала... Люблю я свою реку, старуха...

С т а р у х а

Река хорошая, полноводная...

Ф а и н а *(смотрит в зеркало)*

Давай погадаем, как, бывало, гадала на Святках, — не увижу ли в зеркале жениха? Только у меня тогда такого зеркала не было... Нет, не вижу... Отойди, старуха: тебя только и вижу за собой. Какая ты старая, сморщенная...

С т а р у х а *(отходит)*

Старая, дитяtko, старая...

Ф а и н а *(всматривается)*

Не обмани, зеркало: кого увижу, тот и будет жених. *(Вскрикивает.)* Господи!

С т а р у х а

Что ты, дитяtko?

Ф а и н а

Вот страшно, родная, вот страшно...

Старуха

Что ты, что ты, господь с тобой...

Файна

Смотри, старуха: видишь, какой стоит? На щеке — черная полоса. С нами крестная сила! Не хочу такого!.. Не хочу!.. (*Герман делает шаг вперед.*) Смотри, идет, идет... Ах, вот что! (*Ее глаза загораются гневом; она оборачивается.*) Кто тебя впустил?

Герман

Сам пришел.

Файна

Как же ты посмел?

Герман

Хочу смотреть на тебя.

Файна

Хочешь — ударю еще?

Герман

Бей.

Файна (*встает*)

Вот какой ты? Кто же ты такой?

Герман

Человек.

Файна

Человек? В первый раз слышу. — У тебя лицо в крови.

Герман

У меня — сердце в крови.

Файна

Так ты — человек? Хорошо, посмотрим. (*Она берет его за руку и с минуту пристально смотрит ему в глаза; он выдерживает взгляд этих огромных, безумных и тайне печальных глаз.*) Влюбился? А если мне с тобой скучно станет?

Герман

Скучно станет — прогонишь. — Я много понял. Тут все только и начинается. С тех пор, как ты ударила меня бичом.

Фаина *(с улыбкой)*

Что начинается-то? Как влюбился... а за что? Я своего лица не люблю: видишь, какая я усталая, бледная. В меня только издали влюбляются. — А подойдут, и сейчас прочь отойдут. Да разве в меня можно влюбиться? Я — случайная.

Герман

Ты — вечная. Как звезда.

Фаина *(смеется)*

Как звезда. Звезда падучая... Ну, прости, что я тебя ударила... иди...

Герман

Куда я пойду?

Фаина задумалась. Герман отходит к двери.

Фаина

Куда ты?

Герман

Ты велела уйти.

Фаина *(встает)*

А может быть, я все неправду сказала! Ты думаешь, правда, я не люблю своего лица? Думаешь, мало мне руки целовали? Миллион раз. Только я — не хочу. Мне надо просто, ласково. Как молитва. Никто не достоин!

Герман *(тихо)*

Прощай.

Фаина

Постой. Ты боишься меня? Подойди... вот сюда... сюда... У тебя в глазах что-то... простое: как ни у кого... *(Она поворачивает Германа за плечи и смотрит ему в глаза смеющимися, суженными глазами. Он закрывает глаза. Тогда она обвивает его шею руками и с жадным любопытством целует в губы.)* Ну, поцеловала, и что же? Больше ничего! А ты думал, что-нибудь? Эх, ты!

ПЯТАЯ КАРТИНА

Широкий пустырь озарен осенней луной. — На втором плане — какое-то заколоченное здание. Вокруг пятна лунного света.

От здания к первому плану спускается пологая площадь, на которой разбросаны груды щебня, кирпичи и бревна, а местами растет пышный осенний бурьян. За углом здания открывается просторная даль.

Бесконечная равнина. Кой-где блестят вдоль речного русла тихие заводы — след частых осенних разливов; за купами деревьев серебрятся редкие кресты церквей. Где-то вдали — сигнальные семафоры, сменяющие зеленые и красные огни, указывают направление железнодорожной линии. Оттуда изредка доносится глухой рокот и свист ползущего поезда. За полями — светлые осенние леса и тихое зарево очень далеского пожара. На горизонте — неясные очертания фабричных труб и городских башен. Справа — часть резной решетки парка с калиткой. За нею — сквозь бледное золото кленов серебрятся осенние пруды и в глубине, полускрытый в камышах, покачивается сонный белый лебедь.

При поднятии занавеса некоторое время стоит тишина. Издали доносится пение раннего петуха. Проползает поезд. И опять тишина. Потом набегаеет ветер, клонит колючий бурьян, шуршит в крапиве и доносит звон колокольчика, торопливое громыханье бубенцов и конский топ. Где-то близко останавливается тройка.

Через минуту, на фоне необъятной дали и зарева, является Фаина. Несколько времени она стоит и смотрит в даль. Ее волосы закрыты черным платком, а зарево — как сияние над головою. На ней — праздничное русское платье, похожее на сарафан.

Фаина возбуждена чем-то, бледна, глаза пылают. Она рвет и мнет алые ленты у пояса под набегающим ветром.

За Фаиной идет ее огромный, грустный Спутник, в сером пальто, в широкой мягкой шляпе, с толстой тростью в белой руке. Движениями, костюмом, осанкой он напоминает императора или знатного иностранца, пожелавшего посетить инкогнито чужую, дружественную страну. Когда он садится, тяжело дыша, на большой камень среди пустыря, борода его опускается низко, а на руке, держащей трость, переливается в лунном свете драгоценный перстень.

*Фаина (бродит, волнуясь,
среди бурьяна)*

Сплю на лебяжьем пуху — забываю все на свете! Скачет тройка, — еще можно дышать, пока ветер свищет в лицо! А проснешься или приедешь куда-нибудь, — нечего с собой делать! Ни сна, ни ветра, — ничего! Ветер, ветер! Вы-то знаете, что такое ветер? Господи! Вы не можете сделать шагу, чтобы не сесть!

Спутник (просто)

Я устал.

*Фаина (нервно обрывает
листья)*

Мне что за дело! Вы исполняете мои прихоти, вы катаете меня на тройках, а что еще можете вы для меня сделать? Разве вы — мужчина? Посмотрите, какова я из себя? Со мной всякий на край света убежит! Вот возьму, да уйду от вас...

*Спутник (тяжело
поднимает голову)*

Я знаю, что вы давно думаете об этом, Фаина. Но что же мне делать? Мы непохожи друг на друга. Может быть, за то я и люблю вас такой безнадежной любовью. *(Опять опускает голову.)*

Фаина

Вы меня любите? За такую любовь — бьют! Смотрите, какая ночь! Даль зовет! Смотрите — там пожар! Гарью пахнет! Везде, где просторно, пахнет гарью! Садится на краю обрыва, обняв колени, и смотрит в даль, колдуя очами.

С п у т н и к

Фаина, роса большая. Вы потеряете голос.

Ф а и н а *(не оборачиваясь)*

Оставьте меня. *(Говорит, обращаясь в пространство.)* Жених мой! Статный, русский, дивные серые очи! Приди, взгляни. Долго ждала тебя, все очи проглядела, вся зарей распылалась, вся песнями изошла, вся синими туманами убралась, как невеста фатой.

С п у т н и к

С кем вы говорите, Фаина?

Ф а и н а *(не обращая на него внимания)*

Жених мой, приди ко мне, суженый, погляди на меня! Погляди ты в мои ясные очи, они твоей бури ждут! Послушай ты мой голос, голос мой серебряной речкой вьется! Разомкни ты мои белые рученьки, тяжелый крест сыми с моей девичьей груди! *(Простирает руки над обрывом.)* Они так рано будят меня, как черное воронье, вьются надо мной и не дают мне спать. А ты хоронишь меня от всех напастей, никому не даешь прикоснуться, сказки мне говоришь, и лебяжью постелю стелешь, и девичьи мои сны сторожишь. Тебя, светлый, жду, бури жду, солнца красного жду! Встань, солнце, развей туманы, светлым ветром разнеси!

Спутник встает с камня и поднимает шляпу со лба. Видно его лицо: отекающее, со следами былой красоты; на нем самая грая буря не пробудит ничего, кроме тупого страдальческого волнения.

С п у т н и к

Фаина... Вы гениальны...

Ф а и н а *(протерла руки над обрывом и бормочет в вещем сне)*

В ту ночь, когда горели деды, за красным пламенем привиделся ты мне на том берегу. И бросилась я в поле, себя не помня, всю душу тебе отдала, все песни мои на волю пустила, как птица, летела всю ночь, всю

ночь... Мало тебе этого? Ты обманул меня. Когда пою я бесстыжую песню, разве я эту песню пою? О тебе, о тебе пою! Мало тебе, что люди — как рабы передо мною? Рукой махну — золотом осыплют, на смерть пошлю — и на смерть пойдут? Мало тебе, что берегу себя, как зеницу ока, что воли не даю красоте своей, что мимо всех смотрю? Или не слышишь? Ветер осенний, донеси голос мой! Река разливная, донеси милому весть обо мне!

С п у т н и к (с волнением)

Фаина, милая, успокойтесь... вы расстроены... Вам надо отдохнуть...

Ф а и н а (заломив руки)

Боже мой! Ты слышишь — он уводит меня! Старый, тихий, властный — опять уводит меня! Услышь меня! Услышь! Освободи!

Останавливается и ждет. Ее голос, прозвев где-то серебряным эхом, замирает.

С п у т н и к (бережно)

Фаина...

Ф а и н а (в страшном гневе)

Никогда!.. Я говорю вам: никогда! Я жизнь мою проспала! Не буду спать всю ночь! Мне вас не надо! (Бросается на землю.) Родимая! Родимая! Бури! Бури! Или — тишины! Дай тишины, черной твоей, тишины твоей несмутимой!.. (Встает с сверкающими алмазами слез в очах.) Вон там, за решеткой... тихо... белый лебедь спит... — Слушай! (Гневно топает ногой.) Ты придешь. Ты найдешь меня! Бросаю тебе мою алую ленту!

Порывисто срывает алую ленту от пояса и бросает ее вниз с обрыва. Потом быстро идет к решетке, открывает калитку и углубляется в парк. За ней — тяжело идет грустный Спутник.

Тишина. Далекий рокот поезда. Луна бледнеет. Заря. Петухи начинают перекличку — все дальше, все дальше. Утренник налетает, шелестя все смелей и вдохновенней. — И медленно возрастает и ширяся, поднимается первая торжественная волна мирового оркестра. Как будто за дирижерским пультом уже встал кто-то, сдерживая до времени страстное волнение мировых скрипок.

Подымаясь на откосе, легким прыжком вскакивает на то место, где колдовала и звала Фаина, Герман. Шрам от удара бича еще заметен на его озаренном лице; в расширенных глазах — предчувствие бури. Как Фаина, он встает над откосом и смотрит в даль. В руках у него — алая лента.

Через мгновение взбирается на откос, пожимаясь от утреннего холода, Друг Германа.

Герман

Утро! Утро!

Друг

Когда вы утомитесь, наконец? Таскаете меня за собой всю ночь по каким-то пустырям и тычете в нос красотами природы, когда мне смертельно хочется спать...

Герман

Хотел бы я знать, кто уронил красную ленту? Какая алая лента — как заря! И пахнет свежими духами!

Друг (*посмеиваясь*)

Должно быть, какая-нибудь прекрасная незнакомка оставила вам ленту. Вы очень возмужали и похорошели, Герман; пожалуй, певица не стала бы теперь щелкать вас бичом...

Герман

Вы и над этим смеетесь, будто не знаете, как это важно для меня. Не лицо, а все сердце облилось кровью. Сердце проснулось и словно забилося сильнее... Я услышал тогда волнующую музыку — она преследует меня до сих пор: с каждым восходом солнца — все громче, все торжественней. По ночам я просыпаюсь внезапно, и чей-то голос говорит мне: «ты избран, ты избран». И больше я уж не могу уснуть: я блуждаю по улицам очарованный, я бросаюсь в поле, в эту пьяную осеннюю гарь! Так проходят дни и недели, — и душа как шумный водопад! Если бы знать, куда направить ее силу! Я не знаю! Знаю, сколько дела, и не умею начать, не умею различить! И опять — тот же голос шепчет, остерегая, что утро не наступило, что туман не поднялся, что нельзя различить в тумане

добро и зло... но я хочу! Боже мой! Какая страшная радость, какое тяжелое бремя — этот хмельной, голодный, вечно влюбленный дух!

Налетает ветер и пригибает бурьян, — и скрытый на мгновение за склоненным бурьяном Друг говорит смеющимся вызывающим голосом.

Д р у г

Вечно влюбленный дух! Берегитесь, Герман. Вы ушли из дому. Вас ждет жена. Эй, Герман, чиста ли ваша совесть, с которой вы так носитесь?

Г е р м а н *(вздрагивает)*

Я забыл, что вы здесь. — Какой у вас иногда страшный голос! Я не вижу вас — где вы? — Ах, это ветер спрятал вас в бурьяне... Да, я ушел из дому, я понял приказание ветра, я увидел в окно весну, я услышал песню судьбы! Разве преступно смотреть в окно?

Д р у г

Берегитесь, Герман.

Г е р м а н

Не испугаете больше, — вижу вас, знаю вас давно. Я бежал от нее! Я бежал от ее поцелуя! Бежал, падал, и опять бежал, — и вот забыл ее! Не помню ее лица! Не помню даже этих страшных глаз!

Друг радостно хохочет. И ветер хохочет с ним вместе.

Д р у г

Однако вспомнили глаза! Правда — красивые глаза?

Г е р м а н

Вы не понимаете меня! Вы думаете, что я — раб? Нет, я свободный! Я не знаю только, куда идти, но все пути свободны!

Д р у г

И вы пойдете всеми зараз...

Герман (*кричит*)

Я верен! Я верен! Никто не смеет заикнуться об измене! Вы ничего не понимаете! Путь свободен, ведь здесь только и начинается жизнь! Здесь только и начинается долг! Когда путь свободен — должно неминуемо идти. Может быть, все самое нежное, самое заветное — надо разрушить! Ведь и весна разрушительна: весной земля гудит, зори красные, синий туман в лощинах. Слышите, — я должен был уйти из этого тихого дома, от этого безысходного счастья! Потому что ветер открыл окно, монах пришел, сны приснились, незнакомое ворвалось, — не знаю, не знаю...

Друг

Вы так горячо спорите, точно не уверены в себе или хотите оправдаться. Я ведь не обвиняю вас, я приветствую вашу беспринципность...

Герман

Вы ничего не знаете, ничего! Я не один! Я ушел не во имя свое! Меня позвал ветер, он спел мне песню, я в страшной тревоге, как перед подвигом!.. Сердце горит и ждет чего-то, о чем-то плачет, но уже торжествует, заранее торжествует победу. И как будто вся вот эта необъятная ширь — заодно с моим сердцем, тоже горит, и тоскует, и рвется куда-то со мной заодно!

Друг

О чем вы беспокоитесь, не понимаю. Вы страшно заняты собой, вы не находите себе места, вы из кожи лезете, — к чему все это?

Герман (*с возрастающей страстью*)

Вы спрашиваете — к чему? Считайте меня за сумасшедшего, если хотите. Да, может быть, я — у порога безумия... или прозрения! Все, что было, все, что будет, — обступило меня: точно эти дни живу я жизнью всех времен, живу муками моей родины. Помню страшный день Куликовской битвы. — Князь встал

с дружиной на холме, земля дрожала от скрипа татарских телег, орлиный клекот грозил невзгодой. Потом поползла зловещая ночь, и Непрядва убралась туманом, как невеста фатой. Князь и воевода стали под холмом и слушали землю: лебеди и гуси мятежно плескались, рыдала вдовица, мать билась о стремя сына. Только над русским станом стояла тишина, и полыхала далекая зарница. Но ветер угнал туман, настало вот такое же осеннее утро, и так же, я помню, пахло гарью. И двинулся с холма сияющий княжеский стяг. Когда первые пали мертвыми чернец и татарин, рати сшиблись, и весь день дрались, резались, грызлись... А свежее войско весь день должно было сидеть в засаде, только смотреть, и плакать, и рваться в битву... И воевода повторял, остерегая: рано еще, не настал наш час. — Господи! Я знаю, как всякий воин в той засадной рати, как просит сердце работы, и как рано еще, рано!.. Но вот оно — утро! Опять — торжественная музыка солнца, как военные трубы, как далекая битва... а я — здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час! — Вот зачем я не сплю ночей: я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: «Пробил твой час! Пора!»

В глубине парка мелькает черный платок Фаины. Дымятся утренние пруды. В камышах поднимает голову разбуженный лебедь и кричит трубным голосом навстречу восходящему солнцу.

Фаина идет. Движения ее неверны, точно ее захлестнуло смертной тоской, и нет ей исхода, как грозовой туче; ее несет певучий, гнуший бурьян, утренний ветер.

Лебедь кричит и бьет крылами. Наполняя воздух страстным звоном голоса, вторит ему Фаина.

Ф а и н а

Приди ко мне! Я устала жить! Освободи меня!
Не хочу уснуть! Князь! Друг! Жених!

Весь мировой оркестр подхватывает страстные призывы Фаины. Со всех концов земли пабегают волны утренних звонов. Разбивая все окопы, прорывая все плотны, торжествует победу страсти все море мировых скрипок. В то же мгновение на горизонте, брызнув над лиловой полосой дальних туч, выкатывается узкий край красного солнечного диска, и вспыхивает все золото лесов, все серебро речных излучин, все окна дальних деревень

и все кресты на храмах. Затопляя сиянием землю и небо, растет над обрывом солнечный лик, и на нем — восторженная фигура Германа с пылающим лицом. Фаина близится, шатаясь, как во хмелю, и в испуге поднимает руки.

Фаина

Здравствуй!

Герман

Ты хлестнула меня бичом. Ты отравила меня поцелуем. Ты снилась мне все ночи. Ты бросила мне алую ленту с обрыва.

Фаина

Нет, ты — не тот. Он был черен, зол и жалок. Ты светел, у тебя — русые волосы, лицо твое горит господним огнем!

Герман

Смотри, у меня на лице — красный шрам от твоего бича.

Фаина (*хватая его за руку, смотрит ему в лицо*)

Это — солнце горит на твоём лице! Ты — тот, кого я ждала. Лебедь кричит, труба взывает! Час пробил! Приди!

Герман (*в страхе и восторге*)

На лице твоём — вся судьба! Ты — день беззакатный! Час пробил!

Фаина торжественно распускает алый пояс и кланяется Герману в ноги. Лебедь умолк. Только море мировых скрипок торжествует страсть. И, задыхаясь и трепеща, как земля перед солнцем, лебяжьим трубным голосом кричит Фаина.

Фаина

Старый, старый, прощай! Старый, я свободна! Старый, я невеста! — Тройку! Тройку!

Она увлекает Германа туда, где вздрагивают разбуженные ее голосом бубенцы тройки. — Через мгновение раздаётся окрик ямщика, свист и конский топ; голос колокольчика,

побеждая бубенцы, вступает в мировой оркестр, берет в нем первенство, а потом теряется, пропадает, замирая где-то вдали на сияющей равнине.

Печальный, одинокий Спутник садится на большой камень среди пустыря. Его борода совсем опустилась на грудь, его белые руки уронили трость. Драгоценный перстень сияет на беспомощном пальце, как бриллиантовая слеза. И, словно заодно с ним, непостоянный и неверный голос ветра переходит в стон и рыдание, а в воздухе начинают кружиться прощальные тучи золотых листьев.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Дом Германа. Ясный зимний день. Холмы, кусты и дороги
запущены снегом.

Елена стоит в дверях на крыльце, а Друг Германа сходит со ступеней.

Д р у г

Прощайте.

Е л е н а

Все кончено между нами.

Д р у г

Спасибо. Вы прогоняете меня из дому за то, что я люблю вас.

Е л е н а

Нет, не за то.

Д р у г

Не за то ли, что я рассказал вам правду о том, как вам изменил ваш муж?

Е л е н а

В последний раз прошу, не кощунствуйте.

Д р у г

О, я никогда больше не произнесу даже этого имени. — Прощайте...

Е л е н а

Постойте... Вы хоть что-нибудь еще способны понимать, все-таки? Забудьте на минуту, что вы в меня влюблены, вам, право, это не трудно. Скажите мне просто, дружески, как человек другому человеку: хороша собой Фаина?

Д р у г

Я затрудняюсь говорить с вами об этой женщине. Может быть, она и красива, но в ней нет ничего таинственного, ничего женственного. Я могу только удивляться...

Е л е н а

Но ведь вы можете и не удивляться — все дело в этом. Желаю вам всякого благополучия. Мы расстаемся мирно.

Д р у г

Так вы не сердитесь на меня?

Е л е н а

Я — на вас? Никогда в жизни. Хотите, я скажу правду?

Д р у г

Говорите. Вам ведь все равно, если от вашей холодности и презрения я сойду с ума.

Е л е н а

О, нет!.. Вы никогда не сойдете с ума. И никогда вам не надоест ломаться, потому что вы — самый обыкновенный, самый мирный человек. Грозите ли вы, пугаете ли, говорите ли колкости, — никого вы этим не обидите. Вы, что называется, золотая середина... Вот вам и все.

Д р у г

Да, прощайте. Вы никогда не понимали меня, это я знаю. Что делать? — Желаю вам счастья... с вашим монахом...

Е л е н а

Бедный, бедный... Как мне вас жалко... Господи, и такие все люди... какие несчастные.

Друг уходит. — Елена садится на крыльце и тихо плачет. —
Через некоторое время из дверей выходит монах.

М о н а х

Много перенесла ты. Не на легкую жизнь ты родилась. Посмотри на себя: какая ты здоровая, молодая, сильная.

Е л е н а

Как он меня любил... как он меня любил...

М о н а х

А долго ты будешь плакать?

Е л е н а

Всю жизнь... всю жизнь... А ты зачем спрашиваешь?

М о н а х

Разве такие плачут всю жизнь?

Е л е н а

Всю жизнь проплачу... Моего горя не выплакать...

М о н а х

Поплачешь — и перестанешь. Много я видел слез: это только матери слезами исходят; мать, которой ничего в мире, кроме сына, не осталось. А перед тобой — вся жизнь впереди. Вот смотри: белая дорога; ты всю эту дорогу еще пройдешь... Слушай-ка, Елена; сама знаешь, уйти мне отсюда некуда, да и жить осталось немного...

Е л е н а

Что мне до тебя? Хоть живи, хоть помирай, мне все равно; у меня своего горя довольно.

М о н а х

Я не о себе, Елена, забочусь. Ты об одном подумай: вот муж твой ушел...

Е л е н а

Жили бы мирно...

М о н а х

Да разве можно теперь живому человеку мирно жить, Елена? Живого человека так и ломает всего: посмотрит кругом себя, — одни человеческие слезы... посмотрит вдаль, — так и тянет его в эту даль...

Е л е н а

Я понимаю, что ты говоришь. И Герман говорил об этом. Но ведь и я прекрасна. И моя душа как даль.

М о н а х

Твоя душа тиха, Елена. Ты вот слушаешь меня. А та — разве стала бы слушать? Нет ей покоя ни ночью, ни днем...

Е л е н а

Ты говоришь, точно видишь ее...

М о н а х *(смотрит вдаль)*

Вижу, милая. Вижу.

Е л е н а *(в испуге)*

Кого видишь?

М о н а х

Родину мою.

Е л е н а

Не знают люди, не понимают... даже ты не понимаешь. В Писании сказано: пророк увидел господа не в огне и не в буре, но в глазе хлада тонка.

М о н а х

Сам думал, что понимаю, милая. Да нет: тайна сия велика. Где мне понять, кто поймет? Видишь, какой я: и жизни-то во мне осталось, как воску в свече после

обедни; все монастыри обошел, все глаза свои проглядел; а вот — гляжу, и опять тянет, не оторваться...

Е л е н а

Так, значит, не вернется Герман, по-твоему? — Смешной ты. Я думала, — ты умнее. — Да что, она лучше меня, что ли?

М о н а х *(улыбается)*

Сейчас тебе скажи, кто лучше, кто хуже. Да разве можно сказать, что лучше: буря или тишина?

Е л е н а

Стыдись, монах. Посмотри на себя: тебе умирать пора, а ты — влюбился... Господи! И никто-то не утешит! Мой Герман, мой! Нам с ним ничего не надо, кроме тихого, белого дома...

М о н а х

Мать умерла. Белого дома больше не будет, Елена.

Е л е н а

Как не будет? Что ты говоришь? Пойми, Герман вернется! Он все оставил здесь: войди только в дом: все книги, все вещи, даже рваные рукавицы, в которых он копался в этом цветнике, — брошены на столе! Вся душа его здесь...

М о н а х

Душа Германа отдана...

Е л е н а

Да как ты смеешь говорить это мне? Мне, которую он любил и любит! Мой Герман! — Молчи, глупый, глупый монах... *(Плачет горько.)*

М о н а х

Плачь, Елена. Всю душу выплачешь, криком изойдешь, — тогда сама узнаешь...

Е л е н а (встает)

Молчи, монах. Он сказал мне: вернись скоро. (Вся выпрямляется; напряженно смотрит вдаль, на снежный путь.) Вот — сейчас он придет.

В эту минуту доносится с равнины какой-то звук: нежный, мягкий, музыкальный: точно ворон каркнул, или кто-то тронул натянутую струну.

Е л е н а

Ты слышал?

М о н а х

Слышал.

Е л е н а

Что же мне делать?

М о н а х

Оденься потеплее. Зажги венчальную свечу.

Елена послушно уходит в дом. — Монах тихо сидит на крылечке и напевает: «Идеже несть печали и въздыхания»... Выходит Елена с зажженной свечой.

Е л е н а

Так я оделась?

М о н а х

Так, милая.

Е л е н а

Что же мне теперь делать?

М о н а х

Прилепи свечу на крылечке...

Он становится на колени. Елена — за ним. Потом встают.

Е л е н а

Теперь что делать, брат?

Монах тихо напевает: «Жизнь бесконечная»... — Елена, в теплой шубке, стоит перед ним.

Е л е н а

Не пой панихидного. Сердце разрывается.

М о н а х

От радости пою, Елена. Моя радость оттого, что твой милый — жив.

Е л е н а

Жив. Я знаю, знаю.

М о н а х

Рано ему умирать. Только заблудился он. Тут вам обоим и жить, Елена. Наклонись-ка. Вот тебе, милая, на дорогу. (*Вешает ей на шею крестик.*)

Е л е н а

Куда же мне идти, брат?

М о н а х

А вот она, твоя белая, снежная дорога. Путь длинный, путь многолетний. А в конце пути — душа Германа.

Е л е н а

А в конце пути — душа Германа.

М о н а х

Ступай — и найдешь ее. Ты сильная. Иди, родная, господь с тобой.

Е л е н а

Спасибо, братец.

М о н а х

И тебе, милая, за все спасибо.

Е л е н а

Прощай, братец. (*Плачет.*) Тихий дом сохрани.

М о н а х

Сохраню, родная. Господь сохранит тебя.

Елена сходит вниз и смотрит, обернувшись, на свой тихий, запущенный снегом дом. Потом — уходит. Монах осторожно замыкает дверь и запирает ставни. Потом садится на ступеньку и смотрит вслед Елене. На крыльчке горит свеча.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Хмурый морозный день. Пустая равнина, занесенная снегом. Посредине — снежный холм. Ветер свистит и грозит метелью; сквозь ветер звенят как будто далекие, удалые бубенцы. Герман стоит на холме.

Герман

Все миновало. Прошлое — как сон.
Холодный, бледный день. Душа, как степь,
Не скованная ни единой цепью,
Свободная от краю и до краю.
Не вынесла бы жалкая душа,
Привыкшая к домашнему уюту,
К теплу и свету очагов семейных, —
Такой свободы и такого счастья.
В моей душе — какой-то новый холод,
Бодрящий и здоровый, как зима,
Пронзающий, как иглы снежных вьюг,
Сжигающий, как темный взор Фаины.
Как будто я крещен вторым крещеньем,
В иной — холодной, снеговой купели.
Не надо чахлой жизни — трех мне мало!
Не надо очага и тишины —
Мне нужен мир с поющим песни ветром!

Не надо рабской смерти мне — да будет
И жизнь, и смерть — единый снежный вихрь!

Метель запекает, становится темнее.

Г о л о с Ф а и н ы

Эй, Герман! Где ты?

Г е р м а н

Сюда! Ко мне! На снежный холм!

Фаина является из темноты, хватает Германа за руку и любуется им. Метель проносится, становится светлее.

Ф а и н а

Я не могла сдержать коней. Они испугались чего-то, шарахнулись в сугроб и умчались... *(Смеется.)* Вот, теперь мы одни. Что ты стоишь там, наверху?

Г е р м а н

Там — виднее.

Ф а и н а

Здесь виднее! Здесь — я сама! Сядь рядом со мной. Расскажи о себе: ты еще ничего не рассказывал мне.

Г е р м а н *(садится под холмом
рядом с нею)*

Рассказывать нечего. Ничего не было. Что мне делать, я не знаю: ты больше меня. Только у ног твоих вздыхать о славе. Ты смотришь на меня незнакомым, горящим взором: а я ничтожный, я чужой, я слабый, — и ничего не могу... и ничего не помню... ничего...

Ф а и н а

Все — слова! Красивые слова. А детство? Родные, семья, дом, жена? А город? А бич мой — помнишь?

Г е р м а н

Вот только бич. И больше ничего. Удар твоего бича оглушил меня, убил все прошлое. Теперь на душе бело и снежно. И нечего терять — нет ничего заветного... И не о чем больше говорить, потому что душа, как земля, — в снегу.

Ф а и н а

Вот, все вы такие... Точно мертвые... а я живая!
У меня — ни дома, ни родных, ни близких никогда
не было! Куда хочу, туда пойду!

Г е р м а н

Не топчи цветов души. Они — голубые, ранние.
Что тебе до них? Тебя, Фаина, ношу я в сердце. Осталь-
ное — отошло. Может быть, я умру в снегу. Все равно:
могу и умереть. *(Ложится на снег, лицом к небу.)*

Ф а и н а

Опять — слова? Мало ты жил, чтобы умирать! Это
только в сказках умирают!.. *(Вдруг вскакивает и
звонко кричит.)* Эй, берегись! Метель идет!

Налетает снег и с ним — темнота. Из дали слышно — дребез-
жащий голос поет:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча...

Песня обрывается.

Ф а и н а

Слышишь?

Г е р м а н

Кто-то идет вдали.

Ф а и н а *(низко наклонившись,
смотрит на Германа в темноте)*

Идет без дороги, поет песню... Никто не потрево-
жит, все пройдут мимо. *(Обвивает его шею руками.)*
Голубчик мой. Милый мой...

Г е р м а н

Мне страшно, Фаина.

Ф а и н а

Не бойся, мой милый: никто не узнает... Вот такого,
как ты, я видела во сне... вот такого ждала по ночам
на реке...

Герман

Ты смотришь прямо в душу... черными глазами...

Фаина

Неправда. Смотри ближе: это ночью черные глаза. А днем рыжие; видишь — рыжие? Не бойся, Герман, бедный мальчик, милый мальчик, русые кудри...

Еще ближе придвигает к нему лицо. — И опять слышно ближе:

Выди, выди в рожь високою,
Там до ночки погожу,
А завижу черноокою, —
Все товары разложу...

Песня обрывается.

Фаина

Слышишь?

Герман

Не слышу больше... Тихо... Никогда не слышал такой тишины... Там была другая тишина...

Метель проносится, опять светлеет.

Фаина (*садится по-прежнему*)

Эй, Герман! Жена твоя — плачет о тебе?

Герман

Это было во сне, Фаина?

Фаина (*резко*)

Во сне! Слышишь, ветер плачет? Это жена твоя плачет!

Она начинает тревожно вслушиваться: в столах ветра просыпается та же старая нота: будто кто-то рыдает призывно, жалобно, безутешно.

Герман

Не вспоминай, Фаина.

Фаина

Вольна вспоминать! Все вольна! Уйти вольна, задуть — все вольна! Слушай ветер! Слушай!

Герман

За что ты так сурова?

Файна

За то, что ждала и не дождалась! За то, что был ты человеком, пока лицо у тебя было в крови! — Господи! Господи! Стань человеком!

Метель рыдает вдали старыми слезами.

Герман

Ты бьешь меня речами и взорами, как бичом, как метель.

Файна

Я бью тебя за слова! Много ты сказал красивых слов! Да разве знаешь ты что-нибудь, кроме слов?

Герман

Все знаю. Все знаю теперь. Не тревожь: больше не разбудишь ни бичом, ни поцелуем.

Файна *(в тревоге)*

Эй, Герман, берегись! Герман, метель идет!

Герман

Все равно. Не буди. Пусть другой отыщет дорогу.

Файна *(в безумной тревоге)*

Ты засыпаешь, Герман? Пора проснуться, пора! Метель налетает. Мрак и звон. Еще яснее звучат старые слезы.

Герман

Не вижу ничего. Не помню ни о чем. Чьи это очи — такие темные? Чьи это руки — такие ласковые? Чьи это руки — такие пежные? Так ты — невеста моя? Открой лицо.

Файна *(приникает к нему)*

Очнись — все будет по-новому: взмахну узорным рукавом, запою удалую песню, полетим на тройке... Дальше от него... дальше.

Герман (в бреду)

Куда? Все пути заметены...

Фаина

К самому сердцу прижму тебя, желанный. Слушай, слушай, бьется сердце, просыпается сердце, запеваает алая, жаркая кровь, слушай, слушай...

Герман (в бреду)

Слышу, звенит. Кони умчались. Открой лицо: я не помню тебя.

Фаина (в тоске)

Не смертью — жизнью дышу на тебя! (Она прикладывает горсть снега к его лбу.) Милый мой. Желанный, целуй меня. Он зовет! Старый зовет! Властный кличет! Целуй меня!

Герман

Что это? Визжат машины, умирают люди? Да, да: широкие площади, вереницы огней... Это — город, огромный город... Серая башня... из башни кто-то глядит на меня... Кто это? Ах, мать моя, мать. Она кивает. Что ты говоришь? Мать моя! Не слышу...

Фаина

Проснись, родимый! Мать кличет!

Герман

Кто это? Ангел в белой одежде! Золотые пряди волос! Крылья за плечами! Как сияет! в руках — лилия... лилия или свеча? Венчальная свеча! Елена! Господи! Елена!

Фаина (в безумной тоске)

Проснись, Герман! Будет спать! Здесь я одна! Только проснись!

Герман

Она говорит: проснись, Герман. — Нет, нет: ей все равно, все равно... Она показывает мне туда... Как там бело. Она кивает мне... уходит... уходит...

ушла... Больше нет ее. — Холодно. Какой блеск! Какие звуки! Что это? Рог? Сухой треск барабанов! Вот он идет... идет герой — в крылатом шлеме, с мечом на плече... и навстречу...

Ф а и н а (*совсем прикикнув
к нему*)

Что видишь теперь? Что помнишь теперь?

Г е р м а н

Ты — навстречу — неизбежная? Судьба? Какие темные очи. Какие холодные губы. Только не спрашивай ни о чем... Темно... Холодно. Не могу вспомнить... Фаина поднимает голову Германа. Он смотрит на нее широко открытыми глазами.

Г е р м а н

Это все был сон? — Фаина! Ты знаешь дорогу?

Ф а и н а (*с небывалой тоской
и нежностью*)

Ты любишь меня?

Г е р м а н

Люблю тебя.

Ф а и н а

Ты знаешь меня?

Г е р м а н

Не знаю.

Ф а и н а

Ты найдешь меня?

Г е р м а н

Найду.

И внезапно, совсем вблизи, раздается победно-грустный напев, разносимый вьюгой:

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они...
Распрячься ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...

Ф а и н а

Трижды целую тебя. Встретиться нам еще не пришла пора. Он зовет. Живи. Люби меня. Ищи меня. Мой старый, мой властный, мой печальный пришел за мной. Буду близко. Родной мой, любимый, желанный! Прощай! Прощай!

Последние слова Фаины разносит плачущая вьюга. Фаина убегает в метель и во мрак. Герман остается один под холмом.

Г е р м а н

Все бело. Одно осталось: то, о чем я просил тебя, господи: чистая совесть. И нет дороги. Что же делать мне, нищему? Куда идти?

Мрак почти полный. Только снег и ветер звенит. И вдруг, рядом с Германом, вырастает прохожий Коробейник.

К о р о б е й н и к

Эй, кто там? Чего стоишь? Замерзнуть захотел?

Г е р м а н

Сам дойду.

К о р о б е й н и к

Ну, двигайся, брат, двигайся: это святому так простоять нипочем, а нашему брату нельзя, занесет вьюга! Мало ли народу она укачала, убаюкала...

Г е р м а н

А ты дорогу знаешь?

К о р о б е й н и к

Знаю, как не знать. — Да ты нездешний, что ли?

Г е р м а н

Нездешний.

К о р о б е й н и к

Вон там огонек ты видишь?

Г е р м а н

Нет, не вижу.

К о р о б е й н и к

Ну, приглядишься, увидишь. А куда тебе надо-то?

Г е р м а н

А я сам не знаю.

К о р о б е й н и к

Не знаешь? Чудной человек. Бродячий, значит! Ну, иди, иди, только на месте не стой. До ближнего места я тебя доведу, а потом — сам пойдешь, куда знаешь.

Г е р м а н

Выведи, прохожий. Потом, куда знаю, сам пойду.

РОЗА И КРЕСТ

*Посвящается ****

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Арчимбаут (владелец замка в Лангедоке).

Капеллан.

Доктор.

Повар.

Первый Рыцарь.

Второй Рыцарь.

Алискан, паж.

Бертран, по прозванию *Рыцарь-Несчастье*,
сторож замка.

Гаэтан, сеньер Трауменека, трувер.

Рыбак.

Изора, жена графа.

Алиса, ее придворная дама.

Рыцари, вассалы, гости, придворные дамы, повара и прочая челядь, крестьянские девушки, мепесгрели и жонглеры.

Действие происходит в начале XIII столетия; первое, третье и четвертое — в Лангедоке; второе — в Бретани.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Двор замка. Сумерки.

Б е р т р а н (*глухо поет*)

«Всюду беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди».

Странная песня о море
И о кресте, горящем над выюгой...
Смысла ее не постигнет
Рыцаря разум простой.
Голос мой глух и бессилен
Темный напев передать.
Всюду со мной неудача!
Песни любимой Изоры
Я не могу повторить...

Яблони старый ствол,
Расшатанный бурей февральской!
Жадно ждешь ты весны...
Теплый ветер дохнет, и нежном травую

С Ц Е Н А II
Переход в замок.

А л и с а

Святой отец, как вы меня перепугали!

К а п е л л а н

Я не хотел вас пугать, прекрасная дама.

А л и с а

Вы, верно, ждете графа?

К а п е л л а н

Нет, не графа.

А л и с а

Или, чтобы паж передал графине...

К а п е л л а н

И не граф, и не графиня, и не паж... вы не очень проникательны, моя красавица...

А л и с а

Святой отец, я теряюсь в догадках...

К а п е л л а н *(обнимая ее)*

Дело проще, чем вы думаете, дорогая Алиса.

А л и с а

Ваш сан, ваш возраст...

К а п е л л а н

Ну, это я сам знаю, плутовка... ты не откажешься от маленького подарка...

А л и с а

Кто-то идет сюда... оставьте меня, я буду кричать!

К а п е л л а н *(убегая)*

Святой Иаков! Хорошо же, я вам это припомню...

А л и с к а н

Кто здесь шепчется в темноте?

А л и с а

Это я... прекрасный паж... мне страшно... мне по-
чудилось, что здесь кто-то есть...

А л и с к а н

Без сомнения, Алиса. Сейчас в эту дверь шмыгнуло
его преподобие.

А л и с а

Гадкий старикашка!

А л и с к а н

Что он вам сделал?

А л и с а

Он покушался на мою честь... ах, Алискан, я теряю
сознание... я падаю... помогите мне...

А л и с к а н

Что ж я могу сделать? Жалуйтесь графу.

А л и с а

И вы не поможете мне, прекрасный паж?

А л и с к а н

Я не понимаю даже, о чем вы говорите, придвор-
ная дама. — Проводите меня к вашей госпоже. Она
жаждет звуков моей лютни.

С Ц Е Н А III

Покои Изоры.

И з о р а *(напевает)*

«Кружится снег...

Мчится мгновенный век...

Снится блаженный брег...»

Не помню дальше... странная песня! «Радость-Страданье... сердцу закон непреложный...» Помогите вспомнить, Алиса!

А л и с а

Чем я могу вам помочь, госпожа, если даже доктор не помогает.

Д о к т о р

Все средства испробованы, но не принесли облегчения больной. Тем не менее, я продолжаю утверждать, вслед за Галленом и Гиппократом, что болезнь называется меланхолией...

И з о р а

Оставь меня, доктор, ты все равно ничего не поймешь.

Доктор уходит.

«Сердцу закон непреложный...» любить и ждать. «Радость-Страданье...» да, и страданье — радость с милом!.. Не так ли, Алиса?

А л и с а (*взглядывая на Алискана*)

Да, госпожа, мне тоже кажется, что так.

И з о р а

Тоска, тоска, Алиса! — Дай сюда шахматы! — Паж, песню!

А л и с к а н

Спеть вам сегодня песню, которую поют при Аррасском дворе?

И з о р а

Пой, что хочешь.

А л и с к а н (*поет*)

«День веселый, час блаженный.

Нежная весна.

Стукнул перстень драгоценный

В переплет окна.

Над долиной благовопной
Томный запах роз.
Соловей тебе влюбленный
Счастье принес...
Аэлис, о, роза, внимли,
Внимли соловью...
Все отдам Святые Земли
За любовь твою...»

А л и с а

Ваш ход, госпожа моя.

И з о р а (*играет королевой*)

Ах!

А л и с а

Опять задумались вы?
Томной песни звуки так сладки...

И з о р а

Какая песня?

А л и с к а н

Если б знал я причину печали...

И з о р а

Я не знаю сама.

А л и с к а н

Правда, не прежняя вы...
Что простой соловей для розы из роз!..

И з о р а

Как сказать ты умеешь краснó!
Верно, фея тебя научила
Объясняться в любви!

А л и с к а н

Вы опять надо мной смеетесь...
Разве знал я фей, кроме вас?

И з о р а

Что́ мне в лъстивых речах?
Разве яркая бабочка я?
Горек мне мед твоих слов!

А л и с а

Шах королеве и королю!

И з о р а

Слава богу!
Довольно скучать над игрой! —
Чем мне, мой паж чернокудрый,
Горю помочь твоему?

А л и с к а н

Вспомните прежние игры!
Вспомните: только весной
Мы на поляне зеленой
В плясках беспечных
Коротали легкую жизнь...

И з о р а

Паж, не забудь: я — твоя госпожа!

А л и с а

Она больна, Алискап.

И з о р а *(напевает)*

«Сердцу закон непреложный...
Радость-Страданье...»

А л и с к а н

Вы песню твердите,
Которую пел кривляка паемный.

И з о р а

Пусть! — песню он пел не свою...

А л и с к а н

Какой-нибудь жалкий рыбак
Из чужой и дикой Бретани
Непонятную песню сложил...

И з о р а

Паж, ты ревнуешь? —
Успокойся... его я не знаю... —
Ах... кто знает? вернется пора,
Может быть, на зеленой поляне
К нам вернется прежняя радость...
Нет!.. Теперь — все постыло и дико...
Жизнь такая не явь и не сон!

Уходит.

А л и с к а н

Она положительно сходит с ума...

А л и с а

Я думаю, это уже случилось... предпочесть вам...
кого же?..

А л и с к а н

И нам придется проскучать всю зиму...

А л и с а

Вам грустно, прекрасный паж?

А л и с к а н

Она не придет сюда?

А л и с а

Нет, в этот час, вы знаете, она всегда мечтает...
и видит сны... В этот час никто не придет сюда.

Обнимает Алискана.

С Ц Е Н А IV

Покои Графа.

Г р а ф

Клянусь святым Иаковом Кампостельским, они приводят меня в бешенство! Ты знаешь, Оттон чуть дышит!

К а п е л л а н

Ваша милость, ума не приложу, о чем вы волнуетесь. Пошлите новый отряд рыцарей, и непокорные вилланы будут уничтожены.

Г р а ф

Давно ли беднягу Клари до полусмерти исколотили дубьем?

К а п е л л а н

У вас есть вассалы получше Оттона и Клари. К тому же, говорят, граф Симон Монфор уже идет из Парижа помочь нам сломить еретиков...

Г р а ф

Когда еще дойдет Монфор!..

Позвать Бертрана!

Входит Бертран.

Ну, какие вести?

Б е р т р а н

Плохие, ваша светлость. Граф Раймунд В Тулузе войско снарядил...

Г р а ф

Убийца!

К а п е л л а н

И греховодник к тому же: пять жен — и ни одного законного сына...

Б е р т р а н

Под знамя их встал Монсегюр...

Г р а ф

Сосед мой!

Б е р т р а н

Епископу их новому присягу
Принес он, а именье роздал нищим...

Г р а ф

Мошенник! — Вот кто оскорбил Кларии!

Б е р т р а н

Не думаю. Враги нам эти люди,
Но все же чтут евангелъе они
И рыцарей чужих не убивают
Исподтишка...

Г р а ф

Одна все это шайка!
И мужичье с дубьем, и сюзерены,
Забывшие и господа и папу,
И их вассалы-оборванцы...

Б е р т р а н

Но...

Г р а ф

Молчи! Ты сам, пожалуй, той же масти,
Как все вы, неудачники и трусы,
Которых выбивают из седла
На первом же турнире...

Б е р т р а н

Ваша светлость,
Монфор, сказали мне, теперъ в Лионе...

Г р а ф

Ты думаешь, нам этого довольно?

Б е р т р а н

Вы знаете, всегда готов служить я
И госпоже моей, и вам...

Г р а ф

Что ж, Рыцарь-
Несчастье! Хоть раз нам докажи,
Что рыцарь, а не трус ты! — Нынче ночью
Узнать ты едешь, близко ли теперь
Симона доблестное войско!

Б е р т р а н

Еду.

Г р а ф

Да приноси, смотри, получше вести.
И не накаркивай нам новых бед. — Ступай!

Бертран уходит.

К а п е л л а н

Что верно, то верно! Это не рыцарь, а ворона в рыцарских перьях...

Г р а ф

Почтенный духовник, у меня голова идет кругом...

К а п е л л а н

Э, не беспокойтесь, ваша милость. С дьяволовыми ткачами мы сладим. Обратите лучше внимание на то, что делается в замке...

Г р а ф

Измена?

К а п е л л а н

Нет... но...

Г р а ф

Говори!

К а п е л л а н

*Isora, coniunx vestra, aliquantulum male sobria est. **

Г р а ф

Ничего не понимаю! Говори по-человечески!

* Изора, супруга ваша, недостаточно благоразумна (лат.). —
Ред.

К а п е л л а н

Супруга вашей милости...

Г р а ф

Моя жена!

К а п е л л а н

На столе у ее постели лежит роман о Флоре...

Г р а ф

Что же из этого?

К а п е л л а н

И о Бланшефлёре... вместо молитвенника. А вы знаете, что романы сочиняют враги святой церкви?

Г р а ф

Крамольники!

К а п е л л а н

Ну да. Самозванного папу чтут люди, которые бьют ваших рыцарей. А людей, которые бьют рыцарей, хвалят сочинители романов...

Г р а ф

Я говорил, что это все — одна шайка!

К а п е л л а н

И всему этому учит вашу супругу ее придворная дама...

Г р а ф

Проклятие! Если бы я знал это прежде!

К а п е л л а н

Спокойствие, ваша милость. Она идет сюда. Распросите ее, не показывая вида, будто что-нибудь знаете.

Входит Алиса.

А л и с а

Ваша светлость, госпожа моя больна...

Г р а ф

Вот как! Давно ли?

А л и с а

Сегодня с утра она не принимает пищи...

К а п е л л а н

Слышите, ваша милость...

Г р а ф

Вы звали доктора?

А л и с а

Доктор сказал, что болезнь происходит от меланхолии; а там, где избыток меланхолии, тело испорчено, и легко лишиться рассудка...

Г р а ф

Помоги нам, святой Иаков!

А л и с а

Госпожа сильно скучает днем, а по ночам мечется, кусает подушки и твердит чье-то имя...

Г р а ф

Чье имя?

А л и с а

Я не могла расслышать... кажется, она бормочет: «Странник».

Г р а ф

«Странник»?

А л и с а

Так зовут рыцаря... сочинителя песни...

К а п е л л а н

Вот видите, ваша милость: роман родит песню, песня родит рыцаря, а рыцарь родит...

А л и с а

Госпожа не может забыть песни с тех пор, как у нас пели жонглеры...

Г р а ф

О чем там поется?

К а п е л л а н

Это известно заранее: о соловье и о розе.

А л и с а

Нет, о розе и о соловье там нет ни слова. Я совсем не понимаю песни, хотя госпожа не раз повторяла ее.

Г р а ф

В таком случае, может быть, она сошла с ума!

А л и с а

Мне самой приходило это на ум, ваша светлость.

Г р а ф

Изменники! Позвать сюда доктора!

Входит доктор.

Что с моей женой?

Д о к т о р

Melancholia regnat... *

Г р а ф

Тысяча проклятий! Они все говорят по-латыни, когда дело касается моей жены!

Д о к т о р

Ваша милость, супруга ваша подвержена меланхолии, которая холодна, суха и горька. Царство меланхолии длится от августовских до февральских ид...

Г р а ф

Святой Иаков! Да ведь февраль уже на дворе!

* Меланхолия царствует (лат.). — *Ред.*

Д о к т о р

Ничего не поделаешь, придется еще подождать, ваша милость. Скоро начнет прибывать кровь; а когда крови накопится слишком много, мы выпустим ее через нос, как учат древние мудрецы Галлен и Гиппократ...

К а п е л л а н

Здесь скрывается иносказание...

Г р а ф

Святой Иаков, я сам лишаюсь рассудка! Святой отец, что теперь делать?

К а п е л л а н

Положитесь на меня, ваша милость, я дам добрый совет...

Д о к т о р

Idem — melancholia regnat... *

Г р а ф

Доктор, ты дождешься виселицы!

С Ц Е Н А V

Покои Изоры.

А л и с а

Госпожа, будьте осторожней, ради бога. Граф встревожен; он, кажется, догадывается, за нами подсматривают. Ваша болезнь — зимняя скука, не более.

И з о р а

Нет, в сердце моем — весна.
Но за семнадцатой этой весной
В сердце повеял мне холод сырой,
Точно туманом дохнул
Яблони ствол за окном...

* Все то же — меланхолия царствует (лат.). — *Ред.*

Видишь, старые, черные ветви
В небе дождливом, как крест...
Сердце, как яблоня, плачет...
«Радость-Страданье...
Сердцу закон непреложный...»

А л и с а

Все это вам набормотал Рыцарь-Несчастье. По-
верьте, весна возвратит вам здоровье и радость...

И з о р а

Слушай, Алиса!
Нынешней ночью
Странный приснился мне сон...
Будто сплю я в лунном луче
И слышу, как плещется море,
И запахом смол незнакомых
Воздух кругом напоен...
Внезапно, из-под земли,
Словно из темного гроба,
Встал предо мною неведомый рыцарь...
Кудри, светлее льна,
Рассыпались по плечам...
Сердце так бьется, так бьется...
И, упав на колени, в восторге
Я вскричала: «Неведомый гость!
Имя свое назови!..»
Он безответен...
Прикоснуться к нему не смею,
Но странно и сладко молиться ему!
И черная роза — чернее крови—
Горит на светлой груди...
«Странник! Странник!» — вскрикнула я...
Слышу странный звон, вижу свет,
И очнулась в слезах...
А в ушах — тот самый напев,
Но иначе, чем пел жонглер...
Видела ты, что подушку мою
Я зубами рвала!
И рубашку рвала на плече!
Слышишь ты, как сердце стучит...

И в ушах — этот вечный напев:
«Радость-Страданье...»
Нет, не могу повторить!..

А л и с а

Тише, во имя всех святых! Здесь кто-то есть...

К а п е л л а н (*открывая дверь*)

Так вот какие сны вам снятся! Все передам графу!
Вам хватит времени на чтение романов в Круглой
башне!

Уходит.

И з о р а

Что он сказал?

А л и с а

Он грозил заточеньем...

И з о р а

Святой Видиан! Что делать теперь?

А л и с а

Не знаю... ждать... покориться...

И з о р а

Проклятие! — Я разорву им сердце! — Недаром
в сердце матери моей течет испанская кровь!

А л и с а

Госпожа, тише... кто-то под окном...

И з о р а (*смотрит в окно*)

Бертран!.. — Рыцарь! Войдите! Осторожней!

А л и с а (*плачет*)

Чему поможет этот урод... несчастные мы...

Б е р т р а н (*входит*)

Госпожа, чем могу вам служить?

И з о р а *(скрадливо)*

Вы исполнить могли бы
Порученье, рыцарь, мое?

Б е р т р а н *(удивленный)*

Госпожа, все, что в силах моих...
Приказанья жду я, не просьбы...
Но смогу ли?
Граф на север послал меня...

И з о р а

На север!

Б е р т р а н

Да. Сегодня в ночь.

И з о р а

О!.. Рыцарь! Вы преданы мне?

Б е р т р а н

Напрасный вопрос...

И з о р а

Время не терпит!
Мне заточенье грозит...

Б е р т р а н

Не терзайте сердца
Признаньем жестоким...

И з о р а

Вы — сторож замка.
Знаете Круглую башню?

Б е р т р а н

Знаю давно.
«Башней Вдовы Неутешной» зовется она...

И з о р а

Есть там ход потайной?

Б е р т р а н

Есть! В углу, прикрытый плитой...
Для вылазки был он когда-то пробит...

И з о р а

Дальше!
Дорог мне каждый миг!
Есть рыцарь... есть песня...
Песня мне спать не дает...

Б е р т р а н

Госпожа, я знаю ту песню!

И з о р а

Знаете вы! —
Вы должны мне певца отыскать,
Хотя бы пришлось
Все страны снегов и туманов пройти!
«Странник» — имя ему...
Черною розой отмечена грудь...
Так открылось мне в вещем сне!

Б е р т р а н

Госпожа! Порученье ваше
Похоже на детскую сказку...
Но — недаром жизнь сурова со мной:
Знаю, в детских снах
Больше правды, чем думают люди!
Погибну, или исполню:
Странник будет у вас!

И з о р а

Клянитесь теперь молчанье хранить
Обо всем, что сказано здесь!

Б е р т р а н

Чем клясться?..
Надо ли клясть?..
Я клялся бы розой,
Вы — краше всех роз...

И з о р а (*удивленная*)

О! И вы учились учтивым словам? —
Нет, бóльшим клянитесь!

Б е р т р а н

Бóльших клятв не смеет
Бедный рыцарь давать...

И з о р а (*жестoko*)

Клянитесь, клянитесь!

Б е р т р а н

Клянусь, что живым не вернусь,
Если Рыцаря я не найду!..
Вечной верностью Даме клянусь!

И з о р а (*с любопытством*)

Рыцарь, кто ваша дама?

Б е р т р а н

Имя не смею сказать...

И з о р а

Я приказать вам могу...

Б е р т р а н

Отпустите в далекий путь...

И з о р а (*лукаво*)

Нет, нет... только имя одно...

Бертран преклоняет колено.

Встань, Бертран, мой верный вассал!
Теперь — я верю тебе.

Отходит от него.

О, как сильна и прекрасна любовь!
Даже этой породе,
Низкой, смешной и ничтожной,
Рыцаря верность дает...

Б е р т р а н (*про себя*)

Ну, урод несчастный!
Ступай, не жди, не надейся.
Страсти чужой послужи.

Входит Граф, грохоча ржавым ключом.

Г р а ф

Ни слова, изменница! Я знаю все!

Бертрану:

Зачем ты здесь?

А л и с а

Ваша светлость, он сам ворвался сюда!..

Г р а ф

Негодяй! Я убил бы тебя на месте, если б ты не был так жалок! Урод! Собака! — Какой прекрасный вкус для придворной дамы!..

А л и с а

Ваша светлость...

Г р а ф

Молчите! Низкая тварь! Вот чем занимаетесь вы, вместо того, чтобы следить за нею! Вы разделите участь вашей госпожи!

Изоре:

Или вы хотите вернуться в свои Толозанские Муки? За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

И з о р а

Мой повелитель, я послушна вам.

Г р а ф

Вы поняли, что спорить со мной бесполезно! Сейчас, не медля, — в Башню Неутешной Вдовы! И да поможет вам исправиться святой Иаков Кампостельский! — Ступайте!

Изора и Алиса уходят.

А ты, несчастный урод, умеешь только каркать, как ворона, и приставать к придворным дамам! Ты забыл, может быть, мое порученье!

Б е р т р а н

Я еду, как вы сказали, сегодня в ночь.

Г р а ф

Все узнай! Я буду ждать месяц, два месяца! Если вести твои будут так же плохи, — не сносить тебе головы! Если же ты привезешь мне доброе о графе Монфоре, — я прощу тебя, Рыцарь-Несчастье!

Уходит вслед Изоре.

Б е р т р а н

Прекрасная обманщица!
Пускай умру, я должен ей помочь.
Что б ни было — вперед! — На север,
в ночь!

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Берег океана

Б е р т р а н *(на коне)*

Куда я заехал? Снег слепит глаза, ветер свистит в уши! Безумец! Все равно — вперед, усталый конь!

Скрывается за камнем.

Г а э т а н *(поет)*

«Не верь безумию любви!
За радостью — страданье!
За радостью — страданье!»

Р ы б а к *(поет)*

«Не спи, король, не спи, Граллон,
Твой город в воду погружон!
Кэр-Ис лежит на дне морей,
Проклятье дочери твоей!»

Г а э т а н

«Проклятье дочери твоей!»
Эй, рыбак!

Сурас I.

Беген омаа.

Бегенан не асет.

Куда а затхам? Сатра сатрага нуге,
Беген сугар а уун! Бегенан! = Беге
жааб, беген, у сатра нуге!

Сурбаенс се камман.

~~Бегенан~~ ^{Тажан} нуге.

Не беге бегенан камман!

За бегенан — сурбаенс!

За бегенан — сурбаенс!

Побан
~~Тажан~~.

~~Бегенан~~

— Не камман камман, не сие, Тажан,

~~Бегенан~~ Тажан нуге а беге нуге!

Куда не камман не дит нуге,

Тажанане дуге нуге!

Побан Тажан

Тажанане дуге нуге!

Беге, нуге!

~~Бегенан~~

~~Бегенан~~ ~~Бегенан~~ нуге нуге?

Побан.

А камман камман Камман! ~~Бегенан~~ За сатра нуге
каман не ^{пуге} нуге! Беге нуге, ~~Бегенан~~ нуге?
~~Бегенан~~ а дуге, ^{Бегенан} нуге нуге нуге
а камман! Нуге нуге нуге?

Рыбак

С нами крестная сила! За снегом ничего не разобрать! Был рыцарь, теперь — ты! Я думал, это мой голос раздастся в скалах. Или ты призрак?

Гаэтан

Ты кричишь на меня, однако поешь мою песню.

Рыбак

Какую твою песню? Сумасшедший ты, что ли? Эту песню поют и в Плугасну, и в Плуэзек, и у нас, в Плугерно.

Гаэтан

А где был город Кэр-Ис?

Рыбак

Да, говорят, здесь неподалеку. Видишь ту кучу камней на берегу?

Гаэтан

Вижу. Впереди — лев, потом — конь...

Рыбак

Никакого там нет коня, а просто — камни, и в камнях — заводь. Туда летом заплывают самые жирные крабы. Вот там, говорят, и ходит каждый сочельник святой Гвеннолэ. — А тебя откуда бог несет?

Гаэтан

Я — из Трауменека.

Рыбак

Трауменека? — Не слышал что-то.

Гаэтан

Ведь здесь недалеко Аберврак?

Рыбак

Ну да, монастырь...

Г а э т а н

Так мимо монастырского сада — к колодцу, от колодца — в гору, до первых домов Ландеда...

Р ы б а к

Кто же не знает Ландеда! Мы все туда на праздник ходим...

Г а э т а н

Поверни, не доходя до церкви, налево, полем, там скоро и будет Трауменек.

Р ы б а к

Этот замок называется — Трауменек?

Г а э т а н

Ну, разумеется, да.

Р ы б а к

Так это — Трауменек... И чудак же, должно быть, тамошний сеньер!

Г а э т а н

Почему ты думаешь?

Р ы б а к

Не я один, все так; он, говорят, сам пасет свое стадо; а стадо у него всего-навсего три петуха. Живет бедно, должно быть скупой. Другие рыцари пируют и дерутся на турнирах, а этот знай бродит да рассказывает сказки... А ты чем там занимаешься?

Г а э т а н

Признаться, рыбак, ведь это я и есть сеньер Трауменека.

Р ы б а к

С нами крестная сила! Не подумайте, сеньер, что я — в насмешку, мало ли чего у нас...

Г а э т а н

Это правда, рыбак. У меня — крест на груди, а крест дается не для забавы...

Рыбак

Крест на груди, а я-то и не разобрал сразу... Конечно, господин, для богатых людей закон не писан...

Бертран (*возвращается*)

Опять тот же камень! — Кто там? Эй, бродяга!

Гаэтан

Не кричи зря на людей. Сам ты кто?

Бертран

Рыцарь.

Гаэтан

А я — сеньер.

Бертран

Ты что-то не похож на сеньера.

Гаэтан

Я докажу тебе, что это правда! Берись за меч!
Сражаются.

Рыбак (*убегая*)

Спаси, господи! Эти рыцари вечно дерутся!

Бертран

Плохо ты бьешься, сеньер! Проси пощады, или я отрублю тебе голову!

Гаэтан (*снимая шлем*)

Прошу пощады. Ты видишь, я стар.

Бертран

Не стоило мне тупить свой меч, старик! — Обещай исполнить то, о чем я тебя попрошу.

Г а э т а н

Ты нравишься мне, и я исполню, что ты попросишь.
Не откажись отдохнуть у меня в Трауменеке.

Б е р т р а н

Спасибо. Я не устал, но конь мой устал от долгого пути.

С Ц Е Н А И I

Двор Трауменека.

Г а э т а н

...И старый король уснул...
Тогда коварная дочь,
Украв потихоньку ключи,
Открыла любовнику дверь...
Но дверь в плотине была,
Хлынул в нее океан...
Так утонул Кэр-Ис,
И старый король погиб...

Б е р т р а н

Где же был этот город Кэр-Ис?

Г а э т а н

Вон там, в этих черных камнях...
Слушай дальше: проклятие ей!
За то же святой Гвеннолэ
Превратил ее в фею морскую...
И, когда шумит океан,
Влажным гребнем чешет злая Моргана
Золото бледных кудрей.
Она поет, но голос ее
Печален, как плеск волны...

Б е р т р а н

Станный ты человек!
О сиренах, о королях,
О городах подводных

Много ты мне рассказал!
Но не знаю, кто же ты сам?
Не думал я, когда бился с тобой,
Что под племом твоим
Серебрятся кудри седые.
Правда, ты слаб,
Но как мальчик дерзкий ты бьешься,
Правда, бела у тебя голова,
Но звончее рога твой голос,
Как у юноши, взор твой горит!

Г а э т а н

Не думал и я, что в твоих волосах
Так много прядей седых!
Верно, ты жизнью обижен?
Но, хоть голос твой
Глух и печален,
Лик твой, добрый мой гость,
Несказанно нравится мне!

Б е р т р а н

Спасибо за ласку!
Да, правда, нужда и горе
В жизни достались мне.
Тем нежнее сердца коснулось
Доброе слово твое.
Я — Бертрап из Тулузы.
Ни о чем не напомнит тебе
Это темное имя.
Ты же, верно, богат был и знатен?
По речам и осанке — ты рыцарь...
Верно, Гроб защищал ты Господень?
Выцвел крест на груди у тебя...

Г а э т а н

Нет, я тоже рыцарь безвестный,
И не плавал я в Землю Святую,
Хоть похож на странника я...
Что ты смотришь так пристально, друг?

Б е р т р а н

Назови мне имя твое.

Г а э т а н .

Гаэтаном зовусь я.
Из Арморики милой я родом...
Видишь, вот — все владенья мои:
Чуть заря, у меня в Трауменеке
Начинают петь петухи...
И другие — там, за холмами,
И еще, и еще... и последним
Запоет монастырский петух...
А я, пробудясь с петухами,
Слышу, как сквозь туман родимый
Сеет прохладный дождь,
И шумный зовет океан...
Снова дрогнули брови твои!..

Б е р т р а н

Чудным словам твоим внемля,
Вспомнил я дело одно...
Что же, сеньер Трауменека,
Давай расскажем друг другу
О жизни нашей... Союз,
Заклученный в звоне мечей,
Словом мы крепче скрепим!

Г а э т а н

Больше, чем другом,
Братом твоим
Назваться хочу!
Начинай ты первым рассказ!

Б е р т р а н

Гаэтан, печальна
Будет повесть моя.
Сыном простого ткача из Тулузы,
С малых лет я на службу попал.
И за долгую службу в замке
Граф меня опоясал мечом...
Однажды, во время турнира,
Подлым ударом плохого бойца
Выбит я был из седла...

Великан неуклюжий с дельфином в гербе
Наступил мне ногою на грудь...
Но махнула платком госпожа —
И пощадили меня...
О, как горел я стыдом и гневом!
Как умолял я мне сердце пронзить!
Но жизнь оставили подлые мне...

Г а э т а н

Низкое время!
Рыцарей лучших не ценят!

Б е р т р а н

Никто с той поры не дает мне проходу,
Все мне смеются в лицо...
И она смеется, я знаю,
В своем высоком окне...
Но привет, или тень привета,
Видел я от нее одной...
Как травка от розы, далек от нее я...
Да и может ли рыцаря ум
Проникнуть в тайну женской души!

Г а э т а н

Печален, брат, твой рассказ...
Глупые, злые люди!..
Сам я сейчас испытал
Пламень ударов твоих! —
Как заехал ты к нам, скажи...

Б е р т р а н

Два порученья есть у меня:
Должен узнать я, скоро ль Монфор
Нам поможет восстанье смирить...

Г а э т а н

И у нас говорят о Монфоре,
Но, если б они и позвали меня,
Я под их орифламму не встану...

Б е р т р а н

Брат, значит ты веришь,
Что в жилах у нас
Одна — святая французская кровь?..
Жестокий Монфор тем самым мечом,
Которым неверных рубил,
Братскую кровь проливает...
Под чье же ты знамя пойдешь?

Г а э т а н

Знамени нет для меня.
Я останусь один.

Б е р т р а н

Тебе легко говорить,
А я ведь на службе... Что я могу,
Пышного замка сторож несчастный!
Лишь сам не участвую я
В охотах на нищих крестьян...

Г а э т а н

Ты должен покинуть тот край!

Б е р т р а н

Покинуть! Нет, ты не понял меня!
Я, как ты, не верю в новый поход,
Меч Монфора — не в божьей руке...
Но разве могу изменить,
Чему всю жизнь я служил?
Измена — даже неправде —
Все изменой зовется она!
Я там умру, где сердце осталось!
Недаром «Несчастьем» прозвали меня!

Г а э т а н

Службой связан ты, бедный?
Тяжки, должно быть,
Цепи земные...
Я их не носил никогда...
Так же ли трудно другое твое порученье?

Б е р т р а н

Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги свернув! —
Рыцаря долг
Тайну Дамы свято хранить.
Я не отвечу тебе.

Г а э т а н

Непонятны мне речи твои...

Б е р т р а н

Нетерпеньем горю я
Выслушать повесть твою!
Странное чувство
Твой взор и твой голос
Рождают во мне!
Не верю в предчувствия я,
Но сдается,
Что послан ты мне
В награду за долгий путь!

Г а э т а н

Слушай! — Я стар,
И жизнь одинока моя,
Но трижды прекрасна жизнь!

Б е р т р а н

И трижды превратна она!

Г а э т а н

Возле синего озера юная мать
Вечером поздним, в тумане,
Отошла от моей колыбели...
Фея — младенца меня
Унесла в свой чертог озерной
И в туманном плену воспитала...
И венком из розовых роз
Украсила кудри мои...

Б е р т р а н

Ты мне сказки опять говоришь...

Г а э т а н

Разве в сказке не может быть правды?

Б е р т р а н

Да, правда в сказках бывает подчас...
Прости, мой разум беден и прост...
Верно, есть в твоих странных речах
Скрытый, неясный мне смысл...
Дальше, прошу тебя...

Г а э т а н

Слушай дальше!
Рыцарем стать я хотел...
Фея долго в объятьях сжимала меня
И, покрыв волосами, плакала долго...
Не знаю, о чем
Гадала над прялкой своей...
И сказала: «Иди теперь
В мир дождливый,
В мир туманный...
Туда пряжа Парки ведет...»

Б е р т р а н *(вслушиваясь)*

Куда пряжа Парки ведет?

Г а э т а н

И еще сказала она:
«Мира восторг беспредельный
В сердце твое я вложу!
Песням внимай океана,
В алые зори глядись!
Людям будешь ты зовом бесцельным!
Быть может, тронешь ты
Сердце девы земной,
Но никем не тронется
Сердце твое...
Оно — во власти моей...
Странником в мире ты будешь!
В этом — твое назначенье,
Радость-Страданье твое!»

Б е р т р а н

«Радость-Страданье»!
Что́ это значит?

Г а э т а н

«Сердцу — закон непреложный», —
Так говорила она,
И в слезах повторяла:
«Путь твой грядущий — скитанье!
Что тебя ждет впереди?
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!»
Грудь я крестом отметил,
И в мир туманный пришел...

Б е р т р а н

Постой!
Верить сказкам
Я не умею!
Рассказ твой на песню похож!

Г а э т а н

Все ты, Бертран, мне не веришь!
Да, рыбаки и жонглеры
Всюду поют мои песни,
Песни о жизни моей...

Б е р т р а н

Чудно мне верить!
Бред или явь?
Светлая радость
Наполнила сердце...
Ты эту песню сложил?

Г а э т а н

Эту — и много других!

Б е р т р а н

Ты — Странник?

Г а э т а н

Так Фея меня назвала...

Б е р т р а н

Ты мне дороже сокровищ мира!
Жизни дороже мне, брат!
Тебя, тебя одного
В снежных туманах ищу! —
Очнись, несчастный Бертран!
Яркий твой бред
С правдою жизни жестокой несхож!..

Г а э т а н

Если ты счастлив,
О чем же ты плачешь,
Милый мой гость?

Б е р т р а н

Прости, прости меня, друг!
Слишком жизнь унижала меня,
Я и радость встречаю слезами!..
Первая радость, что встретил тебя,
Кого и в мире не думал найти!
Радость вторая — прости за нее —
Вижу — не юноша ты:
Лучше услышит песню Изора,
Не смущаясь низкой мужскою красой,
Свято внемля песне одной!

С Ц Е Н А Ш

Берег океана.

Газтан и Бертран на конях.

Г а э т а н

Теперь — подводный город недалёко.
Ты слышишь звон колоколов?

Б е р т р а н

Как море шумное поет.

Я слышу,

Г а э т а н

А видишь,
Седая риза Гвеннолэ несется
Над морем?

Б е р т р а н

Вижу, как седой туман
Расходится.

Г а э т а н

Теперь ты видишь,
Как розы заиграли на волнах?

Б е р т р а н

Да. Это солнце всходит за туманом.

Г а э т а н

Нет! то сирены злобной чешуя!..
Моргана мчится по волнам... Смотри:
Над нею крест заносит Гвеннолэ!

Б е р т р а н

Туман опять сгустился.

Г а э т а н

Слышишь, стоны?
Сирена вероломная поет...

Б е р т р а н

Я слышу только волн печальный голос.
Не медли, друг! Через туман — вперед!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Покои Графа.

Граф

Итак, своими видел ты глазами
Войска его святейшества?

Бертран

Да, видел.

Граф

И орифламму славную Монфора?

Бертран

Да. В красном поле — лев из серебра.
Хвост с четырьмя кистями. Все четыре
Захвачены узлом.

Граф

Святой Иаков,

Хвала тебе!

Бертран

Они теперь в Безье,
Жгут, избивают жителей: «Всех режьте! —
Сказал легат: — Господь Своих узнаёт!»

Г р а ф

Так им и надо! Молодцы! Теперь
Монфор недалеко!

Б е р т р а н

На Толозанской
Дороге, ваша светлость.

Г р а ф

Так, Бертран!
Ты хорошо исполнил порученье!
Проси награды! Я тебя прощаю!

Б е р т р а н

Могу ли я просить не о себе?

Г р а ф

Проси, что хочешь!

Б е р т р а н

Ваша светлость! Завтра
Наступит май. У нас во всей округе
Привыкли песнями встречать весну.
Отметьте же и вы священный праздник...

Г р а ф

К чему ты гнешь? Я сам об этом думал!

Б е р т р а н

Со мной жонглер приехал, ваша светлость,
Он песни новые привез с собой...

Г р а ф

Да ты развеселить нас всех задумал?
Послушаем, охотник я до песен!

Б е р т р а н

Освободите юную графиню,
Которая томится в башне...

Г р а ф

Что? —

Ты о моей супруге говоришь?

Б е р т р а н

Вы обещали...

Г р а ф

Да, — и обещаний

Я не беру назад. — С чего тебе взбрело
Просить об этом?

Б е р т р а н

Первый день весенний,

Вы знаете, он первый года день.

Так пусть его не омрачает тень.

С Ц Е Н А II

Кухня замка. Поварята безобразничают.

П о в а р

Он, говорят, так и спит — с ключом от башни.
С тех пор никому у нас нельзя громко слова сказать.

Д о к т о р

А видел ты, что у него на голове? — Как у чорта
на картинке. Два месяца не стригся. Когда улыбается,
скалит зубы по-собачьи. Никому не верит, кроме его
преподобия. А между нами говоря, святой отец...

П о в а р

Потише, потише, здесь и у стен есть уши. — Да
замолчите ли вы, сорванцы! — Ну, готово теперь,
что еще?

Д о к т о р

Теперь подсыпь немного ивовой коры...

Капеллан (*входит*)

Святители, какой пирог! Для кого же это?

Повар

Для ее светлости, графини Изоры.

Капеллан

Постой, постой... Что ты здесь толчешься, доктор?

Доктор

Немного *salix alba*... * от меланхолии...

Капеллан

Это — яд?

Доктор

Простое слабительное, ваше преподобие...

Капеллан

Дай-ка мне отведать.

Алискан (*входя*)

Ваше преподобие, я ищу вас всюду.

Капеллан (*жуя*)

Что вам от меня надо, молодой человек?

Алискан

Сегодня я встаю на ночную стражу...

Незаметно сует повару записку.

Записку в пирог, получишь червонец.

Капеллан

А приняли вы очистительную ванну?

Алискан

Принял, ваше преподобие.

* Белой ивы (лат.). — *Ред.*

Капеллан

А сколько времени вы постились?

Алискан

Два месяца, ваше преподобие.

Капеллан

Идите в капеллу, молодой человек: завтра за обедней мы посвятим вас в рыцари.

Алискан

Я готов.

Повар

Готово, ваше преподобие.

Доктор

А ты прибавил коры?

Капеллан

Закрывай блюдо и носи за мной.

СЦЕНА III

Башня Неутешной Вдовы.

Изора

Боже Милосердый! Легче быть рабыней у армянина, лучше таскать камни и бревна! — Алиса! Подойди сюда!

Алиса

Что вам угодно, госпожа?

Изора

Я умираю с тоски, Алиса.

Алиса

Терпите. Ярость любого дракона можно смягчить кротостью.

И з о р а

Все твои утешения я знаю наизусть. Давай поиграем лучше.

А л и с а

В шахматы или в шашки?

И з о р а

Нет... представь себе: я слушаю мессу, а он переоделся клерком; в церкви темно... негодяй следит за мною... Клерк подходит с молитвенником... дай сюда книгу!

А л и с а

Вот — роман о Флоре.

И з о р а

Подойди, как он... вот так. Что он шепчет, пока я целую молитвенник?

А л и с а

Конечно, он вздохнет прежде всего...

И з о р а

Вот, я целую молитвенник... он сказал: «Ах»; что же мне отвечать?

А л и с а

Сначала надо ответить осторожно; например: «Что с вами, рыцарь?»

И з о р а

Ну, да... «Что с вами, рыцарь?» — Что же он?

А л и с а

Он говорит: «Умираю».

И з о р а (*входя в роль*)

«Отчего?»

А л и с а

«От любви».

И з о р а

«Вы любите?.. кого?..»

А л и с а
«Вас».

И з о р а (*опуская глаза*)
«Что я могу?»

А л и с а
«Исцелить меня».

И з о р а
«Как?»

А л и с а
«Хитростью».

И з о р а
«Я надеюсь на вас...»

А л и с а
«Я готов».

И з о р а
«На что?»

А л и с а
«Я приду...»

И з о р а
«Куда?»

А л и с а
«В Башню Неутешной Вдовы...»

И з о р а
«Как?»

А л и с а
«Потайным ходом».

И з о р а
«Когда?»

Стук в дверь.

А л и с а
Граф!

И з о р а (*увлекшись*)
«Когда? Когда?» — Боже! Он слышал все!
Убегает. Входят Граф и Капеллан.

Г р а ф

Дай пирог!

Открывает крышку.

Где же верх пирога?

К а п е л л а н

Я скушал его, заботясь о вашей чести...

Г р а ф

Изменник! При чем тут моя честь?

К а п е л л а н

Во-первых, в пироги иногда кладут яд. Во-вторых, кушанья служат средством для передачи записок...

Г р а ф

Святой отец! Ты предусмотрительнее меня! Прости, что я тебя оскорбил! — Где жена?

А л и с а

Она совершает вечернюю молитву.

Г р а ф

Пускай помолится, — и да поможет ей святой Иаков.

А л и с а

Ваша светлость, на что вы похожи! В два месяца так перемениться!

Г р а ф

Я знаю, что делаю... лучше припрятать молодую жену в надежное место, чем попусту терять время и труд... Как чувствует она себя?

А л и с а

День ото дня теряет сон и аппетит.

Г р а ф

Ей, пожалуй, опять что-нибудь снится?

А л и с а

Еще вчера... рыцарь...

Г р а ф

Опять!

А л и с а

Прекрасный; как святой Губерт...

Г р а ф

Проклятие!

А л и с а

И притом, черты его напоминали ваши черты...

Г р а ф

Мои? — Это хорошо. Очевидно, дело идет на лад, если ей начинают сниться такие сны!

А л и с а

У госпожи есть одно смиренное желание, она не смеет вам признаться...

Г р а ф

Говорите и не бойтесь! Арчимбаут щедр!

А л и с а

Увещания святого отца помогли ей... она хотела бы помолиться в церкви... мы только что говорили об этом...

Г р а ф

Доволен ты, святой отец?

К а п е л л а н

Если моя смиренная молитва помогла заблудшему чаду...

И з о р а (входит)

Мой повелитель здесь...

Г р а ф

Святой Иаков!

Какие волосы! — Супруг примерный

Давно бы их остриг! — Ну, ну, не плачьте...
Я пошутил...

И з о р а

Что сделала я вам,
Что вы меня томите в этой клетке?

Г р а ф

Романов разве не читали вы?
О рыцарях вам разве сны не снились?

И з о р а

Грехи сторицей искупила я...
Я так слаба... Я умереть готова...

Г р а ф

Вы, говорят, просились в церковь?

И з о р а

В церковь?

Алиса делает ей знак.

Ах, да... к молитвеннику приложиться...

Г р а ф

Мне эта просьба нравится.

И з о р а *(плачет)*

Жестоко

Меня оклеветали!

Г р а ф

Завтра май,

А первый день весны — день первый года,
Вы знаете?

И з о р а

Что мне до мая?

Г р а ф

Ждите,

Я вас кой-чем развеселить сумею.

Вот ужин вам пока! Клянусь, пирог
На славу испечен, он приведет вас
В хорошее расположение духа!

Уходит с Капелланом.

И з о р а

Чудовище! Который раз — обман!

А л и с а

Однако он сговорчивей, чем прежде...

И з о р а (*глядя на розу
в окне*)

Вот такой был цветок
У него на груди!
Вчерашний бледный бутон
Стал сегодня черным, как кровь!
Завтра увянет
С жизнью моей...

А л и с а

Украсьте волосы розой...

И з о р а

На что украшать мне себя?
Все изменили, все обманули,
Даже урод, влюбленный в меня!
К чему теперь ход потайной,
Если так жалок посол!

А л и с а

Может быть, скоро вернется он...

И з о р а

Нет надежды!
Давай хоть ужинать, Алиса! Разрежь пирог...

А л и с а (*режет пирог*)

Ах!

И з о р а

Что с тобой? — Что ты там прячешь?

А л и с а

Нет, ничего...

И з о р а (*вырывая записку*)

Дай сюда! Вот он, наконец!

А л и с а

Госпожа...

И з о р а (*читает*)

«Дама, чьи уста алее розы, чей голос звонче соловьиного пения, дайте мне знак. Я буду ждать восхода луны...» О, как сладостен язык его любви! — Какого же знака он ждет?

А л и с а

Опомнитесь... это не вам...

И з о р а

Сон, или счастье?.. Честный Бертран!.. Или все — сон?.. — Алиса, у тебя будут шелковые ткани, драгоценные камни... и самый красивый валет... Святой Видиан! Какой это знак?

С Ц Е Н А IV

Розовая заросль.

Б е р т р а н

Переночуй здесь, в розовых кустах.
Тебя никто не тронет.

Г а э т а н

Значит, завтра
Я буду петь у короля?

Б е р т р а н

У графа,
Сказать хотел ты?

Г а э т а н

 Так она — не дочь
Граллона старого?

Б е р т р а н

 Все это сказки!
Не короля, а дочь простой швеи
Из Толозанских Мук.

Г а э т а н

 Простой швеи!
И старика, однако, погубила!

Б е р т р а н

Напротив, он ей зла желал. Он запер
Ее в высокой башне.

Г а э т а н

 Понимаю!
Я должен златокудрую из плена
Освободить!

Б е р т р а н

 Она — смугла. И косы
Чернее ночи у нее.

Г а э т а н

 Но все же
Ее зовут Морганой? Или нет?

Б е р т р а н

Тебе ведь все равно, кого ты будешь
Освобождать своею песней. Верь мне.

Г а э т а н

Я верю, брат.

Б е р т р а н

 Ты рассказал мне много
Прекрасных сказок, много песен спел...

Прости меня, мой разум прост... не знаю,
Где вымысел, где правда у тебя... —
Так ты воспитан феей?

Г а э т а н

Да. Ты видишь,
Она дала мне этот крест.

Б е р т р а н

И песне
Она тебя учила?

Г а э т а н

Да. Она — и море.

Б е р т р а н

Что ж эта песня значит? Объясни мне,
Как радостью страданье может стать?

Г а э т а н

Ты знаешь песню. Что сказать мне больше?

Б е р т р а н

Мне брезжит смысл, но ум, простой
и темный,
Всей светлой глубины постичь не может... —
Ты завтра будешь петь. Наряд красивый
Я принесу тебе сюда с утра.
Теперь прощай. На стражу мне пора.

С Ц Е Н А V

Башня Неутешной Вдовы. Вдали — переключка ночных сторожей.

А л и с а

Полночь прошла, госпожа. Я задвину бесполезную плиту. Граф может войти и увидеть...

И з о р а

Делай, что хочешь, мне не на что больше надеяться.

А л и с а

Ведь я говорила, что записка не к вам...

И з о р а

Кто посмеет писать записки другим?

А л и с а

Госпожа... валет прислал ее мне...

И з о р а

Не лги! Меня все равно не утетишь...

А л и с а

Я задвигаю плиту...

И з о р а

Заклинаю тебя ангелами, архангелами, всеми силами небесными, ты придешь ко мне! Святой Видиан, сжался надо мною!

А л и с а

Госпожа... вы больны... ложитесь...

И з о р а

Оставь меня, уйди!

Алиса уходит.

Как бьется сердце!

Бейся, сожги мне грудь!

Святой Видиан! Я сгораю!

Чу! Шорох в розовых кустах...

Святыми заклинаю! Это ты!..

Падает на колени. В лунном луче, над плитой, является образ Гаэтана.

Ты! Ты! — Ты сон, или нет?

Странник! — Где роза твоя? —

На груди твоей — крест горит!..

О, не пугай крестом суровым!
Мать учила молиться меня,
Но песня твоя — не о том... —
Что молчишь ты,
Неба посланник?
Сладко молиться тебе!.. —
Громче, громче пой песню твою!
О, соловьиный голос!
Ни один соловей
Родины бедной
Не пел нежнее тебя!
Да... Радость, радость... любить...
Страданье... не знать любви!.. —
Ты смолкнул опять,
Только сердце стучит... —
Тот самый лик любимый!
Кудри светлее льна
И синее пламя очей...
Не пугай же крестом,
Дай коснуться тебя!..

А л и с а (за дверью)

Госпожа, госпожа...

И з о р а (срывая розу в окне)

Возьми эту розу!
Так черна моя кровь, как она! —
Не уходи! С ума сойду я! —
Ближе, ближе ко мне подойди!..
Дай страшный твой крест
Черною розой закрыть!..

Падает без чувств. Дверь открывается. Образ исчезает. Входят
Алиса и Граф.

Г р а ф

Что с ней?

А л и с а

Вы слышали крик? Она лишилась рассудка! Вот
до чего довела ее тюрьма!

Г р а ф

Воды! Приведите ее в чувство! — Еще! Она приходит в себя! Она свободна, — скажите ей! Завтра — май! Бертран привез жонглера! Мы развеселим ее! Только приведите ее в чувство!

С Ц Е Н А VI

Двор замка.

Б е р т р а н

Как ночь тревожна! Воздух напряжен,
Как будто в нем — полет стрелы
жужжащей...

Иль мне мерещится, и ночь без сна
Измучила мое воображенье? —
Окно пустое. Из него она
Звала меня, и больше не зовет. —
А ты, товарищ старый, рад весне?
Отцветшие протягиваешь ветви
В окно пустое... Наконец, светает...
О, господи, пошли ей мирный сон...
Освободи от образов туманных
Изоры юной пламенную грудь...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Цветущий луг. Рассвет.

А л и с к а н (*с цветком в руке*)

Тяжела ты, стража ночная!
В сумраке синем капеллы
Всю ночь я глаз не сомкнул...
Май, ласкаешь ты томное сердце!
Как прозрачен утренний воздух!
О, как сладко поют соловьи!

Эта глупая дама, может быть, думает, что я в ней пуждаюсь! Она не могла не получить записки... и однако... я ждал всю ночь... знака не было! Хорошо же, она раскается! Да, по правде сказать, мне смертельно надоела ее навязчивость...

О, как сладко поют соловьи!..
Благоухание роз, как дыханье Изоры... —
Этим ли пальцам красивым сжимать
Грубое древко копья?
Нет, не на то я рожден! —
Куда, говорят, в счастливом Аррасе
Вежливей люди, обычаи тоньше и моды
красивей!

Там столы утопают
В фиалках и розах!
Там льется рекою
Душистый кларет!
Дамы знают науку учливой любви! —
Разве стал бы там старый ревнивец
Нарушать веселье придворных?
«Ревность — отсталое чувство», —
Сказано, помнится, в книге латинской,
Что отец мне из Рима привез...

Смотрится в пруд.

Эти нежные губы подобны
Прихотливому луку Амура,
Или — алым Изоры устам...
Их мне прятать под маской железной!
Этот розовый ноготь ломать
Рукоятью железной меча! —
Нет! Другие бы люди и моды, —
Проводил бы я в розах с Изорой
Не одну соловьиною ночь!..

С Ц Е Н А II

Розовая заросль.

Б е р т р а н (*несет одежду
жонглера*)

О, весна, как волнуешь ты кровь!
О, любовь, ты тяжеле щита! —
Спит странник старый...
Не слышит он соловьев...
Что чернеет
На кресте у него? —
Роза! — Черная роза!

Г а э т а н (*во сне*)

Моргана! Оставь! Не души!

Б е р т р а н

Гаэтан, проснись!

Г а э т а н (*просыпаясь*)

Дочь, отца пощади!..
Брат, это ты...
Мне снилось... коварная дочь...
Отомкнула плотины...

Б е р т р а н

Запах роз душил тебя, друг.
Что у тебя на груди?

Г а э т а н

Смотри-ка, роза
Упала с куста
Сонному мне на грудь...

Б е р т р а н

Красные розы
Все над тобой...
Откуда же черный цветок
Попал на сердце тебе?

Г а э т а н

Откуда ж еще
Мог он упасть?

Б е р т р а н

Скажи мне: помнишь ли ты,
Что когда-то мне обещал,
Когда я убить собирался тебя?

Г а э т а н

Помню. Исполню все просьбы твои...

Б е р т р а н

Отдай же мне розу!

Г а э т а н

Легкая просьба!
Возьми, если хочешь!
Разве мало кругом цветов?

Б е р т р а н (*прячет розу под
панцырь*)

Младенец старый, не знаешь,
Что сделал ты для меня!
Спасибо! — Вот красивый наряд:
В нем менестрелем сегодня
На луг цветущий явишься ты!

С Ц Е Н А Ш

Цветущий луг.

Д е в у ш к и (*с майским
деревом, поют*)

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

Эй, хозяйка, ради бога,
Не гони нас от порога,
Кошелек тугой нам дай!
Нам не есть, нам не пить,
Нам бы свечку засветить,
Пречистой Деве угодить!

Вот он, май, светлый май!
Вот он, светлый май!

Все поля полны пшеницей,
Иисус воздаст сторицей,
Жди спасенья, жди наград
За хлебá и виноград!
Христа молим, бога молим,
Пусть его святая воля
Вам подаст пресветлый рай!

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

Во время песни собираются все участники праздника — от
обедни: Граф с придворными, вассалами, гостями и рыцарями,
Изора с дамами. Трубы.

Г р а ф

Бароны и богатеи!
И на нашей улице праздник!
Май принес нам счастливую весть!
Монфор, герой Палестины,
Маккавею подобный
Доблестью львиной,
Жжет и громит вероломных ткачей
И скоро будет сюда!
Не бойтесь, рыцари, больше
Ни вил, ни дубья!
Мы вновь — господа
Земель и замков богатых!
Беззаботно отпразднуем ныне
Наступленье веселой весны!

Б е р т р а н *(выходя из толпы)*

Одно слово, ваша светлость!

Г р а ф

Ты что-то осмелел, Рыцарь-Несчастье! По лицу твоему вижу, что ты собираешься говорить некстати! Нам и так весело, едва ли ты прибавишь веселья!

Б е р т р а н

Господин Монфор далеко...

Г р а ф

Ты сам сказал, на Толозанской дороге!

Б е р т р а н

Толозанская дорога длинна... Народ волнуется...

Г р а ф *(указывая на девушек)*

Вот наш народ!

Б е р т р а н

Альби, Каркассон, Валь д'Аран объаты восстаньем...

Г р а ф

Довольно! Шуты веселей тебя! Я больше не слушаю!
Трубы! — Пускай приблизится сюда наш верный Алискан!

Бертран уходит в толпу. Алискан преклоняет колено, Граф наносит ему легкий удар мечом плащмя. Рыцари привязывают золотые шпоры.

А л и с к а н

Дама, позвольте ли мне быть вашим рыцарем?

Изора рассеянно протягивает руку для поцелуя, Алискан садится у ее ног.

Г р а ф

Завтра — турнир, и ты покажешь пример всем рыцарям! Теперь — пускай усладят нам слух певцы.

Первый менестрель выходит из толпы.

И з о р а (Алисе)

Это новый менестрель?

А л и с а

Нет. Другой.

А л и с к а н

Прошлогодний.

И з о р а

Рыцарь, я не просила вас шутить.

М е н е с т р е л ь (поет)

Люблю я дыханье прекрасной весны
И яркость цветов и деревьев;
Я слушать люблю средь лесной тишины
Пернатых согласный напев

В сплетеньи зеленых ветвей;
Люблю я палаток белеющий ряд,
Там копыта и шлемы на солнце горят.

Разносится ржанье коней,
Сердца крестоносцев под тяжестью лат
Без усталости бьются и боем горят.

Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор
 Сквозь топот тяжелых коней!
На замо́к свой дружный напор устрелят,
И рушатся башни, и стены трещат,
 И вот — на просторе полей —
Моги́л одиноких задумчивый ряд,
Цветы полевые над ними горят.

Люблю, как вассалы, отваги полны,
Сойдутся друг с другом в упор!
Их пле́мы разбиты, мечи их красны,
И мчится на вольный простор
 Табун одичалых коней!
Героем умрет, кто героем зачат!
О, как веселится мой дух и мой взгляд!
 Пусть в звоне щитов и мечей
Все славною кровью цветы обогряют,
Никто пред врагом не отступит назад!

Г р а ф

Что-то уж очень воинственна твоя песня, жонглер!
Военные заботы и так утомили нас! Пускай другой
споеет что-нибудь повеселее!

В т о р о й м е н е с т р е л ь (поем)

Через лес густой
Вешнею порою
Майским вечерком
Ехал я верхом
 Из Дуэ в Аррас!
 Доренло, в Аррас!

Вдруг — красотки две
В злаках и цветах,
Венок на голове,
Светлый май в руках —
 Встречу мне как раз!
 Доренло, как раз!

Светлый дар весне,
Май несут оне,
Светлый май несут,
Пляшут и поют:
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Я с коня сошел,
К ним я подошел.
«Можно мне идти?
С вами по пути?»
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Резвясь и шутя,
И венки плетя,
Шли все вместе мы...
Где ты, мой Аррас!
Где ты, мой Аррас!

Я венки сплетал,
Пел и танцевал,
Вместе пели мы:
Как люблю я вас!
Как люблю я вас!

Г р а ф

Певцу за сладкую песню лучшее платье с моего
плеча! — Пей и ешь с нами, рассказывай нам сказки
все лето!

И з о р а

Где же новый менестрель?

А л и с а

Вот он выходит из круга...

И з о р а

Который?

А л и с а

Видите, одежда блестит...

И з о р а

Этот маленький, в бубенчиках?

А л и с к а н

Да он ростом с великана...

И з о р а

Рыцарь, не говорите со мной! — Стройный, светло-
кудрый?

А л и с а

Нет, седые волосы блестят на солнце...

И з о р а *(равнодушно
откидываясь на спинку скамьи)*

Старик!

Г а э т а н *(поет)*

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковою
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.

Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Во время песни Изора, волнуясь, наклоняется вперед и незаметно для себя опирается на плечо Алискана.

А л и с а

Ей дурно, помогите!

А л и с к а н

Помогите!

И з о р а (*лишаясь чувств*)

Этот голос мне снился!

Г р а ф

Старик, или ты забыл, что в природе — весна?
Твоя песня пахнет мокрым февралем, как твои седины!
Нечего сказать, веселого скомороха привез нам Рыцарь-Несчастье!

Гаэтан пропадает в толпе.

И з о р а (*приходя в себя*)

«Радость-Страданье»... страданье...

А л и с а

Госпожа бредит!

И з о р а

Нет... мне легко... где старик?

А л и с к а н

Старик исчез.

И з о р а

Паж... рыцарь! Помогите мне.

Г р а ф

Трубачи, трубите! Шутов сюда!

Выбегают жонглеры.

П е р в ы й ж о н г л е р

Рыцари, бароны и прекрасные дамы! Я расскажу о славном короле Артуре...

В т о р о й ж о н г л е р

Не слушайте его, благородные рыцари! Я играю на цитре и хожу на голове!..

И з о р а

Рыцарь, снились вам странные сны?

А л и с к а н

Дама, есть лекарство от странных снов:
Запах роз и фиалок,
Звон лютни, преданный рыцарь у ног...

Г р а ф

Веселей, шуты, старайтесь, выходите из себя!

П е р в ы й ж о н г л е р

Я спою о верных любовниках: о Геро и о Леандре!
О Елене, и о Парисе!

В т о р о й ж о н г л е р

А я пляшу на канате, прыгаю в обруч, играю но-
жами!

А л и с к а н

Как Нарцисс влюбленный,
Отражаюсь в ваших очах...

И з о р а

Вы льстите мне, рыцарь...

П е р в ы й ж о н г л е р

А вот как Нарцисс смотрел в воду и утопул...

В т о р о й ж о н г л е р

Вам угодно шлемов для зайцев? Уздечек для коров?
Перчаток для собак? — Имейте в виду, я ставлю также
банки быкам и пускаю кровь кошкам!

А л и с к а н

Что красавицы Арраса
Перед светом ваших очей!

И з о р а

Дамы, закройте меня
От взоров гостей и вассалов...

А л и с к а н

Чудо красы такое
К чему от света скрывать?

И з о р а

Ах, у туфли распустилась шнуровка.
Зашнуруйте мне, рыцарь...

Издали доносятся звуки труб.

Р ы ц а р ь

Ваша светлость! Враги! Крест на красном поле!

Г р а ф

Знамя Тулузы! — Поднимите мост!

В а с с а л ы

На коней! — К оружию! — Ткачи! — Во имя бога
и Монфора!

Б е р т р а н *(бросаясь в битву)*
Святая Роза!

С Ц Е Н А IV

Переход в замке.

П е р в ы й Р ы ц а р ь

Да войско ль это? Граф Раймунд согнал
Оборванных ткачей со всей Тулузы!

В т о р о й Р ы ц а р ь

Я рыцарей, однако, видел сам:
Тот великан с дельфином на щите...

П е р в ы й Р ы ц а р ь

Которого Бертран свалил на землю?

В т о р о й Р ы ц а р ь

Да, я тому свидетель. Наш Бертран
С ним бился долго; наконец, ударом
Решительным свалил его с седла
И наступил ему на грудь, заставив
Просить пощады... Дрогнули тогда
Войска Раймунда и бежать пустились!..
«Несчастьем» звали мы того, кто бился
Храбрее всех и бой решил...

П е р в ы й Р ы ц а р ь

Он ранен?

В т о р о й Р ы ц а р ь

Да, он не то, что новый рыцарь наш...

П е р в ы й Р ы ц а р ь

А, правда, Алискан не вышел в поле...

Входят Граф и вассалы.

Г р а ф

Мечи в ножны, вассалы! Бой за нами!
Широкий путь расчищен для Монфора!
Бегут, как зайцы, жалкие ткачи!

В а с с а л ы

Да здравствуют Монфор и Арчимбаут!

В т о р о й Р ы ц а р ь

Победой мы обязаны Бертрану...

Г р а ф

Бертрану? Да, он славно бился нынче,
Но велика ль заслуга разогнать
Разбойников?

П е р в ы й Р ы ц а р ь

Ткачей тулузских шайку,
Мечами не умеющих владеть!..

В т о р о й Р ы ц а р ь

Однако ранен он...

Г р а ф

Так что же? — Раны —
Честь Рыцарю! — А впрочем, пусть сегодня
Он отдохнет! — Свободен он от стражи! —
Теперь, вассалы, на покой! Пусть завтра
Возобновится праздник наш! — Турнир,
А за турниром — пир! — Покойной ночи!

Все расходятся.

А л и с а (*входит*)

Святой отец!

К а п е л л а н

Что, дочь моя?

А л и с а

Душа моя больна...

К а п е л л а н

Завтра, завтра, уж поздно, какая теперь исповедь...

А л и с а

Но, отец мой...

К а п е л л а н

Впрочем, сегодня, близ полуночи, я буду на дворе...

А л и с а

Я тоже буду там, святой отец...

Расходятся.

Б е р т р а н *(входит)*

Как ночь черна. Темно в глазах.

В т о р о й Р ы ц а р ь

Бертран,

Вы ранены?

Б е р т р а н

Пустое.

В т о р о й Р ы ц а р ь

Граф сегодня

От стражи вас освобождает.

Б е р т р а н

Рыцарь,

Я благодарен графу за заботу.

В т о р о й Р ы ц а р ь

Сегодня спать имеете вы право:

Вы нас спасли от ярости Раймунда...

Б е р т р а н

Благодарю вас, друг. Покойной ночи.

Рыцарь уходит.

Отдых... или отдых вечный?

О, как рана сердце жжет!

Прямо в розу на груди

Тот удар меча пришелся...

И з о р а (появляется на верху
лестницы)

Это вы, Бертран? Все спят?

Б е р т р а н

Спят. Уж поздно, госпожа.

И з о р а

Бились вы, как храбрый воин.

Б е р т р а н

Госпожа, лишь вы не спите.
Разве все еще вам снятся
Эти сны тяжелые?..

И з о р а

Спать мешает мне весна.
Сны — их больше нет... Исчезли
Те виденья страшные...
Правда, был он только сном?

Б е р т р а н

Только сном. Мечтою вашей.

И з о р а

Только сном... Моей мечтой...
Что сжимаете вы в пальцах
На груди своей, Бертран?

Б е р т р а н

Розу верности моей.

И з о р а

Розу верности... о, да!
Всех спасла нас верность ваша!

Б е р т р а н

Только долг я свой исполнил.

И з о р а

Вам господь воздаст за это...
Вас, Бертран, он создал верным,

Вероломною — меня...
Рыцарь, разве я виновна,
Что теперь в природе май?..

Б е р т р а н

Нет. Ни в чем вы не виновны.

И з о р а

Рыцарь... ночью — вы на страже?

Б е р т р а н

Если я вам нужен, — да.

И з о р а

Он придет ко мне... поймите...
Вы один... кругом враги...
Вы должны подать мне знак...
Звон меча — не больше... Рыцарь!
Май прекрасен!

Б е р т р а н

Да. Как вы.

И з о р а

Рыцарь, вот моя рука...
Знаю, вам наград не надо...

Б е р т р а н

Госпожа моя! Священна
Ваша воля для меня.
Я коснуться недостойн
Вашей розовой руки.

С Ц Е Н А V

Двор замка.

Б е р т р а н

Тише, сюда, осторожней!
В тень, где не светит луна!
Видишь яблони ствол?

Ветви ее
С окном наравне.

А л и с к а н

Как же мне взобраться по голому стволу?

И з о р а (в окне)

Ты, Алискап?

А л и с к а н

Я.

И з о р а

Ко мне! сюда!

Б е р т р а н

Встань на плечи мне! —
Так! — Дальше взобраться не трудно.

И з о р а

Возлюбленный! Лик твой сияет!
Весь ты — страсть и весна!
Разве видела прежде тебя я?
В первый раз такой красотой
Лик твой горит!
О, вот они,
Земные горячие руки!
Вот они, земные уста!
Не призрак, не сон ты!
Счастье! Счастье! —
Кто там внизу?

А л и с к а н

Это — Рыцарь-Несчастье. Благодарю вас, Бертрап!

И з о р а

Бертрап, это вы?

Б е р т р а н

Я, госпожа.

И з о р а

Как ночь прекрасна!

Б е р т р а н

Да, госпожа.

И з о р а

Рыцарь! А просьба моя?

Б е р т р а н

Госпожа, я на страже — всю ночь.
Вы услышите звон меча.

И з о р а

Спасибо, верный слуга...
Но... отойдите теперь от окна...

Б е р т р а н

Я отойду.

Становится в тень у стены.

Счастлива будь, Изора!
Мальчик красивый
Лучше туманных и страшных снов!
Пусть найдет
Покой и усладу
Бурное сердце твое!
О, как далек от тебя, Изора,
Тот, феей данный,
Тот выцветший крест! —
Цвети, о, роза,
В саду заветном,
Благоухай, пока пад миром
Плывет священная весна!
Храни, Изора,
Душу младую
На черные дни.
Слышу я, слышу,
Волны бушуют,
Ревет океан,
Крест горит над вьюгой,
Зовет тебя в снежную ночь!
Раны болят...
Силы слабеют!
Тверже стой на страже, Бертран!

Обопришь на меч!
Не увянет роза твоя.

И з о р а (в окне)

Рыцарь! Со мною! Со мною!
Жаркая кровь!
Благоуханная ночь!
Счастье вернулось опять!
Страшные сны миновались!
Сны мне снились
Лишь о тебе! —
Нет, молчи, я знаю...
Разве до снов нам!
Разве до песен теперь...

Скрывается в окне.

Б е р т р а н

Тверже стой на страже, Бертран!
Проклятые раны,
Не жгите мне сердца!
Роза, гори, гори!
Чу! Трубы!..
Из рокоta волн
Рожденные трубы
Громче, все громче зовут!
Розовый свет блеснул
На гребнях белых
Свинцовых почных валов!
О, какая мука!
И сладость — за мукою вслед!
Неземная сладость
Повеяла в сердце!
Как ночь прекрасна!

Входят Капеллан и Алиса.

К а п е л л а н

Теперь вы не откажетесь от этого подарка, красавица...

А л и с а

Ах! какой красивый перстень!

Капеллан

Драгоценный, плутовка...

Алиса

Святой отец, ваш сан...

Капеллан

А чем я хуже рыцаря?

Алиса

Ах, рыцари такие обманщики...

Капеллан

О, я вас не обману... — Тише! Слышите... шопот?
И будто... звук поцелуя...

Алиса

Да...

Капеллан

Послушаем еще.

Луна освещает Бертрана.

Алиса

Святые угодники!.. там сторож... у стены...

Капеллан

Да... оп.

Алиса

Уйдем...

Капеллан

Зачем он здесь?

Алиса

Не ходите, святой отец... я боюсь... не знаю чего...
смотрите... он неподвижен... лицо белее холста...
черное пятно на груди...

Капеллан

Уйдем... разбудим графа...

Уходят.

Б е р т р а н

Как почь прекрасна!
Чу, в торжественный голос труб
Врывается шелест...
Нет, опять тишина...
Больше ничем не нарушен покой.
Боже, твою тишину громовую
Явственно слышит
Бедный твой раб!
Рана открылась,
Силы слабеют мои...
Роза, гори!
Смерть, умудряешь ты сердце...
Я понял, понял, Изора:
«Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно...
Радость, о, Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран!..»

И з о р а (в окне)

Слаще мне жизни милой,
Ярче мне утра
Твои поцелуи!
Ночь бледнеет... смотри...

Бертран со звоном роняет меч на плиты.

Ты слышишь... удар меча...
Прощай! До завтра... беги!..

Алискан быстро спускается по стволу яблони и бежит.

Рыцарь! Рыцарь!
Разве что-нибудь слышали вы?

Слышны голоса, Изора скрывается в окне. Входят Граф, Капеллан, Алиса, Доктор, рыцари.

Г р а ф

Что случилось? Зачем ты разбудил меня?

К а п е л л а н

Ваша милость, мне почудилось недоброе...

А л и с а

Подозрительно... в окне у госпожи...

Г р а ф

Бертран! — Рыцарь-Несчастье! — Сторож! Ты спишь?

Д о к т о р

Ваша светлость, он мертв.

И з о р а *(в окне)*

Зачем меня будят так рано?

Г р а ф

Это вы? Вы не спите?

И з о р а

Если вы не верите мне, можете обыскать мои покои...
Что случилось?

Г р а ф

Сторож умер здесь на дворе...

Д о к т о р

Сколько крови! Сколько крови!

Г р а ф

Какая досада! Кто же теперь будет стеречь замок? —
Изора, что с вами? — Вы плачете?

И з о р а

Мне жаль его. Он был все-таки верным слугой.

РАМЗЕС

Сцены из жизни древнего Египта

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рамзес II, фараон XIX династии.

Псару, градоправитель Стовратных Фив.

Хамоизит, его управляющий.

Офицер.

Чиновник.

Гонец.

Пророк.

Царица, свита, торговцы, ремесленники, каменщики, скрибы, друзья, родня Псару, клиенты, плакальщицы, народ.

Действие происходит в XIV столетии до р. Хр. («Новое царство») в древних Фивах при Рамзесе II.

Торговая площадь с домом градоначальника в центре города. Утро. Некрасивые и мрачные фасады довольно высоких домов с плотно закрытыми дверьми. Окон на улицу почти нет, видно только несколько окон в верхних этажах. К стенам прислонены лавочки, покрытые камышом. Площадь начинает понемногу наполняться народом.

У главных ворот дома градоначальника, который помещается в низкой зубчатой стене под акацией, сидит домоправитель Хамоизит, длинный и тощий. Он не совсем пришел в себя с похмелья и мурлычет песню: «Пей, пей, подноси, пей, пей, подноси».

Из двери выходит сам градоначальник Псару, маленький и толстый.

Хамоизит вскакивает от неожиданности и падает на живот.

П с а р у. Встань, встань, Хамоизит. Должно быть, у тебя совесть нечиста, что ты падаешь передо мной, как перед фараоном. Я не могу уснуть, даже Бизу не помогает; у меня болит живот, горит голова и во рту горько. Замучила меня проклятая деревня.

Х а м о и з и т. Уж не сглазил ли тебя чей-нибудь дурной глаз, повелитель?

П с а р у. Дурной глаз, дурной глаз! Всё увертки, хитрая гадина! Знаешь ли ты, Хамоизит, кто я такой?

Х а м о и з и т. Отлично знаю, повелитель. Ты — градоправитель Фиванский, главный правитель Земли Юга и главный начальник царских работ.

П с а р у. Вот в том-то и дело. Кроме того, ты знаешь, что царь позволил мне целовать ему ноги, но запретил при этом целовать пол; что нет равного мне среди возлюбленных царя; что все смертные подходят ко мне не иначе, как с низким поклоном; ибо все люди ходят в моем свете.

Х а м о и з и т. Знаю, повелитель. Кроме того, ты можешь еще издавать законы, повышать в чинах, улаживать всякие несогласия и давать мир стране.

П с а р у. И с таким-то человеком ты еще хитришь, Хамоизит?

Х а м о и з и т. Ты — муж правды, свидетель надежный, подобный Тоту; ты — глава суда; ты слушаешь хорошо и говоришь умно; ты заставляешь трепетать того, кто враг царю, и ты знаешь, что скрыто в каждом человеке...

П с а р у. Вот в том-то и дело, Хамоизит. А так как я знаю, что скрыто в каждом человеке, то от меня не укроется и то, что скрыто в тебе, ибо и ты человек, и притом — пьяный человек.

Х а м о и з и т. Ничто не укроется от глаз твоих; но ведь я, кажется, чист пред тобою. Я, хозяин, ничего от тебя не скрывал.

П с а р у. Ты лжешь, ты лжешь, негодный раб. Мне доподлинно известно, как ты вел себя в то время, как я исполнял волю моего государя.

Х а м о и з и т. В это время я усмирал бунт камеников царской усыпальницы, повелитель мой.

П с а р у. Может быть, ты и усмирал; но все-таки ты опять лжешь. Что ты можешь мне ответить, если я тебе скажу, что ты бродил по улицам и от тебя несло пивом, как из пивной бочки? Что ты сидел вот в этой самой пивной с девицами и с гирляндой на шее? Что ты притом еще учился петь под флейту, говорить нараспев и играть на гуслях? Что вообще ты был подобен сломанному рулю, дому без хлеба и храму без бога?

Х а м о и з и т. Повелитель, ты читаешь в сердцах, как божественный Ра; клянусь Озирисом, больше никогда и ничего я от тебя не скрою, ибо ты видишь то, чего никто не видит, и слышишь то, чего никто не слышит.

П с а р у. Ну, положим, что все отлично видели, как ты валялся среди площади, и слышали, как ты орал песни...

Х а м о и з и т. Позволь мне в свое оправдание прибавить одно, — что все это случилось со мной с горя...

П с а р у. Помни, помни, Хамоизит, как дурно действует вино, удаляйся от пива и лучше забудь оба эти напитка. Пьяный от вина падает лицом вниз, а пьяный от пива — лицом вверх. Кроме того, пьяный может забыться и наговорить в пивной неосторожных и опасных слов, за которые придется потом ответить. А разве хорошо, если к домоправителю градоначальника придут потолковать о делах и застанут его, как малого ребенка, валяющимся на полу?

Х а м о и з и т. Ты прав, ты прав, повелитель; поверь, что только отчаянье заставило меня предаваться порокам, которые ты перечислил.

П с а р у. Что же привело тебя в отчаянье? Собственные твои дела? Или, может быть, государственные?

Х а м о и з и т. И те и другие, к сожалению. Нехтеммут с товарищами ворвался ко мне в дом; они украли мои хлеба, вылили мое масло, приготовленное ко дню коронации. Кроме того, они забрались в кладовую и унесли три больших хлеба, восемь булок, вытащили мех с пивом и выпили его, пока я находился в отсутствии...

П с а р у. Пока сам ты лежал у дверей пивной, бездельник. Мне сдается, что ты сумел уже наверстать потерянное, и поэтому мне тебя несколько не жаль. Скажи-ка лучше, какие государственные дела заставили тебя опозорить высокое звание управляющего домом градоначальника Стوراتных Фив?

Х а м о и з и т. Ты знаешь, хозяин, что рабочие на новых постройках постоянно бунтуют. Десятого мехира они проломали пять стен усыпальницы, добрались до южной части храма божественного Сети и унесли фараоново зерно.

П с а р у. Так, так. И это тебя так сильно взволновало, Хамоизит? Ну, а где же был в это время хранитель царских могил?

Х а м о и з и т. Говорят, он вызвал солдат, но рабочие их не послушались.

П с а р у. Ну да, я всегда знал, что этот храпитель — пераспорядительный чиновник, да к тому же еще и взяточник. Когда будет случай, я скажу два слова фараону...

Х а м о и з и т. А мне, хозяин, кажется, что храпитель сделал все, что мог...

П с а р у. Помолчи, Хамоизит, и лучше не рассказывай своему хозяину о том, что тебе кажется. Уж не получил ли ты и с него взятку, потому и защищаешь его так усердно? — Ну, а мои житницы?

Х а м о и з и т. Благодарение богам, хозяин! Твои закрома наполнены хлебом, и ничья преступная рука еще не посягала на них.

П с а р у. Благодарение богам, Хамоизит. Вот первая радостная весть, которую я от тебя услышал; и живот мой теперь ноет поменьше. А что до царских могил, то в конце концов ведь это — не наше дело. Я вижу, что гость мой проснулся и идет сюда. Если он пожелает осмотреть город, следуй за ним, прислуживай ему и смотри, чтобы я не услышал от него ни единой жалобы на тебя.

Г о с т ь (*входит из двери*). Как твое здоровье, любезный хозяин? Почему ты так рано покинул ложе сна?

П с а р у. Любезный гость, мое здоровье не позволило мне уснуть. Чей-то дурной глаз сглазил меня, и я не могу сопровождать тебя сегодня на прогулке. Тебя проводит мой управляющий; мне же надлежит одеться и приготовиться к докладу божественному фараону. Поэтому прости. (*Уходит.*)

Г о с т ь. Как тебя зовут, писец?

Х а м о и з и т. Хамоизит, господин.

Г о с т ь. Иди за мной, Хамоизит. Я хочу пройтись по базару и посмотреть, чем здесь торгуют.

Хамоизит с гостем вмешиваются в толпу, которая тем временем загрохотала площадью. Торговля началась, пригнали овец, гусей, коз, волов; проходят осла, нагруженные соломой. Крестьяне и рыбаки уселись на корточках перед плетеными лотками с хлебом, плодами, овощами, мясом, рыбой, материями. Продают

удочки, пыновки, браслеты, ожерелья, помаду, духи, олово, железо, янтарь, стекло, фаянс, драгоценные камни. В открытых помещениях видно, как горшечник лепит, сапожник скоблит кожу, прядильщицы и ткачихи работают, сидя на полу, мастер высверливает большую алебастровую вазу, столяр клеит богатую мебель, кондитер продает финики, сиропы, печенья, пряности; в харчевне жарят на вертеле гуся, и обыватель, усевшись на низенький табурет, приготовился приняться за гору кушанья, стоящую перед ним; в это время цирюльник паскоро брест ему голову. Барыня заказала ювелиру выплавить браслет из плитки электрона; в это время перед его лавкой останавливается передовой верблюд каравана, привезшего золото из пустыни; негр, ловко спрыгнув с верблюда, молча подносит Хамозиту мешочек, который тот так же молча и привычно прячет под платье. — Из пивной уже раздаются крики: «Вино звезды Горуса, повелителя неба! Пей до пьяна! Счастливей день! Пей до дна!»

Площадь пестрит одеждами разноцветных покупателей, продавцов и прохожих — купцов, офицеров, чиновников, горожанок, жрецов, простолюдинов; здесь кишат сирийцы, эфиопы, нубийцы, негры, феллахи.

Продавцы выкрикивают названия товаров, предлагают ожерелья из стекляруса, прочные башмаки, питку бус, банку духов — от одной капли этих духов все начнут бегать за покупателем.

Хамозит покорно ходит за гостем Псару, уже навьюченный покупками. Гость за все хорошо платит, и торговцы начинают преследовать его, так что ему приходится, наконец, спрятаться в доме градоначальника.

На площади появляются гуляющие; ходят нарумяненные горожане, босиком и с длинной тростью в руке. Медленно проезжает колесница, проходит лысый жрец, завернувшись в белый плащ.

Чинovníк подходит к офицеру.

Ч и н о в н и к. Вот, наконец, я нашел тебя, муж сильный и счастливый, муж красоты царственной! Сам лев фараона не сравнится с тобой в храбрости! — Давно ли из похода?

О ф и ц е р. Едва кончилась одна война, начнется другая. — Ты, кажется, завидуешь мне?

Ч и н о в н и к. Ты не спрашивал бы меня об этом, если бы знал, как плохо живет бедному скрибе.

О ф и ц е р. И ты думаешь, что лучше быть офицером, чем скрибой?

Ч и н о в н и к. Верно ты не знаешь, чего нам стоит ученье, сколько побоев перенес я прежде, чем стать скрибой. Учитель каждый день говорил мне: «Вот тебе сто ударов. Ты для меня осел, которого бьют.

Ты — перазумный пегр, который попался в плен. Как орла заставляют садиться на гнездо, как кобчика приучают летать, так я делаю из тебя человека, а ты меня благодари!» При каждом слове он ударял меня палкой; а бывали дни, когда меня клали на пол и колотили камышевыми прутьями без счета, точно хотели превратить в телятину.

О ф и ц е р. Что и говорить, ученье не из приятных. Но, уж если на то пошло, я расскажу тебе, как я стал офицером. С детства втокнули меня в казарму и заперли. Удары так и сыпались мне на живот; меня били по глазам, как лошадь, синяки не сходили с моего лба, а голова была проломлена. Я лежал, а меня колотили, как пучок папируса. Потом отправили нас в горный сирийский поход. Спина у меня всегда болела, потому что хлеб и воду приходилось тащить на плечах, как ослу. Потом вода загнила, стали пить гнилую. Когда дошли до неприятеля, сил уже не было. Назад я возвращался, подобный дереву, изъеденному червями. Меня везли на осле, одежду украли воры, а слуга убежал.

Ч и н о в н и к. Великий Ра, где же справедливость? Неужели лучше обратить сердце свое на то, чтобы сделаться несчастным скрибой и управлять людьми!

О ф и ц е р. Теперь, верно, ты не станешь завидовать мне. Никому не пожелаю я быть офицером.

Ч и н о в н и к. Но неужели всем так тяжело жить в Египте?

О ф и ц е р. Всем, всем, кроме жрецов! Разве мало народа растоптано вражескими колесницами? Разве мало пожрал лев фараона? Разве мало умерло от жару, от голода, от лихорадок? Так погиб мой отец, так погибли все мои предки! Так было при Тутмозу Менхонирри, так было при Аменготпу Нибмаутри, так было всегда!

Ч и н о в н и к. Будь же проклят отец, родивший меня! Будь проклята мать, родившая меня!

Появляется полуголый пророк в лохмотьях, дико размахивая руками. Любопытные собираются вокруг него; мальчишки гоняются за ним, дергают его за растрепанные седые волосы и швыряют в него луковицами.

Пророк. О, Египет, Египет, Египет! Горе, горе тебе! От одной горной цепи до другой горной цепи разносишь ты плач и стоны детей и жен твоих! Как смрадный змей, пресмыкаешься ты между двух пустынь! Горе тебе, народ грешный, народ, отягченный беззаконием, племя злодеев, дитя погибели! Вот, пески пустыни засыпят вас! Куда вас еще бить, когда вся голова ваша в язвах и сердце исчахло! От подошвы до темени нет в вас здорового места! Земля ваша пуста, поля ваши на глазах ваших поедают чужие!

На шум и крики выбегают рабы, клиенты, родственники из дома градоначальника. Хамоизит тоже выглядывает из двери. В окне наверху появляется лысая голова Псару.

Пророк. Горе тебе, Египет, горе, горе тебе, столица Фивы, блудницей ты стала, правда обитала в тебе, а теперь обитают убийцы! *(Он грозит кулаками Псару.)*

Хамоизит. Хозяин, хозяин, спрячься скорее, он тебя сглазит!

Псару быстро прячется за окном.

Пророк. Египтяне — люди, а не бог, кони их — плоть, а не дух! Прострет господь руку свою, и споткнется защитник, и падет защищаемый, и все погибнут, погибнут, погибнут... *(Уходит.)*

Раздается страшный шум, вбегает несколько десятков каменщиков, испачканных глиной и известкой. Они машут инструментами и тащат за собой трех скриб; вид у надсмотрщиков испуганный и жалкий.

Скриба. Назад, назад! Именем фараона!

Каменщики. С тобой не разговаривают, собака! Не хотим больше терпеть! Псару! Псару! Где правитель работ? Пусть он нас рассудит!

Хамоизит. Правитель занят.

Каменщики. Нечего разговаривать! Идите все, берите ломы, ломайте двери!

Хамоизит. Правитель нездоров, он не может к вам выйти,

К а м е п щ и к и. Все равно! Сюда его! Пусть он рассудит!

Хамоизит пятится в ворота.

Ломай ворота! Псару! Псару!

В ворота летит камень.

Х а м о и з и т. Ничего не поделаешь, придется звать хозяина.

Уходит.

Скоро из дверей выходит уже набеленный, нарумяненный и одетый в белый кафтан Псару. Выражение лица у него кислое, он держится за живот. Каменщики затихли и низко кланяются Псару.

П с а р у. Что, что случилось, друзья мои?

К а м е н щ и к и. Мы пришли к тебе потому, что нет больше сил терпеть. Рассуди ты нас с писцом Хамуасом. Мы — голодные, а он говорит, что выдал нам весь хлеб на прошлой неделе.

П с а р у. Поди сюда, Хамуас. Ты выдал им весь хлеб на прошлой неделе?

Х а м у а с. Выдал, правитель.

П с а р у. Вот видите, он выдал.

К а м е н щ и к. Так нам больше не дадут хлеба?

Д р у г о й. Если не дадут, так мы с места не сойдем.

Т р е т и й. Не станем работать!

Ч е т в е р т ы й. Не воруй наших запасов!

П с а р у. Тише, друзья мои. Выслушайте прежде со вниманием то, что я вам скажу. Если я к вам не вышел сразу, то не потому ли, что мне нечего было вам принести? Что же касается ваших слов «не воруй наших запасов», то разве я для того поставлен здесь градоначальником, чтобы воровать? Я ведь не виноват в том, что в закромах у меня ничего нет. Откуда же я вам достану хлеба?

К а м е н щ и к. Хоть из житницы фараона!

Д р у г о й. Из храма Сети!

Т р е т и й. Именем Аммона, именем царя, нас больше не заставят работать!

Х а м о и з и т (*скрибам*). Чего же вы смотрите? Хватайте их, берите под стражу, бросайте в тюрьму!

Х а м у а с. Разве ты не слышал, что он поклялся именем фараона? Его нельзя трогать!

К а м е н щ и к и. Хлеба, хлеба! Берите жен и детей, идем к фараону!

Н е в о л ь н и к (*сквозь толпу*). Где здесь Псару, могущественный повелитель?

П с а р у. Погодите, друзья мои. Кто ищет Псару, кому нужно видеть бедного Псару?

Н е в о л ь н и к (*тихо*). Знай, повелитель, что царь, возлюбленный Ра, уже выехал из дворца и кони мчат его к твоему дому, ибо он осведомился о твоём нездоровьи и желает видеть тебя по дороге к храму Аммона.

П с а р у. Эй, Хамоизит, поди сюда!

Х а м о и з и т. Что прикажешь, повелитель?

П с а р у. Ты слышал, что сказал этот раб?

Х а м о и з и т. Слышал, хозяин.

П с а р у. Как же нам теперь быть?

Х а м о и з и т. Позволь подумать.

П с а р у. Думай, только поскорей. Ведь плохо будет, если царь застанет их здесь?

Х а м о и з и т. Плохо, хозяин.

П с а р у. Что же, по-твоему, надо сделать, чтобы они ушли?

Х а м о и з и т. Я придумал: им надо обещать хлеба.

П с а р у. Пожалуй, что ты прав. — Эй, друзья мои! Ступайте и вставляйте спокойно на работу, а завтра вы получите еще хлеба, хотя вы взяли уже все, что вам полагалось, на прошлой неделе. В закромах больше ничего нет, но все-таки я выдам вам завтра, что найдется.

К а м е н щ и к и. Знаем мы цену обещаний! Много нам обещали! Завтра да завтра! Не уйдем, пока не получим хлеба.

П с а р у. Тише, тише, друзья мои. Хамоизит, а Хамоизит?

Х а м о и з и т. Что, хозяин?

П с а р у. Слышишь, что они говорят?

Х а м о и з и т. Как не слышать — слышу.

П с а р у. Пожалуй, ведь они не уйдут без хлеба. Как же быть?

Х а м о и з и т. Не могу придумать.

П с а р у. Постой-ка. Ты говорил, что у тебя что-то украли?

Х а м о и з и т. Украли, хозяин; украл вон тот самый Нехтеммут, вон он стоит и кричит всех громче...

П с а р у. А что он у тебя украл?

Х а м о и з и т. Украл хлеб, масло, восемь булок, мех с пивом...

П с а р у. Это у тебя в доме?

Х а м о и з и т. В доме, хозяин, а еще в кладовой...

П с а р у. А в закромах ничего не украли?

Х а м о и з и т. В закромах-то пока еще не украли.

П с а р у. Друзья мои! Вот, идите за этим добрым человеком и возьмите то, что он вам выдаст. А ты, Хамоизит, ступай, отвори свой амбар и дай хлеба этим бедным людям.

К а м е н щ и к и. Слава Псару! Ты — паш отец! Мы — твои дети! Ты — посох, поддерживающий старца! Ты — защитник угнетенных! Ты — убежище для тех, кому холодно в Фивах! Ты — хлеб сокрушенных!

Каменщики уходят вслед за совершенно растерявшимся Хамоизитом. Как только они ушли, из дому высыпали родные, рабы, друзья, клиенты. Псару ходит среди них, с удовольствием потирая руки.

П с а р у. Недаром царь любит Псару, недаром все люди ходят в свете Псару, недаром все кланяются Псару! Кто, кроме Псару, сумел бы так ловко спровадить бездельников! А теперь узнайте, что сейчас здесь будет сам божественный сын Ра! Приготовьте пути сокрушителю врагов, могущественному быку, который любит истину! Ибо он уже появился под порталом Пирауи, подобно солнцу, восходящему утром на востоке неба, чтобы залить весь мир своими лучами!

Тем временем рынок несколько опустел, потому что наступил час полуденного отдыха. Около пивной валяется пьяный. Вдруг, расталкивая и сбивая с ног редких прохожих, выбегает десяток черных скороходов с палками в руках, наклонясь вперед. За ними появляется взвод разноцветной ипостранной гвардии со знаменем, булавой, пиками, секирами и щитами. Они становятся шпалерой, тесня народ к стенам. Псару, его друзья и все прочие, кроме солдат, падают ниц.

Вылетает Рамзес, красивый, как бог Озирис. Стоя на маленькой колеснице, один, с веером в руке, он другой рукой осаживает на скаку двух белых лошадей прямо против ворот дома градоначальника.

За колесницей фараона появляются колесницы царицы и свиты. Все с веерами. У царицы — густо и красиво раскрашенное стареющее лицо.

Царь сходит с колесницы и поднимается на кресло с маленьким возвышением, которое уже успели вытащить из дома.

Р а м з е с. До слуха нашего дошло, что слуга наш Псару нездоров. Мы прибыли сюда для того, чтобы увидеть нашего верного слугу Псару. Может ли еще служить нам правитель священного города Псару?

Псару лежит без движения. Царь обращается к одному из друзей.

Поднять его, и пусть он нам ответит.

П с а р у (*встает*). О, Горус между людьми, избранный солнцем, возлюбленный Аммона, золотой ястреб, богатый годами и весьма мощный! Я был как колос, срезанный серпом жнеца в поле твоих отцов, доколе твой свет не озарил меня, и твое сияние не ослепило меня, и твоя речь не воздвигла меня, и вот, я стою перед тобой и отвечаю тебе.

Р а м з е с. Пускай Озирис продлит дни слуги нашего Псару. Теперь пускай Псару скажет нам, как он провел время в деревне и как он исполнил поручения своего государя.

П с а р у. О, мощно-истинный, как Ра, возлюбленный солнца, повелитель обоих Египтов! С востока на запад и с запада на восток объехал я вверенную мне тобой область; я был у богов южной страны и был у богов северной страны; всюду набирал я здоровых юношей в твое могущественное войско заранее и всех их запер в тюрьмы и в амбары, пока они еще не успели разбежаться в горы; ибо ты ведаешь, что мирные египтяне не любят войны и страшатся твоего взора.

Р а м з е с. Нам приятно слышать, что Псару сумел предупредить бегство ленивых и трусов. Пусть знают все, что и нам не угодна война, но мы не прекратим ее, доколе не покорим всех подлых врагов из пустыни Сирийской и из пустыни Ливийской, и будем

воевать до полной победы. Пусть ответит нам слуга наш Псару, есть ли у него довольно оружия, довольно колесниц и довольно хлеба для войска?

П с а р у. Ты ведаешь, что нет колесниц в мире, равных по прочности и легкости колесницам Египта. Также довольно запасено у меня оружия, и всюду видел я одно, — как твои верные сcribes исправно отбирали хлеб у крестьян, так что не осталось во всей стране Юга ни одной хижины, которая смогла бы утаить от тебя хлеб, зерно или муку.

Р а м з е с. Все это хорошо, что сказал нам слуга наш Псару. А кто это стоит позади него — не правда ли, это — смотрители житниц и сcribes?

П с а р у. Да, это они, повелитель; они сделали больше, чем было сделано со времени бога Ра; они собрали в одну жатву больше пшеницы, чем собирали в последние тридцать лет.

Р а м з е с (*обращается шутливо к царице*). Псару только что вернулся из деревни. Не находишь ли ты, что Псару лицом и манерой стал похож на мужика?

Царица улыбается каменной улыбкой. Царевны и свита смеются. Понемногу все начинают подобострастно смеяться.

Р а м з е с. Выдать золота, много золота достохвальному начальнику города, правителю земли Юга, почтенному летами Псару, достигшему безупречной старости.

Перед фараоном ставят столик с драгоценностями. Он берет самое тяжелое ожерелье и вешает его на шею Псару. То же делают царица и царевны, так что Псару в конце концов еле может устоять на ногах под тяжестью драгоценностей, висящих у него на животе и на спине. Золото начинают бросать в народ.

Сcribes записывают розданное.

Псару с трудом выпрямляется, воздевает руки и запекает хвалебную песню фараону, которую подхватывают все.

П с а р у. О, царь, ты Горус меж людьми!
Ты мне даешь бытие!
Ты даешь бытие моему двойнику!
Ты возвеличил
Раба твоего!
С тобой достиг я

Счастливых лет!
Царь лучезарный,
Любимец Аммона,
Царствуй навек,
Подобно Ра!

Р а м з е с (*задумчиво*). Да узнают все народы наши, как велика наша мощь и как беззакатна наша слава! Да стекутся все народы к ногам нашим, как песчинки, гонимые ветром пустыни! Да растерзают львы наши всех подлых врагов! И тогда мы поразим мир деяниями нашими; мы воздвигнем пирамиды превыше пирамид отца нашего; мы построим храмы величавее храма Сети. Так сказал нам Аммон, великий бог и отец наш; так говорит вам возлюбленный Аммона Узирмари-Сотпунири, сын Ра, Рамсизу-Миаун.

П р и д в о р н ы й. Гонец из Сирии сейчас прибыл и ждет позволения явиться перед твоим величеством.

Р а м з е с. Пусть войдет. (*Гонцу.*) Кто ты?

Г о н е ц. Мудрость, сила, здоровье! Меня прислал князь Магедо с письмом к твоему величеству!

Подает толстую плитку. Рамзес передает ее переводчику.

Р а м з е с. Прочти.

П е р е в о д ч и к (*читает*). «Царю, моему повелителю, моему солнцу, я, Абдадад, твой слуга, говорю так: Хитизару, побежденный начальник подлых Хити, нарушил мир и дружбу, которые предки его заключили с твоими предками. Он забыл власть богов, он собрал своих полководцев, солдат и военные колесницы, он идет против правителей и царей, которых ты поставил по всей стране, чтобы они платили дань и чтили твое величество. Я послал соглядатаев в стан подлого Хитизару и сказал им: подите и посмотрите, что делается у подлого Хити. И вот, соглядатаи увидели, что он стоит лагерем около Кодшу, и его нечестивые союзники с ним. Да соизволит царь мой и мой повелитель, солнце мое, скорее прислать своих стрелков из лука и свои военные колесницы. Если он промедлит, — я погиб».

Р а м з е с (*помолчав*). Ступай и скажи своему князю, что лучники мои готовы и что моим военным колесницам нет счета, как песку морскому. Скажи

князю, чтобы он был спокоен, ибо нарушивший мир подлый Хитизару раскается. Скажи ему, что священный лев Рамзну-Миаммуна уже рычит и ломает прутья своей клетки, готовый ринуться в бой вслед за колесницей своего повелителя. Ступай и передай своему князю ответ царя обоих Египтов. (*Гонец уходит.*) Да падет проклятие на голову подлого Хитизару, нарушившего мир и дружбу! Он помешал мне строить храм великому богу, но я настигну его, и колесницы мои растопчут его, и я возвращусь, чтобы удивить мир новыми пирамидами! — Пусть гонцы известят наместника Эфиопии, что мы не можем принять его, ибо сам царь изволил отбыть в военный лагерь к своим войскам. — Следуйте все за мною в храм принести жертву великому богу!

Рамзес уезжает со свитой, сопровождаемый криками толпы. Друзья и родные бросаются поздравлять Псару, целуя его ноги и одежду и освобождая его от золота, которым он увешан. Псару пытается двинуться вслед за фараоном, но шатается и валится на бок. Его тащат в дом с причитаниями. Кучка друзей перед домом начинает творить заклинания:

«Чародейная сила Псару, сына госпожи Тентнубаты, есть сила Озириса Атуму, царя богов. Сила левого виска его подобна силе левого виска бога Туму. Его верхняя губа — богиня Изида, его нижняя губа — богиня Нефтис, его зубы — мечи, его тело — Озирис, его пальцы — синие змеи, его живот — Ну, его бока — перья Аммопа».

Из дома с плачем выбегают женщины — босые, с распущенными волосами, посыпанными пеплом.

Ж е н щ и ц а. Шакал Анупис стережет его!

Д р у г а я. Заговоры не помогают!

Т р е т ь я. Умирает!

Ч е т в е р т а я. Псару покинул земное жилище!

П я т а я. О, скорбь, о, горе! На запад, на запад! Ты уходишь на запад, начальник, и сами боги скорбят!

Ш е с т а я. Ты уходишь на запад, лучший из людей! Быки, на запад! Ваш господин идет позади вас! Сами боги скорбят!

Вся площадь оглашается воплями. Женщины, друзья и клиенты швыряют в толпе.

Ж е н щ и н а. Месть, месьть тому, кто погубил начальника!

Д р у г а я. Месть, месьть тому, кто сглазил лучшего из людей!

Т р е т ь я. Месть, месьть!

Появляется оборванный пророк.

П р о р о к. Вот, господь сидит на облаке своем и грядет на Египет! И потрясутся от лица его все идолы египетские, и сердце Египта растает в нем! И истощатся воды в море, и оскудеют реки, и водостоки египетские оскудеют и высохнут! Камыш и тростник завянут, и поля по берегам реки не принесут плодов, и все развеется и все исчезнет!

Ж е н щ и н а. Месть, месьть тому, кто сглазил начальника!

Д р у г а я. Вот кто сглазил начальника! Бей, бей, бей!..

Толпа бросается к пророку.

П р о р о к. ...И предам египтян в руки властителя жестокого, и свирепый царь будет господин их — так говорит господь, господь, господь...

Толпа озверела, пророка бьют палками, вслед ему летят камни.

В это время Хамоизит с постным видом вышел из дому. Его окружает толпа быстро сошедшихся с разных сторон резчиков, ваятелей, гончаров, ювелиров, столяров, парикмахеров, гробовщиков, скриб.

С т о л я р. Самые прочные стулья на львиных лапах!

П а р и к м а х е р. Я могу поставить в три дня двенадцать париков!

О с т а л ь н ы е. Сундучки для белья! Свивальники! Лучшие бальзамы! Соли! Духи!

Х а м о и з и т. Погодите, погодите, не все зараз. Сначала бальзамировщик. Эй, бальзамировщик!

Б а л ь з а м и р о в щ и к. Здесь, господин!

Х а м о и з и т. Во сколько дней ты сделаешь мумию?

Б а л ь з а м и р о в щ и к. Сделаю в двадцать дней!

Х а м о и з и т. Ну и ступай себе. Нам таких не надо. Разве ты не знаешь, что таких людей нельзя бальзамировать меньше семидесяти дней? Делай для кого угодно, только не для возлюбленного фараона.

Д р у г о й б а л ь з а м и р о в щ и к. Я сделаю, я умею. Ты меня, верно, помнишь, — ведь это я обряжал прежнего наместника!

Х а м о и з и т. Помню, помню, приятель, припоминаю.

Б а л ь з а м и р о в щ и к. Только моя работа будет стоить подороже, чем в двадцать дней.

Х а м о и з и т (*важно*). Ну, понятно, подороже. Кто говорит о том, чтобы было дешевле. Сколько же, все-таки?

Б а л ь з а м и р о в щ и к. Да меньше ста серебряных утну нельзя.

Х а м о и з и т. Вот тебе и раз. Ты сначала подумай, а потом говори. Сто серебряных утну, да разве это слыхано?

Т р е т ь и й б а л ь з а м и р о в щ и к. Я за семьдесят пять сделаю.

Г о л о с в т о л п е. Убили!

Д р у г о й. Утопили в реке!

Т р е т ь и й. Туда и дорога!

Ч е т в е р т ы й. Собаке — собачья смерть!

Наступил вечер, на горизонте стоит огромный Сириус.

ПРИМЕЧАНИЕ

Сцены составлены по книгам Масперо и Тураева.

При представлении важно выработать походку и движения, присущие восточным народам. Много должны помочь рисунки, где видно, что все строение тела было несколько иное, чем наше; всего существеннее, что фигура египтянина представляет треугольник, обращенный вершиной вниз, тогда как люди нашей эпохи похожи на треугольник, обращенный вершиной вверх. Значит, все телесные навыки, все самочувствие человека было другое. Как будто три с половиной тысячи лет назад человек рос из земли, расширяясь, как цветок, а мы уже суживаемся и испаряемся, заостряясь к небу. К этому присоединяется различие в климате, одежде и т. д.

Автору представляется, что у современных актеров есть много средств для того, чтобы изобразить бытовые, с оттенком комизма типы толстого градоначальника и его тощего приказчика. Напротив, труднее представить фараона. В нем должно быть подчеркнуто нечто странное, отвлеченное, «красивое» — рядом с очень некрасивым бытом. Ему как бы ни до чего нет дела, в нем заключено древнее воспоминание, и он — чужой среди подданных, как Эдип с юным лицом был чужестранцем (ξένος) среди долгобородых фивян, которые никогда не смотрели в глаза Сфинксу.

В языке автор старался подражать языку Плавта, так как ему казалось, что есть нечто общее между положительностью Египта и Рима.

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПЕРЕВОДЫ**

ДЕЙСТВО О ТЕОФИЛЕ (LE MIRACLE DE THEOPHILE) РЮТБЕФА (RUTEVEUF),

трувера XII—XIII столетия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теофил, история которого обработана в XII столетии на народном языке в забавной драматической форме «миракля» («чуда»), — историческое лицо. Это был «эконом», *vidame* одной церкви в Киликии, около 538 года. События его жизни издавна занимали духовных и светских писателей. История Теофила первоначально написана по-гречески его учеником Евтихианом и переведена в прозе на латинский язык диаконом Павлом из Неаполя.

Известная Гросвита Гандерстеймская написала в X веке латинскую поэму об отречении и покаянии Теофила. Особенной популярностью пользовалась история в средние века; ее касались рейнский епископ Марбод (XI в.), монах Готье де Куинси (XIII в.), св. Бернард, св. Бонавентура, Альберт Великий; во многих церквях существуют лепные изображения истории, между прочим — два барельефа на северном портале Notre Dame de Paris. — Текст истории (с рукописи королевской библиотеки) напечатан в редкой теперь книге: Michel et Monmerqué. Théâtre français au moyen âge (XI—XIV s.). Paris. 1839. Chez Delloye éditeur et Firmin Didot. Этим изданием текста и пользовался переводчик.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М а д о н н а.

К а р д и н а л.

Т е о ф и л.

С а т а н а, именуемый также Д и а в о л.

С а л а д и н, волшебник.

З а д и р а, слуга Кардинала.

П е т р и Ф о м а, товарищи Теофила.

Здесь начинается история Теофила.

Т е о ф и л

Мой господин! В моей мольбе
Я столько помнил о тебе!
Все роздал, раздарил, что мог,
И стал — совсем пустой мешок.
Мой кардинал сказал мне: «Мат».
Король мой загнан в угол, взят,
А я вот — нищенствую сам...
Подрясник свой к ростовщикам
Снесу, иль жизни я лишусь...
И как с прислугой разочтусь?
И кто теперь прокормит их?
А кардинал? Ему до них .
Нет дела... Новым господам
Пусть служат... Он к моим мольбам
Не снизойдет.... Чтоб он издох!
Ну хорошо! Я сам не плох!
Будь проклят верящий врагу:
Сам провести его могу.
Чтобы свое вернуть, готов
Пойти на все, без дальних слов.
Его угроз не побоюсь...
Повешусь, что ли? Утоплюсь?
Отныне с ним я вовсе квит,

Путь для меня к нему закрыт...
Эх, славный бы провел часок
Тот, кто его бы подстерег,
Чтобы посечь, пообтесать!
Вот только, как его достать?
Он забрался так высоко,
Что нам добраться не легко,
Его нельзя и палкой вздуть:
Сумеет быстро улизнуть...
Ах, если б только удалось,
Ему бы солоно пришлось...
Смеется он моим скорбям...
Разбилась скрипка пополам,
И я совсем безумным стал!
Смотри, что слух пойдет, — скандал!
Меня прогонят от людей,
Запрут, не спустят к ним, ей-ей,
И всякий словом попрекнет,
Укажет пальцем, скажет: «Вот,
Как с ним хозяин поступил»...

Здесь идет Теофил к Саладину, который говорил с дьяволом,
когда хотел.

С а л а д и н

Эге! Что с вами, Теофил?
Во имя господи! Ваш лик
Печален, гневен... Я привык
Всегда веселым видеть вас...

Т е о ф и л

Ты знаешь сам: в стране у нас
Я господином был всегда.
Теперь — богатства нет следа.
Всего ж грустней мне, Саладин,
Что я, как верный палладин,
Не забывал латынских слов
И по-французски был готов,
Без всякой усталости, хвалить
Того, кто по миру ходит
Заставил нагишом меня.
И потому решаюсь я

По непривычному пути
К делам неслыханным идти,
Затем, чтоб только как-нибудь
Свое достоинство вернуть.
Его терять — позор и стыд.

С а л а д и н

Честь ваша мудро говорит:
Тому, кто злата видел свет,
Ведь ничего ужасней нет,
Чем к людям в рабство поступить,
Чтоб только сладко есть и пить
И слушать грубые слова...

Т е о ф и л

Совсем кружится голова...
О, Саладин, мой друг и брат!
Еще немного, и навряд
Не лопнет сердце у меня!

С а л а д и н

Мученья ваши вижу я,
Кто столько заслужен, как вы,
В таких делах и головы
Своей лишиться может вдруг.

Т е о ф и л

Увы! Все так, мой верный друг!
И потому прошу тебя,
Не скажешь ли, меня любя,
Какие в свете средства есть,
Чтобы вернуть богатство, честь
И милость? Я на все готов.

С а л а д и н

Угодно ль вам, без лишних слов,
В борьбу с хозяином вступить?
Тогда вы будете служить
Вассалом у того, чья власть
Воротит вам не только часть,
Но больше, чем хотели вы,

Богатства, почестей, молвы.
Поверьте мне, не стоит ждать,
Пора вам дельно поступать,
Я вашего решенья жду.

Т е о ф и л

На это с радостью иду.
Исполню твой совет благой.

С а л а д и н

Идите с миром вы домой.
Как ни грусти, придется им
Вернуть вас к почестям былым.
Я завтра утром здесь вас жду.

Т е о ф и л

Приду, брат Саладин, приду!
Да сохранит тебя твой бог,
Когда б ты все исполнить мог.

Тогда уходит Теофил от Саладина и думает, что отречься от кардинала — дело не шуточное.

Он говорит:

Увы, что станется со мной!
Я плоть предаю болезни злой,
Прибегнув к крайности такой...

Несчастный: знай,

Тебя не примет светлый рай,
Иван, Фома и Николай

И Дева Дев.

И ад откроет страшный зев,
Обнимет душу адский гнев,

Сгорит она,

В горниле черного огня
Расплавив бедного меня,

Ведь это — так!

Там каждый дьявол — злейший враг.

Ты поверни и так, и сяк, —

Не сыщешь чистого никак!

Их щель темна,

Их яма нечистот полна,

И оттого — мутна, мрачна,

И солнцу не пройти до дна, —
Вот где помру!
Плохую я завел игру!
Лишь с тем, чтоб сытым быть нутру,
Пойду в их черную дыру,
И без труда
Господь прогонит навсегда...
Кто был в отчаяньи когда,
Как я теперь?
Но Саладин сказал мне: «Верь,
Не будешь больше знать потерь»,
И обещал к богатству дверь
Открыть сейчас.
Да будет так. Теперь как раз
Хозяин мой меня не спас,
И я ль не зол?
Богат я буду, нынче гол.
Отныне спор я с ним завел
И с ним я квит.
Мне сильный Саладин велит
Так поступить.

Здесь Саладин обращается к диаволу и говорит:

С а л а д и н

Христианин пришел просить
Меня с тобой поговорить.
Ты можешь двери мне открыть?
Мы не враги.
Я обещал — ты помоги.
Заслышишь поутру шаги —
Он будет ждать.
И надо мне тебе сказать —
Любил он бедным помогать,
Тебе — прямая благодать,
Ты слышишь, чорт?
Что ж ты молчишь? Не будь так горд,
Быстрей, чем в миг,
Сюда ты явишься, блудник:
Я знаки тайные постиг.

Здесь Саладин заклинает диавола:

Багаги лака Башагё
Ламак каги ашабагё
Каррелиос.
Ламак ламек башалиос,
Кабагаги сабалиос,
Бариолас.
Лагозатха кабиолас,
Самагак эт фрамиолас,
Гаррагиа!

Тогда заклятый диавол появляется и говорит:

Д и а в о л

Вы правильно сказали речь.
Она, как самый острый меч,
Мне ранит слух.

С а л а д и н

И поделом, нечистый дух,
Затем, что на ухо ты туг,
Когда я здесь.
Я вот собью с тебя всю спесь,
Не станешь больше спорить здесь.
Эй, слушай весть:
У нас ведь клерк послушный есть,
Ты должен, чорт, из шкуры лезть,
Чтоб залучить
Его к себе чертям служить!
Как полагаешь поступить?

Д и а в о л

Зовется как?

С а л а д и н

Зовется: Теофил. Был враг
Чертям — и вовсе не дурак
В юдоли сей.

Д и а в о л

Я с ним боролся много дней,
Но он бежал моих сетей.

Пусть он приходит без друзей
И без коня
В сей дол, чтоб увидеть меня
На утре завтрашнего дня:
Не тяжек труд:
И Сатана, и я, — все тут
Его охотно приберут
К своим рукам,
Но только, чтоб святой свой храм
В пути к моим пустым местам
Не вспомнил вдруг,
Не то — помочь мне недосуг.
Со мной повежливей будь, друг,
И больше не терзай мне слух,
Теперь прости.
Хоть на недельку отпусти.

Теперь Теофил возвращается к Саладину.

Т е о ф и л

Не слишком рано мне идти?
Ну, как дела?

С а л а д и н

Тебя кривая повезла.
Загладит все, что было зла,
Твой господин.
Еще важней твой будет чин,
Не будь я сильный Саладин,
Ты не сочтешь
Богатств, какие соберешь.
Теперь ты к дьяволу пойдешь,
Но только знай:
Ты время даром не теряй,
Святых молитв не повторяй,
Ведь ты ж познал,
Что в день, когда ты в бедность впал,
Хозяин твой не помогал,
Тебя провел...
Ты был бы вовсе нищ и гол,
Когда б ко мне ты не пришел, —

Ведь я помог.
Теперь — спешу. Подходит срок.
Но, Теофил,
Чтобы молитв ты не твердил!

Т е о ф и л

Мой господин мне навредил,
Не мог помочь,
Так от него спешу я прочь.

Здесь Теофил отправляется к диаволу и страшно боится; а диавол говорит ему:

Д и а в о л

Приблизься. Сделай два шага.
Не будь похож на мужика,
Который жертву в храм принес.
Теперь ответь мне на вопрос:
Твой господин с тобой жесток?

Т е о ф и л

Да, господин. Он слишком строг.
Он сам высокий сан приял,
Меня же в нищету вогнал.
Прошу вас, будьте мне оплот.

Д и а в о л

Меня ты просишь?

Т е о ф и л

Да.

Д и а в о л

Так вот:

Тебя приму я как слугу,
Тогда и делом помогу.

Т е о ф и л

Вот, кланяюсь я, господин,
Но с тем, чтоб вновь высокий чин
Мне получить, владеть им мне.

Д и а в о л

Тебе не снился и во сне
Тот чин, который я, клянусь,
Тебе добыть не откажусь.
Но раз уж так, то слушай: я
Беру расписку от тебя
В умно расставленных словах.
Не раз бывал я в дураках,
Когда, расписок не беря,
Я пользу приносил вам зря.
Вот почему она нужна.

Т е о ф и л

Уже написана она.

Тогда Теофил вручает расписку дьяволу, и дьявол велит ему поступать так:

Д и а в о л

Мой друг и брат мой, Теофил,
Теперь, когда ты поступил
Ко мне на службу, делай так:
Когда придет к тебе бедняк,
Ты спину поверни и знай —
Своей дорогою ступай.
Да берегись ему помочь.
А кто заискивать не прочь
Перед тобой — ты будь жесток:
Придет ли нищий на порог, —
Остерегись ему подать.
Смиренье, кротость, благодать,
Пост, покаянье, доброта —
Все это мне тошней креста.
Что до молитв и благостынь,
То здесь ты лишь умом раскинь,
Чтоб знать, как это портит кровь.
Когда же честность и любовь
Завижу, — издыхаю я,
И чрево мне сосет змея.
Когда в больницу кто спешит
Помочь больным, — меня мутит,

Скребет под ложечкой — да как!
Делам я добрым — злейший враг.
Ступай. Ты будешь сенешал,
Лишь делай то, что я сказал:
Оставь все добрые дела
И делай только все для зла,
Да в жизни прямо не суди,
Не то примкнешь, того гляди,
Безумец ты, к моим врагам!

Т е о ф и л

Исполню долг, приятный вам.
В том справедливость нахожу,
Что этим сан свой заслужу.

Тогда кардинал посылает искать Теофила.

К а р д и н а л

Эй, ты, Задира, плут, вставай!
За Теофилом поспешай!
Ему вернуть решил я сан.
Кто ввел меня в такой обман?
Ведь он честнее всех других.
Среди помощников моих
Достоин сана он один.

З а д и р а

Святая правда, господин.

Здесь Задира говорит с Теофилом:

Кто здесь?

Т е о ф и л

Ты сам-то кто, злодей?

З а д и р а

Я — клерк.

Т е о ф и л

Ну, я-то поважней.

З а д и р а

Мой господин высокий, я
Прошу вас не судить меня.

Меня прислал мой господин,
Он хочет возвратить вам чин,
Богатство ваше и почет.
Веселья вам пришел черед.
Отлично заживется вам.

Т е о ф и л

Чтоб чорт побрал вас всех! Я сам
Давно хозяином бы стал,
Когда б умнее поступал!
Я сам его вам посадил,
А он меня богатств лишил,
Послал на улицу нагим.
Прогнал меня, так чорт же с ним
За ссоры, ненависть, вражду!
А впрочем, так и быть, пойду,
Послушаю, что скажет он.

З а д и р а

Отдаст с улыбкой вам поклон.
Он думал вас лишь испытать,
Теперь начнет вас награждать.
Опять вы будете друзья.

Т е о ф и л

Недавно сплетни про меня
Мои друзья пустили тут!
Пусть всех их черти подерут!

Тогда кардинал встает навстречу Теофилу. Он возвращает ему сан и говорит:

К а р д и н а л

Привет мой вам, честнейший клерк.

Т е о ф и л

Я искушенью не подверг
Своей души — и духом здрав.

К а р д и н а л

Пред вами, друг, я был неправ.
Моя к вам давняя любовь

Загладит все. Примите вновь
Ваш сан. За честность вашу — мне
Угодно наградить вдвойне:
Мы будем с вами все делить.

Т е о ф и л

Теперь мне выгодней твердить
Свои молитвы, чем тогда.
Теперь десятками сюда
Крестьяне будут притекать.
Я их заставлю пострадать:
Теперь я вижу в этом прок,
Дурак, кто с ними не жесток.
Отныне буду черств и горд.

К а р д и н а л

Мой друг, иль вас попутал чорт?
Вам надо помнить, Теофил,
Чтоб строгий долг исполнен был.
Итак, теперь и вы, и я
Здесь поселимся, как друзья.
Согласно дружбе, будем впредь
Съобща поместьями владеть.
Теперь я больше вам не враг.

Т е о ф и л

Мой господин! Да будет так.

Здесь Теофил отправляется спорить со своими товарищами,
сначала с тем, которого зовут Петром.

Эй, Петр, взгляни-ка мне в глаза:
Ведь проморгал ты два туза,
Твое сломалось колесо,
Смотри, не упусти ты все,
Все прозевал, о чем мечтал:
Вернул мне сан мой кардинал,
Ну, что, язык ты прикусил?

П е т р

Вы мне грозите, Теофил?
Еще вчера просил я сам,

Чтоб кардинал вернул вам сан.
Что справедливей может быть?

Т е о ф и л

Признайся, всем вам осудить
Меня хотелось этот раз,
Да вот, мой сан, помимо вас,
Мне возвращен — вам на печаль.

П е т р

Мне, господин, вас очень жаль.
Когда скончался кардинал,
Я сан его вам предлагал,
Но вы отвергли сан такой
Богобоязненной душой.

Тогда Теофил отправляется ссориться с другим.

Т е о ф и л

Фома, Фома! Ты плохо спал?
Смотри-ка, вновь я сенешал!
Не будешь носа задирать,
Со мной сцепляться, враждовать!
Вот, нос тебе я наклеил!

Ф о м а

Во имя бога, Теофил!
Уж не хлебнули ль вы вина?

Т е о ф и л

Э, друг мой, не твоя вина,
Что завтра выгоню тебя!

Ф о м а

О, боже правый! Вас любя,
Пленен я вашим был умом...

Т е о ф и л

Фома, не пленник я. Притом
Могу вредить, могу помочь.

Ф о м а

Вы ссориться, кажись, не прочь.
Прошу, оставьте вы меня.

Т е о ф и л

Фома, Фома! При чем тут я?
Надеюсь время наверстать!
Придется всем погоревать.

Здесь раскаивается Теофил; он приходит в капеллу Мадонны и говорит:

Безумец жалкий я! Куда теперь пришел?
О, расступись, земля! Я в ад себя низвел,
Когда отрекся я и господином счел
Того, кто был и есть — источник всяких зол.
Я знаю, согрешив, отверг святой состав.
Я бузины хлебнул взамен целебных трав.
Над хартней моей злой дьявол тешит нрав,
Освободит меня, живую душу взяв.
Меня не примет Бог в Свой светлый вертоград,
Душа моя пойдет к чертям в кипучий ад.
О, расступись, земля! Там каждый дьявол рад,
Там ждут они меня, клыки свои острят!
Господь, что делать мне, безумцу, научи?
Всем миром надо мной занесены бичи,
Всех адских глаз в меня направлены лучи,
Все двери предо мной закрылись на ключи!
Сойду ль когда с пути моих безумных дел?
За малое добро я Господа презрел,
Но радости земли, которых я хотел,
Закинули меня в безрадостный предел!
Семь лет иду тропой твоею, Сатана!
Трудна моя вина от хмельного вина;
Расплата за грехи мне скоро суждена,
Плоть плотникам-плутам в аду обречена.
Больной душе моей возлюбленной не стать,
Мадонну за нее не смею умолять.
Плохие семена пришлось мне рассеять:
В аду придется им расти и созреть.
Безумен я, увы! Темна судьба моя!

В отчаяньи и я, и ты, душа моя!
Когда бы смел просить святой защиты я,
Тогда спаслись бы мы — моя душа и я.
Я проклят и нечист. В канаве место мне,
Я знаю, что сгорю на медленном огне.
Такой ужасной смерть не снилась и во сне!
Я мукою своей обязан Сатане.
Уже ни на земле, ни в небе места нет.
Где черти обдерут несчастный мой скелет?
В крошечный ад идти совсем охоты нет,
А Господу я враг, — закрыт мне райский свет.
Не смею умолять святых мужей и жен:
Я к дьяволам ходил нечистым на поклон;
Проклятый свиток мой моим кольцом скреплен!
В несчастный день я был богатством искушен...
Святых мужей и жен не смею я молить,
Мадонну кроткую не смею я любить,
Но чистоту ее осмелюсь восхвалить,
Я знаю: за хвалу нельзя меня хулить.

Вот молитва, которую Теофил говорит перед Мадонной:

Мадонна святая
Дева Благая,
Твоей защиты молю я,
Тебя призывая,
В нужде изнывая
И сердце Тебе даруя.
Сойди, врачуя.
Радости чую
Вечного рая,
Тебя молю я,
О Сыне тоскуя,
Дева Святая.
Тебе моление,
Тебе служенье —
Сердцу в усладу.
Но искушенье
Несет сомненье,
Уносит отраду.
Я предан аду,
Но сердцу надо

Твое утешенье.
О, дай в награду
Жалкому гаду
Твое прощенье!
Святая Мадонна!
Дрожит смущенно
Моя душа пред Тобою:
В скорби бессонной
Ей не быть исцеленной,
И станет вечной рабою.
Жар ее скрою
Лишь доской гробовою:
Лишь смерть — неуклонно
Ведет к покою
Того, кто Тобою
Душу обрел спасенной.
О, Дева, где Ты?
В кротость одета,
Ты нас спасла от заботы,
Полная света, —
От темной Леты,
От пучины адского гнета.
Трудна работа:
Славословлю без счета,
Да минует мертвая Лета,
Чтобы Тантала гнета
И бесплодной работы
Не узнал я вдали от света.
Мой грех безмерен:
Открыты двери
Мне в ад крошечный,
И как измеряю
Злую потерю,
Когда там буду я, грешный?
Обрати же поспешно
Твой лик безгрешный,
Тебе я верен...
Во мрак крошечный
Из жизни здешней
Запри Ты двери.
Под солнцем цело

И не сгорело
Стекло иконы,
Тебя ж всецело
Оставил Девой
Твой Сын рожденный.
Алмаз граненый!
Душой непреклонной
Вели, чтоб тело,
Оставив душу спасенной,
В Тебя влюбленной,
В огне сгорело!
Царица Благая!
Струи из рая
Свет благодатный,
Чтоб волю, Святая,
Твою исполняя,
Душе быть Тебе приятной.
Был путь превратный,
Но в путь возвратный
Стремлюсь, Тобою сгорая.
Ты силой ратной
Защити от развратной
Дьявольской стаи.
Я жил порочный
В канаве сточной
И душу губил пороком.
О, Чистый Источник,
Свет Непорочный,
Огради Рукою Высокой!
Взгляни, Прекрасное Око,
Затеpli в сердце далеко
Мне свет урочный,
Дай зреть до срока,
В покаяньи глубоком,
Мой путь порочный.
Дьявол проклятый,
Темный вожатый,
Обрек меня аду.
Он ждет уплаты...
Свет Благодатный!
Пошли мне Сына-Усладу!

Светлому взгляду
Доступно стадо
Врагов заклятых.
Слабых ограда,
Спаси от ада,
Услышь меня Ты!

Здесь обращается Мадонна к Теофилу и говорит:

М а д о н н а

Кто там нашел в капеллу путь?

Т е о ф и л

О, дай лишь на Тебя взглянуть!

Я — бедный Теофил,
Кого сам дьявол заманил,
И обольстил, и окрутил.

Спасенья жду.

К Тебе с молитвою иду:
Не дай погибнуть мне в аду,

В пучине зла.

Меня лишь крайность привела.

Меня Ты некогда звала

Слугой Своим.

М а д о н н а

Иди отсюда, пилигрим.

Расстанься с домом ты Моим.

Т е о ф и л

Не смею, нет!

О, роз благоуханный цвет!

О, белых лилий чистый свет!

Что делать мне?

Попал я в сети к Сатане,
Неистов он, жесток ко мне,

Что предпринять?

Я не устану призывать
Твою святую благодать,

О, Дева Дев!

Сойди ко мне, Небесный Сев,

Смири их сатанинский гнев
И утоли!

М а д о н н а

Несчастный Теофил, внемли:
Ты был слугой Мне на земли,
 Безумен ты,
Но черной хартии листы
Верну тебе из темноты,
 Иду за ней.

Здесь отправляется Мадонна за хартисей Теофила.

Эй, Сатана! Ты у дверей?
Верни Мне хартию скорей!
Затеял споры ты, злодей,
 С Моим слугой,
Но здесь — расчет тебе плохой;
Ты слишком низок, дьявол злой!

С а т а н а

Мой договор?
Нет, лучше гибель и позор!
Не так я на согласие скор!
Вернул я сан: и с этих пор —
 Он мой слуга!
Его душа мне дорога.

М а д о н н а

Вот, Я намну тебе бока.

Здесь приносит Мадонна хартию Теофилу.

Мой друг, вот хартия твоя:
Ты плыл в печальные края,
Но радости и бытия
 Даю ключи.
Ты к кардиналу в дверь стучи,
Ему ты хартию вручи,
 Пускай прочтет
Ее с амвона, чтоб народ

Узнал, каким путем влечет
Лукавый бес.
В богатство по уши ты влез:
Душе легко погибнуть здесь.

Т е о ф и л

О, Дева, — так!
Попал несчастный я впросак.
Труд потерял, кто сеял так:
Не проведешь теперь!

Здесь приходит Теофил к кардиналу; он вручает ему хартию
и говорит:

Я здесь, во имя Вышних Сил,
Хоть грех тяжелый совершил.
Должны вы знать,
Что душу мне пришлось продать;
Пришлось худеть и голодать,
И был я наг,
А Сатана, лукавый враг,
Завел меня в глухой овраг.
Вина тяжка,
Но Девы Светлая Рука
Меня вернула, бедняка,
На правый путь.
Я мог кривым путем свернуть
И в преисподней потонуть,
В пучине зла,
Затем, что добрые дела
Душа навеки предала,
И бес велел
Расписку дать, и захотел,
Чтоб я на ней запечатлел
Печать кольца.
Потом страдал я без конца,
Не смея приподнять лица
И весь в огне.
Пошла Святая к Сатане,
Вернула ту расписку мне
И знак кольца.

Теперь прошу вас, как отца,
Чтоб знали чистые сердца,
Ее прочесть.

Здесь Кардинал читает хартию и говорит:

К а р д и н а л

Во имя Бога, кто здесь есть,
Услышать радостную весть
Стекайтесь в храм!
О Теофиле бедном вам
Рассказ нелживый передам,
Как дьявол злой
Хотел владеть его душой.
Внимайте повести простой:

«Все те, кто этот лист держал и изучил,
Пусть знают: Сатане любезен Теофил.
Он, мудрый, поделом жестоко отомстил
За то, что кардинал богатств его лишил».

«Несчастный Теофил, отчаяньем гоним,
К волшебнику пришел, что бесом одержим,
И твердо обещал смириться перед ним,
Чтоб только сан его не перешел к другим».

«Боролся долго с ним я, сильный Сатана,
Но жизнь его была смирением сильна.
Теперь — он мой слуга. Расписка мне дана,
И власть ему за то сполна возвращена».

«Он перстень приложил и кровью начертал,
Принять иных чернил он сам не пожелал
И ранее, чем я ему полезным стал
И сан его ему обратно даровал».

Так поступил сей мудрый муж,
Причтенный к сонму честных душ
Слугой небес.
И снова дух его воскрес.

Так посрамлен лукавый бес.
При виде новых сих чудес,
Мы все встаем
И славу Господу поем:
Te Deum laudamus. *

Explicit miraculum. **

1907

* Тебя, бога, хвалим (лат.). — *Ред.*

** Развязка чуда (лат.). — *Ред.*

ФРАНЦ ГРИЛЬПАРЦЕР

ПРАМАТЕРЬ

Трагедия в пяти действиях

ПРЕДИСЛОВИЕ

Франц Грильпарцер, родившийся в Вене 15 января 1791 года, был старшим сыном адвоката доктора Менцеля Грильпарцера и супруги его Марианны, рожденной Зоннлейтнер. Внешние факты его жизни, как у многих писателей последних столетий, не представляют интереса. Он учился в гимназии; с 1807 по 1811 год слушал курс юридических наук в Вене; в эти ранние годы потерял отца, в 1813 поступил на государственную службу, в 1847 году был избран в члены Академии наук, в 1861 — в члены австрийской палаты господ.

Главною любовью в жизни часто вообще увлекавшегося Грильпарцера была Катарина Фрелих, с которой он познакомился, когда ему было тридцать, а ей двадцать один год.

Литературную деятельность Грильпарцер начал шестнадцати лет, под влиянием Лессинга, Гердера, Шиллера и Гете. Расцвет его начался в 1816 году, когда известный в то время драматург Шрейфогель побудил Грильпарцера серьезно приняться за драматургию и способствовал появлению на сцене «Праматери», и окончился в 1838 году, когда поэт, под давлением цензуры, критики и публики, холодно встретившей его последние драмы, почти совершенно отказался от публикации своих произведений.

В течение двадцати двух лет Грильпарцер завоевал себе драмами, стихами и прозой не последнее место в ряду своих современ-

ников, среди которых были имена: Гейне, Гофмана, Шамиссо, Ла-Мотт-Фуке, Брентано, Клейста, Рюккерта, Уланда, Иммермана.

21 января 1872 года, изведав тягость критических и цензурных гонений, чинов и почестей, изъездив Европу (Германию, Италию, Францию, Англию, Турцию и Грецию), Грильпарцер тихо скончался в родном городе. Похороны его равнялись по торжественности похоронам Клопштока; в 1889 году ему поставлен памятник в Венском народном саду. Многие произведения Грильпарцера напечатаны только после его смерти; пьесы с огромным успехом шли в шестидесятых годах.

Грильпарцер писал стихи, беллетристические и критические произведения (новеллы, дневники путешествий, критические заметки, воспоминания, автобиография — два тома); но известен он главным образом драмами, из которых на русский язык переведена трагедия «Сафо» (перевод Арбенина в журнале «Артист» 1895 г.). Что касается «Праматери», то она, под названием «Прародительницы», шла с успехом на петербургской казенной сцене в 1830 году в переводе Ободовского; в моем переводе трагедия была поставлена в 1908 году в «Драматическом театре» Коммиссаржевской, которая на следующий год сама исполняла роль Берты в Москве.

В том внутреннем трепете, которым проникнута юношеская трагедия Грильпарцера, кроются причины, по которым пьеса выдержала много изданий, была переведена на все главные европейские языки и шла на многих сценах. «Праматерь», вышедшая из среды «трагедий рока», переросла эту среду и породнилась с такими творениями, как «Падение дома Эшер» Э. По и «Росмерсхольм» Г. Ибсена.

«Вступи в жизнь, дай страданью и горю бушевать в твоей незащитной груди, и, когда волосы твои встанут дыбом, ты поймешь, что лежит в основе „Праматери“».

Так писал сам Грильпарцер одному из своих легкомысленных критиков сто лет тому назад; но этот таинственный внутренний смысл не сразу можно почуять за романтической бутафорией, которой пьеса щедро украшена.

«Праматерь» — не вечная трагедия, как «Эдип» или «Макбет», но, если можно так выразиться, *интимная* трагедия, которая сохранит свою свежесть до тех пор, пока человечество не перестанет переживать эпохи, какую пережил Грильпарцер, кую приходилось переживать и нам.

Когда читаешь историю Германии и Австрии, с Вепского конгресса до революции 1848 года, становится страшно не столько за неумудренность горьким опытом политических деятелей, сколько за те повторения, которыми неумолимо дарит нас история.

В этом маленьком предисловии я не считаю уместным перечислять известные факты. Напомню только, что князь фон-Меттерних, человек с ироническим лицом и даже тайный поклонник Гейне (что, впрочем, не помешало союзному сейму запретить в Германии все бывшие и будущие произведения поэта), тридцать лет предсказывал сорок восьмой год; и все-таки этот год наступил и, наступив, озадачил и испугал самого вершителя немецких судеб.

История политической реакции в Германии и Австрии сохранила драгоценные для нас внешние факты. Трагедия души двадцатисемилетнего австрийского поэта понятна до конца только в черные дни, когда *старое* все еще не может умереть и бродит, жалуясь на усталость и тревожа живых — робко, упрямо, порою музыкально; а *новое* все еще не может окрепнуть, плачет немного неожиданными слезами, как Яромир, юноша сильный и мужественный, и погибает зря, как русские самоубивающиеся юноши без «цели в жизни».

Все это не так просто и не поддается публицистическому учету. Нам было бы слишком легко «наложить» всю трагедию Грильпарцера на русскую современность, сказать, положим, что для России она символизирует медленное разложение дворянства, сыгравшего великую роль и увядающего, как осенняя георгина, «во мраке и сырости старых садов». В этом была бы доля правды, но не вся правда; да и подобные методы нас больше не удовлетворяют. Ведь для того, чтобы понять чью-нибудь гибель, будь то обряд, сословие, или отдельный человек, надо сначала полюбить погибающего, проникнуть в его отходящую душу; значит — горестно задуматься над ним. — Произведение Грильпарцера и есть произведение горестное и *задумчивое*, несмотря на весь юношеский задор.

Имена Вернера, Мюльнера, Гоувальда, драматургов, современных Грильпарцеру, не говорят нам ничего. Имя Грильпарцера история запомнила. Не есть ли это лучшее доказательство того, что поэт действительно «обнаружил способность влить человеческую кровь даже в безжизненные персонажи „трагедий рока“» и что эти трагедии относятся к «Праматири» примерно так, как сама «Праматерь» — к «Эдипу», — как говорят доброжелательные критики? Но «Праматерь» — современница тех произведе-

ний, где изображается неумолимая покорность слепому року; все живые и страстные герои трагедии находятся во власти «странных шелестов», пронсящих по залам родового замка. Они скованы холодом зимней вьюги, которая голосит за окнами, в полях. Все эти страшные шелесты и голоса воплощаются в какой-то *призрачной красавице*, которую отец принимает за дочь, а жених — за невесту. — Всё страстно желающее жизни, любви и обновления — гибнет; только она, чье единственное желание — *отдохнуть*, успокоиться в «гробовом ящике», — торжествует свою тусклую победу, озаренную луною да беспомощными свечами на столе.

Чем глубже Грильпарцер погружается в свою мрачную *мистику*, тем больше просыпается во мне *публицистическое* желание перевести пьесу на гибель русского дворянства; в самом деле, тот, кто любил его нежно, чья благодарная память сохранила все чудесные дары его русскому искусству и русской общественности в прошлом столетии, кто ясно понял, что пора уже перестать плакать о том, что его благодатные соки ушли в родную землю безвозвратно, — кто знает все это, тот поймет, каким воздухом был насыщен родовой замок Боротин, сидя в старой дворянской усадьбе, которую сотрясает ночная гроза или дни и ночи не прекращающийся осенний ливень; кругом на версты и версты протянулась равнина, затопленная ливнем, населенная людьми давно непонятными и справедливо не понимающими меня; а на горизонте стоит тихое зарево далекого пожара: это, вероятно, молния подожгла деревню.

Я не могу быть до конца публицистом и знаю, что в трагедии Грильпарцера есть еще и невыразимое. Это — не только искусство; искусство драматурга далеко от совершенства. Скорее, это глубокое чувство *реакции*, которое знакомо нам во всей полноте, а может быть, еще какое-то чувство, которое неизбежно посещает человека в известные периоды его жизни, когда он «подводит итоги», начинает вспоминать... и иной раз *довспоминается* до того, что станет жутко.

Лучше не будить хаоса «уснувших дум»: «из смертной рвется он груди и с беспредельным жаждет слиться». Во всяком случае, лучше молчать о нем; пусть он бушует в сирой и тревожной душе художника, рождая своих «светлых дочерей» — чистые создания искусства.

То невыразимое, что заключено в «Праматери», лучше всего выразил сам Грильпарцер в монологе старого графа: это то, чего

боится мужественный отец, когда он остерегает юного Яромира от своего замка и от союза с любимой дочерью.

О, зачем сюда ты прибыл?
Думал ты, мой друг невинный,
Что царит здесь светлый праздник?
Посмотрел бы ты на нас
Здесь, в ночных, пустынных залах,
За безрадостным столом;
Как тогда часы влекутся,
Как замедлен разговор!
Каждый шорох заставляет
Сердце каждое дрожать!
И отец в лицо родное
Милой дочери своей
С тайным страхом и тоскою
Лишь решается взглянуть:
То дитя его родное,
Иль виденье гробовое?
Видишь, сын мой, как живут
Здесь отмеченные роком!
Ты же — мужественный дух,
Радость жизни быстролетной
И покой своей души, —
Все богатства хочешь бросить
В дома нашего пожар?
О, мой сын, ты не погасишь,
Только с нами ты сгоришь!

Когда Яромир выражает готовность остаться с ними, хотя бы ему грозила гибель, старик горестно задумывается. Нежная Берта говорит жениху: «Он не любит, чтобы на него смотрели в такие минуты: это бывает с ним часто».

Вот смысл пьесы.

Если бы «трагедии рока» не были пустой бутафорией, жизнь и литература приняли бы их в свое лоно. Но они забылись, осталась в памяти только родственная им «Праматерь» — не простая «трагедия рока».

Она вошла в жизнь и заняла в ней по праву свое не очень большое, но жуткое место; на челе тех немногих, кто пристально вчитается в нее, ляжет непременно еще одна лишняя морщина. Это — трагедия не «реакционная», но и не вечная; может быть потому, что она создана в эпоху реакции, когда все живое обесценивается мертвым. Это — интимная, *предостерегающая* трагедия — произведение не великой, но задумчивой и измученной души.

Александр Блок

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Эденко фон-Боротин.

Берта, его дочь.

Яромир.

Болеслав.

Гюнтер, кастелян.

Капитан.

Солдат.

Толпа: солдаты и слуги.

Праматерь дома Боротин.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Готический зал. В глубине две двери. В боковых стенах справа и слева тоже двери. На одной из передних кулис висит заржавленный кинжал в ножнах. Поздний зимний вечер. На столе свечи.

Граф сидит у стола, устремив взоры на письмо, которое держит в руках. Вблизи Берта.

Г р а ф

Ну, так с богом! Будь, что будет!
Ветвь срывается за ветвью,
Догнивает шаткий ствол;
Лишь удар — он также рухнет,
И очутится во прахе,
Осенявший наши доли
Широковетвистый дуб.
Век за веком эти ветви
Зеленели, отсыхали,
Ствол иссохнет, как они;
От деяний наших предков
Их стремлений, их борений
Не останется следа,
Не пройдет и полстолетья,
Как забудут наши дети
Род старинный навсегда.

Б е р т а *(у окна)*

Ночь ужасная, отец мой!
Мрак и холод, как в гробу.
Ветры вспугнутые воют
И спуют, как духи ночи;
Все, что видит глаз, в снегу,
Все холмы и все вершины,
Все деревья, все равнины;
Как мертвец, земля недвижна
В снежном саване зимы;
И глазницами пустыми
Небосвод глядит беззвездный
В необъятную могилу!

Г р а ф

Как часы идут лениво!
Слышала их бой ты, Берта?

Б е р т а *(отходя от окна
и садясь за работу против отца)*

Только семь часов пробило.

Г р а ф

Семь часов? А мрак уж полный! —
Ах, дряхлеют силы года,
Дни становятся короче,
Жилы медленнее бьются,
Год склонился в темный гроб.

Б е р т а

О, настанет май веселый,
Вновь оденутся поля,
Ветерок нежней повеет,
Луг цветами запестреет.

Г р а ф

Новый год придет, конечно,
Этот луг зазеленеет,
Забурлят ручьи повсюду,

И цветок, теперь увядший,
Долгий зимний сон оставит,
Вскинет детскую головку
На подушке белоснежной,
Прежней, ласковой улыбкой
Улыбнется светлый взор.
Каждый куст, простерший к небу
Обессиленные бурей
И беспомощные руки,
Будет зелен, как бывало.
Все, что дышит и живет
В доме радостной природы,
Все леса, долины, воды —
Новой жизнью зацветет,
Вновь с весной оживет;
Только род мой — не воскреснет!

Б е р т а

Грустно вам, отец мой милый!

Г р а ф

Счастлив, дважды счастлив тот,
Кто последний час встречает
Посреди своих детей.
То не смерть, а лишь разлука,
Он живет в воспоминаньях,
Жив трудами он своими,
Жив своих детей делами,
Жив у внуков на устах.
Как прекрасно пред разлукой
Семена своих деяний
В руки милые отдать,
Чтоб они, лелея всходы,
Плод забот своих вкушали,
В наслажденьи видя вместе
Наслаждение и дар.
О, как сладко, как отрадно
То, что нам отцы вручили,
Передать любимым детям,
Пережить себя на свете.

Б е р т а

Ненавистное письмо!
Принесло оно, казалось,
Вам, отец мой, свет и радость,
А теперь, когда прочли вы,
Мысли черные пришли.

Г р а ф

Не письмо тому причиной —
Все, что в нем, я знал заране,
Нет, уверенность слепая,
Все растущая во мне,
Что сама судьба решила
По всему лицу земному
Истребить мой древний род.
Пишут мне, что дальний родич
(Только раз его я видел,
Но наследники остались
В роде — только он, да я),
Он бездетным стариком
Умер в ночь, и я — последний
В знаменитом древнем роде,
Этот род умрет со мной.
Ах, не сын пойдет печальный
За мою колесницей, —
Нет, глашатай погребальный
Щит старинный, родовой,
Что в боях сиял со мной,
Шпагу ту, что мне служила,
Скорбно сложит на могилу. —
Есть старинное преданье,
Что идет из уст в уста:
Рода нашего Праматерь
За былые злодеянья
Здесь блуждать обречена
До поры, пока последний
Отпрыск прбклятого рода
Не уйдет с лица земного.
Вот теперь ей будет радость,
Цель ее недалека!

Я почти поверил сказке,
Перст поистине могучий
Нам паденье указал.
Я стоял цветущий, сильный
Меж троих могучих братьев, —
Всех скосила злая смерть,
Я супругу ввел в мой замок
Дивно-нежную, как ты.
Счастливы были союз наш верный,
И плодом его любовным
Были вскоре сын и дочь.
Но, когда она угасла,
Дети были мне единой
В мире радостью живой.
И берег я пуще глазу
Драгоценнейший залог.
Но — напрасная надежда!
Нашей мудрости невмочь
Бой неравный с мрачной силой.
Если жертв она просила,
Унесет в глухую ночь.
Сыну минуло три года
В день, когда, в саду играя,
Он от няньки убежал.
Дверь открытая из сада
Привела его к пруду.
Дверь всегда была закрыта,
Лишь тогда был вход свободен —

(С горечью.)

Ведь не то — он был бы жив!
Ах, твои я вижу слезы,
Вместе плачем мы с тобой,
Верно, знаешь ты развязку?
Я, несчастный, малодушный,
Поверял тебе нередко
Эти скорбные рассказы.
Что же? — Сын мой утонул;
Многие тонули раньше.
Правда, он *моим* был сыном,
Был единственной надеждой

Хилой старости моей,
Ну, и что же? — Он погиб!
И бездетным я умру!

Б е р т а

Ах, отец мой!

Г р а ф

Понимаю

Я упрек любимых уст.
Я зову себя бездетным,
Ты же, верная, со мной.
Ах, прости — владельцу клада:
Я растратил половину
В лютой буре тяжких бед,
Избалованный избытком,
Я и с целой половиной
Нищим чувствую себя.
Ах, прости, когда утрата
Слишком ярко мне горит!
Ведь утрата, точно молния,
Что отнимет — озарит.
Да, поистине неправ я!
Разве — имя выше счастья?
Разве — я живу для рода?
Как же мне с холодным сердцем
От тебя всей жизни юность,
Жертвы радость принимать?
Дней моих остаток будет
Отдан счастью твоему!
Только с любящим супругом,
Лишь с достойнейшим тебя
Обретешь иное имя
И иное счастье с ним!
Выбирай себе свободно
Меж сынов страны любого.
Верю в выбор благородный!
Ты вздохнула? — Или сделан
Выбор? Так ли? Яромир?
Яромир фон Эшен юный?
Правда?

Б е р т а

Смею ли, отец?

Г р а ф

Даже самый малый облак
На твоём девичьем небе
Не укрыть от глаз отца.
Но корить тебя не стану
Я за то, что угадал
То, что знать давно обязан;
Разве я — отец суровый
Милой дочери своей?
Благороден родом он,
Также — подвигом своим;
Пусть придет — хочу я только
Испытать его — тогда
Новый день взойдет над нами:
Отойдут немедля к трону
Лены крупные, но все ж
Хватит вам для скромной доли
Достоянья Боротин.

Б е р т а

О, спасибо!

Г р а ф

Нет, не надо!

Только старый долг плачу я!
Разве есть бедней награда?
Ты не больше ль заслужила?
Он — не больше ль, этот рыцарь?
Он — тот самый, что однажды,
Жертвуя своею жизнью,
Жизнь твою спасал в лесу?
Это он, дитя родное?

Б е р т а

О, с опасностью ужасной!
Я, отец, вам говорила,
Как ушла я в ближний лес

И совсем одна гуляла,
Летней ночью упиваясь,
В тихой ласке ветерка.
И, цветов благоуханьем
Погруженная в забвенье,
Далеко я отошла...
Вдруг, сквозь ночь и мглу звеня,
Лютни звон настиг меня,
Полный жалобы и стона,
Силой музыки пленя,
То голубки воркованьем
В темной зелени ветвей,
То протяжным замираньем,
Как влюбленный соловей...
Самый воздух слушал молча,
И листва осин дрожащих
Неподвижно замерла.
Я стояла, вся — вниманье,
Вся печалью исходя...
Вдруг хватают чьи-то руки,
Вижу странных пред собой
Двух злодеев, облеченных
В цвет кровавого убийства,
И кинжал сверкнул в глаза.
Уж взнесен кинжал разящий,
Мнится мне, я сражена
Прямо в грудь смертельной

раной...

Чу! — кусты зашевелились,
Стройный юноша занес
Шпагу — правую рукою,
А рукою левой — лютню
На бледнеющих убийц.
Как поверг он их на землю,
Как один их победил,
Как он подвиг совершил, —
Я не помню. В смертном страхе
Потеряла я сознание,
И когда вернулась к жизни,
Уж была в его объятьях,
Вся бессильная, больная;

Как дитя к родимой груди,
Я к устам его горячим
Льнула жаркими устами...
Но, отец мой, что могла я?..
За поступок благородный
Малый дар — любовь моя.

Г р а ф

Вы встречались часто?

Б е р т а

Случай

Подарил нас новой встречей
И еще — не только случай...

Г р а ф

Для чего ж он избегает
Дружбы нежного отца?

Б е р т а

Он — потомок знатных предков.
Но от предков получил
Только знатность — не богатство.
И такой, как он, бедняк
Должен, думал он, бояться,
Что богатый Боротин
Одарит его богато,
Но не дочь отдаст в награду.

Г р а ф

Чтить умею благородство,
Если чтит оно других.
Пусть придет он и узнает,
Что богатый Боротин
Всем добром ему обязан,
Пусть он знает, что отец твой
Все сочтет богатства мира
Малой платой за тебя. —
А теперь — за арфу, Берта,

Хоть на краткий час попробуй
Усладить мои печали.
Поиграй немного, Берта.

Берта берет арфу. Скоро после первых аккордов старик поникает головой и впадает в дремоту. Как только он засыпает, Берта оставляет арфу.

Б е р т а

Сладко спи, отец мой добрый!
Пусть возвращенные тобою
На пути моем цветы —
Лягут пышными венками
На челе твоём усталом: —
Буду я его супругой,
Звать своим могу его??
То, что было лишь мечтаньем,
Высшим счастьем маня,
Как из рога всех обилий
Сыплет цветом на меня.
Мне все непонятно,
Я сама — непонятна;
Все твердит и поет лишь о нем.
Расскажу я и тучам,
И ветрам могучим,
Чтобы весть разнесли о милome моем.
И в доме тесном
Мне мало места,
Скорей на вышку! Дом стал тюрьмой!
На темной ступени
В томной лени
Будить молчанье тьмы ночной!
Приди, мой милый,
Тебе вручила
Я жизнь и радость, тебе отдам.
В час блаженный,
Сокровенный
Прильни устами к моим устам.
(Уходит. Пауза.)

Часы бьют восемь ударов. С последним ударом гаснут свечи; порыв ветра пронесется по комнате; буря воеет за окнами,

и в страшном шелесте — Праматерь, совершенно сходная с Бертой лицом и одеждой, отличаясь от нее лишь волнующимся покрывалом, появляется около кресла спящего графа и скорбно склоняется над ним.

Г р а ф *(в тревожном сне)*

Прочь от меня! — Прочь! — Прочь!

(Просыпается.)

А, ты здесь, со мною, Берта?

Это был тяжелый сон.

На душе еще тревожно.

Вновь возьмишь за арфу, Берта,

Слушать музыку мне надо.

Призрак выпрямился и неподвижно смотрит на графа широко раскрытыми, мертвыми глазами.

Г р а ф *(в ужасе)*

Что ты смотришь на меня

Так ужасно, что мужское

Сердце в страхе пошатнулось,

До костей проникнул страх!

Прочь глаза! Зачем ты

смотришь?

Так во сне тебя я видел,

И душа еще кипит.

Иль отца убить ты хочешь?

Призрак поворачивается и делает несколько шагов к двери.

Г р а ф

Так! — Теперь очнулся я, —

Ты куда, дитя?

П р а м а т е р ь *(отворачивается от двери. Беззвучным шопотом)*

Домой!

(Уходит.)

Г р а ф (как громом
пораженный, откидывается на спинку кресла.
Небольшая пауза)

Что со мной? — Или я грезил?
Но она стояла здесь,
Слышал я могильный голос,
Кровь моя оцепенела
Под лучами мертвых глаз! —
Но ведь это — дочь родная!
Берта! Берта!

Б е р т а (вбегают)
Ах, отец, что случилось с вами?

Г р а ф
Здесь ты, Берта! Что с тобой?
Злая девочка, скажи мне,
Для чего, как дух ночной,
По моим пустынным залам
Бродишь ты чужой походкой
И тревожишь старый сон?

Б е р т а
Я, отец мой?

Г р а ф
Ты, конечно!
Ты не знаешь? И, однако,
Ты недвижимым, мертвым взором
Мне кинжал вонзила в грудь!

Б е р т а
Мертвым взором?

Г р а ф
Мертвым взором.
Что ж ты смотришь удивленно?
Так... О, пет! Еще недвижимей!..
Рассказать — не сыщешь слов...
Мягче, ласковей взгляни,

Чтоб рассеять мрачный ужас
Той минуты роковой!
Все напрасно! До могилы
Страшный образ гробовой
Будет вечно предо мной!
Взор твой — лунное сиянье
Над вечерними полями, —
Но и смерть узнал я в нем!

Б е р т а

Что я сделала такого,
Что волнует вас, отец?
Что бранить вас заставляет
Эти полные слезами
И испуганные очи?
Я покинула вас спящим,
Необдуманно ушла...

Г р а ф

Ты ушла?.. Но здесь была ты?..

Б е р т а

Я была здесь?..

Г р а ф

Разве нет?

Вот на этом самом месте
Ты вонзала стрелы смерти
В сердце старого отца!

Б е р т а

Вам приснилось...

Г р а ф

Здесь! Я знаю!

Б е р т а

Я сейчас была на вышке.
Тихий сон вас убаюкал.
И пошла я, вся — томленье,
На любимого взглянуть.

Г р а ф

Стыдно, девочка! Не смейся!

Б е р т а

Я смеюсь? Отец мой, — я?..

С глазами полными слез обращается к Гюнтеру.

Не могу... Скажи... не знаю!..

Г ю н т е р

В самом деле, господин,
Ваша дочь была на вышке.
С нею был я, — мы смотрели
На окрестный снег и ждали,
Не придет ли путник к нам.
Лишь заслышав резкий зов,
Мы прийти к вам поспешили.

Г р а ф (*быстро*)

Но я видел...

Г ю н т е р

Что?

Г р а ф

О, нет!

Г ю н т е р

Господин мой, что такое?

Г р а ф

Нет!.. Не видел ничего я!

(*Про себя.*)

Слишком ясно, то был сон.
Если даже разум спорит,
Если память так ясна,
Это так, — я видел сон!
Значит, яркий сон бывает
На действительность похож!
Вот рука — ее я вижу

Не ясней, чем видел это!
О, моя святая Берта,
Вижу ясно — то был сон.
Подойди поближе, Берта!
Не кори отца седого
За невольную суровость,
Оскорбившую тебя.
Ты была еще ребенком,
Но всегда так терпеливо
Ты сносила все обиды
И обидчика прощала.
И казалась ты виновной
Нежной кротостью своей.

Б е р т а *(на его груди)*

Разве я не виновата?
Хоть не я — причина гнева,
Гнев обрушен на меня.

Г р а ф

Ты простишь теперь мне, Берта?

Б е р т а

Что, отец мой, вам приснилось?
Сны бывают с жизнью схожи!
Или этот озаренный
Тусклым блеском темный зал
Обманул виденьем лживым
Ваши слабые глаза?
Я нередко замечала,
Как взволнованный наш разум,
Бестолковый раб души,
Принимает лишь виденье,
Духа праздное творенье,
За живое существо.
Лишь вчера, отец мой, шла я
В старом зале наших предков
В предвечерний, серый час;
Перед зеркалом старинным
Я на миг остановилась,
Мне понравился наряд мой,

И осталась я глядеться
В потускневшее стекло.
И когда я так стояла,
Опустив свободно руки, —
Вы, отец мой, улыбнетесь,
Мне самой смеяться надо
Страху детскому тому;
Но, когда я так стояла,
Страшен был душе смятенной
Образ дикий, искаженный.
В миг, когда я опускала
Руки — пояс завязать,
Образ в зеркале высоко
Поднял руки к голове, —
И, от страха цепenea,
Вижу в зеркале туманном
Искаженные черты.
То мои черты — я вижу —
Но они чужие вместе,
Страшно сходные с моими,
Как живой похож на труп свой.
Широко открыв глаза,
Страшный дух грозит мне пальцем,
Строго смотрит на меня.

Г ю н т е р

Горе нам! Праматерь!

Г р а ф *(с кресла, как бы
охваченный внезапной мыслью)*

Праматерь!

Б е р т а *(удивленно)*

Праматерь?

Г ю н т е р

Разве вы не замечали
В зале старого портрета,
Будто с вас его художник
Нежной кистью рисовал?

Б е р т а

Часто видела его я,
С удивлением смотрела,
И живым со мною сходством
Был он дорог мне всегда.

Г ю н т е р

А известно вам преданье,
Что идет из уст в уста?

Б е р т а

С детства слышала его я,
Но отец не верил сказкам.

Г ю н т е р

Ах, теперь он сам узнал,
Что не сказку вековую,
Больше — правду роковую
Пред самим собой скрывал!
Рода вашего Праматерь,
В цвете юности и счастья,
Также — прелесть, также — диво,
Также Берта, как и вы,
Принужденная родными
К нежеланному союзу,
Не забыла в новом браке
Прежних радостей любви.
И в объятиях с любимым
Раз супруг ее застал,
И пылая жаждой мщенья
За позор и преступленье,
В сердце ей вонзил кинжал.
Тот кинжал навек прикован
Здесь, на дедовской стене,
В память древнего злодейства,
В память древнего греха.
Нет Праматери покоя,
И блуждать осуждена
До поры, пока не вымрет
Весь ваш род, зачатый ею,

И покуда ни один
Отпрыск свежий, сильный, ярый
Не останется на старом
Древе рода Боротин.
И когда грозят невзгоды,
Бури носятся во мгле,
То она, покинув своды,
Бродит, бродит по земле.
И тогда все люди видят,
Как идет, скорбя, бродить,
Все грядущее провидит
И не может отвратить.

Б е р т а

В чем же дело?..

Г ю н т е р

Все сказал я,
Что посмею здесь поведать,
Но не все, что знаю я,
И одно еще осталось, —
То, что слуги в этом доме,
То, что старцы втихомолку
Шепчут на ухо друг другу,
Что святыню древней сказки
От людей былых веков
Принесло в уста сынов...
Есть одно, что к стольким тайнам,
Тяготеющим над мрачным
Замком, — верный ключ дает.
Но посмею ли сказать я
Здесь, на месте, где сейчас
Только тень ее бродила...

С робким взглядом прерывает речь; Берта жметя к нему
и следит за его взглядом глазами.

Господин мой, вы сурово
Брови хмурите! Нет сил...
Рвется грудь моя на части,
Самому мне станет страшно,
Но не в силах я молчать. —

Госпожа, идите ближе,
Содрогайтесь, внемля мне:
Вместе с телом опустили
В гроб кровавый только семя,
Но не самый плод греха.
Преступленье, что кровавой
Сталью ей отомщено,
Говорит преданье, было
Свершено в последний ею,
Но, увы! не в первый раз.
Сын единственный ее,
Тот, кто в вашем древнем роде
Вашим праотцем считался,
Кто в наследство получил
Имя, лены и богатства, —
Он...

Г р а ф

Молчи!

Г ю н т е р

Уж все сказал я!

Он, неведомый отцу,
Был он грешным сыном счастья,
Был плодом преступной страсти!
Грех единой страстной ночи
Не дает сомкнуть ей очи,
И бродить среди мрачных зал
Темный рок ей указал,
В каждом внуке — плод свой видеть,
Лик свой каждому явить,
Тяжкий грех в нем ненавидеть,
Жар страстей былых любить.
Так она томится годы
И, томясь, упорно ждет,
Чтобы сгинул древний род,
Но, пока открыты вежды,
Каждый ваш удар — она
С тайным страхом и надеждой
Сторожить осуждена.
Оттого — протяжно воеет

Ветер в мрачных переходах,
Полон стуков мрак ночной....

Отдаленный шум.

Б е р т а

Небо!

Г ю н т е р

Горе!..

Г р а ф

Что случилось?

Шум повторяется.

Ты опасен для здоровых, —
Заразить безумьем можешь.
Там в ворота постучали,
Пропуск требуют. Иди
И спроси, чего хотят.

Гюнтер уходит.

Б е р т а

Вы бледны, отец мой; правда ль
То, что нам сказал старик?

Г р а ф

Что звать правдой? Что звать
ложью?

Мы своим должны гордиться
И своих грехов страшиться.
В роде нашем — пусть одна
В тяжкий грех вовлечена,
Нам одно должно быть страшно —
Быть похожим на нее.
Подойди ко мне, дитя,
Проводи в опочивальню,
Время сна не наступило,
Но усталым нужен отдых,

Испытал я в час единый
Больше, чем во много дней.

Уходит с Бертой. Пауза. — Вбегает, шатаясь, с растрепанными волосами, в разорванной куртке, со сломанной шпагой в правой руке — Яромир.

Я р о м и р (*задыхаясь*)

Не могу! Ни шагу дальше!
Дрожь в ногах! Всему — конец!
Не могу! — ни шагу дальше!

(*Разбитый, опускается в кресло.*)

Г ю н т е р (*входя*)

Господин, кто дал вам право
Так врываться в этот дом,
Не внимая увещаньям?
Что угодно вам — скажите?

Я р о м и р

Лишь покоя! — Час покоя,
Только краткий час покоя!

Г ю н т е р

Что случилось, господин?
И откуда вы?

Я р о м и р

Из лесу —
Там напали — там — напали...

Г ю н т е р

Ах, давно уж ходят слухи
О разбойниках в лесу!
Господин, я сожалею
Вас; но вы меня простите,
Если принял за другое
Ваше быстрое вторженье
И не должное сказал.
Если добры ваши мысли,
То последуйте за мной,

В верхних залах ждет вас ложе,
Отдых, пища и питье.

Я р о м и р

Не хочу!.. Уснуть нет сил!
Здесь, прошу, оставь меня,
Чтобы стать самим собою,
Надо мысли мне собрать.

Кладет оружие на стол и склоняет на него голову.

Г ю н т е р

Что мне делать с ним, не знаю,
Страх совсем его опутал,
Оставаться иль уйти?
Передать я должен графу,
Чтобы мог он сам, как знает,
Гостя странного принять.

(Уходит.)

Я р о м и р

Он ушел! Ушел! Что делать!
Твердо стой на страже, дух!

Г ю н т е р

Господин, вот гость ваш новый.

Яромир встает.

Г р а ф

Не тревожьтесь, милый гость,
И покой вкушайте нужный.
Верьте, вы желанны мне:
Сами вы и ваши беды
Говорят за вас вдвойне.

Я р о м и р

Пусть беда моя, не сам я,
Оправданьем служит мне.
Лишь сейчас в лесу ближайшем
Я подвергся нападению.
Долго рыцарски сражались

Я и двое слуг моих;
Но враги всё прибывали,
И, сраженные, лежали
Слуги в собственной крови.
Тут нашел я тайный выход
И, прыгнув в глухую чащу,
От разбойников, бегущих
По пятам за мной, пытаюсь
На свободу ускользнуть.
Быстроту дает надежда,
Темный страх дает мне крылья:
Я врагов опередил
И, свободы близость чуя,
Вижу — брежжит мне за лесом
Замок ваш гостеприимный.
Я пошел, — и вот — я здесь.

Г р а ф

И владелец не обманет
Ваших радужных надежд.
Все, что есть лишь в этом доме, —
Все к услугам вашим здесь...

Б е р т а (*входит*)

Чу! Я слышу милый голос?
Это он! — Мой Яромир!

Я р о м и р

Берта!

Он спешит к ней; вдруг останавливается и отступает с поклоном.

Г р а ф

Этот самый, Берта?

Б е р т а

Он, отец мой! Он, отец!
Это он, отец, тот самый,
Мой спаситель дорогой!

Г р а ф

Так приблизьтесь же друг к другу,
Мы отныне не чужие,
Обнимите дочь мою!
Вы спасли ее — по праву
Жизнь ее вам вручена!
Небеса благие дали
Мне увидеть и обнять
Вас, который мне украсил
День последний, одр мой смертный,
Кто со счастьем примприл.
Светлый ангел! Мой спаситель!
Дай прижать тебя к груди!
Если б мог я в благодарность
Жизнь отдать тебе, бесценный,
Как свою ты отдал ей!

Я р о м и р

Изумлен, не заслужил я...

Г р а ф

Мы тобой изумлены —
Так ничтожна благодарность,
Так прекрасен подвиг твой!

Я р о м и р

Он прекрасен? Если б мог я
Вам сказать, что труден он!
Что он стоит самой малой,
Малой раны — только в память
Вечно памятного дня!
За дела ничтожные
Больно брать бесценный дар!

Г р а ф

Скромность юных украшает,
Ты не знал себе цены!

Б е р т а

О, не верьте же, отец!
Унижать себя он любит,

Знаю это я давно!
Знаю, он безмерно выше,
Но у ног моих он часто
Обнимал мои колени
И, терзаясь лютой скорбью,
Восклищал в слезах жестоких:
«Я тебя не стою, Берта!»
Он меня не стоит!

Я р о м и р

Берта!

Г р а ф

Вы хотите, чтобы меньше
Подвиг ваш она ценила?
Ведь на подвиг вас влекло
Только сердца благородство, —
Так прекрасно поступать.
Дайте ж нам гореть надеждой,
Что и в наш глубокий мрак
Мимолетный луч упал,
Вы несли не просто счастье,
Нам вы счастье принесли.
Кто отвергнет благодарность,
Тот дарящего унизит,
Друг мой! гордостью своей.

Я р о м и р

Что ответить мне, не знаю!
Утомлен борьбой жестокой,
Страхом этой мрачной ночи,
Устоять едва могу я
В поединке благородном.

Г р а ф

Вам пора напомнить было,
Что давно покой вам нужен!

Б е р т а

Ах, отец, что было с ним?

Г р а ф

Завтра все, дитя, узнаешь.
Ну, пойдем на отдых, Берта.
Отведет его наш Гюнтер
В лучший дедовский покой.
Сон глубокий и спокойный
Осенит его рукой
Вплоть до позднего утра.
О, мягка его подушка,
Совесть юная чиста
Светлым подвига сознанием! —
Так — еще рукопожатье,
Так — еще одно лобзанье,
Так, мой сын, иди на отдых!
Ангел сон твой сторожит!

Б е р т а (*уводя старика*)

Спи спокойно!

Я р о м и р

До свиданья!

Б е р т а (*обернувшись в дверях*)

Доброй ночи!

Я р о м и р

Доброй ночи!

Граф и Берта уходят.

Г ю н т е р

Отдохните, господин мой,
Я в покой вас провожу.

Я р о м и р (*выходя
на авансцену*)

О, примите, боги замка,
Дом святой, прими меня!
Здесь не ведают порока,
Здесь — невинности чертог.
Дом святой и непорочный,

Ты, священная обитель,
Будь убежищем моим!
Ты, дыханье мрака, прочь!
Только эту — эту ночь
Подари мне рок ночной,
Завтра — стану пред тобой!

Уходит с Гювтером.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал как в предыдущем действии. Густая тьма. Яромир вбегает.

Я р о м и р

Или самый ад крошечный
По пятам за мной стремится!
Пляска страшных привидений
Предо мной, за мной, во мне!
Ужас с жадностью вампира
Кровь сосет из жил горячих,
Мозг из бедной головы!
Вот зачем сюда пришел я!
Думал — ангела обитель, —
Силу ада
Встретил здесь! —
Но куда, куда пришел я,
Тайным ужасом влекомый?
Иль не здесь покой высокий,
Где приют обрел пришлец?
Старика здесь спальня... Тише!..
Сердце! Спящих не буди.
Тише! Пусть они не знают
Сердца странного смятенья!

(Прислушиваясь около спальни графа.)

Тихо!

(У левой двери заднего плана.)

О! какие звуки!
Знаю сладость этих звуков,
Жажду прелесть их впивать.
Чу!.. Слова!.. Ее молитва!..
О, молись, молись еще,
Ты, невинная душою!

(Прислушиваясь.)

«Светлый ангел, с нами будь!»
Будь со мною, светлый ангел!
«Защити нас...» О, спаси!
От меня спаси меня!
О, нежнейшее создание!
Нет, не в силах я сдержаться,
Должен, должен с нею быть!
Я у ног ее прекрасных,
В светлой близости к любимой,
Обрету покой и мир!
Ты могла бы падо мною,
Как над мертвым, помолиться,
И в твоём дыханьи чистом
Я восстать хочу святым!

Он подходит к двери; она отворяется, и Праматерь выходит оттуда, строго отстраняя его руками.

Я р о м и р

Ах, ты здесь, мой ангел светлый,
Это я — не упрекай
И меня не отстраняй,
Дай душе моей стесненной,
Не знававшей утешенья,
На груди твоей прекрасной,
Глаз твоих в сияньи ясном —
Дай вкусить успокоенья!

Призрак выходит из двери, которая закрывается за ним, и еще раз отстраняет его от себя обеими руками.

Я р о м и р

Я не смею! Я не смею!
Но когда твою я прелесть
Упоенным вижу взором,
Быть к тебе хочу я ближе!
Да, я знаю, дни идут,
Чую тайными мечтами:
Чувства, скованные снами,
Вновь проснутся и вздохнут.
Пред страданьем ты молчишь?
Иль погибнуть мне велишь?
Тронься ты моей тоскою,
Дай войти мне за тобою!
Все должны преграды пасть:
Страсть — ответом будь на страсть!

(Бросается к ней.)

Берта!.. Берта!..

Он приближается, призрак поднимает правую руку с протянутым ему навстречу указательным пальцем.

Я р о м и р *(с криком
отступает)*

А!..

Б е р т а *(изнутри)*

Ты ли это, Яромир?

При первом звуке голоса Берты призрак со вздохом начинает медленно двигаться по сцене. Прежде, чем он ушел, из двери выходит Берта, не замечая призрака: она смотрит на Яромира, стоящего в противоположном углу.

Б е р т а *(со свечой)*

Яромир, ты здесь?

Я р о м и р *(следуя
за удаляющимся призраком глазами и вытянутым
указательным пальцем)*

Там! Там! Там! Там!

Б е р т а

Что с тобой случилось, милый?
Отчего глядишься ты
Диким взором — в темный угол?

Я р о м и р

Здесь и там, и там, и здесь!
Здесь она! Она — нигде!

Б е р т а

Небо! Что с тобой случилось?

Я р о м и р

Бог свидетель, я не трус!
Все снести готов, клянусь!
Чорта выведи из ада
И считай удары сердца —
Разве страх стеснит мне грудь?
Но лицом к лицу он должен
Стать со мной, как смелый враг!
Не в моем воображеньи,
Не в горячечном мозгу,
Не в груди моей — пусть ищет
Он помощника себе!
Пусть предстанет великаном,
С головы до ног — в железе,
Пусть во мгле предстанет мне,
В адском пламенном огне, —
Я могу над ним глумиться
И могу я с ним сразиться.
Пусть обрушит весь свой гнев,
Буду я пред ним, как лев,
Взор во взоры погружая,
Зубы — зубом отражая,
Равный с равным! Но не в силах
Я бороться с тонким ядом,
С лъстивым вкрадчивым обманом,
Отравляющим меня!

Б е р т а (*устремляясь к нему*)

Яромир! Мой Яромир!

Я р о м и р (отступая)

О, я вижу лик прекрасный!
Но исчезнешь ты, как дым,
Под дыханием моим!

Б е р т а (обнимая его)

Так целует привиденье?
Может призрак так смотреть?
Чувствуй, здесь, в твоих объятьях,
Чувствуй, чувствуй, я сама!

Я р о м и р

Это ты? Какое счастье
Слышать жаркий трепет сердца,
Пить дыхание твое!
Это — свет очей прекрасных,
Это — милые уста,
Это — сладостный твой голос,
Хорошо знакомый звук,
Мир в мою сводящий душу!
Ты, любимая, со мною!

Б е р т а

Я с тобою!.. — Будь со мною!
Как дрожишь ты!

Я р о м и р

Я — дрожу?..

Кто увидит и не вздрогнет?
Я ведь — только кровь и плоть,
Не медведица в дремучем
Родила меня лесу,
Я не диким зверем вскормлен,
На челе моем начертан
Светлый лозунг: Человек!
Есть предел для человека,
Тайный есть предел — за ним
Доблесть прахом разлетится,
Взор духовный помутится,
Сила, как тростник речной,

Слышен шопот роковой:
«Стой! Ни шагу дальше! Стой!»

Б е р т а

Ах, мой милый, дух твой болен,
Возвратись в свои покои.

Я р о м и р

Нет, скорее в ад крошечный,
Чем опять вернуться туда!
Я с доверчивой душою
В отдаленные покои
Шел с вожатаем моим.
Очи сном смежить желая,
На высоком ложе лег,
Свет погас, и в краткий срок
Слышу, сон меня овеял,
Нежно, будто белый голубь
С мирной веткою маслины,
Надо мною тихо рея,
И сужая круг за кругом
Над моим богатым ложем.
Вот — все ниже, ниже он,
И нисходит сладкий сон. —
Вдруг все члены сводит ужас,
Содрогаюсь, слышу, внемлю:
Шум возник в пустом покое,
Будто воздуха душа
Вкруг волнуется, шурша,
Звуки странные вывают,
Светы тусклые мерцают,
Ночь исполнена движеньем,
В страшный образ прах свился.
Шелестят, влачась, одежды
Там и сям, во мраке зала,
Слышно — плачут, слышно — воют,
И вблизи, из темной ниши,
Троекратный стон я слышу.
Тут с поспешностью безумной
Полог ложа я сорвал!
Ночь стоокими огнями

Дико смотрит на меня,
Вижу светлое мерцанье,
Быстролетное смыканье
Тусклых тысячи кругов,
Сотни рук ко мне простерлись,
Сотни ног ползут на ложе,
Зубы скалят чьи-то рожи;
У подножья моего
Словно лунный свет мерцает.
Лик знакомый выплывает,
С помертвевшими очами,
С дивно милыми чертами!
О, с твоими, друг, чертами!
Он глядит, открывши очи,
Прямо в душу — дикий ужас
Мой пронизывает мозг,
Я соскакиваю с ложа,
Устремляюсь чрез покой,
Призрак гонится за мной!
Словно бич жестоких фурий
В этот зал загнал меня!
Слышу милую молитву
И хочу к тебе приникнуть,
И тогда... Ты видишь?.. Видишь?..

Б е р т а

Что, мой милый?

Я р о м и р

Ты не видишь?

Там, в углу, не видишь ты,
Словно призрак шевельнулся?

Б е р т а

Ничего не вижу, милый,
Это — дикие мечты
Твоего больного мозга.
Ты устал, измучен, милый,
Сядь вот здесь, на этом кресле,
Буду я оберегать,
Сладкий отдых навевать.

Я р о м и р (садится, кладет
ей голову на грудь)

Благодарствуй, друг мой верный!
Благодарствуй, нежный друг!
Обними меня руками,
Чтоб виденья адской ночи,
Устрашенные священным
Кругом, близко не пришли.
Да — теперь, в твоих объятьях,
Под твоим дыханьем нежным.
Под лучами глаз любимых, —
Снится мне — на ложе роз
Убаюкан я весною,
Свод небесный надо мной.

Входит Граф.

Г р а ф

Кто здесь шепчет в темном зале?
Берта, ты? И вы?

Б е р т а

Отец мой...

Я р о м и р

Что ответить вам, не знаю,
И сказать едва могу.
Вы глупцом меня зовите.
Сам бы звал себя я так,
Если б только я не видел
И не чуял в самых недрах
Каждый нерв души дрожащим,
Да, дрожащим; и поверьте,
В свете есть людей не мало
Потрусливее меня.

Г р а ф

Как понять мне?

Б е р т а

Ах, внимайте:
Чуть в покой богатый верхний
Он ушел, едва дремотой
Затуманились глаза, —
Возникает подле...

Г р а ф

А!..

Уж тебя моим считают?
Или в этом страшном месте
Стало дьяволам известно,
Как ты дорог мне, мой сын?
О, зачем сюда ты прибыл?
Думал ты, мой друг невинный,
Что царит здесь светлый праздник?
Посмотрел бы ты на нас
Здесь в ночных, пустынных залах,
За безрадостным столом;
Как тогда часы влекутся,
Как замедлен разговор,
Каждый шорох заставляет
Сердце каждое дрожать,
И отец в лицо родное
Милой дочери своей
С тайным страхом и тоскою
Лишь решается взглянуть:
То дитя его родное,
Иль виденье гробовое?
Видишь, сын мой, как живут
Здесь отмеченные роком!
Ты же — мужественный дух,
Радость жизни быстрой и легкой
И покой своей души, —
Все богатства хочешь бросить
В дома нашего пожар?
О, мой сын, ты не погасишь,
Только с нами ты сгоришь!
Прочь, мой сын, пока есть время,
Лишь глупец свой дом возводит

Там, где исстари нисходит
Злая молния небес!

Я р о м и р

Будь, что будет! Так хочу я,
С вами буду заодно, —
Пусть погибнуть суждено!

Г р а ф

Если сын мой так помыслил,
Пусть придет на грудь мою!
Пусть отцовский поцелуй
Приобщит тебя к страданьям,
Приобщит и к упованиям,
К нашим радостям, мой сын.
И на самом колком стебле
Розы пышные цветут.

Старик садится в кресло, поддерживаемый Яромиром и Бертой;
они стоят перед ним рука об руку.

О, спасибо вам, родные!
Вижу вас перед собой
С полным радостью взором,
С упоением в очах, —
И опять цветет надежда,
И в груди моей чуть брежжат
Полустертые картины
Пролетевших милых дней:
О, привет вам, дни былые,
Горький, радостный привет!..

Я р о м и р

На отца взгляни ты, Берта...

Б е р т а (*немного отступает
с ним назад*)

Он не любит, чтоб глядели,
Так бывает часто с ним;
Будь же радостен, мой милый!
Ведь отец мой знает все.

Я р о м и р (быстро)

Все?

Б е р т а

И, кажется, доволен!
Как он добр сегодня был,
Ах, так ласков, добр и кроток,
Мягче, ласковей тебя,
Ты так холоден и сух,
Мне ж для чувств моих, для счастья
Слов прекрасных не найти.

Я р о м и р

Верь мне...

Б е р т а

Верить, верить, верить!
Лучше вовсе слов не надо,
Если слов любви не знать,
Если нет огня у взгляда,
То устам не рассказать.
Говорили мне когда-то —
Люди легкие бывают,
И любовь их не горит,
Но сжигает — и погаснет;
Не предмет любви им дорог,
Только самая любовь.
Мотыльки легко целуют
Целомудренную розу,
В ней любя цветок прекрасный,
Но не розу в ней любя.
Или ты такой жестокий?

(Снимая с пальцев шарф.)

Я свяжу тебя, упрямый,
Крылья легкие свяжу я,
Чтоб сам бог не развязал.

Я р о м и р

Нежный друг мой!

Она связывает его шарфом.

Г р а ф (смотря
на нее)

Как томна!

Как она увлечена!
И без сил к сопротивленью
Предает себя теченью.
Но да будет так! И мнится,
Небо путь и мне откроет,
Заблуждаться я могу.
Не на все еще готов я,
И на дне моей души
Догорают, дотлевают
Искры прежнего огня.
Но довольно! Жар напрасный!
Гордый замок мой разрушен,
Не взнесется никогда,
Лишь развалины остались
Кровом дочери моей.
Будь, что будет! Ах, как тяжело
Оторваться от надежды,
Ранней юностью впоенной,
Из груди оцепенелой
Вырвать знаки милых дней!
Дочь родная родилась
И прекрасною улыбкой
Улыбалась в колыбели...
Как тогда перебирал я
Все старинные рода,
И с какой заботой нежной
Ей супруга выбирал!
Самых знатных вспоминал я,
Но не мог найти достойных,
А теперь — конец всему!
С милой радостью расстаться,
Вижу ясно, так же трудно,
Как проститься с милым сном!

Б е р т а (осматривая
шарф)

Смирно стой, нетерпеливый!

Г р а ф

Как разборчивым мне быть?
Если правду говорят нам,
То, что в тьме воспоминаний,
В отдаленьи юных дней,
Лишь расплывчатую мыслью
Я в мозгу своем ношу, —
Если правда есть в сказаньи,
Будто имя родовое,
Гордость высшая моя,
Только тайными грехами...
Прочь сомненья!.. И однако!..

Б е р т а (*смотря на свою
работу*)

Вот теперь и я довольна,
Только будь приветлив, милый,
Чтоб трудилась я не даром.

Г р а ф

Яромир!

Я р о м и р (*испуганно*)
Что?

Г р а ф

Должен ты
Рассказать нам наконец
О твоём далеком прошлом.
Яромир фон Эшен славный,
Ты рожден на дальнем Рейне,
В нашем войске хочешь быть —
Так мне дочь моя сказала!
Что же дальше? Я не знаю.

Я р о м и р

Больше не о чем сказать.
Род мой знатный, и богатый,
И могучий. Я — бедняк;
Так я беден, что, коль сердце
И мой твердый, сильный разум,

Закаленный в испытаньях,
И моей упорство воли
За ничто считаться могут,
То и сам я — лишь ничто.

Г р а ф

Кратко ты сказал о многом, —
Славно сказано! Ты — наш!
Видишь, сын мой, я старик;
В гроб ведет меня природа,
А глухой и темный разум
Шепчет мне, что цель близка;
Век я смерти не страшился,
И теперь не страшно мне.
Но ты видишь эту деву,
Видишь ты дитя мое?
Если б мог ты в старом сердце
И в слезах моих прочесть,
Кем была она мне в жизни,
Ты постиг бы скорбь мою.
Ведь одну ее покинуть
Должен в страшном мире я.
Сердце может ли не стынуть,
Не болеть — душа моя?
На тебя упали взоры
Пробудившейся от сна;
Ты ценить ее сумеешь,
Драгоценность сохранить!
Раз один ты жизнь ей отдал,
И, когда судьба укажет,
Снова радостно отдашь.
Я тебе ее вверяю.
Любишь ты ее?

Я р о м и р

Как жизнь!

Г р а ф

Любишь ты его?

Пусть рассказами своими
Окрылит он долгой ночи
Беспощадные часы.

Б е р т а

Яромир, иди же в спальню,
Ты совсем еще больной!
Ты расстроен и встревожен,
Сердце бьется безудержно,
Ты больной, совсем больной!

Я р о м и р

Я — больной? Тебе приснилось!
Сердце бьется быстро, бурно,
Но лишь в буре сладко мне!

Гюнтер открывает дверь. Входит Капитан.

К а п и т а н

Вы меня простите, граф,
Что нарушить я дерзнул
Ваш покой глубокой ночью.

Г р а ф

Зáмок мой открыт носящим
Королевские цвета:
Он для вас — открыт всегда.

К а п и т а н

Вашу дочь я счастлив видеть?

Г р а ф

Да, единственную дочь.

К а п и т а н

Извинить меня прошу я;
Строг, прекрасная графиня,
Нашей службы грубый долг:
Он велит достигнуть цели,
Как достигнуть — все равно.
Если только страх принес я,

Должен я рассеять страх.
Та разбойников ватага —
Этих мест давнишний бич...

Г р а ф

Да, суровый бич, я знаю!
Самой жизнью своею
Дочь обязана моя
Только доблести его:
Он — жених, ее достойный!
Яромир фон Эшен — вот он.
Сам он эту ночь в лесу
Подвергался нападенью,
Слуги пали, сам едва он
Страшной участи избег.

К а п и т а н

В эту ночь?

Я р о м и р

Да, в эту ночь.

К а п и т а н

И когда случилось это?

Я р о м и р

Три часа тому назад.

К а п и т а н (*посмотрев ему
в глаза, обращается к графу*)

Это зять ваш?

Г р а ф

Да, мой зять.

К а п и т а н

Если б только часом позже,
Миновала б вас беда.

(*К остальным.*)

Но теперь спокойны будьте,
Ничего не бойтесь больше,
Тех разбойников, тревогу
Наводящих, больше нет!
Мы давно их проследили
И сейчас на них напали.
После яростного боя
Мы победу одержали,
И толпа убийц сдалась.
Удалось бежать немногим,
Часть убита, часть в плену:
Мы идем по их следам.
Так пришел я в это место,
В этот замок я попал.

Г р а ф

О, примите благодарность,
Благородные бойцы!

К а п и т а н

Долг еще не весь исполнен.
Сокрушен уж ствол могучий,
Но еще остались корни,
И, когда меня избрали,
Сам себе давал я клятву
Их отродье извести.
Здесь крестьяне говорят,
Будто есть вблизи от замка
В камышах прудов ближайших
И в разрушенных окопах —
Подозрительный народ.
Потому позвольте, граф,
Из твердыни вашей древней
Мне разведчиков направить,
Верных слуг моих, готовых
Всюду ловко проникать.
Мы, надеюсь, кончим скоро, —
Вкруг расставил я посты:
Если кто еще на воле
Бродит там, в кустах и в поле,
Мы схватить его должны,

Дни его разочтены:
Цепь иль смерть грозит ему.

Г р а ф

Этот замок уж не мой;
И, пока вы здесь, да будет
Он — владеньем королевским.
Драгоценна ваша ревность,
Что дает вам правду знать
И в руках ее держать.

К а п и т а н

Похвалы не заслужил я.
Не об общем только деле
Я забочусь — о своем.
Шайка этих же убийц
В дни, когда я был придворным,
Родовой взяла мой замок,
Жгла, громила, убивала —
При одном воспоминаньи
Сердце старое дрожит.
О, ведь только долг кровавый
Отплатить я им хочу!
Буду я жесток, щадя их, —
Пусть не смерть в честном бою —
Будет их удел отраднй,
Нет, да будут беспощадны —
Колесо, топор, палач!

Б е р т а

Нет! Людей судить хотите —
Лейте кровь как человек!

К а п и т а н

Если б видела графиня
Ужас тот, что видел я,
Навсегда б закрылось сердце;
Лучше суетную жалость,
Как бесстыдного бродягу,
От дверей закрытых гнать.
Остов тлеющих развалин

Жарким пламенем объят,
Старых ужас,
Женщин крики,
Плач детей, упрямо льнущих
К мертвой материнской груди,
И пустыня, и безлюдье,
И над этим — мысль одна,
Что за жаждою наживы
Эта горсть убийц трусливых...

Я р о м и р (*выступая вперед
и резко обрывая его*)

Вы хотите затемнить
Зеркало души чистейшей,
Отразившей в светлой глуби
Мирозданья чистоту
Чистотой одной своею, —
Ядовитым вздохом мести
Вы хотите затемнить?
Дайте сладко сострадать,
Дайте ей и в падшем даже
Брата падшего любить.
Тростнику легко смеяться
Над разбитым мощным дубом.

К а п и т а н

Он разбит — в огонь его!

Я р о м и р

Слишком меток ваш язык,
То, что скоро он свершает,
Руки медлят совершить.

К а п и т а н

А, что значат эти речи?

Я р о м и р

Значат то, что я сказал.

К а п и т а н

Если б вы не здесь сказали...

Я р о м и р

Вы забыли бы досаду!

К а п и т а н

Вы разбойников защитник!

Я р о м и р

Кто в беде — всегда со мной!

К а п и т а н

Пусть придет сюда сильнейший...

Я р о м и р

Он придет, быть может, к вам!

Г р а ф

Яромир, что слышу я!
Или ревность побудила
Оскорблять моих гостей?
Ты ли встанешь на защиту
Тех, кто сам себя обрек?
Нет! Сквозь пламень увлеченья,
Сын мой, вижу я тебя,
Лишь немного слов еще —
Ты раскаешься в ошибке,
С нами сам пойдешь туда
По следам злодеев.

Я р о м и р

Я...

Г р а ф

Ты пойдешь!

Я р о м и р

О, никогда!

Как? Я должен ненавидеть
Бедных пасынков судьбы,
Тех, кто матерью жестокой,
Злою мачехою брошен

Вон, из рода своего,
На полночную охоту?
Тех, кто с хищными зверями
Сам жестоким зверем стал?
Тем, кто все отдать готов,
Кто раскаянья желал,
Кто идет ко мне на встречу,
Протяну ли я кинжал?
Не рукой — руке отвечу?
Кто так низок, тот — не воин!
Враг мне — тот, кто может биться,
Я для сыска не гожусь!

Г р а ф

Если ж сам пойду вассалом
Королевским — и за мною
Этих сыщиков отряд,
Ты пойдешь ли?

Я р о м и р

Вы?

Г р а ф

Да, я...

Жизнь людей щадить умею,
И достоинство ценить:
Но жестоким не могу я
К лучшим братьям нашим быть
И щадить так низко павших.
Долг велит нам справедливо
Трепет сердца позабыть,
Чтобы добрый жил счастливо, —
Над злодеем суд свершить!

Я р о м и р

Справедливо! Справедливо!
Чтобы дети спали сладко,
Из дому гоните псов!
Дайте меч мой! Я иду!
Жизнь на кровь зовет меня!
О, кровавой будет битва!

Жизнь прекрасна и вольна,
Нет иного блага в мире,
Тот, кто всё ей подарил,
Тот достойно поступил:
Меч мне дайте! Меч мой! Меч мой!
Прочь отсюда! На охоту!
Пусть готовятся ловцы,
Пусть готовятся к погоне
Вплоть до позднего утра, —
Меч мой! Меч мой! Мне пора!

Б е р т а

Я, отец мой, говорила,
Что опасно болен он!

Я р о м и р

Это — правое возмездье!
Как могли они решиться
Нечестиво защититься
Под ударами судьбы!
Люди, люди! О, безумье!
Кроме нас самих, кто с нами?
Прочь из нашего челна!
Спорим мы одни с волнами!
Разве помощь нам нужна?
Если выплыть кто стремится, —
Весла тяжкие готовы!
Руки, руки — прочь с бортов,
Чтоб челну не накрениться
И на дно не погрузиться!

Г р а ф

Что с тобою, Яромир?

Я р о м и р

О, простите! Сам не знаю!
Страсть охотника проснулась
От забавного рассказа,
Как расставите вы сеть,
Чтобы зверя одолеть.

Г р а ф (Капитану)

Извинить его прошу вас!
Этой ночью приключенья,
Также многое другое,
Привели его в расстройство,
Не владеет он собой.

К а п и т а н

Он встревожен и взволнован,
Оскорбиться я не мог,
Речи нет об извиненьи.
Господин фон Эшен должен
Отдохнуть. Ведь в нашем деле
Много есть сторон хороших,
Но больным оно вредит.

Б е р т а

Милый мой, иди за мной.

Я р о м и р

Нет, оставь! Оставь! Ты видишь,
Я здоров! Мне хорошо!

К а п и т а н

Долг велит мне предложить,
Соглашаться — ваше дело.
Позволения прошу я
Здесь долг исполнить мой.

Г р а ф

Вам разбойники известны?
Не пришлось бы вам невинных
Потревожить без нужды?

К а п и т а н

Не известны. В ночь пришлось нам
Нападать на них сегодня,
А в кругу кровавой битвы
Мы мечей внимаем звону,
Не глядим в лицо врагу.
Но у входа в этот замок

Идет один из верных мне,
Он, когда-то отделившись
От отряда, в плен попал,
Был свидетелем их дела,
И в лицо их всех узнал.
Кто там?

Входит солдат.

Капитан
Вальтера позвать!
Солдат уходит.

Граф

Яромир, не медли больше,
Отдохнуть иди в покой.
Страшно бледен ты лицом,
И в глазах пылает мрачный,
Лихорадочный огонь.
Успокойся, милый сын.

(Указывая на боковую дверь направо.)

Здесь, в спокойной этой спальне,
Не смутит тебя ничто.

Берта

Яромир, тебя прошу я.

Яромир

Хорошо, исполню просьбу;
Самому мне тяжело.

(Прижимает ко лбу платок.)

Вальтер входит.

Капитан

Подойди! В обход идем мы.
Ты идешь?

Вальтер

Да, капитан.

Капитан

Хорошо ли ты запомнил,
И любого из злодеев,
Кто появится, узнаешь?

Вальтер

Не тревожьтесь, помню всех!

Берта (*уводя Яромира*)

Ты шатаешься! Вот здесь!
Яромир уходит в боковую дверь направо.

Граф

Так! Теперь идите с богом.

Капитан

Но сначала надо кончить
С самым легким порученьем;
Всех трудней оно сегодня,
Но велит мне долг. Ведь много
Человек считает лишним,
А солдат — считать не в праве.
Граф, должны вы мне позволить
Обыскать как можно лучше
Замка вашего покои.

Граф

Как! И самый замок мой!

Капитан

Мне поручено строжайше
Обыскать здесь все жилое,
Чье бы ни было, кто б ни был,
Чтоб злодеев проследить.
Покажись вам наглецом я,
Все же долг исполню свой;
Пред высоким повеленьем
Места воле нет иной.
Сверх того, за ваших слуг
Поручиться вы не властны.

Г р а ф

За себя еще, не так ли!

К а п и т а н

Если вас я оскорбил...

Г р а ф

О, не надо извинений!..
Никогда мне не измерить
Пропасть ту, что разделяет
То, что есть, и то, что было.
Надо это помнить мне!
Вспомнил я о старине,
Наших предков повеленья
Здесь звучали как закон,
Мрачной силой подозренья
Не был здесь никто смущен;
Недоверие не смело
В этот зал тогда вступить,
Я же — старый, я — последний!
Верьте вашим лишь глазам!

(Отворяя двери по очереди.)

Здесь вот мой покой — смотрите...
Спальня дочери моей...

(У дверей в покой Яромира.)

Здесь...

Б е р т а

Отец мой, не будите!

Г р а ф

Вы ведь видели недавно,
Как мой зять вошел туда.

К а п и т а н

Вы стыдить меня хотите.

Г р а ф

Нет, хочу лишь убедить!
Ну, идем!

К а п и т а н

Куда?

Г р а ф

На волю,
По разбойничьим следам.

К а п и т а н

Вы идете?

Г р а ф

Да, я должен!
Не вассал я королевский?
Так же твердо, как и вы,
Свой священный долг я знаю.
И теперь без промедленья
Прочь отсюда.

Б е р т а

О, отец!

Погодите!

Г р а ф

Тише, дочь!

Слышу здесь один лишь голос,
Он сейчас мне прозвучал!
Капитан, вы передайте
Королю, что Боротин
Не разбойников пособник,
Что жилец пещеры львиной
Не цветет здоровой силой,
Он — беспомощный и хилый,
Он — больной старик с горбом,

(Выпрямляясь.)

Но когда-то — был он львом.

Уходит с капитаном.

Б е р т а

Он уходит, он не внемлет,
Отдает меня во власть
Безутешного томленья,
В пасть змеиную забот.
Жизнь отца могу ль ценить я
Больше жизни дорогой?

(У двери в покой Яромира.)

Яромир... Мой Яромир...
Нет ответа, все безмолвно,
Гробовая тишина.
Как мне страх мой укротить,
Укротить мой темный трепет?
Он, как туча грозовая,
На груди моей лежит.
Вижу в даях безответных
Звезды в тучах беспросветных.
Вижу — гаснет свет дневной,
Слышу голос грозовой.
Слышу, гром в совином взмахе
Свой полет остановил,
И душа трепещет в страхе.
Знаю, мрачной силы дрожь,
Чую, что ты мне несешь!
В сердце дрожь твою принять,
Это значит — потерять!
Нет, я знаю, в целом мире
Страха равного тебе...
О! Иметь и потерять!
Иметь и потерять!..
Где вы, дни златого мая?
Где ты, чудная страна?
Там жила я, не желая,
И себя самой не зная,
Так невинна и ясна.
Вешним цветом, птички пеньем
Очарована была,
Ни с одним глухим волненьем
Не знакомая, жила.
Если небо облак полно,

Веселилась сердцем я,
На зеркально-светлых волнах
Колыхалась жизнь моя.
В свете солнечном играя,
Кубка край меня манил,
И блаженным ядом рая
Милый мой меня поил.
Уст моих коснулся милый,
И обвил рукою стан —
И на терны я вступила,
Больше нет волшебных стран:
В розе — тьма шипов колючих,
Нет шипам ее числа,
И среди восторгов жгучих
Я укол их приняла.
Жениха я жду, тоскуя,
Он приходит — всё цветет!
Но когда в глаза взгляну я,
Голос внутренний растет,
Взор во взор, в груди — томленье,
Слышу голос вновь и вновь:
Ваши страсти — преступленье,
Ваша проклята любовь!
Мыслью мрачной и глубокой
Полон взгляд его очей,
Отстраняет он далеко,
Я боюсь его лучей;
Но, едва я отдаляюсь,
Снова кроток милый взгляд,
Над землей я поднимаюсь
И лечу к нему назад;
Как поток Харибды черной
От себя корабль стремится
И опять влечет покорный,
Так он гонит и манит;
Кто решит мои сомненья?
Кто рассеет темный страх?
Если путь мой — к преступленью,
Что так светел крыльев взмах?

(Простирает руки.)

Ты над этим замком дышишь,
Сила тайны полуночной,
Если ты мой зов услышишь,
Дай мне только знак урочный,
Озари звездою ночь!
Если ж смерть...

Раздается выстрел.

А! Что было?.. Выстрел!..
Знак зловещий — не пойму?
Дерзкий зов услышан мой?
Горе!.. Горе!.. Я одна!
Я одна!.. Одна!.. И холод
Дышит, веет на меня!..
Ты ли это, грешный дух?
О, твою я чую близость!
Слышу тихие шаги!

(У двери в покой Яромира.)

Яромир, проснись!.. Проснись!
Будь защитой Берте!.. Яромир!..
Только слово, только звук!
Спишь ли? Слышишь ли меня?
Не одна я?.. Я с тобой?..
Ты молчишь?.. Мне надо видеть,
Обнимать тебя руками,
Видеть, почувствовать, ты жив!

Открывает дверь и врывается. Раздается еще выстрел. Берта
выбегает, шатаясь.

Погодите!.. Погодите!..
Никого!.. Окно открыто!..
Он ушел!.. Его убили!..

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал как в предыдущих действиях. Берта сидит за столом, склонив голову на руки.

Б е р т а

Ты, любовь, открыла двери,
Это — счастье мое?
Какова же боль потери
И разлуки острее?

(Принимает прежнюю позу.)

Я р о м и р *(открывает боковую дверь направо и делает быстрое движение назад, заметив, что в зале кто-то есть)*

Б е р т а

Яромир! Уходишь прочь?
Ты уходишь?.. О, останься!
Как я, милый, трепетала,
Как боялась за тебя!
Как теперь ты?

Я р о м и р *(тревожно и мрачно)*
О, прекрасно!

Б е р т а

Если б я могла поверить!
Как ты бледен, Яромир!
Боже мой!.. Повязка...

Я р о м и р

Что?

Б е р т а

Здесь!

Я р о м и р

О, только шутка!

Б е р т а

Шутка?

Посмотри, рукав в крови.

Я р о м и р

Кровь? О, нет, о, нет! Пустое!

Б е р т а

О, разве мой темный страх!
Где ты был и как ты ранен?

Их глаза встречаются; он быстро отворачивается.

Б е р т а

Отвернулся? Вздрогнул ты?

Я р о м и р (*отступая
на несколько шагов*)

Нет, не в силах я, не в силах!
Лишь черты ее завижу,
Взор мой хочет ускользнуть,
И стремится демон лживый
Вновь назад — в больную грудь.
Изменись, душа моя!
Если путь сужден мне грешный,
Если ад сужден кромешный,
Пусть же чортом стану я!

Б е р т а

Яромир! Ты скажешь мне!
Дай ответ, открой мне душу!
Где ты был и как ты ранен?

Я р о м и р (*опустив глаза*)

Я во сне поранил руку.

Б е р т а

Не во сне! Нет, нет! Не спал ты!
Было пусто в темной спальне,
И окно открыто было!

Я р о м и р (*испуганно*)

А!

Б е р т а

Скажи мне только, милый!
Ты не знаешь, сколько черных
Мыслей мне запало в душу.
О, смягчи их, прогони!
Где ты был и как ты ранен?

Я р о м и р (*решительно*)

Хочешь знать — пусть будет так.

(*С остановками.*)

Чуть войдя в опочивальню,
Слышу выстрелы и крики...
Твой отец там, помню твердо...
Я хотел спасти... помочь...

(*Увереннее.*)

Так стоял я, размышляя,
И внезапно вижу липу,
Что протягивает прямо
Ветви зябкие в окно.
Я за мощный ствол цепляюсь
И на помощь порываюсь,
Я спускаюсь в мрак ночной
С необдуманной мечтой.
Сто шагов едва прошел я...

Слышу выстрел... Друг, иль враг...
Я не знаю... ранен я...
Пробудился мой рассудок,
Сердце трепет обуял;
Дальше — путь еще опасней,
И назад спешу я к липе,
И она мне указала
Вновь возвратный путь сюда.

Б е р т а

И ни разу ты при этом
Не подумал и не вспомнил
Обо мне, мой Яромир?
Подвергаясь нападенью,
Не ценил своей ты жизни,
Но она ведь — и моя.
Любишь ты не так, как я!
Если б ты был так же страстен,
Знал бы ты: любовь должна
Дорожить своею жизнью:
Эта жизнь — в руках любимой.

Я р о м и р (*терзая раненую
руку*)

Боль, вонзай в меня мечи!
Только сердце замолчи!

Б е р т а

Не терзай больную руку!

Я р о м и р

Перевязана она!

Б е р т а

Этот шарф повязан грубо!
Боль мою пойми, жестокий,
Если сам страдать не можешь!
Есть бальзам и полотно...
Руку! вылечу тебя...
Протяни мне только руку,
Может быть, удастся мне

Хоть один из милых взглядов —
Дар прекрасный дней протекших,
Как награду, получить.
Яромир, узнать хочу я,
Не получит ли рука
Больше, чем сердечный трепет,
И да будет благодарность
Жарче, чем твоя любовь.

(Развязывает шарф.)

Посмотри, мой шарф прекрасный, —
Он прилежно вышит мной,
На него не пышный жемчуг,
Но любви смиренной слезы
Благодатные упали, —
Посмотри, как он разорван,
Ах! как сердце у меня!

Она перевязывает его. Шарф падает на пол перед ней.

Б е р т а

Всё безмолвен, всё ты мрачен!
Ах, мой милый, странен ты,
Жар сменяется в лице
Бледным, тусклым цветом смерти,
Стянут судорогой рот,
Взор опущен боязливо.
Ты мне страшен!

Я р о м и р *(дико)*

Страшен — я?

Б е р т а

Боже, что с тобой случилось?

Я р о м и р

Чу... шаги... у входа... слышишь?
Прочь!

Б е р т а

Останься!

Я р о м и р

Нет, нет, нет!

Чу, идут! Скорее прочь!

(Быстро уходит в свой покой.)

Б е р т а

Он ли это? Тот ли самый?

Как дрожал он, как бледнел,

Глаз своих поднять не смел он?

Небо, пусть скрывает он!

Тяжело он болен телом,

Иль душой еще больнее?

Входит солдат с оторванным куском шарфа в руке.

С о л д а т

Капитан мой здесь, простите?

Б е р т а

Нет, мой друг.

С о л д а т

Но где же он?

Был он с нами на посту,

А теперь — найти не можем.

Думал я, что он вернулся

Успокоить вас сюда.

Б е р т а

А отец мой?

С о л д а т

Вместе с ним.

Успокойтесь же, графиня,

За разбойников нам страшно,

Мы открыли их следы.

Если б Курт наш целил метче,

Если б я счастливей был,

Атаман их был бы нашим.

Атаман! Вы удивитесь!

Был я близко от него,

Я опять узнал его.
Он сюда, к стене ближайшей,
Пробирался сквозь кусты,
Курт прицелился — и ладно!
Честью вам клянусь, попал он
Прямо в руку.

Б е р т а

Боже... В руку?

С о л д а т

Да, и кровь текла с руки!
Тяжело он пошатнулся,
И надеялись мы было,
Что на землю упадет.
Чуть завидев, что он ранен,
Я — вперед и на него!
За кушак схватил я крепко,
Придавил ему я горло,
Хоть противился он сильно,
Одолеть его я думал:
Но, в притоке страшных сил,
Крепко он меня схватил,
И среди сопротивления
Не избегнул я паденья,
Чортов сын исчез в кустах.
Скоро я за ним погнался,
Но напрасно, — и остался
Лишь лоскут в моих руках.

(Протягивает кусок шарфа.)

Б е р т а *(узнает его)*

А!..

Она роняет на пол свой платок, так что он покрывает шарф,
лежащий на полу, и стоит, вся трепеща.

С о л д а т

Прекрасная графиня,
Верьте мне, не шутка это,
И не каждый день бывает.

Долго был в его когтях я,
И теперь, лишь стоит вспомнить,
Страх пронзает до костей,
Как, бывало, этот дьявол
В круг друзей своих вступал
С взором мрачным и горящим,
Самый смелый трепетал,
И молчанье воцарялось,
Самый дерзкий умолкал.
И тогда, как крикнет он:
«Эй, вперед, друзья, на бой!» —
Всё к оружию поспешало,
Разносился дикий вой,
И до неба долетал он,
И окрестность пробуждал он.
И вперед бросалась стая,
Черный конь его под ним,
Словно выходец из ада,
Мчится, яростью пылая,
Мечет молнии из глаз.
Где б их месть ни пронеслась,
Всюду гибнет юность, старость,
Губит всё разбоя ярость,
Всё долой! И кровь, и прах
На местах опустошенных,
В развалившихся домах!
Вы дрожите? Время близко,
За позор деяний низких
Их награда скоро ждет,
На помост палач идет.

Б е р т а

Горе!

С о л д а т (*бросая лоскут
на стол*)

Прочь, лоскут ненужный,
Поплясать еще хочу!
Целиком его схвачу!
Да хранит вас бог, графиня.

(*Уходит.*)

Б е р т а

Горе! Горе! Совершилось!

(Бросается в кресло и закрывает лицо руками.)

Я р о м и р *(отворяя дверь)*

Он ушел?.. Но что ты, Берта?

Берта устремляет блуждающий взор на платок, лежащий на полу.

Я р о м и р *(поднимает его)*

Шарф мой!

Б е р т а *(протягивает ему оторванный лоскут, — дрожащим голосом)*

Ты — разбойник!

Я р о м и р *(отшатнувшись)*

А!

Хорошо же! Пусть свершилось!

Туча молнией грозила,

Тучу молния пронзила,

И дышу свободно я;

Пусть надежды ствол разбило,

Но уж это — было, было,

И теперь — свободен я!

Так, пора повязке рваться,

Цепь должна упасть давно!

Побоюсь ли я назваться

Тем, чем жить мне суждено?

Так, теперь душа открыта,

Ложь мне больше не защита,

Ложь трусливая ушла!

То, что прежде тайно знал я,

То, о чем всегда молчал я,

Мука смертная была.

Яркой молнии стрелюю

Разразилася гроза;

Ничего теперь не скрою,

Я свободен пред тобою,

И смотрю тебе в глаза.

Да, несчастная, таков я,
Как меня ты назвала;
Тот, за кем солдаты рыщут,
Тот, кого проклятья ищут,
Кто в молитвах мирных жен
Вместе с чортом заклемен;
Тот, кого отец проклятым
Назовет в кругу семьи,
Тихо шепчет: «Берегитесь,
Дети, быть таким, как он!»
Да, несчастная, таков я,
Как меня ты назвала;
Тот, кого убийцы знают,
Нежным братом называют,
Я — разбойник Яромир!

Б е р т а

Горе мне!

Я р о м и р

Дитя, дрожишь ты?
Лишь назвать мне стоит имя,
Страх берет тебя, дитя?
Не смущайся ты душою:
То, что девам страшно слушать,
Дева, делал я шутя!
Этот взгляд — твое блаженство —
Был для путника ужасен;
Этот голос — твой любимый —
Был разбойнику защитой,
Хладный трепет наводил;
Эти руки — так лукаво
С милой слитые рукой —
Пахнут кровью пролитой!
Не качай головкой нежной,
Да, несчастная, таков я!
Очи слезы проливают,
Руки слабо поникают,
Голос падает, дрожит, —
Это я, дитя, прости.
И разбойник знает, Берта,

Строгий час, когда отверста
Грудь для слез — самой судьбой,
Счастье — плакать мне дает!
Берта, верь мне, верь мне, Берта, —
Тот, чьи очи пред тобою
Отуманены слезою,
То — разбойник Яромир!

Б е р т а

Боже! Прочь!

Я р о м и р

О, да, права ты!
Должен помнить я, кто я!
Прочь, грусливых слез струя!
Иль разбойнику доступны
Человеческие чувства?
Воспаленный взор злодея
Влага слез не освежит.
Прочь! Отринут я всем светом,
И да будет мне ответом
Только ненависть и стыд!
Как с самим собой я бился,
Как боролся, как стремился,
У меня не спросит суд.
Пред решеткою судейской
Не за помысел злодейский,
Но за дело проклянут!
Пусть прольется чаша гнева,
Я иду на эшафот,
Но тебя, пресветлый боже,
Голос мой тебя зовет!
Слышишь зов мой, Всемогущий,
Видишь ты, что грудь хранит?
Милосердно судишь, боже,
Ты души не уничтожишь,
Что раскаяньем горит!
Средь разбойников возрос я,
Среди них я возвышался,
Был свидетель дел кровавых
И не знал иных примеров

Человеческого долга,
Духа светлого ученья
И обычаев святых:
Проклянешь ли, Милосердный,
Ты меня, подобно людям?
Ведь разбойника я сын!
Я не проклят тем, что связан
С делом тех, кого любил;
Сам отец своей рукою
Преступленье мне открыл.
Сам ты знаешь, как, стяхнувши
Золотые грезы детства,
Ужас он в себе обрел;
Рок свой черный проклинал он,
Тщетно выхода искал он,
Он искал! — и не нашел.
Знаешь сам ты, как все ночи,
Этой девы встретив очи,
От своих злодейских дел
Отрешиться я хотел!
Знаешь ты... но слов не надо!
Сердце сломлено, но нет
Состраданья мне отрады.
Все ты знаешь, Вечный Свет!
От нее — пощады нет,
И меня она страшится...
И теперь всему конец!
Пусть же кровь моя прольется,
Разве ты уж не убил?
Что ж ты можешь, мой палач?
(Быстро идет к двери.)

Б е р т а *(вскакивая)*

Яромир!.. Постой!

Я р о м и р

Что слышу?

Это — милой Берты взгляд!
Вновь свое я слышу имя,

Жизнь с крылами золотыми
Возвращается назад.

(Спешит к ней.)

Берта! Только слово, Берта!

Б е р т а

Нет, оставь!

Она стремительно идет на авансцену. Яромир настигает ее и схватывает ее руку, которую она после некоторого сопротивления оставляет в его руке. Она стоит, отвернувшись.

Я р о м и р

О, не оставлю!

Как могу, пловец несчастный,
Чудом спасшийся от бури,
До конца лишенный сил,
По пустыне вод носиться
И на берег не стремиться,
Где маяк мне засветил?
О, прими меня! Прими!
Все, что было в прежней жизни,
Что в душе моей осталось,
Все за твой единый взгляд
Брошу в бездну я назад;
Словно творческой рукою
Обновлен теперь мой дух!
Я у ног твоих простерся
И раскаяньем горю!

(Обнимает ее колена.)

О, прими меня! Прими!
О, как мать, веди молиться,
Как дитя, — твой Яромир!
Только б мне не оступиться
На пути в безвестный мир!
Научи туда стремиться,
Где блаженство и покой,
Научи меня молиться,
Быть святым, как ты, с тобой!
Берта! Берта! Всё не хочешь

Взор направить благосклонный
На молящего меня?
О, не будь же, Берта, строже,
Чем судья суровый Тот,
Кто в последний час пред казнию
Солнца светлыми лучами
Позлащает эшафот...
О, я слышу... трепет сердца...
Ты вернулась... Ты моя...

Заключает ее в объятия, она слабо сопротивляется.

Берта! Друг мой! Дева! Ангел!

(Вскакивая.)

Расступись земля теперь,
В небеса открыта дверь!

Б е р т а

Яромир, ах, Яромир!

Я р о м и р

Сожалений, слез не знаю!
Вызов бросил я судьбе,
Целый мир я презираю,
Если есть любовь в тебе!
Светлой мыслью я ликую,
Нет позора впереди,
Чувств бывалых цвет увядший
Вновь цветет в моей груди!
Вновь с людьми я связан, Берта,
Силой новых светлых уз,
И нисходят духи с неба
Прославлять святой союз:
Цвет невинности лилейный
И любви златистый плод,
Дух Надежды легковейный
В неземном венце идет:
Высоко вздымайтесь, волны,
Гребни, яростию полны, —
В пристань тихую мою
Я, смеясь, стремлю ладью.

А теперь внимай мне, Берта!
Прежде, чем тебя узнал я,
Я о бегстве помышлял,
Далеко, на дальнем Рейне,
Малый замок у меня,
По единому велению
Там богатства ждут меня.
Там никто меня не знает,
Все привыкли почитать,
В этот мирный, тихий замок
Мы должны с тобой бежать.
Там найду я путь свой новый,
Новой жизнью буду жить.
И немного лет промчится —
Прежний путь нам будет сниться,
Как сказанья старины,
Как предутренние сны.

Б е р т а

Мне — бежать?

Я р о м и р

Могу ли медлить?

Б е р т а

А отец?

Я р о м и р

Дитя! А я?

Хорошо: мы будем вместе,
Здесь найдут меня и свяжут,
Заковать, убить прикажут
На глазах твоих, дитя.
Дочь примерная, останься,
За седым отцом ходи,
Забавляй, веди его
Вон туда, к местам проклятым,
Где на ложе, бурей смятом,
Черной кровью залитом,
Спит твой милый вечным сном!

Покажи на лобном месте
Эти тлеющие кости!..

Б е р т а

Стой!

Я р о м и р

Ты хочешь?

Б е р т а (*почти без сознания*)

Да, хочу!

Я р о м и р

Жизнь моя! Спасибо, Берта!
А теперь — скорей отсюда!
Здесь меня они настигнут,
Тайный след уже открыт.
Этот замок весь обрыщут,
Каждый здесь покой обыщут,
Подозренье их не спит.
В стороне теперь шпионы
В укреплениях старых бродят,
Но давно разбойник знает
Эти древние хода;
Там пока укроюсь, Берта,
Но придет заветный час
И навеки свяжет нас.
В час полночный всё живое
Непробудным сном уснет,
Вместе с полночью глухою
Тихо друг твой подойдет.
В старых сводах, где в гробницах
Предки спят в согласном сне,
Есть одно окно бойницы,
Ты придешь туда ко мне.
Быстрый знак подашь мне милой,
Легковейною рукой,
Полечу я от могилы
Встречу жизни молодой.
На старинные гробницы
Подозренье не падет,
Там любовь должна укрыться,

Чтоб лететь потом вперед.
Так придешь ты?

Б е р т а *(тихо)*
Да, приду я.

Я р о м и р
Так ты хочешь?

Б е р т а
Да, хочу.

Я р о м и р
Ну, прощай, идти я должен,
А не то врасплох застигнут:
В руки им живой не дамся.
Но, дитя, достань мне меч!

Б е р т а
Меч? Не в силах! Никогда!
Чтоб, опасностью теснимый,
Сам ты собственную жизнь...

Я р о м и р
О, дитя, спокойна будь,
С той поры, как ты решила,
Слово клятвой закрепила,
Вновь ценю я эту грудь.
Разве острый меч мне нужен,
Чтоб свободу получить?
Этой склянки мне довольно.

Б е р т а
Склянку прочь!

Я р о м и р
Дитя, к чему!

Б е р т а
Как могу я быть спокойной?
Знать, что яд в руках твоих,
И душою не терзаться?

Я р о м и р

Если так, дитя, — возьми!

(Бросает склянку на стол.)

Меч теперь, достань мне меч!

Б е р т а

Меч! Зачем?

Я р о м и р

Что вижу я?

Не висит ли на стене
Там кинжал?

Б е р т а

Оставь! Оставь!

Не бери его из ножен,
Тяжкий грех на нем коснеет,
В час несчастный и зловещий
Этим ржавым острием
Рода нашего Праматерь
Лютой смерти предана.
Здесь висит он на стене —
Тайный знак ночного рока,
Что над родом тяготееет.
Видел он однажды кровь,
Кровь вернуться может вновь.

Праматерь появляется за ними, как бы ограждая их простертыми руками.

Б е р т а

Что ты смотришь неподвижно?
Сильный, ты дрожишь? И мне
Страх могильный объял душу!
Трупом веет на меня!

(Прижимаясь к нему.)

Гибну! Гибну! Цепенею!

Я р о м и р

Прочь! Кинжал кровавый знаю!

Б е р т а

Не касайся до него!

Я р о м и р

Мой привет тебе, союзник!
Это ты, я знаю, ты!
Ты со мной — и вот всплывают
Детства дальнего картины,
Глухо скрытые за далью
Жизни, страстью и печалью,
Словно горы голубые
Милой родины моей...
Ведь на утре дней веселых
Я знавал, знавал тебя;
С этих пор за ночью жизни
Ты мерцал, пугая взор,
Как кровавый метеор.
В ту таинственную ночь,
Первый плод греха вкушая,
Черный долг свой исполняя,
Страх не мог я превозмочь,
И увидел в тайном страхе,
Что не мой, не мой кинжал,
Твой, о, твой клинок торчал
Из горячей, первой раны!
С той минуты роковой
Жив твой образ предо мной!
Так привет тебе, союзник!
Вижу свет манящий твой,
И судьба зовет на бой!
Мой ты! Будь навек со мной!

(Идет к нему.)

Б е р т а *(у его ног)*

Ах, помедли!

Я р о м и р *(все еще неподвижно
глядя на кинжал.)*

Прочь... Назад!

Он берет кинжал. Праматерь исчезает.

Что такое? Что случилось?
Ты мерцал на той стене,
Но как будто свет слепящий
Исходил из острия...
Робким, матовым лучом
Свет мерцал в одетых мраком
Долах темного былого,
И из ранних юных лет
Тихо образы поплыли
И предчувствия смутили...
Этот зал привет послал,
Эти стены улыбнулись,
И в груди своей как будто
Самого себя обрел я!
И потом — погас, исчез,
Словно молния с небес.

Б е р т а

О, оставь кинжал кровавый!

Я р о м и р

Я — кинжал мой? Никогда!
Мой кинжал! Он мой! Он мой!
Право, сталь его крепка!
С каждой пробой, с каждым взмахом
Расстаюсь я с тайным страхом,
С ним судьба моя легка!
Он вполне меня достоин;
Дорогое острие!
Буду верен и спокоен —
Ты разишь одним ударом,
Золотое лезвее!
Ну, прощай!.. Прощай, дитя!
Будь светла. В грядущем — свет!
В полночь: помни свой обет!

(Уходит с поднятым кинжалом в боковой покой.)

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал как в предыдущих действиях. На столе свечи. — Берта сидит, опустив лицо на ладони, руки на столе.
Входит Гюнтер.

Г ю н т е р

Здесь вы, юная графиня?
Как не страшно вам одной
Проводить в пустых покоях
Эту сумрачную ночь?
Ведь поистине страшнее
Не видал я никогда.
Там визжит и воеет буря,
Здесь прокрался в замок ужас
И смущает разум наш,
В мраке лестниц слышен ропот,
В переходах темных попот,
А в могильном склепе предков,
Скрипы тлеющих гробов;
Голова моя кружится,
Дыбом волосы встают.
Кой о чем еще услышим,
Ведь опять Праматерь бродит,
Истари об этом знают
И в смертельном страхе ждут:

Это злое предвещает —
Преступление, иль беду.

Б е р т а

Преступление, иль беду?
Ах! Беду и преступление!
Не сбиралось ли несчастье
Эту жизнь испепелить?
Так к чему же преступление?
Грудь и так поражена.
О, к чему же, Справедливый,
Проклинать еще и совесть
И удваивать проклятье,
Жечь нас молнией двойной?
Разве мало нам одной?

Г ю н т е р

Ах, отец ваш престарелый
Бродит в бурю на дворе,
Предоставлен ярой вьюге
И кинжалу злых убийц.

Б е р т а

Ты сказал: кинжал? Какой?
Я дала? Он взял?

Г ю н т е р

Графиня,

Не теряйте вы отваги.
Эти трепетные знаки —
Лишь неясные намеки,
Близкой бури предвещанья:
Но не всякий гром — разит,
И огонь небесный — в длани
Сам Отец всегда хранит.

Б е р т а

Да, ты прав. В господней длани.
Прав ты. — Я хочу молиться!
Нас он может защитить,

Погубить и заступиться,
Покарать и пощадить.
(*Становится на колени у кресла.*)

Г ю н т е р (*подходя к окну*)

Озаряется окрестность,
Светят факелы в полях,
То преследуют злодеев,
Укрывающихся здесь.

Б е р т а (*на коленях*)

Мать святая, Всеблагая,
Дай мне, сердце облегчая,
От печали отдохнуть;
Вырви скорбь рукой волшебной
И пролей бальзам целебный
В эту раненую грудь.

Г ю н т е р

Наши стали тесным кругом,
Загражден везде проход,
Убежать никто не может —
Пусть их прячутся теперь!

Б е р т а (*с возрастающим
страхом*)

О, укрой своим покровом
Бесконечно дорогого,
Он вернулся вновь к Тебе!
Сохрани его, Святая,
Невредимым в лютой стае,
Под мечами и в огне.

Г ю н т е р

Был бы с нами ваш отец —
Нет, он бродит в темном поле!
Он теперь остался б с нами,
Если б... Страх меня берет!

Б е р т а

О, восстань от звездных тронов.
Сохрани его, молю,
Обездолен он судьбой!
Все, что милому грозило,
Пусть пролетит святая сила
Над моею головой!

Г ю н т е р

След как будто бы нашли!
Все бегут сюда, к стенам,
Пусть дерется сколько хочет, —
Никогда он не уйдет!

Б е р т а (*в невыразимом
страхе, почти кричит*)

Отврати! Я умоляю!
В небо руки простираю!
Иль — кончай! кончай! кончай!

(*Пауза.*)

Оба вслушиваются с напряженным вниманием. Берта медленно выпрямляется.

Г ю н т е р

Чу! Кричат.

Б е р т а

Кричат!

Г ю н т е р

Снова тихо.

Б е р т а

Снова тихо...

Г ю н т е р

Боже правый! Это голос...

Б е р т а

Кто кричал?

Г ю н т е р

Не может быть!
Смерть отрадней!

Б е р т а

Кто кричал?

Г ю н т е р

Нет, пустое. Все столпились
Вкруг чего-то, что недвижно
Распростерто на земле.

Б е р т а

На земле? лежит?

Г ю н т е р

Не в силах
Так далеко видеть я,
Острый выступ стен мешает
Видеть все, что происходит.
Но, сдается мне, под липой,
Осенившей то окно...

Б е р т а

Как? под липой?

Г ю н т е р

Да, как будто.

Б е р т а

Там под липой? на земле?

Г ю н т е р

Да. Так, кажется, сказал я. —

Б е р т а

Боже правый! Яромир!

Г ю н т е р
Спит спокойно он, графиня.

Б е р т а
Спит? Он спит — и не проснется?

Г ю н т е р
Чу! Идут. — Спросить должны мы,
Что внизу случилось с ними.

Входит Капитан.

К а п и т а н
Эй, постель и перевязку!

Г ю н т е р
Ах, скажите, господин...
Берта стоит без движения.

К а п и т а н
Здесь вы, юная графиня?
Не был я к тому готов;
Оказать хотел я помощь,
А не злую весть нести...
Ваш отец...

Б е р т а (*быстро*)

А он?

К а п и т а н
Кто он?

Б е р т а
А... разбойники?

К а п и т а н
Не в силах
Были мы настичь... Отец ваш...

Б е р т а

Нет? За весть благодарю вас!

К а п и т а н

За какую весть?

Б е р т а

За то...

Жду, хотела вам сказать я,
Жду я вести с нетерпением...

К а п и т а н

Вот она в словах немногих:
Тяжко ранен ваш отец.

Б е р т а

Ранен? Как, отец мой ранен?
О, ходить за ним я буду,
Раны буду я лечить!
На груди моей девичьей
Исцелится мой отец!

К а п и т а н

Как я рад, что весть дурную
Вы встречаете так твердо.
Я готовился к иному.

Г ю н т е р

Так его я слышу голос!
Я сейчас иду туда...

К а п и т а н

Нет... Пусть будет всё готово,
Уж несут его сюда.
Поразил его разбойник...

Б е р т а

А, разбойник!

Капитан

Да, разбойник,
Кто ж еще? Ах, вы не знали...
Мы окрестность обыскали,
Был средь нас и ваш отец,
Все старанья были тщетны,
Он остался помогать нам,
Глубоко тая обиду,
Что нанес неволью я.
Чу, — кусты зашевелились,
Слышу оклик часовых.
Нет ответа. С громким кличем,
Близкой радуясь добыче,
Люди бросились туда.
И в одном из переходов,
Средь развалин древних сводов,
Где далеко мгла лежит,
Вал у замка сторожит,
Видим, чья-то тень бежит.
Ваш отец стоял всех ближе,
С высоко поднятой шпагой
Он бросается с отвагой
За разбойником в проход.
Раздается крик глухой,
Мы бросаемся туда,
Ваш отец упал на землю
Без дыханья, без движенья,
Сам себя не помнил он, —
И во грудь кинжал вонзен.

Берта

Что? Кинжал?

Капитан

Да, так, графиня.

Берта

Что? Кинжал?

Капитан

О, да, кинжал.

Б е р т а

Прочь! К нему! К нему! К нему!

К а п и т а н (*удерживая ее*)

Нет, останьтесь здесь, останьтесь.

Вот, несут.

Солдаты и слуги вносят графа и ставят носилки посреди сцены.

Б е р т а

Отец мой! Боже!

О, пустите!

К а п и т а н

Успокойтесь!

Так убьете вы его.

Тише.

Б е р т а

Тише? — О, пустите!

(*Вырывается и припадает к носилкам.*)

О, отец! Отец! Отец мой!

Г р а ф (*с перерывами*)

Это ты, родная Берта?

Радость, бедное дитя!

О, несчастное дитя!

О, несчастное дитя!

Б е р т а

Я, отец мой, вам не в радость,

Не к лицу мне похвала,

Тяжела моя вина.

Г р а ф

Если в миг тот роковой

В дымном факелов мерцаньи

Взор меня не обманул,

Если тот, о ком я думал,

Он тогда был предо мной, —
Плачь, родная, над собой! —
Где же Яромир?

Б е р т а *(тихо, дрожа)*

Не знаю.

Г р а ф

Дочь моя! Где Яромир?

Б е р т а *(пряча лицо
в подушки)*

О, отец, отец!

Г р а ф

Пусть так!

И прости, прости тогда,
Ты, последняя надежда!
Пусть же солнце закатилось,
Луч последний, догорай,
Сумрак ночи, наступай!
Время спать, — да, время спать.
Радость, бедное дитя,
Плачь, терпи, страдай, умри!
Нет тебе благословенья,
На земле — одно мученье,
Ты ведь — дочь моя родная,
Ты — из рода Боротин.

Г ю н т е р

О, молчите, господин!
Ваша раненая грудь
От речей страдает боле...

Г р а ф

О, позволь, слуга мой верный,
Раз еще, у края гроба,
Этой злой пустынной жизни,
Да, пустынной, но прекрасной, —
Раз еще взглянуть в глаза;
Эту радость, эти муки,
В миг последний, в миг разлуки

Затаить навек глубоко
В человеческой груди.
Дай в последний раз изведать
Сладость горького напитка,
А потом — бери, Судьба!

Б е р т а

Нет, не смерть, отец мой, нет!
Нет, не надо умирать!
Кто без вас отцом мне будет?
О, не надо умирать!

Г р а ф

Хочешь детскими руками
Колесом Судьбы ты править?
Не сдержат руке земной
Колесницы громовой.

Входит Солдат.

С о л д а т (*Капитану*)

Пойман только что разбойник;
У пруда лежал он, прячась
В камышах прибрежных, мы же
Привели его сюда.

Г р а ф

А! Разбойник!

Б е р т а

Правый боже!

Г р а ф

Юный? Стройный и высокий?

С о л д а т

Нет, почти уже старик.
Говорить он с вами хочет;
Что-то важное расскажет
И для вас и для себя.

Капитан

Как осмелился убийца
Человека час последний...

Граф

Нет, мой милый, пусть войдет.
Если грешен предо мною,
Я хочу его простить.
Если ж я ему нанес
Оскорбленье иль обиду,
Должен я очистить совесть
От проклятья бедняка.

Капитан

Пусть войдет.
Солдат уходит.

Гюнтер

Мой господин!
Неудобно это ложе;
В вашу спальню родовую
Дайте вас перенести.

Граф

Нет! Я здесь хочу остаться,
В этом зале, мне священном!
Игр веселых он свидетель,
Знал он юноши мечты,
Видел он деянья мужа,
Пусть и старца видит смерть.
Здесь, где души древних предков
Веют тихими крылами,
Где с высоких стен глядит
Длинный ряд достойных ликов
И о славе говорит,
На наследника взирая,
Здесь, где предков дух царит,
Я — последний — умираю.

Входит Болеслав, ведомый стражей.

Б о л е с л а в (бросаясь на колени)

Господин мой, милосердья!
Об одном я вас молю:
Слово милости изречь!
Я могу в ответ на милость
Вам поведать весть такую,
Что недуг тяжелый лечит,
Радость светлую несет.

Г р а ф

Нет, увы, целящей вести,
Как сказал ты, для меня,
Но клянусь на этом месте
(Друг — свидетель будет мой), —
Если честен голос твой,
В нас найдешь ты состраданье
И за тяжкие деянья.

Б о л е с л а в

Так внимайте и простите!
Двадцать лет прошло с тех пор,
И, тогда уже — преступник,
Я однажды в летний вечер
Мимо замка проходил;
Я стерег свою добычу
И заметил под стенами,
Возле ближнего пруда,
Что прекрасный нежный мальчик —
Года три ему лишь было —
За кремнем камень бросает
В воды светлые пруда.

Г ю н т е р

Боже правый!

Г р а ф

Что я слышу!

Б о л е с л а в

Был красив его наряд,
Шею белую ребенка

Яркий камень украшал.
Я, обрадован добыче,
Оглянулся — мы одни,
Нет у пруда никого.
Заманить его хочу я,
Отвести хочу от замка,
Плод, цветок ему дарю,
И веселый, славный мальчик
Все послушней и послушней
Под вечернею зарей
В темный лес идет за мной.

Г р а ф

Это сын мой, сын мой был!

Г ю н т е р

Мы-то думали — погиб он,
Утонул в глухом затоне —
Шляпа плавала в пруду!

Г р а ф

Ты, безумец, рад чему-то?
Иль в разбойничьей груди
Место есть для состраданья?
Пощадил его он разве?

Б о л е с л а в

Да, его я пощадил!
Умертвить хотели братья,
Чтобы детские уста
Тайный след наш не открыли;
Я противился упорно,
И, когда друзья клялись,
Что не должен он вернуться
Из глуши и мглы лесной
В отчий дом родимый свой, —
Я сжился с малюткой сирым,
Сын ваш, граф, моим стал сыном,
Вас забыл и весь свой род
И меня отцом зовет.

Г р а ф

Боже! Сын мой! Жив он! Жив!
Но живет среди злодеев!
Разве он?..

Б о л е с л а в (*опуская глаза*)

Таков, как я!

Г р а ф

Он разбойник? Нет! Неправда!
Ты молчишь! Окаменел!
Сын — разбойник! А! Разбойник!
Лучше б нежный рот его
Залит был водой коварной,
Легче было б мне тогда,
Легче имени не знать мне,
Чем злодею быть отцом.
Ах, за что я проклинаяю?
Боже! Праведен твой луч!
Сам ли он избрал тот жребий?
Приведи его ко мне,
И разбойник дорог мне.

Б о л е с л а в

Здесь теперь он, в этом замке.

Г р а ф

Здесь?

Б о л е с л а в

Но вам он не знаком.
Незнакомец тот, который
Здесь пристанища искал...

Б е р т а

Яромир?

Б о л е с л а в

Он самый, да!

Г р а ф

Дьявол ты! Злорадный дьявол!
Ложь свою возьми назад!

Б о л е с л а в

Это он, мой господин!

Г р а ф

Отрекись!

Б о л е с л а в

Я не могу!

Г р а ф (*поднимаясь на ложе,
со страшным напряжением всех сил*)

Отрекись!

К а п и т а н (*успокоительно
графу*)

Граф!

(*Указывая на Болеслава.*)

Взять его!

Б о л е с л а в

Благородный рыцарь!

К а п и т а н

Прочь!

Болеслава уводят.

Г р а ф

Он ушел, не скажет: нет!
Так скорей крушитесь, стены,
Мрачной гибели — привет!
Руштесь, крепкие колонны,
Что держали шар земной, —
Отца зарезал сын родной!

(*Падает навзничь.*)

Б е р т а (*падая в обморок*)

Смерть, врата свои открой!

Пауза. Все стоят, онемев от ужаса.

Г р а ф

Часто, часто плакал я,
Что лишился сына я.
Был бы рыцарь, феодал,
Кто бы род наш продолжал;
Вот судьбы коварной месть!
Сын, наследник, правда, есть,
Жизнь дана ему судьбой,
Чтоб покончить счет со мной!
Все напрасны были пени,
Жалость душу не спасет.
Предки! Здесь я — не последний!
Сын мой жив! — На эшафот!
Что у ног моих кровавым
Светом светит на полу?

Г ю н т е р (*поднимая и держа
в руках кинжал*)

Это тот кинжал, которым
Рана вам нанесена!

Г р а ф

Это? Это — тот кинжал?
Ты — кровавое железо,
Ты — то самое, которым
В лютой ярости слепой
Кровь супруги пролил предок,
На тебя смотрю — и стало
Взору смертному светло!
Вы теперь дивитесь мне?
Сын мой в этом неповинен!
Силы тайные и злые
Шаткой правили рукой.

(*Хватается за Гюнтера.*)

Повтори, старик, сказанье
О Праматери несчастной,
О позоре родовом,
О семье, в грехе зачатой,
Погибающей в грехе!
Ясно ль вам, как знак кровавый
Из седого мира предков
Ярким пламенем бежит?
От отца, смотрите, к сыну,
И от прадеда — к потомку,
Возрастая и крутясь,
Он стремится, клубясь потоком,
Опрокинул все плотины,
Чрез поля, леса и доли,
И легко смывает след
Человеческого счастья,
Мчится дикая река,
Размывая берега!
А! вздыбясь, кипит вода,
Пошатнулись стены зданий,
Свод старинный потрясен,
Мнится мне, я вознесен!
Ты, остерегающая,
Мать злая злых детей,
Ты ль грозить пришла ко мне?
Торжествуй и радуйся!
Скоро, скоро сгинет род твой,
Осужден и проклят сын,
Мертв последний Боротин.

(Умирая, опрокидывается навзничь.)

Г ю н т е р

Боже! Порвалась повязка!
Горе, мертв!

*(Склоняется над ним, положив руку ему на грудь, —
после некоторого молчания.)*

Его уж нет!
Бледны хладные ланиты,
Не вздыхает больше грудь.

Да, в мученьях жизнь провел он,
И в мучениях ушел.
— Мир тебе, душа святая!
Ах, и добродетели,
Словно ангельские силы,
Вознесут с земли унылой
Дух твой в лоно светлое!
Спи до утренней зари,
Господин! Что жизнь скупая
Отняла у счастья злобно,
Пусть хоть смерть тебе вернет!

Он молитвенно преклоняет колена. Капитан и все присутствующие обнажают головы. Торжественная тишина.

К а п и т а н

Долг заплачен благочестью!
А теперь, друзья, вперед,
Мечь за черные деянья
На главу убийц падет!

Г ю н т е р

Что хотите вы?

К а п и т а н

За мной!

(Уходит со своими людьми.)

Г ю н т е р

Милосердный боже! Стойте!
Это сын его! Внимайте!
Сын единый господина!
О, графиня Берта! Сжальтесь!
(Уходит вслед за Капитаном.)

Б е р т а *(поднимаясь)*

Кто-то звал: графиня Берта,
Это я зовусь так: Берта...
Нет, одна, совсем одна!

(Встав с полу.)

Тише! Здесь лежит отец мой,
Так спокоен, недвижим,
Тише. Тише. Тише. Тише.
Ах, как тяжело голове,
Взор мой смутен, взор так смутен...
Знаю я, что здесь случилось,
Сколько дел совершено,
Размышляя, вспоминаю,
Ах, но светлый, светлый знак,
Что в мозгу моем горит,
Спутал образы бывшие.
Стой! сказали ведь они,
Будто мой отец разбойник?
Не отец! Нет, не отец!
Яромир — злодея имя!
Сердце девушки одной
Из груди ее украл он,
Вместо любящего сердца,
Положил он скорпиона
В холодеющую грудь,
И теперь грызет он гневно,
Мучит девушку до смерти...
Сын убил отца родного...

(Радостно.)

А, мой брат пришел сюда,
Мертвый брат мой возвратился!
Брат... постой! Иду туда!
В ваши черные гробницы!

(Судорожно прижимая руку к груди.)

Лютый, сердце мне точи,
Мучь, но только — замолчи!

(Беря со стола свечу.)

Ах, хочу я лишь уснуть,
Лишь уснуть, уснуть, уснуть,
Грезы сонные так сладки,
Тяжки сны лишь наяву!

(Бросая на стол блуждающие взоры.)

Что блеснуло на столе?
Знаю блеск той склянки милой!
Мне дарил ее жених,
Как подарок для невесты!
И, даря, шепнул он мне,
Будто в этой колыбели
Залегла и дремлет дрема!
О, дремотной дремы сладость!
Ах, уста мои пылают,
Дай мне пить, прильнув у края,
Только — тихо — тихо — тихо.

Она идет на цыпочках, шатаясь все больше с каждым шагом,
к столу. Не дойдя до него, она падает на пол.

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Замковый вал. Всюду полуразрушенные укрепления. Слева, в одной из стен первого плана, — окно бойницы, на заднем плане — часть жилого помещения с замковой капеллой. Яромир идет во тьме.

Я р о м и р

Вот и место и окно!
Здесь в окопах полускрытых
Буду ждать, во тьме укрытый,
Чтобы счастья пробил час.

(Ходит взад и вперед.)

Прочь, мучительные мысли!
Черной тучей вы нависли
Над расслабленной душой!
Твердый дух, не знавший страха,
Вы смутили горстью праха,
Праздных призраков игрой!
А! Когда он был убит,
Тот, кто сам убить стремился,
Разве дух мой устранился?
Кто страшиться мне велит?
Если в равной, честной стычке
Мой кинжал врага сразит —

Жизнь за жизнь, гласит обычай,
Право строгое гласит!
Чья душа трепещет в страхе,
Если враг лежит во прахе?
Прочь сомненья! Что со мной?
Был суровой я душой!
Если прав я в деле был,
Что за страх меня смутил?
Что мне сердце жарко жжет,
Кровь зачем хладна как лед?
И зачем в проклятый миг,
В миг свершенья, тайно мнилось,
Будто дьявол сам настиг,
Сила неба отвратилась?
Я бежал в проход глухой,
Слышу — враг идет за мной,
Слышу — дышит надо мной,
Вот сейчас возьмет рукой, —
И нежданно в этот миг
Слышу тайный сердца крик:
«Прочь кинжал! Проси прощенья!
Сладко смерти искупленье!»
Но, как пламенный язык,
Гнев разбойника возник,
Душу яростью проник!
Взору чудится жужжанье,
Духи, как луны сиянье,
Мчатся в пляске круговой,
И кинжал уж сжат рукой,
Красен пламень роковой!
Слышу крик: «Спасай себя ты!»
И взношу кинжал проклятый,
А, попал! Мгновенный взмах —
За спиною слышу: «ах!»
Голос слабый и знакомый,
Смертной скованный истомой.
Слышу этот вскрик дрожащий,
И безмерный обнял страх,
Ужас, душу леденящий,
Я безумьем поражен!
Трепет! Дрожь! Хочу бежать!

Словно Каина печать
На челе моем пылает!
Все старанья, все стремленья
Заглушить не в силах крик,
Все звенит в моих ушах
Страшный отзвук, тайный страх,
И несется, полный яда,
Смех чудовищный из ада —
И противиться нет сил:
Не врага ты истребил! —
Кто идет из-за развалин,
Кто спешит ко мне сюда?
О, безумный, путь возвратный
Не найдешь ты никогда!
Если тигр хоть раз единый
Утолил свой дикий гнев,
Ярость стала господином,
Алчет крови жадный зев.

Отступает назад. Входит Болеслав.

Б о л е с л а в

Слава богу! Счастье с нами!
Убежал от стражи я,
Но еще я сжат стенами,
И слабеет мощь моя.
Сына нашего ищу я,
Пусть со мною Яромир
Припадет к ногам отцовским,
О, тогда пощада будет,
Или — пусть покончит с сыном
И с отцом — один удар!

Я р о м и р (выходя)

Слышу я отцовский голос!

Б о л е с л а в

Яромир? Ты здесь?

Я р о м и р

Я здесь.

Б о л е с л а в

Будь благословен.

Я р о м и р

Спасибо!

Не давай благословенья,
Ведь разбойник — проклят он.
Ты, отец, откуда прибыл?
Тайный ход иль верный лом
Вел тебя в объятья сына?

Б о л е с л а в

Я бежал из рук врага!
Окружон врагом у пруда,
Был я к графу приведен,
Но болезнь его смутила
Слуг его, и я бежал!

Я р о м и р

Ты бежал! Хвалю тебя!
Сам я также спасся бегством!
Не цветет с тобой нам счастье
Средь людей, душой невинных,
Только в сумраке лесном
Мы — разбойники — живем.
И друг друга <мы> достойны,
Духом равен сын отцу!

Б о л е с л а в

Сын? Он все еще не знает!
Ты зовешь меня отцом.

Я р о м и р

Разве нет? Ну, переменим.
Ты отца возьми назад,
И назад возьму я сына!

Б о л е с л а в

Для чего теперь молчать?
Час решенья наступает,

Пусть завеса упадет!
Друг, пора тебе узнать,
С кем ты в жизни крепко связан,
Кто сей дар тебе вручил.
Но храни мне благодарность:
Жизнью ты не мне обязан,
Но сберсг я жизнь твою.

Я р о м и р

Не тебе? Что говоришь ты?

Б о л е с л а в

Да, мой сын — не сын он мой!

Я р о м и р

Я — не сын твой? Не отец ты
Мне, разбойник Болеслав?
Я — не сын твой, нет, старик?
Дай подумать, дай поверить,
О, как сладко верить мне!
Значит, был же, был когда-то
С теми я, кого искал,
Значит, в первый час рожденья
Бог меня не проклинал?
В святотатственную книгу
Богом я не занесен?
Мог любить я, мог стремиться,
Жизнь моя — не страшный сон?

(Сильно схватывает Болеслава.)

О, чудовище порока!
От меня ты укрывался,
Видел ты, как я терзался,
Слышал тайной муки крик —
И немел твой злой язык!
Ты кощунственно проник
В грудь невинного ребенка,
В незапятнанный мой храм,
Лик отца украл ты там,
И поставил свой — пред богом,
Над божественным порогом!

О, чудовище обмана!
В час, когда, склонив колени,
Я молился — и горел
В сердце пламенном мне образ
Неизвестный и святой,
И отцом его назвал я,
И его благословлял я, —
Ты во храм мой проникал,
Уст моих благословенье
Ты, убийца, принимал!
Повтори еще, скажи,
Что отца родное имя
Ты украл, как вор трусливый,
Что не твой я сын, злодей.

Б о л е с л а в
Сын мой!

Я р о м и р
Нет, молчи, молчи!
Повторяй слова убийства,
Не священные слова!
Я не сын твой! Я не сын твой!
За такую весть — спасибо!
Ненавидел я тебя,
Чуть добро и зло узнал я,
Чуть узнал я имя бога;
Оттого смертельным взором,
Как убийственным кинжалом,
Грудь ребенка ты пронзал;
Оттого, рукой кровавой
Щеки полные лаская,
Бледный страх ты насылал,
Нежно ты ко мне склонялся,
Над убитыми смеялся,
Смехом рот кривился злой:
«Будь мужчиной, будь со мной!»
Я ж, глупец, глупец слепой,
В глубине души не слышал
Потаенных голосов,
С кротким сердцем я боролся,
Изнемог в борьбе бесплодной,

Изливал любовь свою
На кровавые седины
Палача души невинной!
Негодяй, верни назад,
Что рожденье мне сулило,
Сердца радостный покой,
Счастье жизни, сердцу милой,
Дух невинности молодой!

Б о л е с л а в

Боже! Выслушай меня!

Я р о м и р

Кто ты, где отец мой милый?
Отведи меня к нему!
Пусть он будет земледелом,
Утучнившим землю предков
Потом хмурого чела, —
Этой жизни многотрудной
Дай отдаться вместе с ним,
Бороздить пласты земли
Неподатливой и скудной,
И слезами орошать
В землю брошенные зерна,
И с надеждой робкой ждать
Зеленей на пашне черной.
Пусть он будет бедняком,
Будем с ним в нужде влачиться,
В жалкой хижине ютиться,
В нищете и страхе жить,
Хлеб и рублище делить!
Под лучом звезды осенней
Будет ложем мне земля,
Стану я душой блаженней
И богаче короля,
Очи сном угомоня.
Отведи к нему меня!

Б о л е с л а в

Хорошо, иди за мной!
Он — не бедный земледелец,

И не знает нищеты,
Нет, он сильный властелин,
Здесь, в стране, его все знают,
Всем князьям родным считают,
Перед ним трепещет мир,
Он — отец твой, Яромир.
Так воспрянь же духом, сын,
Не обижен ты судьбою,
Здесь ты — полный господин,
Стань уверенной стопою,
Гордый граф фон Боротин!

Я р о м и р *(испуганно
вздрагивая)*

А!..

Б о л е с л а в

Твой первый детский лепет
Раздавался в залах замка,
Здесь узрел ты свет дневной,
Здесь, хозяина целуя,
Сам не ведая, не чуя,
Жался ты к груди родной...

Я р о м и р *(вскрикивая)*

Нет!

Б о л е с л а в

Поверь, сказал я правду!
Мы пойдем с тобой к нему.
Голос строгого закона
Для разбойника ужасен,
Для родного сына он
Будет, может быть, смягчен.
Поспешим, пока не поздно,
Тяжко раненный лежит он,
С ложа встанет ли, не знаю,
Нынче ночью он упорно
В переходах мрачных замка
По следам гнался за нами,
И кинжалом поражен.

Я р о м и р

Страшный чорт! Злорадный чорт!
Ты разишь единым словом!
Нет оружия при мне,
Но взамен его природа
Ярость лютую гиены,
Зубы, когти мне дала,
Чтоб терзать тебя больнее,
Чтоб послать ехидну в ад!
Эти руки посильнее,
Чем слова твои и взгляд!

(Наступает на него.)

Б о л е с л а в

Он сошел с ума! На помощь!

(Убегает.)

Я р о м и р

Это правда? Это правда,
Что сказал мне негодяй?
То, о чем лишь помысл бледный,
Лишь предчувствие одно
Возбуждает дрожь и трепет,
Останавливает кровь?
Неужели правда? — Да!
Да! Сомнений больше нет!
Да — взывает бедный разум,
Да — взывает мрак души,
Образ страшный и зловещий,
Пронось перед глазами,
Головой окровавленной
Мне кивает: да, да, да!
Стон печальный, похоронный,
Прозвучавший в страшный час
Из груди его сраженной,
Слух наполнил навсегда...
Замер он, шепнув мне: «да!»

Он отец мой, он отец!
Сын ему я, сын ему!

Кто сказал такое слово?
Это слово и убийца
В тайниках души дрожащей
От себя скрывает в страхе.
Кто сказал? Отцеубийца!
Сын — убийца! Сын — убийца!

(Закрывает лицо руками.)

Все, что мир святого знает,
Что прекрасным называет,
Недоступным и святым,
Не сравнится с ним одним.
С милых уст бальзам струится,
Тот, на ком его рука,
Лютой бури не боится,
Видя свет от маяка;
Но безбожник иступленный,
Кто заносит на отца
Свой кинжал рукой презренной, —
Проклят, проклят — до конца!
Слышу, слышу в иступленьи
Голос вечного Суда:
Всем преступникам прощенье,
Мне — убийце — никогда!

Разрывай свои оковы,
Яд порока, проступай,
Ад, ворота отвори,
Отмыкаются засовы,
Выходите, своры ада:
Ложь в веревках и сетях
С языком своим лукавым,
Зависть с пропастью в очах,
Смерть с ножом своим кровавым,
Лживой клятвы тонкий яд!
Дикий пес богохуленья
Злобно скалит волчьи зубы
На того, кто ласков с ним!
Выходите все на свет,
Вам преграды больше нет!

За блужданье, за скитанье
Не грозит вам наказанье,
Не сравнимы все деянья
С тем, что сделал я один!
Я ли сделал? Я ли это?
Я ль виновен пред судьбою?
Пусть кинжала лезвее
Внесено моей рукою —
Преступление — не мое!
Знаю, это сделал я!
Но меж раной и ударом,
Меж убийством и кинжалом,
Между действием и мыслью —
Пропасть страшная лежит,
Не могли ее заполнить
Никакие мысли мудрых,
Ни порывы мощной воли,
Ни науки человека,
Ни живая сила духа,
Ни кичливые открытия.
Что живут не дольше дня;
В недрах пропасти играют
Силы мрачные с судьбой,
Кости черные бросают
За грядущий род людской.
Да, моя была здесь воля,
Но судьбе дано свершить,
Как ни плачу я от боли,
Мне судьбы не отклонить.
Кто сказать открыто смеет:
Так хочу, да будет так!
Все поступки — лишь метанья
В ночь случайности, во мрак,
Сохранит, иль уничтожит —
Кто узнает в вечном сне?
Я могу метанья множить,
Но решать — дано не мне!
Сила мрака, ты не смеешь
Крикнуть мне: «Убийца — ты!»
Я удар ударом встретил,
Но отца убила — ты!

Кто стоит передо мной?
Что мне шепчет мрак ночной?
Дай понять мне знак туманный!
Да, ты шепчешь: лечат раны,
Исцелить велишь больного...
Благодарствуй, вестник добрый,
Бог тебя благослови!
Упоительной надеждой
На его выздоровленье
Ты вернул меня любви.
Да, он должен исцелиться,
Пусть утихнет боль от ран,
Их не сын отцу наносит —
Злого ада злой обман,
Я хочу к ногам приникнуть,
Эти раны целовать,
Лютый пламень жгучей боли
Слез потоком освежать.
Нет, над этой мрачной далью
Темной силе власти нет,
Но над солнцем и звездами —
Все хранящий отчий свет.
Силы мрачные не властны
Над деянием ужасным,
И не случай здесь царит;
Это бог рукою властной
К неизвестной, но прекрасной,
Светлой цели нас стремится.
Он и мною руководит,
Лишь руки я знать не мог;
Тот, кто в скорбь меня приводит,
Мне в блаженстве недалек.

Между тем окна замковой капеллы осветились и оттуда начинают звучать нежные, но строгие звуки.

Что я слышу? — О, спасибо!
О, шепчитесь, звуки рая,
Сладко пойте, пойте мне,
Словно лебеди ныряя
В моря пенистой волне.
Вашей сладости небесной

Лейте в сердце мне струю,
Вашей песнею прелестной
Усыпляют скорбь мою.
Знаю, в сладостном напеве
Мир душа моя найдет;
Тот, кто звал в громовом гневе,
Вашим голосом зовет.
Есть надежда на прощенье?
Вы не скажете мне: нет,
И врата уже открыты,
Мира вестникам привет!

Звуки становятся все строже, и наконец им начинают сопутствовать следующие слова.

Х о р и з н у т р и
Встаньте, братья!
Поднимайте
Гроб на траурный порог,
В тьме гробницы
Мирно спитя
Тем, чья жизнь полна тревог.

Я р о м и р
Как меняетесь вы быстро,
Голоса духов незримых!
Полны сладости единой
Пели вы, как рой пчелиный,
Так за что ж теперь, казня,
Тайно жалите меня?
То не звуки жизни мирной,
Так звучит напев могильный!
Церковь свет бросает в ночь —
Тише, сердце! Не пророчь!
Только б видеть, видеть, видеть!
Пусть мне гибель суждена!

Он взбирается по грудам развалившихся камней к окну капеллы.

Х о р (*продолжает*)
Если мира
В этом мире

Сын лишил тебя родной,
Там в награду,
Вместо сына,
Твой Отец навек с тобой.
И слепого
Он обрящет,
Как Он Каина нашел,
Преступленью
Есть отмщенье,
Справедливый суд тяжел.

Я р о м и р (*бледный, шатаюсь,
возвращается назад*)

Что там было? Что я видел?
Это правда, правда, правда?
Или очи отражают
Только сны души туманной,
Вместо мира светлого?
В месте мрачном и глухом
Был обширный божий дом.
Смертно бледные ланиты
Флером траурным повиты;
В алтаре — господень лик
Отвернулся и поник,
Будто знают эти очи
Тайный ужас долгой ночи.
И, возмездием горя,
Мрачный хор из алтаря
Властно требует отмщенья
За ночные преступленья.
На помост пустой взнесен,
Слуг толпою окружен,
Бледным светом свеч облитый,
Раной красной и открытой
Бледный там грозит мертвец,
Мертвый мой лежит отец.

Тем временем свечи гаснут в церкви.

Как? Отец? Сказать нет силы!
Тот лежит, кого убил я:

Что бы ад мне ни вопил —
Не отцом моим он был!
Я ведь только человек,
Пусть дела чернее ночи,
Все же — то дела людские,
А над жизнью отца —
Дьявол сам бы содрогнулся...
Я о голосе природы
Прежде слышал и читал;
Если вправду был отцом он,
Отчего же он молчал?
Должен был он громко крикнуть
В миг, когда кинжал взнесен:
«Стой! Кого разишь? Опомнись!
Ты к убийцам сопричтен!»
Если б та, кого люблю я,
Та, к кому стремлюсь с тоскою,
Если б мне была сестрою,
То откуда — жар страстей,
Что влечет так жадно к ней?
Бред безумный и больной!
Так ли любит брат родной?
Нет! Пусть факел Гименея
Озаряет, пламенея,
Нашу страстную любовь —
Здесь сольется наша кровь!
Вижу свет, туман редеет,
Всколыхнулась мгла, плывет;
Смелым сердцем бог владеет,
Пусть решенья час пробьет!
Разве слово иль хотенье
Грех помогут искупить?
Нет с дороги возвращенья,
Раз вступив, не отступить.
Не на счастье я родился,
Цвет не цвел невинный мне:
Тот, кто с чортом породнился,
Предан будь ему вполне.
Обладать мне ею надо,
Пусть грозит ей пламень ада,
Пусть небесная гроза

Мечет молнии в глаза!
Ад крошечный, дай любое
Имя ей! — в честном бою
Назову ее женою,
Вырву милую мою!
Наступает час решений,
Дела требует, зовет
Час зловещий привидений!
Вот — окно! Вперед! Вперед!

(Взбираясь наверх.)

Страшно, милая? Не бойся,
Ждать недолго, успокойся,
Сладко грезить, сладко спать,
Сладко друга обнимать.

(Влезает в окно.)

Входит капитан с солдатами, которые ведут Болеслава.

Капитан

Приучил ты нас не спать,
Не пытайся убежать!
Стой, не двинешься ты с места!
Где товарищ твой, скажи?
Здесь ты с ним расстался?

Болеслав

Здесь.

Капитан

Я не вижу никого.

Солдат

Капитан, вот здесь в окне
Видел я, мелькнуло что-то,
Мне казалось, человек
В это узкое отверстие
Торопливо проскользнул...
Это он, клянусь! Наверно
В подземельях тайных замка
Хочет скрыться он от нас!

К а п и т а н

Нас он больше не обманет,
Где бы ни был он — всегда
Мщенья меч его достанет.
Так за мной, друзья! Туда!

(Уходит с солдатами.)

Могильный склеп. На заднем плане — высокий памятник Праматери с подобающими эмблемами. Справа, на первом плане, помост, покрытый черной тканью.

Я р о м и р *(входит)*

Так! Я здесь! — Душа, мужайся! —
Веет ужасом от стен,
Тихо сказанное слово
Возвращается в мой слух,
Словно кто-то незнакомый
Произнес его... Куда бы
Ни пошел я, предо мной
Лента по полу влечется,
Черно-красная, как кровь.
Возмущается природа,
Трепет ужаса в груди,
Но за ней — иди, иди...

(Его руки встречаются.)

А! Кто холодом обжег?
Чья рука? — Моя, моя!
Как недвижна, холодна,
Прежде кровию полна,
А теперь — рука убийцы,
Холодна рука убийцы!

(Задумывается.)

Пустяки! Нас ждет покой.
Пробил свадьбы час ночной.
Жду невесты дорогой!
Берта!

Праматерь выходит из глубины.

П р а м а т е р ь
Кто зовет меня?

Я р о м и р
Это ты! — Теперь — все благо,
Возвращается отвага!
Дева, дай тебя обнять,
Бледность с щек твоих согнать!
Отступаешь ты назад?
Устремляешь мрачный взгляд?
Разве свадьбы час печален?
Веселей, любовь моя!
Видишь, счастлив я и весел,
Будь и ты такой, как я!
Знаю я, подруга, басни,
В целом мире нет смелней!
Это — злая ложь, я знаю,
Но смешная, странная!
Эти басни — смейся, Берта! —
Говорят, что ты — сестра!
Ты — сестра моя! Невеста!
Смейся, смейся, без конца.

П р а м а т е р ь *(глухим голосом)*
Нет, тебе я не сестра.

Я р о м и р
Говоришь ты жалобно.
Смейся, смейся, ты — сестра!
А отец... Бежим! Готов я!
Ты готова?

П р а м а т е р ь
Где отец твой?

Я р о м и р
О, молчи!

П р а м а т е р ь *(возвышая голос)*
Где отец твой?

Я р о м и р

Не буди ты в сердце гнева.
Кроток я с тобою, дева,
Но когда и мрак и ад
Из глубин души звучат
В возрастающем напеве,
Ярый лев в пустынном гневе —
Пес в сравнении со мной...
Кровь поет в глубоких недрах,
И тому, кто близок сердцу,
Так же близок мой кинжал!
Замолчи!

П р а м а т е р ь (*сильным голосом*)

Где отец твой?

Я р о м и р

Кто велит держать ответ?
Где отец? Да знаю ль я?
Ты твердишь о бледном старце
В сединах святых кудрей!
Я настиг его, ты знаешь,
И теперь — он спит, он спит!

(*Прижимая руки к груди.*)

Часто, часто хочет встать,
Но опять, опять ложится,
И смыкаются зеницы,
Засыпает он, ропща...
Ты смеешься надо мной?
Прочь! Бежим с тобой отсюда!
Головой качаешь бледной?
Клятвы жаркие забыла,
Так любовь мою ты ценишь?
Смелый подвиг ценишь мой?
Все, что было драгоценно,
Весь покой души бесценной,
Мир и небо продал я,
Чтобы крикнуть: «Ты моя!»
Если б знала ты страданья,

~~Мнѣ кровавыми устами~~
 Говоритъ: „Злодѣй! Убійца!“
 Отъ меня ты не уйдешь!

ПРАМАТЕРЬ. Воротись!

ЯРОМІРЪ. ~~Нѣтъ, не могу!~~ *Нѣтъ, никакъ!*

(слышно, какъ выламываютъ дверь).

ПРАМАТЕРЬ. Чу, идутъ!

ЯРОМІРЪ. *Пустятъ*
~~О, пусть~~ идутъ!

Только—жить съ тобою, Берта,
 Иль съ тобою умереть!

ПРАМАТЕРЬ. Прочь, ~~бѣги!~~ *бѣги!* Еще не поздно!

(~~Выламываютъ~~ *а, выламываютъ* вторую дверь).

ЯРОМІРЪ. ~~Берта! Мертв! Бѣги со мной!~~
 Такъ бѣжимъ! За мною, Берта!

ПРАМАТЕРЬ. Мнѣ не быть твоею Бертой!

Я—покойная Праматерь,
 Сынъ грѣха! Я—мать твоя!

ЯРОМІРЪ. То—ланиты Берты милой,
 То—любимой Берты груди!
 О, приди! Проснулись силы,
 Страсть и радость—съ нами

будь!

ПРАМАТЕРЬ. ~~Даръ мой свадебный прими!~~
Завѣсь, возьми, куда шитъ бѣгунъ!

(она срываетъ ткань съ закрытаго помоста. Мертвая Берта
 лежитъ въ гробу).

ЯРОМІРЪ (отпрянувъ).

Горе! Призракъ ~~тѣмь~~ *лишь обманчивой* кромъвиной!

Все напрасно! ~~Твой, я твой!~~

И я твоя!

Если б ведала терзанья,
Муки ада, бремя зла,
Сердце, кровью залитое,
Приняла душой святою, —
Ты б нежней со мной была,
Ты б меня не предала!

П р а м а т е р ь

Воротись!

Я р о м и р

Вернуться? Мне?

Нет! Ни шагу без тебя!
Я уйду — и ты — за мной!
Сам отец твой пусть придет,
Пусть в объятия возьмет,
Пусть открытых ран устами
Заклеймит меня словами:
«Проклят будь, убийца!» — Ложь!
От меня ты не уйдешь!

П р а м а т е р ь

Воротись!

Я р о м и р

Нет, никогда!

Слышно, как выламывают дверь.

П р а м а т е р ь

Чу! идут!

Я р о м и р

Пускай идут!

Только — жить с тобою, Берта,
Иль с тобою умереть!

П р а м а т е р ь

Прочь! Беги! Еще не поздно!

Вторая дверь выломана.

Я р о м и р

Берта! Прочь! Бежим со мной!

П р а м а т е р ь

Мне не быть твоею Бертой!
Я — покойная Праматерь,
Сын греха! Я — мать твоя!

Я р о м и р

То — ланиты Берты милой,
То — любимой Берты грудь!
О, приди! Проснулись силы,
Страсть и радость — с нами будь!

П р а м а т е р ь

Здесь, взгляни, наряд мой брачный!

Она срывает ткань с закрытого помоста. Мертвая Берта лежит
в гробу.

Я р о м и р (*отпрянув*)

Горе! Призрак! Лик обманный!
Все напрасно! Я с тобой!
Берта! Лик сияет твой!
Ты одна душе желанна!

(*Спешит к ней.*)

П р а м а т е р ь

Так приди, погибший!

Открывает руки, он падает в ее объятия.

Я р о м и р

А!

Он отпрядывает, делает несколько шагов, влача дрожащие колени, и потом падает на гроб Берты. Дверь срывается с петель.
Брываются Гюнтер, Болеслав, Кашиган и солдаты.

К а п и т а н

Сдайся! Ты умрешь, убийца!

Праматерь простирает к ним руку. Все останавливаются у двери
в оцепенении.

П р а м а т е р ь (наклоняясь над
Яромиром)

Выйди с миром, дух мятежный.

Она склоняется над Яромиром и целует его в лоб, потом поднимает гробовой покров и скорбно покрывает оба тела. Потом произносит с поднятыми руками.

Совершилось! В час ночной
Вам хвала, благие силы!
Вскройся, ящик гробовой!
То Праматерь в сон могилы
Возвращается домой.

Она возвращается торжественной стопою в гробницу. Когда она исчезает, вошедшие бросаются на первый план.

К а п и т а н

Не уйдешь теперь!..

Г ю н т е р (идет поспешно
к гробу, поднимает покров и говорит со слезами)

Мертвец!

Занавес падает.

М О Н О Л О Г Б Е Р Т Ы *

Зал как в предыдущих действиях. Свечи на столе. Берта входит.

Б е р т а

Боже, помощи прошу!
Видишь, руки я сложила
И уста твердят молитву;
Ах! Твердить слова святые —
Это значит ли молиться!
Нет, не с праздными словами,
Но с боязнью робкой реешь
Ты, душа, вокруг любимых,
А без помыслов молитва
Смерть, не помощь принесет!
С чистым помыслом, бывало,
Лику Богочеловека
Я молитвы возносила,
Он — мой Брат и мой господь,
Я испрашивала помощь
Через братскую любовь.

* Этот монолог в первой *четырёхактной* обработке трагедии должен был открывать *третье* действие, но потом был заменен монологом Берты в конце второго действия.

Ах, какой надеждой робкой
Грудь исполнена была!
Сердце прядало, волнуясь,
Злое горе отходило,
Так весна освобождает
От шершавой оболочки
Нежной дланью — первый лист;
Зеленеет он надеждой,
Покидая зимний сон,
Вешним духом опьянен;
Далека казалась помощь,
Я же верила — придет!
Если даже невозможно,
Невозможное вздохнет!
Как теперь все изменилось!
Или бог уже не тот?
Или он не внемлет зову? —
Ах, все тот же, тот же бог,
Сил довольно у него,
И ничто не изменилось,
Кроме сердца моего.
Страху темному здесь место,
Мрак и тучи впереди;
Золотая вера детства
Отлетела из груди.
Всем сомненьям грудь открыта,
Я колеблюсь, как во сне;
И страстей крыло разбито,
И надежды нет во мне.
Факел веры дотлевет,
Слышу страха голоса!
Кто чудес не пожелает,
Тем закрыты чудеса!

Садится в кресло, роня голову на руки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. «БАЛАГАНЧИК»

〈Первоначальный набросок〉

Мы можем узнать [этих] людей, сидящих в комнате с неосвещенными углами, под электрической лампой, вокруг стола. Их лица — все значительны, ни одно из них не носит на себе печати простодушия. Они разговаривают одушевленно и нервно, с каждой минутой как будто приближаясь к чему-то далекому, предчувствуя тихий лет того, чего еще никто не может выразить словами. Это люди, которых Метерлинк любит посадить вместе в зале и подсматривать, как они станут пугаться; а Верхарн сажает их, например, в одиночку у закрытой ставни слушать шаги на улице, размышлять о них, углублять их, делать судорогой своей жизни, заполнять их стуком и шлепаньем все свое прошлое, до тех пор, пока все выходы не закроются и не воцарится в душе черная тяжелая истерия. Словом, — эти люди — «маньяки», люди с «нарушенным равновесием»; собрались ли они вместе, или каждый из них сидит в своем углу, — они думают одну думу о приближении и о том, кто приближается. Вот краткая сказка о том, чем может кончиться собрание таких людей, постаравшихся спрятать себя как можно глубже и оттуда понимать такого же другого; вот как они предполагают чье-то приближение, строят планы, смакуют свой страх:

Первый. Она белолика и в длинной, белой, как снег, пелене — придет Она.

Второй. Глаза Ее зияют равнодушной пустотой. Она уже близко.

Третий. Она идет. Длинная коса лежит за ее плечами. Она прекрасна.

Одна из девушек встала в углу комнаты и, пройдя неслышным шагом, выросла в свете у стола. Она в белом. Глаза ее на бледном лице смотрят равнодушно. Коса золотых волос сбежала по плечам.

Трое говоривших. Вот Она! Вот Она! Смотрите!

Голоса за гипнотизированных (дураков и дуры). Это Смерть! Смотрите, как бледно ее лицо и как белы одежды! Какой пустотой зияют ее глаза! У нее коса за плечами! Это — Сама Смерть! Бежим!

Суетня. Сумасшедшие глаза в дверях.

Девушка (*говорит тихо, звенящим голосом*). Вы ошибаетесь.

Те же голоса. Слышите звон. Это звенит коса Смерти.

Некто (*встает из-за стола и говорит, пронизав взглядом собрание, голосом спокойным, твердым и звонким, как труба*). Успокойтесь. Это — не Смерть. Здравствуй, Маша. Господа, это моя Невеста.

Общий упадок настроения. Дураки и дуры безжизненно повисли на стульях. Рукава сюртуков вытянулись и закрыли кисти рук, точно их и не было. Головы ушли в воротники сюртуков.

Кажется, на стульях висят просто пустые сюртуки.

К говорившему только что подходит скромно одетый, с незаметным лицом, по-видимому — хозяин собрания. Вежливо склонившись, он предлагает:

⟨Хозяин⟩. Позвольте, я проведу Вас. Вашей Невесте нужен чистый воздух. Вам самому нужно оправиться [отдохнуть] от волнения.

Некто. О, нет, я совершенно спокоен.

Хозяин (*наставительно*). Я не допускаю этой мысли. Посмотрите, я сам вне себя. Этот несчастный случай повлиял и на Ваши чувства. Глаза Ваши горят, верно у Вас лихорадка.

И провожу Вас на улицу, я боюсь за Ваши нервы и провожу Вас до квартиры.

Ведет жениха и невесту за руки, несмотря на пререкания их. Дураки и дуры продолжают висеть на стульях. Мертвая тишина.

А К Т II

Улица. Некто и хозяин сажают на извозчика куклу. Усаживают на сани с трудом. Кукла качается. Наконец сани тронулись. Кукла покачнулась и шлепнулась на мостовую. Лежит она распростертая. Некто, хватая себя за голову:

2. «КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ»

〈Набросок второй редакции〉

НАЧАЛО II АКТА

Высокая фигура в черном прислонилась к белому камню дворца.

Вот уже и день забелел.

Тяжко, тяжело, когда просыпается день.

Я говорю вам опять, что мы действуем только во имя человеческого.

Да, все мы хотим быть людьми.

Ни крова, ни семьи. Негде приклонить голову.

Да, это все, что остается тем, кто хочет быть человеком.

Страшное время.

Смешно говорить — страшное время. Что может испугать того, кому ничего не жаль.

Г о л о с и з г л у б и н ы. Утро может испугать. Утро — тоска смертная.

Г о л о с е щ е г л у б ж е. Жечь, жечь, жечь.

Вот он — сидит и дремлет. И держит мир своею красотой. — Неужели миром могут править эти дряхлые руки? Нет, им правит древняя зелень его седых кудрей.

Страшно.

Умирай, если страшно.

Г о л о с г л у б ж е. Жги, если страшно.

Глухая пустота. Мы, как зловещие птицы ночи — засыпаем, слабея, к утру.

Неужели нет людей, которые пойдут за нами.

Все пойдут за нами. Настанет день — и все пойдут за нами.

Но у всех у них семьи, дома. Они дрожат над каждой монетой.

Семьи их растленны уже. Дома их шатаются.

И все-таки сердца их — тупы и слепы. Не видят, не слышат.

Тот, кто идет за нами, должен обладать горячим сердцем.

Все равно. Все сгорит — и твердое и мягкое, и сухое, сырое.

От сырого еще больше дыму.

И этот старик сгорит?

Нет, он не сгорит. Чему в нем гореть? Все окостенело.

Мантия сгорит. Волосы сгорят.

Но сам он останется цел?

Развеем по ветру. Бросим в море.

Страшно. Страшно.

Жечь. Жечь. Жечь. Умирать.

День все разгорается. Все страшной пустота.

Это будет последний пустой день. Неужели ты не веришь тому, что все распатано.

Я верю этому — последнее, чему я верю.

Да, всех нас соединила только одна эта вера.

Все они по первому знаку бросятся жечь и рушить, как стая голодных псов. Они стосковались по уюту своих промозглых очагов, своих утраченных семей.

Скажи мне, товарищ, на рассвете этого последнего дня: ведь и ты когда-то верил в добродетель.

Вот тебе моя рука. Сжимаю твою в последнем [предсмертном] пожатии. И я хотел благополучия. И я любил уюты, где пахнет духами и красивая женщина ставит на стол хлеб и цветы.

Любил ли ты детей?

Оставим это. Я любил детей. Но мне больше не жаль и детей.

Да, посмотри на детей. Они — выродки, бледные, худые.

Теперь у всех детей печальные глаза.

Не долго выживут дети с такими глазами.

Скажи мне последнее: веришь ли ты, что твоя мечта освободительна?

Не верю. Не верю.

Спасибо. И я не верю.

И я.

И я.

Итак — мы четверо — в союзе смертном и неразрывном. Мы соединены последней страстью — страстью к безверию, к безнадежности.

Во имя пустоты.

Я поднял бы кубок во имя пустоты, если бы здесь еще было вино.

Во всем мире больше нет вина.

Любишь ли ты что-нибудь?

Ты каркаешь, как черная птица. Нет, я ничего не люблю.

Любит ли кто-нибудь в этом городе?

Во всем городе я знаю троих: это высокий старик, который всегда молчит и которого все боятся. Он любит, потому что в нем сила. Но я не боюсь этой силы титана. Он не помешает нам.

Кто же еще?

Второй — поэт. Он страстно тоскует — он слышит всей своей чуткой душой, как пустота увивает вокруг него плющи свои. Но он заглохнет, ибо он слаб.

Кто третий?

Третий? — Это единственный, кого я боюсь. Это — женщина, дочь старика, которую любит поэт.

Ты, ты боишься?

Да, потому что она — женщина. И в ней живет высокая мечта.

Смешно! Ты боишься женщины!

Не смейтесь. Я не боюсь ни здравости, ни труда, ни мужской силы — ибо что сделают они в сумасшедшем городе? Только ускорят гибель. Я боюсь безумной фантазии, нелепости — того, что прежде называли высокой мечтой!

Ты боишься поэзии, религии? Но мы давно перешагнули через них. Мир забыл о пророках и поэтах.

Так было. Но в смертный час всем вспоминается то высокое и прекрасное, что было забыто.

Что же вспомнится этим ублюдкам? Какой высокой мечтой заразит их женщина?

Она заразит их своей безумной красотой. Она питает великие замыслы. Она хочет вдохнуть новую жизнь в короля.

Смешно, что ты боишься этого. Разве это — возможно? Разве этим удержишь народ от разрушения.

Я прямо говорю тебе, что это единственное, чего нам можно бояться. Эти ублюдки припадут к стопам ее. Они будут целовать следы ее. Они сделают ее королевой, Святой Девой, Богородицей.

Г о л о с а. Это не может быть больше. История показала, что мир простился с этими идеями. Это — книжно. Это смешно.

Не смейтесь, говорю вам. Безумный город способен на последнее безумство. Он готов венчать свое безумие, когда потеряны все надежды, все добродетели, все семейные уклады и вся прелесть очагов.

Ты говоришь безумные вещи. Ты сошел с ума.

Все, все сошли с ума. Я всех безумней, и потому я стою во главе вас — безумцев. Без меня вы не можете действовать.

Что же ты велишь нам делать?

Ждать еще один только день. Сегодня к вечеру разрешится все. Сегодня эта женщина будет говорить с народом и королем.

Еще целый день! Еще пустой и светлый день. Лучше жечь скорее — и умирать!

Я клянусь вам, что к ночи мы все умрем. Переждите день. Если они поверят ей и пойдут за ней — мы умрем одни. Если же и ее высокая мечта не осуществится — мы погибнем вместе со всем городом.

Мы верим тебе.

День разгорается. Пойдем слушать толпу.

Пойдем доживать последние часы. Больше не страшно. Радостно. Пусть день осыпает нас беспощадными солнечными осколками. Я не боюсь больше света. Я не боюсь ничего.

Днем или ночью — все равно сладко умирать.

И жечь.

Во имя пустоты.

Все жители сошли с ума. Они строят свое счастье на каких-то нелепых мечтах. Они ждут чего-то с кораблей, которые должны придти сегодня.

Д р у г о й (*хватается за голову*). Боже мой, Боже мой! Иностранные корабли с моря? Чего ждать от них? Да ведь это безумие! Они сами обманывают себя! Мне кажется, я схожу с ума.

Если дать себе волю, — всякий сойдет с ума. Замкнись в себе — и доживи с ясностью этот день. К концу его ты увидишь ясно, как видишь вон ту белую птицу над морем, — что тебе пора умереть.

Умереть. Какое счастье — умереть.

Молчат.

И все-таки, с часу на час, я жду появления этих кораблей.

Г о л о с и з г л у б и н ы . Смерти не предавайте. Отла-
янья не предавайте

Ты прав, товарищ. Я не предаю нашего дела, потому что не
верю в счастье. Но я боюсь, что корабли придут и обманут лег-
коверный народ. Я боюсь, что люди успокоятся и поверят, что
счастье — с ними.

Корабли не придут сегодня. Их задержит буря. Этот ветер
может принести грозу к ночи.

О стуках,

3. ПРЕДИСЛОВИЕ

〈к сборнику «Лирические драмы»〉

В заголовке этой книги я подчеркнул слово *лирические* драмы.

Лирика не принадлежит к тем областям художественного творчества, которые учат *жизни*. В лирике закрепляются переживания души, в наше время, по необходимости, уединенной. Переживания эти обыкновенно сложны, хаотичны; чтобы разобраться в них, нужно самому быть «немножко в этом роде». Но и разобравшийся в сложных переживаниях современной души не может похвастаться, что стоит на твердом пути. Между тем всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указаний жизненного пути. В современной литературе лирический элемент, кажется, самый могущественный; он преобладает не только в чистой поэзии, где ему и подобает преобладать, но и в рассказе, и в теоретическом рассуждении и, наконец, в драме. Вот почему, мне кажется, читатели резко делятся на два лагеря: на бегущих от лирики и прокливающих ее — и на заколдованных лирикой.

Лирика преподносит в изящных и многообразных формах все богатство утонченных и разрозненных переживаний. Самое большое, что может сделать лирика, — это обогатить душу и усложнить переживания; она даже далеко не всегда обостряет их, иногда, наоборот, притупляет, загромождая душу невообразимым хаосом и сложностью. Идеальный лирический поэт — это сложный инструмент, одинаково воспроизводящий самые противопо-

ложные переживания. А вся сложность современной души, богатой впечатлениями истории и действительности, расслабленной сомнениями и противоречиями, страдающей долго и томительно, когда она страдает, пляшущей, фиглярничающей и кощунствующей, когда она радуется, — души, забывшей вольные смертные муки и вольные живые радости, — разве можно описать всю эту сложность?

Имея все это в виду, я считаю необходимым оговорить, что три маленькие драмы, предлагаемые вниманию читателя, суть драмы *лирические*, то есть такие, в которых переживания отдельной души, сомнения, страсти, неудачи, падения, — только представлены в драматической форме. Никаких идейных, моральных или иных выводов я здесь не делаю.

Все три драмы связаны между собою единством основного типа и его стремлений. Карикатурно неудачливый *Пьеро* в «*Балаганчике*», нравственно слабый *Поэт* в «*Короле на площади*» и другой *Поэт*, разметавшийся, захмелевший и прозевавший свою мечту в «*Незнакомке*», — все это как бы разные стороны души одного человека; так же одинаковы стремления этих трех: все они ищут жизни прекрасной, свободной и светлой, которая одна может свалить с их слабых плеч непосильное бремя *лирических* сомнений и противоречий и разогнать назойливых и призрачных двойников. Для всех трех прекрасная жизнь есть воплощение образа Вечной Женственности: для одного — *Коломбина*, светлая невеста, которую только больное и дурацкое воображение Пьеро превратило в «картонную невесту»; для другого — *Дочь Зодчего*, красавица, лелеющая библейскую мечту и погибающая вместе с Поэтом; для третьего — *Незнакомка*, звезда, павшая с неба и воплотившаяся лишь для того, чтобы опять исчезнуть, оставив в дураках Поэта и Звездочета.

Сверх этого, все три драмы объединены насмешливым тоном, который, быть может, роднит их с *романтизмом*, с тою «трансцендентальной иронией», о которой говорили романтики.

Уже самое техническое несовершенство этих первых моих опытов в драматическом роде свидетельствует о том, что ни одна из трех пьес не предназначалась для сцены. Идеальной постановкой маленькой феерии «*Балаганчика*» я обязан В. Э. Мейерхольду, его труппе, М. А. Кузмину и Н. Н. Сапунову.

Все три пьесы уже были напечатаны ранее: «*Балаганчик*» в «*Факелах*» (книга 1), «*Король на площади*» в «*Золотом руне*» (№ 4 1907 г.), «*Незнакомка*» в «*Весах*» (№ 5—6—7 1907 г.). Не-

смотря на крупные технические недочеты, я решаюсь собрать их в отдельную книгу: мне кажется, здесь нашел себе некоторое выражение дух современности, то горнило падений и противоречий, сквозь которое душа современного человека идет к своему обновлению.

Иного значения я не придаю ни одной из моих лирических драм.

Александр Блок

Август 1907.

С. Шахматово Московской губ.

4. «ПЕСНЯ СУДЬБЫ»

〈Из первой редакции〉

ПЯТАЯ КАРТИНА

Вокзал железной дороги. Большая сводчатая зала. Сквозь полукруглые окна в задней стене виден готовый поезд у платформы, зеленые и красные огни семафоров и снежная выюга.

В зале — суэта. Вдали — звонки и свистки локомотивов.

Герман. Вы всегда знаете, как меня найти.

Друг. Слухом земля полнится. И наконец, вы постоянно встречаетесь с этой цыганкой во всех общественных местах — в театрах, в клубах, на вокзалах. Ведь это, наконец, уже для всех ясно. И я знаю многих, которые распространяют о вас слухи, сплетничают, обсуждают...

Герман. Я не скрываюсь ни от кого.

Друг. Герман, вы рассуждаете как ребенок. Хорошо вам, вы мужчина. Но в какое положение вы ставите вашу жену?

Герман. Я не совсем понимаю, что вы говорите. Разве я поступаю преступно?

Друг. Да, это называлось так в прежние времена. Но в наше время никакого романтизма быть не может. И потому — вы поступаете просто, как обыкновенный муж, изменяющий своей жене.

Герман. Вот как? Да, я знаю, вы давно любите Елену.

Д р у г. Но я совсем не подготовлен к откровенностям...

Г е р м а н. Я не могу иначе. Мне нечего скрывать. Вы говорите, что я изменяю своей жене. Это неправда. Я услышал Песню Судьбы.

Д р у г. Вы или дитя, или неисправимый романтик. Давайте говорить серьезно. *(Они садятся за стол.)* Начнем сначала. Зачем вы ушли из дому?

Г е р м а н. Право, не знаю. Ушел, потому что увидел в окно весну. Больше ничего не могу сказать.

Д р у г. А знаете ли вы, к чему, ведут необдуманные поступки?

Г е р м а н *(задумчиво)*. Знаю только, что я не умею обдумывать своих поступков.

Д р у г. Раз не знаете, так я вам скажу. Все это хорошо — один раз. Вы влюблены, вы молоды. Но вы встречаетесь с этой цыганкой...

Г е р м а н. Кто вам сказал, что она цыганка?

Д р у г. Все равно. Вы встречаетесь с певицей Фаиной уже много дней. Это становится скучно — раз. Это наносит страшное оскорбление вашей жене — два.

Г е р м а н. Ах, вот что! Вам прежде всего — скучно. Но ведь это не ваше дело, милый друг.

Д р у г. Я не стал бы нянчиться с вами, если бы не был вашим другом. Особенно, когда вы в состоянии невменяемости.

Г е р м а н. Считайте меня за сумасшедшего, за кого вам угодно. Но посмотрите вы вокруг себя. Взгляните в окно. Видите — огонь семафора — зеленый. Это значит — путь свободен.

Д р у г. Как прикажете понимать ваши туманные выражения?

Г е р м а н. Что вам ответить? Я сам не много знаю. Но неизмеримо больше, чем знал несколько дней назад. И вот что я скажу вам твердо: все самое нежное, самое заветное, самое сладкое — должно разрушить. Так же неминуемо, как неминуемо уйдет этот поезд — потому что путь свободен.

Д р у г. Я не понимаю вас.

Г е р м а н. Хорошо. Я скажу иначе. Мы жили с Еленой в белом доме, в полной тишине. Вся наша жизнь была как жизнь цветов и зари. Никто из людей не знает, как таинственно мы встретились с ней.

Д р у г. Не делайте признаний. Я вовсе не затем сюда пришел. Это немножко противно.

Герман. Вам противно? Мне все равно. Я считал вас прежде другом. И теперь, мне надо только досказать вам, и вы дослушаете. — Мы жили не так, как живут другие люди. И потому мы можем расстаться. Разве преступно то, что я посмотрел в окно и понял, что такое весна? Весной земля гудит, зори красные, вдали — синий туман. Я не мог не уйти...

Друг. Но, уходя, вы разбиваете сердце женщины. Вы разрушаете самое святое.

Герман. Разрушаю? Пусть так. Я не боюсь этого слова. Но могу ли я не разрушать, если сама весна разрушительна? Если весна цветет и поет лишь для того, чтобы я понял, что путь свободен? Понимаете ли вы, что это значит? Путь свободен!

Друг. Теперь понимаю. Это — самая крайняя беспринципность. Когда-то вы упрекали меня в том, что я над всем насмехаюсь. А теперь — уверяю вас — вы гораздо беспринципнее меня.

Герман. О, нет, вы, значит, не понимаете. Как объяснить? Путь свободен! Ведь здесь только и начинается жизнь. Здесь только и начинается долг. Когда путь свободен, должно во что бы то ни стало идти этим путем!

Друг. И потому, вы приятно проводите время в городе с цыганкой?

Герман. Вы хотите оскорбить меня? Вам это не удастся. Я твердо стою на пути. А знаете ли вы, кто такая та женщина, которую вы называете цыганкой?

Друг. Прекрасно знаю: каскадная певица.

Герман. Я сумел бы ответить вам. Но — прощайте. Вот — она.

Фаина идет через всю залу. Она — вся в черном, с черными страусовыми перьями на шляпе. Она возбуждена чем-то и бледна.

Друг. До свиданья, безумный друг мой. Я не оставлю вас так...

Друг отходит. Герман идет навстречу Фаине.

Герман. Ты, наконец. Я ждал тебя долго.

Фаина. Ты мог бы ждать еще дольше. День. Неделю. Месяц. X-ха! Целый год.

Герман. Не будь сурова со мной. Я могу ждать тебя целую вечность.

Фаина. Дай мне руку. Я хочу еще пройти с тобой туда. Где огни, и снег, и ветер, и мгла. Как я люблю этот город! Жить

без него не могу... Голова кружится от ветра. Пойдем же, пойдем туда — к зеленым и красным огням.

Они выходят на платформу. За одним из столов в зале собираются три друга Германа.

Д р у г. Вы слышали, конечно, печальную новость? о несчастии, постигшем нашего общего друга Германа?

В т о р о й д р у г. Да, ходят слухи. Если вы называете несчастием его связь с этой цыганкой.

Т р е т и й д р у г. С цыганкой? Да, да, слышал. Я всегда считал Германа за человека очень замечательного. В виду этого мне было бы интересно наблюдать его в данный момент; человек, переживающий семейный кризис, — крайне занимательный феномен.

Д р у г. Вам это удастся, потому что Герман находится здесь. Но дело не в нем, а в его жене, на которую событие произведет удручающее впечатление. Тем более что, сколько я знаю, она уверена, что Герман вернется скоро.

2 - й. А по-моему, что же? Конечно, вернется. Ведь он привык к семейному очагу. Ну, в крайнем случае, привезет с собой цыганку, и выйдет премилое *ménage en trois*,* только и всего. Оно и современно и пикантно.

3 - й. А меня это все совершенно не интересует. Лучше сказать, в этих житейских комбинациях всякий человек волен разбираться, как ему угодно. Я же вижу в этом — лишь необыкновенно интересное эстетическое и психологическое явление.

Д р у г. Ах, друзья мои, вы оба неправы. Если бы дело шло о самом Германе, — так на здоровье, пусть ухаживает за десятью женщинами зараз. Но здесь замешана семья...

2 - й д р у г. Однако, я не узнаю вас. Такой иронический человек — и вдруг заговорил о семье...

Д р у г. Когда дело касается моих друзей, должен же я наконец принести им в жертву даже свое мирозерцание. Это — самая обыкновенная история, и нечего смотреть на нее с высоты: просто-напросто человек близкий мне изменяет своей жене, которую я обязан уважать. И потому — мое мнение, что наш священный долг — воспрепятствовать этому во что бы то ни стало.

* Сожительство втроем (франц.). — Ред.

Третий друг. А мой долг — перед наукой — наблюдать, наблюдать и наблюдать!

Друг. Отлично. Если вы будете наблюдать, это уже отрезвит Германа в достаточной мере.

Второй друг. Присоединяюсь и я. Во имя гражданских обязанностей каждого человека по отношению к своему ближнему...

Друг. Очень хорошо. Я должен довести до вашего сведения, что Герман с цыганкой находятся здесь. И мы прекрасно можем вмешаться в их интимные разговоры...

Второй друг. О, это даже интересно...

Третий. Позвольте. Вы, кажется, сказали, что брак — гражданское установление?

Второй. Да, и сказал с убеждением...

Третий. Вы напрасно упускаете из виду, что это скорей — церковное установление...

Друг. Отложите ваши вечные споры до более удобного случая. Вот они уже идут. Через некоторое время и нам надо будет присоединиться к ним...

Фаина и Герман возвращаются и садятся за дальний стол. Им приносят вино.

Герман. Все эти дни ты мучаешь меня: ты не даешь мне коснуться даже края твоей одежды. Я не был с тобой вдвоем ни одного часа. Только при людях ты смотришь на меня своим неведомым и горящим взором, Фаина, дразнишь случайным прикосновением и ласковым словом.

Фаина. Все это выдумка. Красивые слова.

Герман. Это не выдумка. Я хочу жить и дышать около тебя. Я никогда еще не жил, Фаина.

Фаина. Смешной какой? Так же ты говорил своей жене! Ведь так же? Ведь так же? Ну и еще раз, и еще, — скажешь третьей, четвертой... Ну, играй, на здоровье, с богом!.. *(внезапно строго:)* только — разве можно играть любовью? Любовь — строгая. Любовь накажет. Вернись к жене.

Герман. Разве я могу вернуться? У меня нет прошлого. Дом разрушен...

Фаина. Как ты сказал? Дом разрушен. Глупый, глупый. Ты, кажется, сказал грустно: дом разрушен. Ну, погрусти. А у меня никогда не было дома... Х-ха! Дом разрушен — построй новый... все вы любите строить, строить... играете, будто строите...

Герман. Если ты уйдешь, Фаина, я не останусь жить. Буду искать тебя всюду. Не найду — умру. Ты — сама воля, сама даль. Ты незаконна, как ветер. Как ветер, улетишь, как даль, заманишь, уведешь, погубишь...

Фаина. Зачем ты здесь? Я люблю быть одна. Люблю слушать далекую музыку... И ждать. Нет... Люблю смотреть на людскую гадость. И потом... может быть, кто-нибудь купит меня...

Герман. Что ты говоришь? С таким голосом! С такими глазами!

Фаина. Да, правда. Голос у меня серебряной речкой вьется. А про глаза мне один писатель сказал, что глаза у меня — трагические... Ну что ж? Вот за то и купит... долги заплатит...

Герман *(тихо)*. Фаина, ты изменишь мне?

Фаина. Как ты сказал? Х-ха! Что это значит? Что это значит? Да как ты смеешь? Разве я жена тебе? или кому-нибудь? Х-ха! Ступай к своей жене!

Герман. Ты сказала: любовь строга. Я знаю. Я все перенесу от тебя. Только дай мне смотреть на тебя...

Фаина. Вот до чего доводит игра! Все — игра! Господи, все игра! Дай мне еще вина! Разве о любви можно говорить столько? Что-то есть в тебе, ах! такое мертвое!.. И во всех оно есть... Все вы такие. А я — живая, живая, живая! и никогда не буду твоей... и ничьей... никогда!

Герман. Тебя, Фаина, нужно приручать, как дикого зверя. Ты пьянеешь от воздуха и ветра и долго не можешь опомниться. Понимаешь ли ты, что мне нечего терять? У меня нет больше ничего заветного. Все выжог горячий удар твоего бича! Зачем же ты топчешь нежные цветы моей души? Ты думаешь, мне нужно от тебя то же, что другим? Клянусь, я не знаю, чего мне нужно? Но я связан с тобой навеки. И безумно кружится голова. Боже мой! Как мысли несутся! Как мысли несутся!

Фаина *(смотрит на него)*. Может быть, правда. Иначе — я не была бы с тобой. А впрочем — *(делает широкое движение над головой)* я пьяна! От воздуха, от ветра, от ночи. Как я люблю этот город!

Герман. Мысли несутся, как птицы. Удержи. Мне надо, чтобы один миг было тихо. Правду все-таки сказал мне друг: нигде нет тишины. Но ты можешь одним словом удержать мысли. Недаром про тебя говорили, что ты обращаешь вспять корабли...

Фаина. Кто говорил?

Герман. Один монах.

Фаина. Монах? Я помню: на том берегу стоял монастырь. Как было хорошо. Ждала. Все ночи напролет. Что же он — знает меня?

Герман. Знает. Он послал меня к тебе.

Фаина. Я видела иноков. Они все такие строгие, бледные, серьезные... как ты.

Герман. Ну вот. Стало тихо. Стало дивно, Фаина. Буря твоя улеглась. И посмотри: в бокале играет искристое вино. О, как я долго ждал тебя! Всю жизнь. — К нам идут.

Друзья подходят.

Друг. Надеюсь, Герман, вы познакомите нас со своей дамой.

Они рассаживаются у стола.

Герман. Что вам угодно?

Неловкое молчание.

Второй друг. Какой приятный вечер. А давно ли вы занимаетесь вашим искусством?

Фаина, не отвечая ему, смотрит в окна, где мгла, огни и выюга.

Третий друг. У вас, Герман, преинтересное сейчас лицо: напряженное и вдохновенное. Вероятно, у вас в данную минуту сильно действует воображение...

Друг. Я вижу, что вы не в духе. Шутки в сторону. Жена ваша...

Герман. Кто дал вам право говорить о моей жене?

Друг (*насмешливо*). Виноват. Может быть, ваша спутница не знает, что у вас есть жена?

Фаина. Я знаю.

Друг. Ах, вы знаете? И тем не менее, отвлекаете его от семейных обязанностей? Я хочу говорить начистоту. Герман, эта женщина...

Герман. Все, что вы скажете мне, я знаю. И потому — замолчите.

Друг. Мне вовсе не так приятно напоминать вам о том, что вы забыли. Но — это мой священный долг — я друг ваш. И имя его — я прошу вас по крайней мере выслушать меня.

Герман. Я знаю все, что вы хотите сказать. Не могу и не хочу терять времени с вами: вы хотите, чтобы я оставил эту женщину и вернулся к своей жене?

Второй друг. Но, позвольте...

Герман. Не позволю. Я никому не давал права вмешиваться в мою жизнь. Я ничего не скрываю. Вас, по-видимому, беспокоит присутствие Фаины около меня? Ну, так знайте и слушайте (*встает, поднимает бокал и читает, глядя в упор на Фаину*)

Пусть мипули и счастье и слава,
И звезда закатилась моя,
Ты одна не взяла себе права
Поносить и тревожить меня...

Пусть клеветуют бесстыдные люди,
Помогая жестокой судьбе —
Не пробить им закованной груди:
Ей защитой — мечта о тебе.

Из людей — ты одна мне не льстила,
Между женщин — осталась верна;
Ты в разлуке меня не забыла,
Клеветам не вняла ты одна...

Средь обломков и дикой пустыни
Я без страха и гордо стою:
Не отбить им последней святыни —
Не утрачу любовь я твою!

И пустыни той вид не печален,
И обломки те дороги мне,
И блестит из-под груди развалил
Бриллиант, невредимый в огне!

Бросает бокал.

Фаина. Как хорошо!

Второй друг. Очень недурно. Чьи это стихи?

Герман. Это — стихи Байрона.

Третий друг. Совершенно верно, это юношеское произведение Байрона. Позвольте познакомить вас с его произ-

хождением: великий поэт создал эти строки в 1816 году в Италии. Стихотворение называется «Стансы к Августе» и обращено к сводной сестре Байрона...

Герман. Я не затем читал эти стихи.

Фаина. Герман, все друзья у тебя такие?

Герман встает. Вслед за ним друзья.

Второй друг. Очень жаль. Мы нарушили приятный tête-à-tête...

Друг. Какая несправедливость! Я всегда желал вам добра. Вы платите мне сатирой!

Фаина. Герман. Мне скучно с ними.

Герман. Вы слышали, что сказала она? Ее слово — закон. Оно должно быть законом — для всех.

Друг. Вы могли бы помнить хоть правила вежливости...

Герман. Я не знаю, вежливо ли врывать в чужую жизнь? Презирать женщину, которой вы не знаете? Хозяйничать и наводить порядок в чужой душе?

Третий друг. Но ведь мы — друзья твои...

Герман. Поймите, вы смешны, вы — давно умерли. Таких, как вы, бичевали в старых романах. Но вы нужны мне и вечно нужны миру лишь затем, чтобы точить на вас новую, творческую злобу!

Второй друг. Мы пришли не ради тебя, но ради несчастной, оскорбленной жены твоей, которую ты променял на эту цыганку...

Герман. Идите все прочь от меня! Все равно — все, кто лжет и кто говорит правду — все, все! Я остаюсь один — с этой женщиной! И знайте, что хорошо мне, сладко мне, свободно — с мятежной злобой моей! (*Кричит через стол, вслед уходящему другу.*) Если ты еще друг мне, — передай святой, чистой, прекрасной жене моей Елене, что я больше не вернусь к ней — никогда! — Боже мой! Боже мой! Как же узнать, что добро и что зло!

Склоняется на стол и роняет лицо на мучительно сжатые руки. Фаина смотрит на него внимательными глазами.

Фаина. Тихе. Тихе. Твои добро и зло — слова.

〈СЕДЬМАЯ КАРТИНА〉

〈Герман〉

Все миновало: прошлое, как сон.
Завладевай душой освобожденной
Ты, белоснежная, родная Русь.
Холодный белый день.

Душа, как степь —
Свободная от края и до края,
Не скованная ни единой цепью.
Такой свободы и такого счастья
Не вынесла бы жалкая душа,
Привыкшая к привязанностям мелким,
К теплу и свету очага.
В моей душе — какой-то новый холод,
Бодрящий и здоровый, как зима,
Пронзающий, как иглы снежных вихрей,
Сжигающий, как черный взор Фаины.
Как будто я крещен вторым крещеньем
В иной — холодной, снеговой купели:
Не надо чахлой жизни — трех мне мало,
Не надо очага и тишины,
Мне нужен мир с поющим песни ветром;
Не надо рабской смерти мне — да будет
И жизнь и смерть — единый снежный вихрь.

Герман стоит, выпрямившись, и смотрит вдаль. Метель запе-
вает и метет. Становится темнее.

Г о л о с Ф а и н ы *(кличет издали)*

Эй, Герман, где ты?

Г е р м а н

Здесь я!

Ф а и н а

Герман! Герман!

Г е р м а н

Сюда! На снежный холм!

Фаина выходит из мрака, хватается Германа за руку и смотрит
ему в лицо. Снег перестает идти, и становится светлее.

Ф а и н а

Я не могла сдержать коней. Они испугались чего-то, шарахнулись в сторону и умчались. *(Смеется.)* Вот — теперь мы одни, как ты хотел.

Г е р м а н

Что же ты смеешься?

Ф а и н а *(садится внизу холма)*

Ты, может быть, станешь целовать меня? Ты ведь мужчица — и сильнее меня. Можешь делать со мной все, что хочешь...

Г е р м а н

Зачем ты говоришь, Фаина?

Ф а и н а

О чем ты спрашиваешь?

Г е р м а н

Ты забыла.

Ф а и н а

Я часто забываю, что начала говорить. Не нужно. Все равно. Что же ты ходишь там на холме?

Г е р м а н

Там — виднее.

Ф а и н а

Здесь — виднее. Здесь — я сама. Сойди сюда. Сядь рядом со мной. Расскажи о себе. Ты еще ничего не рассказывал мне.

Г е р м а н *(садится под холмом рядом с нею)*

Рассказывать нечего. Ничего не было.

Ф а и н а

А детство? Родные, дом, жена? А город? А бич мой — ты помнишь?

Г е р м а н

Вот только — это. И больше ничего. Удар твоего бича убил все, что было в душе. Теперь — бело и снежно — как вот эта равнина.

Ф а и н а

Только об этом ты можешь говорить?

Г е р м а н

О чем же больше? Всё под снегом.

Ф а и н а

А признайся, страшно тебе было прогнать друзей и остаться одному? Верно, героем себя теперь чувствуешь, а? Эх, ты! И без дороги остаться страшно? Вот все вы такие. А у меня ни дома, ни родных, ни близких никогда не было. И не страшно. Куда хочу — туда пойду. Ты гордишься тем, что закон нарушил. А я — сама себе закон.

Г е р м а н

Не топчи больше цветов души. Они — голубые, холодные, ранние. Как подснежники. Что тебе? Тебя, Фаина, тебя, Россия, ношу я под сердцем. Остальное отошло. Ничего не надо теперь. Может быть, я умру здесь в снегу. Все равно. Могу умереть.

Он ложится на снег, лицом к небу.

Ф а и н а

Оставь. Мало ты жил, чтобы умереть. Это только в старых сказках умирают. *(Вдруг вскакивает и кричит звонко.)*

Эй, Герман, берегись! Метель идет!

Налетает снег и вместе с ним — темнота. Из дали слышно — дребезжащий голос поет:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча!
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча...

Песня обрывается.

Ф а и н а

Слышишь?

Г е р м а н

Слышу. Кто-то идет вдали.

Фаина (*наклоняется низко
и смотрит на Германа в темноте*)

Идет без дороги, поет песню. Никто теперь не потревожит, все пройдут мимо. Только песня осталась. — Голубчик мой! Милый мой! (*Обвивает его шею руками.*)

Герман

Мне страшно, Фаина. Ты никогда не была со мной нежна.

Фаина

Не бойся, мой милый: никто не узнает. Вот такого, как ты, я видела во сне. Вот такого ждала по ночам на реке.

Герман

Ты смотришь мне прямо в душу. Какими темными глазами!

Фаина

Неправда. Молчи, совсем молчи. Смотри ближе. Ты видишь меня в первый раз днем. Это ночью у меня темные глаза. А днем они рыжие — видишь, рыжие? Не бойся, Герман, милый мальчик, бедный мальчик, русые кудри...

Еще ближе придвигает к нему лицо. И опять слышно:

Выди, выди в рожь
.
.
. разложу...

Фаина

Слышишь?

Герман

Не слышу больше. Так тихо. Не вижу больше. Так темно. Я никогда не слышал такой тишины. То — была другая тишина...

Метель проносится — и опять светлеет.

Фаина (*садится по-прежнему
рядом с Германом*)

Жена твоя плачет о тебе?

Герман (тихо)

Что это — был сон, Фаина?

Фаина (резко)

Сон. Слышишь, ветер поет жалобно... Это жена твоя плачет о тебе.

Герман

Не вспоминай, Фаина.

Фаина

Вольна вспоминать.

Герман

За что ты сурова со мной? За что ты топчешь цветы?

Фаина

За то, что ждала и не дождалась милого. За то, что был ты человеком, пока лицо у тебя было в крови.

Герман

Скоро год, как я знаю тебя. Ты бьешь меня речами и взорами, как била бичом. Как метель — прямо в лицо. Такая звонкая метель — перед новой весной. Как эта весна не похожа на ту! Негде укрыться.

Фаина

За слова твои бью тебя. Много ты сказал красивых слов. Да разве знаешь ты что-нибудь, кроме слов?

Герман

Все знаю. Все знаю теперь. Так спокойно. Тишина наступает.

Фаина

Рано же успокоился ты.

Герман

Не тревожь. Больше не разбудишь ни бичом, ни словами.

Фаина

Эй, Герман! Метель! Берегись!

Герман

Все равно. Не буди. Пусть другой отыщет дорогу.

Фаина

Ты спишь, Герман? Пора проснуться? Ты крепко спал!

Метель налетает. Мрак и звон.

Герман

Не помню. Не вижу. Чьи это глаза — такие темные? Чьи это речи — такие ласковые? Чьи это руки — такие нежные?

Фаина *(приникая к лицу Германа)*

Тебя ждала я. Тебя искала. Ты нагадался мне. О тебе сказки слушала.

Герман

Мне страшно и холодно.

Фаина

Не бойся, мой мальчик, мой бедный.

Герман *(в бреду)*

Открой лицо. Не знаю тебя.

Фаина

Очнись, все будет по-новому. Тебя я узорным рукавом приманила. Полетим на тройке с бубенцами.

Герман *(в бреду)*

Слышу — звенит. Кони умчались. Смерть моя, открой лицо. Не помню тебя.

Фаина

Не смертью, а жизнью дышу на тебя. У тебя горячий лоб. Пусть остынут все старые, жаркие мысли *(Она прикладывает горсть снега к его лбу.)* Милый мой, ведь кони умчались. Целуй.

Герман

Что это, Фаина? Пахнет цветами... Словно пчелы жужжат в голове. Или это — визг веретена? Да, она соткала мне белые,

брачные одежды... Или это — визжат машины, умирают люди. Широкие площади, вереницы огней, вечный грохот. Опять вырастает покинутый город: огромный старый город. Серая башня. Из башни кто-то пристально глядит на меня. Кто это? Мать моя, мать. Она кивает. Говорит. Что ты говоришь? Мать моя! Слышу тебя!

Ф а и н а

Проснись, родимый! Голосом матери кличу!

Г е р м а н

Кто это? Какой белый ангел! Белые одежды, серебряные латы, золотые пряди волос. Какое кроткое лицо. Это оно так сияет. И в руках лилия. Лилия — или свеча. Венчальная свеча! Это — Елена! Здравствуй, Елена!

Ф а и н а

Проснись, Герман, будет спать!

Г е р м а н

Это ты, Елена? Нет, нет, прошлое миновалось. Больше нет ее. Только — дивно и холодно и тихо. Какой дивный блеск. Тишина полпа звуков. Я слышу трубу. далекий рог заблудившегося героя. Погибнет? Нет, нет, нет! Сухой треск барабанов. Вот он идет... идет герой, в крылатом шлеме, с мечом на плече...

Ф а и н а *(совсем приникла к нему)*

Что видишь теперь? Что помнишь теперь?

Г е р м а н

Кто со мною? Ты — неизбежная? Ты здесь всегда — когда в поле умирает герой. Какие темные очи! Какие холодные губы! Вспоминаю тебя. Только не спрашивай ни о чем... Темно. Холодно. Не могу вспомнить...

Фаина поднимает голову Германа. Он привстает и смотрит на нее широко открытыми глазами.

Г е р м а н

Это все был сон? Фаина! Мне страшно. Ты знаешь дорогу?

Ф а и н а

Ты любишь меня?

Герман

Люблю тебя. Люблю тебя. Люблю тебя.

Фаина

Меня — одну?

Герман

Одну — тебя.

Фаина

Ты знаешь меня?

Герман

Не знаю тебя.

Фаина

Ты найдешь меня?

Герман

Найду тебя.

Фаина

Ты вернешься в город?

Герман

Не вернусь.

И внезапно, совсем вблизи раздается победно-грустный напев,
разносимый вьюгой:

Голос

Только знает ночь глубокая
.....
.....
..... сохрани!..

Фаина

Трижды целую тебя. Трижды осеняю знаменьем крестным. Встретиться нам не пришла пора. Живи. Ищи меня. Буду близко! Родной мой, любимый, желанный! Прощай! Прощай! Прощай!

Последние слова Фаины разносит вьюга. Она убегает в метель и во мрак. Герман остается один — на холме. — Он стоит — неподвижный, стройный, запущенный снегом.

Герман

Все бело. Пути заметены. Снег непорочный! Когда же откроешь ты родимую землю? Куда деваться мне — нищему? Одно осталось:

то, о чем я просил тебя, господи: чистая совесть. На губах — твое прикосновение. И опять она горит — сожженная душа. И нет дороги. Что делать? Куда идти?

Мрак почти полный, только снег и ветер звенит. И вдруг рядом с Германом вырастает, как призрак, прохожий коробейник с котомкой.

[М у ж и к] К о р о б е й н и к *

Эй, кто там? Ты человек, аль нет? Чего стоишь — замерзнуть хочешь?

Г е р м а н

Сам дойду.

К о р о б е й н и к

Иду это я — и вижу, словно стоит кто-то. Человек, не человек, а ровно святой какой. Потому — весь белый и стоит высоко.

Ну, сдвигайся, брат, сдвигайся. Это святому так простоять ничо чем, а нашему брату нельзя, потому, — замерзнешь. Мало ли народу она укачала да убаюкала в снегах своих...

Г е р м а н

Про кого ты говоришь?

К о р о б е й н и к

Про кого? Известно про кого: про Рассею-матушку. Не одну живую душу она в полях своих успокоила...

Г е р м а н

А ты дорогу знаешь?

К о р о б е й н и к

Знаю дорогу, как не знать. Да ты нездешний, что ли?

Г е р м а н

Нездешний.

К о р о б е й н и к

Ну, откуда же тебе дорогу знать? Вон там огонек — ты видишь?

* Здесь и всюду в дальнейшем до конца сцены Блоком зачеркнуто первоначальное: мужик. — *Ред.*

Герман

Нет, не вижу.

Коробейник

Ну, приглядишься, увидишь. Да тебе куда надо-то?

Герман

А я сам не знаю.

Коробейник

Не знаешь? Чудной ты, я вижу, человек. Бродячий, значит. Ну, иди, иди, только на месте не стой. До ближнего места я тебя доведу, а потом сам пойдешь, куда знаешь.

Герман

Выведи, прохожий. А потом, куда знаю, сам пойду. [Пойдем, мужик.]

5. «РОЗА И КРЕСТ»

〈ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ〉

〈Апрель 1912〉

1. Зима. Châtelaine * всю зиму слушает сладостные рассказы и песни из уст простого жонглера. Она смущена ими, она потрясена. Она требует автора. Но трубадур далеко, он сам не поет своих песен. Она тайно шлет к нему своего посла (хитрый дьявол).

II. Конец зимы. Трубадур давно слагает песни о далекой Châtelaine. Он стар. Стан его тонок, руки еще сильны, но синие глаза подернуты мутью, и серебристы седины. Посол Châtelaine является к трубадуру, и с дьявольским смехом передает ему приглашение своей госпожи. Потрясенный старик отказывается. Сцена спора... Он соглашается под условием, что явится тайно в весеннюю ночь под окно Châtelaine и что она не увидит его, пока он сам не споет ей песню. Посол уходит с тем, чтобы передать госпоже условия поэта. Старик собирается в путь.

III. Весенняя ночь. Благоухание роз. Часть рва и вала, из узкого окна Châtelaine глядит на равнину. Издали кто-то скачет на коне. Всадник с лицом закрытым соскакивает с коня — юношеское движение. Он подходит к окну. Он поет. Песня. Châtelaine роняет розу. Трубадур в волнении открывает лицо. Châtelaine думает, что луна осеребрила его кудри. Лицо его в эту

* Хозяйка замка (франц.). — *Ред.*

ночь любви сияет юношеским огнем. Она бросает лестницу. Дьявольский посол, подосланный господином, которому служит и который велел ему смотреть за госпожой, бросается на трубадура с рыцарями. Châtelaine падает в обморок (окно пустеет). Трубадура заковывают в цепи.

IV. День и суд. Владелец замка велит привести трубадура. Входит старик в цепях. Вводят Châtelaine. Она не узнает его. Трубадур поет песню. Хорошая песня, говорит Châtelaine и смеется. Она говорит, что видела сон. Мужее в бешенстве убивает предателя. Трубадура хотят бросить в темницу, но в ту минуту, когда рыцари приближаются, он падает мертвым у ног Châtelaine.

Другой сюжет. 27 апреля (1912). Сегодня ночью.

Рыцарь отправляется к своей даме. Его убивает по дороге коварный друг; пользуясь своим сходством с ним, он является к ней вместо него (она никогда не видала его в глаза). Но неотступно следует за ним и во всех движениях ему подражает убитый, сходный с ним, как его двойник.

Или — без двойника. Коварный друг обольщает даму, но в последнюю минуту встает перед ним грозный призрак убитого. Это — по-немецки или по-английски, но не по-французски.

Читаю II том Ланселота.

Действием следует считать то, где преобладает развитие сюжета.

Картиной — то, где преобладают черты, необходимые для характеристики действующих лиц и их отношений.

СООБРАЖЕНИЯ И ДОГАДКИ О ПЬЕСЕ

14 мая (1912)

Главное действующее лицо — мозг всего представления — один из рыцарей, живущих в замке. Нескладно сложенный, некрасивый [уродливый] лицом, всеми гонимый и преследуемый пасмешками, — он тяготится и своим положением в замке, и своим неудачливым прошлым, и главное — «вечным праздником», который наполняет эту бездеятельную и оставляемую пока в покое сарацинами страну; зимнее ли безделье и его скука, или летние охоты, турниры, пляски, — все праздник.

Он принадлежит к тем людям, на которых долгое и беспечное веселье нагоняет тоску; которых это вечно «беззакатное» (в переносном смысле) солнце заставляет мечтать о снегах, холоде, океане,

безлюдь; мечты эти уже не легкие и не юношеские; они добыты долгим трудом, долгим унижением; они уже не те [легкие] эфирные струи, которые могут окружить юношу, пока он юн, и покинуть его, когда он станет мужем; нет, это уже сама кровь; собственная кровь поет ему об океане и безлюдьи в его тяжелеющих венах. Вот почему и его приводит в волнение песня, которую привыкли петь здесь в замке все приезжие певцы, так как песня эта нравится госпоже (Châtelaine). Эта северная песня говорит о единственной необходимости, об Анкú, отце страдания, о том, что прошлое и будущее—одинаково [туманно] неизвестно (небытие). — Он силится петь про себя эту песню, но, слыша ясно ее напев в сердце, не умеет представить ничего своим некрасивым голосом.

История его жизни такова. Происходя из низкого рода, верностью своей службы он достиг посвящения в рыцари из «валетов». Его дамой была здешняя Châtelaine, почти ребенок тогда; никогда ни словом, ни взглядом он не дал ей заметить своего обожания.

На первом же турнире какой-то наглый, но более сильный, чем он, рыцарь вышиб его из седла и наступил ему ногой на грудь. Châtelaine небрежно махнула платком, чтобы его не добивали. С тех пор он, посвященный в рыцари, но не рыцарь, занимает двусмысленное положение в замке. Все издеваются над ним, не пропуская ни одного случая. Только Châtelaine, давно любимая им тайно, очевидно чувствует его любовь и преданность женским чутьем; всякая влюбленность — лишний раз льстит низкому бабьему самолюбию. И Châtelaine, презирая его в глубине души, не выражает этого внешне. Напротив, как истая баба, она умеет обмануть его мужскую честность, ослепленную к тому же любовью, ласковым обращением, взглядом, который она со благоволит бросить ему раз в месяц, проходя через зал, встретясь с ним на лестнице.

Другой влюбленный в Châtelaine — паж, красавчик с пушком на губе, проныра и хвостун. До времени он делает вид, что влюблен в Châtelaine безнадежно. Он вздыхает на подушках у ее ног, всегда наряженный в голубое, вечно томный и сластолюбивый. Она ведет с ним легкий флирт — ту легкую кокетливую игру, которая бывает красивой, когда распускаются яблони и когда влюбленные молоды и позволяют себе — от робости, или от молодости, — не слишком много. Та же игра становится уродством, едва победит похоть, а за похотью последует скука. И это чувствуется уже в зачатках на их отроческих

играх. — Однако *Châtelaine* еще молода и неиспорчена. Флирт рождается только из долгой скуки, он для нее — еще почти только игра в шахматы с той или другой *demoiselle* * — способ коротать бесконечные зимние дни и вечера, когда нет ни турниров, ни полевых забав, ни песен и кривляний жонглеров. — Поганец паж, обладающий уже в достаточной степени терпением (своим собственным трезвым мужчинам) и здравым смыслом, не торопит событий; он вздыхает и ждет только часа, когда его посвятят в рыцари. Тогда, полагает он, сбудутся его надежды. Характер несложный.

Супруг *Châtelaine* — пожилой, грубый и обыкновенный — граф (или герцог), как все. Его занимают земли, вассалы, охоты, турниры. По отношению к молодой жене — его занимает одно: чтобы честь его не пострадала; на остальное он смотрит сквозь пальцы.

Сама *Châtelaine* — молода и прекрасна; прекрасна лишь тем, что молода; и, как во всех молодых, в ней сладостно борются и еще не скоро доборются два стремления: одно — пошлое, житейское, сладострастное; этой частью своего существа она склоняется к пажу; но эта половина души освещена розовым, нежным, дрожащим светом другой половины, в которой скрыты высокие и женственные возможности. Воплотить эти возможности нет средств, окружающая среда не дает никакой пищи ее неясным мечтаниям, которые поэтому принимают постепенно причудливые формы и наконец переходят в ясное ожидание и предчувствие чего-то иного, особенного, непохожего ни на что знакомое, непохожего даже на те розы и благоухания, которые наполняют эту полгода скучающую, а полгода утопающую в развлечениях, страну. Предчувствие внушено ей той самой *песней*, о которой уже была речь, которую она слушала не раз из уст проезжих певцов. Она становится все рассеянее, она уже почти не обращает внимания на пажу, который напрасно, сидя у ее ног, жалуется на утрату ее прежнего расположения. На этом застают их поднимающийся занавес.

Р⟨ыцарь⟩-Г⟨рядущее⟩ — носитель того грозного христианства, которое не идет в мир через людские дела и руки, но проливается на него как стихия, подобно волнам океана, которые могут попутно затопить все, что они встретят по дороге. Вот почему он —

* Девницей (франц.). — *Ред.*

неизвестное, туманен, как грозное будущее, и, принимая временами образы человека, вновь и вновь расплывается и становится туманом, волной, стихией.

Потому он жестоко предпочитает мирный сон обыкновенного, даже пошлого человека — мятежным крикам «богоборца». Потому он уничтожает Бертрана, как только человеческое отчаянье довело его до хулы на крест. *

Октябрь 1912

Новый проект 4-й картины (вслед за ней — последняя). **

Часть парка у замковой часовни. Паперть. Капеллан приводит Алискана на *veillée des armes*, «стражу оружия» (перед посвящением). «Наставление».

Алискан, тоже услышавший альбу, тоскует о любви Изоры. Рассвет, поют птицы, молодой валет засыпает на паперти. Входит Бертран, изможденный и измученный сомнениями. Его терзает поступок, совершенный в опьянении любви, — чужой рыцарь и враг — в замке.

Сквозь деревья синеет просвет. По-видимому, это утреннее небо, глубоко синее, как будто еще звезды на нем. И вдруг Бертран видит, что это — плащ Рыцаря-Грядущее. Их диалог поодаль от спящего мирно валета. Тот говорит сначала будто из бесконечной дали. В его голосе — и море, и даль, и Изора, и бесцельная синева, так что Бертрану чудится, будто он вопрошает только свое туманное и грозное будущее. Постепенно Рыцарь-Грядущее становится человеком — Гаэтаном и сурово отвечает несчастному на просьбы покинуть замок: «Я дал слово Изоре спеть песню. Я не покину замка. Я уйду отсюда мирно, если только она меня не оскорбит».

Отчаянье Бертрана.

От громкого пения птиц просыпается валет. Полное утро. Ему снилась Изора.

13 ноября 1912

Майские календы

Состязание жонглеров, на котором присутствуют: Граф с капелланом и рыцарями, Изора с пажом и с дамами, Бертран и весь двор графа. Жонглеры поют, потом (в перерывах) другие показывают разные штуки. Капеллан возмущается.

* Над текстом — помета Блока: «Нет, и это не так» и дата: 27 октября (1912). — *Ред.*

** Позднейшая помета Блока: «Нет, это начало той же». — *Ред.*

I. Поет один жонглер. II. Поет другой. Равнодушная Изора; она спрашивает только, когда же будет новый жонглер; удовольствие графа, ревность которого слабеет. III. Наконец, выступает старый рыцарь, переодетый жонглером. При первых звуках его песни Изора волнуется. Она в волнении сжимает руку паж. Все восхищены песнью. Граф дает певцу кошелек с золотом. «А вы что дадите мне в награду за песню», — спрашивает рыцарь Изору. Она, по-прежнему не узнавая его, говорит, что эту любимую ее песню никто не пел лучше его. Он просит поцеловать ее руку. Она протягивает ему руку. Он медленно удаляется. Изора спрашивает графа, где же новый жонглер. Этот самый, говорит граф. Только-то... говорит и думает она: этот старик действительно хорошо поет, но... Внезапно доносятся крики и выстрелы, * граф вскакивает. И опять на Изору находит страстная тоска. Она чувствует, что что-то большое прошло мимо нее и ушло безвозвратно и, не умея выразить этого, склоняется в суматохе среди рыцарей к пажу, который страстно смотрит на нее. И вдруг их глаза встречаются. — (Паж, зашнуруй мне туфлю)... Новые крики, рыцари бросаются к воротам, граф кричит, чтобы подняли мост (через ров)... Бряцание оружием, факелы, суматоха. Никем не замечаемая Изора вдруг дает руку пажу, который страстно хватается ее. И, приподнимая платье от росы, она бежит к замку, за ней — паж.

Вдруг, шатаясь, преграждает им дорогу Бертран. Он ранен и принес увядшую уже черную розу, которую уехавший рыцарь велел возвратить Изоре. Она смотрит на нее с изумлением (я видела такой сон) и со страхом. Изумление сменяется любопытством, она старается вспомнить. «Вы дали ее ему вчера», — говорит Бертран. «Неправда, вчера я была в башне, и нигде больше».

Эпиграфом ко всей пьесе может служить стихотворение Тютчева «Два голоса».

Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

Таков Бертран — не герой, но мозг и сердце всей пьесы, человек по преимуществу. Рядом с ним — Рыцарь-Грядущее — скорее призрак, чем человек; это — чистый зов, художник,

* Это слово позднее зачеркнуто карандашом с восклицательным знаком на полях (как анахронизм). — *Ред.*

старое дитя — и только. Алискан, разумеется, тоже не человек, это — тоже «зов», только — противоположный Рыцарю-Грядущее. Эти двое *зовут* Изору, которая, как существо низшей породы, уступает в конце концов второму зову; Бертран же никуда не зовет ее, он только *любит*. Любовь без зова и зов без любви.

Рыцарь-Грядущее — это зов. Смутный и бесцельный зов, который слышит женщина во сне и смутно слышит простой рыцарь Бертран только потому, что любит эту женщину.

Крест — — —?

Р<ыцарь>-Гр<ядущее> — в образе бродяги, дали, бедного рыцаря, едущего одиноко и не узнаваемого никогда и никем. Тогда покорны (есть *синтез*) — и даль, и бесцельность, и КРЕСТ.

Бедный рыцарь
Песня менестреля? (тетя)
*Сон Изоры (тетя). **

Все эти заглавия не подходят именно потому, что неясен Р<ыцарь>-Гр<ядущее>. **

(1912)

Март в начале.

I. Песня Бертрапа.

II. Капеллан жалуется графу, что у Изоры на столе лежит вместо молитвенника роман о Флоре. Граф сначала не понимает, что в этом дурного, но капеллан уверяет его, что это пахнет ересью.

III. Граф велит позвать даму Алису и узнает от нее, что Изора скучает, плачет по ночам, кусает подушки и произносит во сне имя неизвестного рыцаря. Воспалившись ревностью, он велит Алисе доносить обо всем и грозит, что запрет Изору в дальнюю круглую башню. Уходит с капелланом приготовить.

* «Тетя» — М. А. Бекетова, предложившая отмеченные заглавия для будущей «Розы и Креста». — *Ред.*

** Заметки, объединенные Блоком в папке «Соображения и догадки о пьесе» (стр. 456—461) завершаются записью от 7 июня 1913 г., помещенной на стр. 463 в целях соблюдения хронологической последовательности. — *Ред.*

IV. Алиса, Изора и паж. Изора задумчиво садится у шахматного стола, паж у ее ног. Тройной разговор, неверные ходы. Алиса уходит.

V. Жалобы пажа. Она велит ему привести «мажордома» (Бертрана?).

VI. Изора одна. Входит Бертран. Она дает ему поручение и отсылает.

VII. Входит разъяренный граф, велит заточить Изору. Удивляется ее равнодушию.

I. Бертран встречается в лесу с рыцарем. После поединка они признают доблести друг друга и повествуют взаимно о себе.

II. Рыцари находят.... и называют его имя. Радость и слезы Бертрана. Все пускаются в путь.

Разгар весны. Вечереет.

I. Изора с Алисой в круглой башне у окна (Изора не подозревает об измене Алисы и ее доносах графу) осторожно разрезают пирог и читают вложенную туда записку Бертрана о том, что в полночь рыцарь явится к окну, а в случае опасности Бертран предупредит влюбленных альбой. «Оставь меня одну», — говорит Изора. II. Вечереет, она смотрит в окно. Поет. Встает луна и бросает тень от башни. III. В тени появляется рыцарь с закрытым лицом. Их разговор. Он поет ей.

I. Разгар весны, вечерет. Комната в круглой башне. Изора, Алиса, граф. Изора притворно плачет, граф непреклонен, уходит, прогремев ржавым ключом. Приносят пирог, к которому со смехом бросаются Изора и Алиса, осторожно разрезают его и читают вложенную в него записку Бертрана. «Оставь меня одну», — говорит Изора. II. Темнеет, встает луна. Изора слышит под окном шорох в розовых кустах. Она открывает потайную дверь. III. В лунной тени появляется рыцарь с закрытым лицом. Их нежные речи. Она дает ему розу, которую он прячет под плащом. Он сбрасывает берет (?), и седые волосы рассыпаются по плечам. Но ей в лунном свете они кажутся льняными кудрями. В последнюю минуту он ударяет мечом в окно (условный знак), и тотчас же слышится альба Бертрана. Испуганная Изора выпускает его потайным ходом. IV. Изора зовет Алису и садится

печально с ней у окна. V. Через некоторое время входит граф; он сообщает, что в замок приехал новый жонглер и что на радостях он устраивает завтра состязание жонглеров, на котором позволяет присутствовать Изоре. Изора не скрывает своей радости.

7 июня 1913

Вт(орой) Рыц(арь) мог бы каяться в том, что смеялся над Бертраном. Но я сейчас так опустел и устал, что не стану этого переделывать. Пьеса настоящая; если когда-нибудь ей суждено быть на сцене, я и из Второго Рыцаря сделаю настоящую роль. А теперь — в последний раз приложив руку к «Розе и Кресту», посылаю маме, она отвезет в Шахматово для переписки, для Сирина.

1916

Нам, художникам, даны: 1) тот цветистый, путанный и необозримый матерьял, который обозначается словом *жизнь* (все: люди, идеи, образы, [цвета], чувства) и 2) некая (демоническая) воля, имеющая способность делать державный выбор из этого матерьяла и распределять его при помощи тех методов, которые присущи только нам, художникам.

Поэтому я хочу, минуя всякие возможные идейные, исторические, критические вступления, — начать говорить *прямо*, на языке *художника*, о драме «Роза и Крест».

В драме действуют, кроме Бертрана, Изоры и Гаэтана, люди, разделяющиеся по следующим группам:

I. Хозяин — Граф Арчимбаут, Капеллан, Алискан, повар, первый рыцарь, придворная дама жены Графа — Алиса — и почти вся челядь.

II. Доктор и второй рыцарь, рыбак, кое-кто из остальной челяди.

Общие признаки: первой группы: обыватели, то есть наситое место, курица (с вариациями для Алискана); второй группы: униженные, которым плохо живется, с них не спрашивается «присутствие» и они имеют «право на отсутствие» (нужда заела). Когда же они проявляют человеческое, тихо и благодарно улыбаешься им, ибо доктор — добрая собака, второй рыцарь — усталая лошадь, рыбак — краб.

«ИЗ ЧЕРНОВИКОВ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ»

〈ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ〉

Зал замка с большой аркой на закрытый двор, где розовеет на фоне серой стены зацветающая яблоня — признак наступившей весны. В этом пустом зале только один угол — уютен. Он занят скамьями, шахматным столом, голубыми подушками. На всем остальном лежит печать грустного зимнего однообразия; во дворе виден корявый ствол столетней яблони, протянувший свои немногие ветви в мартовское небо.

Бертран стоит одиноко, прислонившись к стволу.

Б е р т р а н

Страна безмятежная,
Как тоскуешь ты долгую зиму,
Как жадно ждешь ты весны!

Чуть порозовеет
На яблоне цвет,
На охоту поедет граф,
И будет все как всегда:
За охотой — турнир,
За турниром — пиры и охоты,
И с высокого вала увидим,
Как идет к нам в замок жонглер
Свой пустой кошель набивать.
И вновь он споет
Ту самую песню,
Которую я повторить не могу,
Которую любит она...
Счастье! Счастье!
Вечный праздник!
Как ненавижу я вас!
Урод несчастный,
Осмеленный всеми!
Разве под силу тебе
Бремя такое нести?

Но ты носи его, носи,
Живи на свете проклятом,
Будь головой этой жизни

Безумной и праздной
И темного сердца ее
Слушай тайный и знойный стук!

Есть край иной —
Суровый и дальний,
Где белые гребни
Бьют в черные скалы
И синие сосны под ветром скрипят!
О нем поет эта песня,
О нем поет мое сердце,
И сердце Изоры моей!

О, Изора!
Розовое дитя!
Снится ль тебе
В зимней твоей тоске
Этот край — непохожий на наш? —
Да, знаю я, снится! —
Видишь ли ты
В том далеком краю —
Стройный рыцарь, от битвы устав,
Снимает пернатый свой шлем,
И девушка дивная
Влагой ему освежает лицо? —
Да, знаю, ты видишь!

Знай же, Изора,
Та девушка — ты,
И рыцарь тот — я,
Мечтою моею клянусь!

Но что со мною? —
Мечта, помедли!
Зачем отнимаешь так скоро
Очарованье свое?

Слышны голоса.

О, Изора,
Дитя прекрасное!

Одной тобою живу я,
Свет несчастной моей души!..

Бертрап остается в глубокой задумчивости.

〈Châtelaine и паж〉

Паж поет песенку (пошловатая, любовная).

Раз прекрасная Аэлис,
Распрекрасная Аэлис,
(Ах, уйдите, не надо нам вас!)
Рано, рано поднялась,
Приделась и прибралась,
В зелен сад гулять пошла,
Пять цветочков там нашла,
Из роз веночек заплела,
Веночком косы убрала...
(Ах, идите, не надо нам вас,
Разве вы влюблены...)

Пауза. — Она молчит.

П а ж

Невеселы вы, госпожа.
В чем причина
Вашей печали?

О н а

Не знаю сама,
Как выразить мне
Мою печаль.

П а ж

Давно я заметил,
Что не прежняя вы...
И ваших поклонников верных
Гоните вы от себя
Равнодушным взглядом своим.
И — правда! Что для розы из роз
Серый и бедный
Соловей!

О н а

Как ты красиво умеешь сказать!
Верно, фея какая-нибудь
Научила тебя
Говорить о любви!

П а ж

Смеетесь вы надо мной,
Но ведь лучше всех,
Одна в этом мире,
Знаете вы,
Что единственной феей
Были вы для меня...

О н а

Опять любезность!
Что мне в сладких речах?
Разве яркая бабочка я,
Чтобы вечно с ярких цветов
Пить сладкий мед!

П а ж

Нет, не бабочка вы,
Но, как злая оса,
Тонким и злобным жалом
Жалите бедное сердце мое!

О н а

Паж мой, я не хочу
Печалить юность твою!
Паж мой, невесело мне!

П а ж

Вспомните прежние игры!
Взгляните, яблони цвет
Розовеет, —
Скоро наступит весна!
Разве не будем, как прежде,
На изумрудной поляне
В легких играх

Юность нашу
Коротать?

О н а

Да, вижу и чувствую я,
Что наступает весна,
Но от этой весны
Семпадцатой в сердце мое,
Не солнце и счастье,
< > *

О н а *(тихо поет)*

«Вечная необходимость...
Сердцу закон непреложный...
Радость-страданье...»
(Не может припомнить песню.)

П а ж

Вновь вы забыли меня,
Вспоминая ту песню,
Которую пел здесь когда-то
Наемный кривляка-жонглер...

О н а

Да, сам он продажен,
Но песню он пел не свою!..

П а ж

Что же, какой-нибудь рыцарь
С дикого севера,
Нам чужой,
В этих словах непонятных
Вылил грубость
Своей души
Пустой и холодной!

О н а

Бедный мальчик,
Ревнуешь меня ты!

* Здесь и ниже строка точек, заключенная в скобки, обозначает пропуск листков в рукописи. — *Ред.*

Утешься!
Рыцаря нет!

Опять задумывается. Паж встает и хочет уйти.

Да, мальчик,
Оставь меня,
Мне легче одной...
Постой, погоди!
Разве я знаю сама
Причину печали своей?
Утешься!
Скоро решится,
Чувствую я,
Моя судьба!
Может быть, вновь
На поляне зеленой
Радости безмятежной
Вкусим мы с тобой...

Паж прикается к ее руке, потом уходит. Châtelaine грустит одна. Она обрывает бутон с яблони. По двору проходит влюбленный кавалер и дама.

〈Граф и вассалы.〉

Г р а ф

Я пригласил вас [господа]
Держать совет.
Стало и в наших местах
Неспокойно,
И в нашей среде
Измена гнездо свила!

Р ы ц а р и

Кто же предатель?
Мечь ему!

Г р а ф

Рыцари и вассалы!
Ведомо вам,
Что счастливый наш край

Смутой давно уж объят!
Жалкие отродья
Нищих вилланов
Бродят в полях
С вилами, дубьем и топорами
И рыцарей встречных
Грозят убивать!

Рыцари

Угрозы нам не страшны!
Всякий честный и доблестный рыцарь
Будет стоять за землю свою
И десяток вилланов изничтожит!..

〈Граф и Алиса.〉

Алиса. Напрасно вы мучаете себя, супруга ваша вне всяких подозрений.

Граф. Вы — женщина и сами не знаете, что говорите. Слуги св. церкви понимают дело лучше вас: молодая дама читает роман, когда ей надлежит читать молитвенник, — это раз. Кто сочиняет романы? Романы сочиняют враги св. церкви. Следовательно, молодая дама получает безбожное воспитание — это два. При этом молодая дама заглядывается на молодого рыцаря — молчите, молчите, я сам знаю, что это было... Что происходит тогда? Тогда происходит то, что она наставляет рога своему законному супругу, — это три. Все это ясно, как день, клянусь св. Иаковом Кампостельским!

〈Châtelaine и Бертран.〉

— Друг мой, ты предан мне?

— Госпожа моя, знаете Вы,
Что предан я Вам навек!..

— Если да, то поклянись,
Что о том порученьи,
Которое дам тебе,

Не узнает никто из живущих
В этом замке и вокруг него,
Не узнает и герцог,
Мой супруг.

— Если без клятв не верите мне,
Чем мне поклясться Вам, госпожа?
Клянусь Вам солнцем, которое Вас
Любит, как розу, ласкать!
Клянусь луной, чей путь ночной
Лежит близ Ваших окон всегда!

— Нет, бóльшим еще клянись!

О, как сильна и прекрасна любовь!
Даже этой породе,
Низкой, глупой, смешной и ничтожной,
Рыцаря силу, и верность дает!

〈ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ〉

Сквозь редкие сосны виднеется скалистый берег и синее море.
К хрустальному источнику, бьющему из черной скалы под вет-
вями столетней сосны, подходят два рыцаря.

П е р в ы й 〈Бертран〉*

Доблестный рыцарь,
Крепко мы бились,
Сломал я копьё и меч,
Но не сразил я тебя!

В т о р о й 〈Рыцарь-Грядущее〉

Хвалю я силу
И отвагу твою!
Ты крепок и тверд,
Как этот ствол столетней сосны!

* Слова «Бертран» и «Рыцарь-Грядущее» приписаны Блоком позже на протяжении всей сцены. — *Ред.*

П е р в ы й

Дай, влажные шлемы мы снимем,
Омоем пот с лица,
И влаги хрустальной
Мы зачерпнем и уста
Воспаленные в ней омочим!

В т о р о й

Да, отдых и мир
Да будет меж нами теперь!
Здесь отдохнем мы!

(Снимают шлемы)

П е р в ы й

Не думал я,
Когда бился с тобой,
Что под шлемом твоим
Серебрятся кудри седые!
Мальчика дерзкого думал я видеть, —
Вижу мужа, испытанного в боях,
Но все же,
Хоть и седа твоя голова, —
Взор твой как у юноши горит!
И голос твой — рога звончей!

В т о р о й

Не ждал и я увидеть,
Что в черных твоих волосах
Так много прядей седых!
Верно, в жизни ты много
Нужды и горя видал!
Но, хоть голос твой глух и глубок, —
И твое сияет лицо
Каким-то юным огнем!

П е р в ы й

Слушай же, доблестный рыцарь!
Поведаем мы друг другу
О жизни нашей,
Чтобы братство наше

Не одним разящим мечом,
Но и словом друга
Крепче скрепить!

В т о р о й

Охотно:
К рассказу, ты первый приступишь!
Он крепче нас свяжет
И в битвах грядущих
Мы будем друзьями,
И враг ни один
Перед нами не устоит!

П е р в ы й

Слушай же, рыцарь,
Рассказ печальный
О жизни моей:
Нищим ребенком я был
В цветущей южной стране.
В замок гордого графа
На службы был взят с малых лет.
Верною службой
Рыцарства я достиг!
Но на первом турнире,
Кознями злыми обманут,
Рыцаря плохого подлым ударом
Был выбит я из седла!
Он наступил мне на грудь,
Но замка того госпожа,
Роза средь роз,
Графства владычица,
Дама моя,
Махнула платком,
Чтоб пощадил он меня!
О, как горел я стыдом
И гневом напрасным!
И просил я мне сердце пронзить!
Но жизнь оставили подлые мне,
Жизнь — не на радость, на муку!
С той поры
Никто мне проходу не дает,
Все издеваются они надо мной,

Лишь она одна,
Которой верев я сердцем моим,
Она не смеется одна! *
Но так далек я от нее,
Как бедная травка от розы пышной,
Как жалкий пес ото льва,
Как ничтожный червь от небес!
И взор благосклонный раз в год
Мне дороже всей жизни моей!

В т о р о й

Печален, брат, твой рассказ!
Глухие злые люди
Смеются над тобой!
Но сам я сейчас испытал
Силу твоей руки
И пламень ударов твоих!
Подлое, низкое время,
Когда рыцарей лучших не ценят своих!
Но зачем же прибыл ты
С юга далекого к нам
На север суровый?

П е р в ы й

Я — посол моей госпожи.
Она велела мне, тайну храня
Пуще жизни моей,
Рыцаря отыскать,
Что песню сложил,
От которой не спится ей!

В т о р о й

Где же песню эту слышала она?

П е р в ы й

Пел ее в замке заезжий жонглер,
И с той поры
Покоя не знает она!
< >

* Помета на полях рукописи: «едва ли». — Ред.

П е р в ы й

Брат, слушать я рад!
Странное чувство!
Верю, что можешь
Ты мне помочь!
Словно сам бог
Послал мне тебя
В награду за долгий путь!
Многое знать хочу о тебе я,
И сердце предчувствием бьется,
Что ж, начинай свой рассказ!

В т о р о й

Ты видишь, я стар,
Жизнь жгла мое сердце,
Но все же прекрасна она;
Много подвигов я совершил,
Сто рыцарей пало
От этой руки,
И в туманном озере фэя меня
Держала долгие годы,
И бранный доспех
Розовым сменился венком.
Посмотри, как седа голова,
И лицо — в рубцах от меча,
Но все еще жду чего-то,
Не все еще я испытал
И в жизни туманную даль
Со взором надежды гляжу,
Что-то будет,
Не все свершилось,
Последний путь
Синеет вдали,
И в черном сосновом лесу,
Где светлый источник
Вечно бьет
В серый камень
Серебристой струей, —
Давнее мне вспоминается,
Давний слушаю звук —

О шири жизни беспредельной,
О радостной мира пустыне,
Словно у предка, слух мой открыт,
И помню великие я
Начала,
Которые нам
В годы глухие,
В дальние дни,
Древний и зеленокудрый
Друид завещал:
Единая сущность,
Бесцельная необходимость,
Смерть — страданья отец,
Ничего позади,
Ничего впереди,
Не жди, не надейся,
Очи смежи,
Слух свой открой,
И слушай, и слушай
Музыку светлых ключей,
Поющих в сосновом лесу...
Так завещал
Предкам моим
Друид в зеленых кудрях.

П е р в ы й

Странные речи,
Мечтанья твои необычны!
И странно мне слушать,
И чудно мне верить!
Радостью дикой
Душа загорелась!
Имя скажи мне твое!

В лесу слышен беспокойный голос рога. Второй рыцарь встает
и трубит ответно.

Радостный отзыв находит во мне
Звук необычный
Рога твоего!

Несколько рыцарей выходит из лесу. Они бросаются к второму
рыцарю.

Один из рыцарей
Так здесь ты...
Мы долго искали тебя!

Первый *(радостно встает)*

Ты ль это. . . .
Привет тебе, дивный певец!

Второй *(смеясь)*

Какою радостью, брат мой,
Сияет твое лицо!
Оттого ли, что ты
Нашел меня скоро?
Иль еще отчего?

Первый

Брат мой названный, прости!
Прости мне радость мою!
Лучше сказать откровенно
Причину ее!
Радуюсь я тому,
Что ты стар,
Тому, что моя госпожа
Будет лучше слушать песню твою,
Не смущаясь низкой мужской красотой,
Внемля только песне одной!

(Плачет.)

Второй

Мой доблестный брат,
О чем твои слезы?

Первый

Прости.
Плачу от радости я,
И оттого,
Что много жизнь унижала меня,
Прости мне, высокий певец!

В т о р о й

Рыцари! Тот, кого видите вы,
Отныне мой крестный брат,
Рука его так же тверда,
Как благородно сердце его!
Ему имя

Рыцари склоняются перед

П е р в ы й

Рыцари, почестей таких
Я недостоин,
Но, если
.

В т о р о й

Брат
Твоя госпожа
Ждет нас к себе!
Так в путь, не будем
Терять минут золотых!
Дорогой скажу я тебе
Условия мои,
Теперь же — в путь!
(Уходят в лес.)

Конец третьей (второй) картины.

⟨ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ⟩

В руках у графа — огромный ржавый ключ. Голова у графа взъерошена, как у черта на картинке (Flamensa, 347). Лицо его в огне, а сердце сжимается от холода. Все его мысли перевернуты. Порою читает он «обезьяний Отче наш», бормоча никому не понятные слова. Он иногда улыбается по-собачьи, показывая только зубы.

А л и с а. Милостивый граф, посмотрите на себя, на что вы похожи! В два месяца переменялись вы так, что вас не узнать!

Г р а ф. Дорогая Алиса, я знаю, что делаю. Напрасно терзает труд тот, кто не припрячет молодую жену в такое место, где никто ее не найдет, кроме мужа и сторожа.

Входит Изора — в глубокой печали.

Г р а ф. Милостивый боже, у кого на свете такие светлые волосы! Они блестят, как тончайшие золотые нити! Да, да, я знаю все ваши тайные уловки — все взгляды, вздохи и рукопожатия! Если бы я был действительно строгим мужем, я бы отрезал ваши прекрасные косы!

И з о р а. Вы все еще не исцелились от вашей болезни, мой повелитель? Не знаю, какое я вам причинила зло, что вы вот уже три месяца держите меня в этой тюрьме.

Г р а ф. Что вы мне сделали? Разве вы не читали романов вместо молитвенника? Разве вы не встречались с рыцарем Блуа?

И з о р а *(плачет)*. Когда вы поправитесь, вы увидите сами, что я невинна и вы напрасно терзали меня. Но будет уже поздно: смерть моя послужит вам достойным уроком!

Г р а ф *(смягчаясь)*. Ну, не плачьте. Как знать, может быть наказание уже исправило вас и вы еще увидите самый пышный праздник!

И з о р а *(плачет)*. Кто так жестоко оклеветал меня перед вами! Молодость моя проходит напрасно!

Г р а ф. Потерпите. Вы знаете, что мне видеть ваши слезы не легче, чем вам плакать. Утешьтесь, может быть, я придумал уже кое-что, что развеселит вас. А пока — обедайте, вам станет легче.

Выходит из двери, возвращается с пирогом, сам ставит его на стол и уходит, прогремев ключами.

И з о р а. Чудовище! Он уже не раз обещал мне свободу, и всегда обманывал!

А л и с а. Однако он становится как будто спокойнее, чем был прежде...

И з о р а. Если бы мой отец знал, как обращается со мной мой муж!

А л и с а. Как знать, может быть ревность пройдет и вы опять увидите розы.

И з о р а. Да, другие розы, не те, что цветут под окном. — Вот эта, например, я никогда не видала такой, она непохожа на все другие. Третьего дня это был бутон, вчера он распустился

в ярко-красную розу, а сегодня красный цвет перешел в совсем черный.

А л и с а. Черно-красное идет к вашим волосам...

И з о р а. На что мне украшать себя, когда никто меня не видит. Все обманули меня, даже этот жалкий Бертран. Вот три месяца, как я послала его на поиски; зачем я выбрала такого жалкого посла? И этот потайной ход теперь бесполезен!

А л и с а. Может быть, скоро он вернется и принесет вам хорошие вести...

И з о р а. Нет, я не могу больше надеяться на людей, когда даже те, в чью преданность я верила, обманывают меня. — Будем обедать, Алиса, разрежь пирог.

А л и с а (*режет пирог*). Ах!

И з о р а. Что с тобой?

А л и с а. В пироге... записка...

И з о р а. Записка?

А л и с а. Да... подпись... Бертран...

И з о р а. Дай мне скорей!

(*Читает.*)

З а п и с к а Б е р т р а н а

Жоффри... явился в замок. Когда взойдет луна, он придет потайным ходом в башню. Будьте осторожны, я буду сторожить по дороге к башне и в случае опасности предупрежу вас альбой, и вы выпустите Жоффри тем же путем. Прекрасная Дама, будьте благословенны. *Бертран.*

Счастье опять улыбнулось мне!

А л и с а. Вот видите, наступают новые времена!

И з о р а. Да... мне кажется, я вижу все это во сне... так давно ничего не случалось... Честный Бертран... я напрасно бранила его...

А л и с а. Госпожа, луна выйдет скоро, уже стемнело...

И з о р а. Да... ты думаешь, это не обман? Я не смею надеяться... Алиса, оставь меня одну...

Алиса уходит в другую комнату и запирает дверь. Изора смотрит в окно. Темнеет и всходит луна.

И з о р а (*одна*)

Рыцарь желанный!

Что ж ты не идешь?
Сердце трепещет!

〈Б е р т р а н〉

Герцог уснул
Безмятежно.
К этой бойнице
В полночь придет
Ваш рыцарь прекрасный,
Он песню споет вам,
Какая нравится вам.

О н а

Верный слуга!
Как ночь прекрасна!

〈Изора и Рыцарь-Грядущес〉

О н а

Я песни твоей
Узнать не могу,
По-новому страшно,
По-новому сладко,
У нас ее пели иначе.
«Одна неизбежность» — любить
И милого ждать!
«Анку — страданья отец», —
Так прочь — и не думай о нем!
«Ничего не было
И ничего не ждет впереди», —
Так счастлива я
И так счастлив милый со мной!
Так петь —
Значило смерть и горе забыть,
А ты иначе поешь —
И слушать тебя —
И сладко и страшно,
Но кажется мне,
Что ты призываешь
Несчастье!

Милый, опомнись,
Сам ты забыл
Песни значенье
В тоске обо мне!

О н

Нет, помню я твердо
Песни значенье,
Так петь учили меня!
Госпожа, прогони меня!
Родины нашей
Суровый напев
К вечному счастью нейдет!
Я не затем явился сюда,
Чтобы счастье смущать.
Правда, давно я мечтал о тебе,
Правда, томился тоской, —
Но скажи лишь слово одно, —
Я уйду
И останусь всю жизнь без тебя
В моем суровом краю!

О н а

Нет, останься!
Как ты прекрасен!
И нравится мне
Твой странный напев!
Дивное диво, —
Песня все та же,
Но смысл той песни иной...
И сердце тоскует,
Сладко трепещет,
И страшно мне, страшно,
Да, уходи,
Не тревожь...

О н

Прости, госпожа,
Прости и прощай!
Смотри, как розы цветут!
Розовый сон твой

Я не нарушу,
Слаще мне верить,
Что счастлива ты,
Чем быть любимым тобой!

(Хочет идти.)

О н а

Нет, помедли!
Что ты сказал
О розовом сне?
Разве теперь,
Когда ты уйдешь,
Будет длиться мой
Розовый сон?
Нет, уйдешь ты,
И розы увянут,
И яблони цвет
Опадет!
И вновь тоска —
Страшнее прежней,
Страшнее даже
Новой песни твоей!

О н

Так позволь мне остаться,
Каждую ночь
Под окном у тебя
Буду петь песню мою!
Днем ты не будешь
Знать обо мне!
Если нравится песня моя, —
Днем, вспоминая,
Будешь ты думать,
Что ночью пел соловей!

О н а

Нет, мой милый,
В объятиях жарких
Согрею тебя,
И песня твоя
Весельем прежним
Мне зазвучит!

О н

Нет, госпожа,
Роза средь роз!
Прелести Вашей
Я не достоин,
Смертный не смеет
К Вам прикоснуться,
< >

О н а

О, дай на лицо
Твое мне взглянуть!

О н

На нем чернеет
Шрам от меча,
Я не открою
Лица!

О н а

Нет, ты откроешь,
В очи твои
Взглянуть я должна!

О н

Очи мои —
В них ветер морской,
Зачем ты хочешь
Смущать свою юность
Взором не юным моим!

О н а

Рыцарь прекрасный,
Вежливо разве
Так с дамой своей
Говорить?

.

Милый, не бойся,
Как я не боюсь!
Смотри, мы вдвоем,

.

〈ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ〉

Утро. Отдаленная часть парка. Капелла у пруда. Сквозь деревья синеет просвет. На щебетанье проснувшихся птиц из часовни выходит Алискан в белых одеждах, какие надевали рыцари перед посвящением.

А л и с к а н

Тяжела ты, стража ночная!
В сумраке синем капеллы
Слышал я,
Будто альбы звуки.
Утренней песнью кто-то
Любовников спящих будил!

(Смотрит на свои руки.)

Этим ли нежным пальцам сжимать
Тяжкое древко копьа?
Нет, не на то я рожден.
Слышал я
О пышной жизни
При дворе Аррасского герцога.
Что нужды,
Что новый папа у них,
Что они говорят,
Будто дьяволом создан
Мир наш прекрасный!
Разве против моды придворной,
Против века пойдешь?
Зато — куда, говорят,
Там вежливей люди
И тоньше обычаи все!
Фиалки и розы столы покрывают,
И льется рекой душистый кларет!
Утонченный герцога нрав
Никогда не позволит
Слуг тревожить ни в чем не повинных
И нарушать веселье
Замка всего
Из-за ревности дикой.
«Ревность — отсталое чувство», —

Сказано, помню я, в книге красивой,
Что из Рима привез нам отец.

*(Смотрится в пруд, как в зеркало,
и складывает рот сердечком.)*

О, как я красив!
Эти нежные губы,
Подобные сердцу Изоры
Иль прихотливо согнутому луку Амура,
Стану я прятать под маской железной!
Стану ломать я
Этот розовый ноготь
Рукоятью железной меча!
Нет, — другие бы нравы
И другие бы люди, —
Спал бы я сладко сейчас
У сердца прекрасной Изоры,
Звуки нежные утренней песни
Услаждали бы дремлющий слух.

Алискан дремлет и засыпает на ступенях часовни под щебетанье птиц. Просвет за деревьями все ярче. Входит Бертран, ломая руки.

Б е р т р а н

Что сделал ты, несчастный,
Куда привела твое сердце любовь!
Изменил ты!
В замке рыцарь чужой и враждебный!
Грядущее!
Грядущее!
Ответь, что сулишь ты нам!

Просвет за деревьями колеблется. Он оказывается синим плащом Рыцаря-Грядущее, который подходит к Бертрану и кладет ему руку на плечо.

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Брат, ты звал меня.

Б е р т р а н *(вздрагивает)*

Ты здесь?
Видел ты Изору?

Рыцарь - Грядущее
Изора твоя
Спит непробудным сном.

Бертран

Боже милосердый!
Что ты сказал!
Он застал вас!
Он ее убил!

Рыцарь - Грядущее
Нет, спасла ее альба твоя.
Не умерла она, но спит,
Горького жизни напиток
Еще не вкусила она.
Океана ветер соленый
Не обжег еще жарких ланит.

Бертран

Темен язык твой!
Холодным ужасом веет
От слов непонятных твоих!

Рыцарь - Грядущее
Тише!
Ты мальчика разбудишь
Испуганным криком своим.

Бертран

Что мне этот валет!
Он спит и не проснется,
Такие не чутки,
До страстей и забот человека
Нет дела
Тем, кто рожден рабом!

Рыцарь - Грядущее *(с улыбкой)*
А какое дело океану,
И соленому ветру,

И звездам, свершающим путь свой, —
До твоих страстей и забот!
Смирись!
Мира полет бесцелен!

Б е р т р а н

Ты — дьявол в рыцарской маске!
Долой этот плащ,
Оставь пустые слова,
Блесни мне в очи
Честным доспехом,
Ты нарушил братское слово,
Ты врагом явился сюда!
Будем биться с тобой опять,
Если ты — сеньор Гаэтан,
А не призрак, явившийся мне!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Сам ты призраком сделал меня,
Вечной заботой мирскою
Болен усталый твой мозг!

Б е р т р а н

Лжешь ты,
Я еще мыслю,
Кровь еще не остыла моя,
Ты плоть и кровь,
Или бледная утра прозрачность?

Г а э т а н (*грозно*)

Гаэтан, сеньор Кормора,
Говорит с тобою,
Несчастный Бертран!
Биться с тобой не буду;
Как и тогда,
Ни ты не можешь меня,
Ни я тебя одолеть!
Братскому слову я верен,
Только ревность внушает тебе
Меня на бой вызывать!

Б е р т р а н

Что бы то ни было,
Сердце твердит мне,
Что я — изменник,
В замок впусивший врага!
Если ты верен
Братскому слову,
Если и правда
Ты не нарушил союз,
Я, как брат твой названный,
Как сторож замка ночной,
Прошу тебя, уходи,
Покинь нашу мирную землю,
Дальше свой путь продолжай!

Г а э т а н

Я слово дал Изоре
Спеть ей песню мою! —
Не ломай в отчаяньи рук,
Не берись за меч бесполезный!
Я даю тебе братское слово
Мирно замок покинуть,
Если не оскорбят
Рыцарской чести моей!
(Скрывается за деревьями.)

⟨ИЗ ТЕКСТОВ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ⟩

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

За соснами сквозит скалистый берег и сереет океан. К хрустальному источнику, бьющему из черной скалы под ветвями столетнего дерева, подходят Бертран и другой рыцарь.

Б е р т р а н

Доблестный рыцарь,
Крепко мы бились!
Сломал я копьё и меч,
Но не сразил я тебя!

Рыцарь

Хвалю я отвагу
И силу твою!
Ты крепок и тверд,
Как этот ствол столетней сосны!

Бертран

Снимем же влажные шлемы,
Омоем пот с лица
И зачерпнем
Благи хрустальной,
Чтоб освежить
Воспаленные боем уста.

Рыцарь

Да будет меж нами
Отдых и мир!
Как сладостен дух
Нагретой солнцем смолы!
Отдохнем.

Снимают шлемы.

Бертран

Не думал я,
Когда бился с тобой,
Что под шлемом твоим
Серебрятся кудри седые!
Мальчика дерзкого
Думал найти,
Вижу — ты муж,
Искушенный в боях!
Но, хоть седа
< > *

Рыцарь

Рыцарь, имя свое мне поведай!

* Здесь и дальше строки точек в угловых скобках стоят на месте листов, перенесенных Блоком из второй в третью редакцию «Розы и Креста». — *Ред.*

Б е р т р а н

Зовусь я — Бертран,
Из Тулузы родом.
Ни о чем не напомнит тебе
Это темное имя.
Если же ты назовешь
Славное имя свое,
Верно, слуха коснется оно,
Как сладостный звук
Военной трубы!

Р ы ц а р ь

Нет, на юге у вас
Не знают меня,
Хоть путь мой лежит
На юг нечестивый,
Где сильные слабых гнетут!
Из Арморики милой я родом,
Гаэтан из Кормора зовусь!
Когда придет мне пора
Вложить в ножны этот меч,
< >
Силу меча твоего,
Пламень ударов твоих!
Подлое, низкое время,
Когда рыцарей лучших не ценят! —
Кто же послал тебя к нам
С юга на север суровый?

Б е р т р а н

Два порученья везу я с собой:
Должен узнать я,
Скоро ли войско Симона Монфора
Нам поможет восстанье смирить...

Р ы ц а р ь

Слышал и я о восстаньях на юге,
Но, прости меня, рыцарь и друг!
Не верю я в правду

Папских и графских затей!
Звал и меня жестокий Монфор
Под орифламму свою,
Но ведь в жилах наших льется одна
Святая французская кровь,
И не хочу я честный свой меч
Кровью родною пятнать!
< >

Рыцарь (*после молчания*)

Страшно быть человеком.
Закаленной воли упорство
Только с жизнью можно отдать! —
В чем, скажи мне, другое
Порученье твое?

Бертран

Рыцаря долг —
Тайну дамы свято хранить.
Я не отвечу тебе.

Рыцарь

Ты прав, печальный и строгий!
Много узнав о тебе,
Я пред тобою в долгу!
Узнай же теперь,
С кем столкнула тебя судьба!

Бертран

Брат, выслушать рад я,
Как с рыцарем рыцарь,
С тобой говорю я,
Но странное чувство
Твой взор и твой голос
Рождают во мне!..
< >

Рыцарь

Но судьба не свершилась моя!
Парка тянет блестящую нить,

Светлый луч уходит в туман,
И с надеждой в туман я гляжу!
Последний путь
Синеет вдали,
Пряжа парки блестит и ведет...

Б е р т р а н (*волнуясь*)

Куда пряжа парки ведет?

Р ы ц а р ь

Радость-Страданье
Ждет впереди!

Б е р т р а н

«Радость-Страданье»!
Дальше, о, дальше!

Р ы ц а р ь

Слушай! Видишь ли ты,
Как сурова природа вокруг?
В этих диких суровых лесах,
Где светлый источник
Вечно бьет
В серый камень серебристой струей, —
Юность моя протекла!
< >
Слушал я долгие годы
Фейный говор лазурных струй:
«Мира единая сущность —
Необходимость без цели,
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!»
Словно у предка седого,
Слух мой открылся тогда,
Мира восторг безначальный
В говоре струй я постиг!..

Б е р т р а н

Постой!
Верить сказкам я не умею!
Рассказ твой на песню похож!

Рыцарь

Жизнь мою, а не сказку узнал ты!
Но сердце сожгла мне она,
И сердца пепел горячий
Я в звуки песни вложил.
Знаю, теперь менестрели
Часто поют мою песню,
Может быть, слышал и ты?

Бертран

Странно мне слушать,
Чудно мне верить,
Бред, или явь?
Дикая радость
Наполнила сердце...
Ты эту песню сложил?
Рыцарь-Грядущее — ты?

Рыцарь

Как узнал ты прозвание мое?

Бертран

Ты, что дороже мне всех
Мира сокровищ,
Дороже всех дам,
Кроме одной!
Слушай теперь меня!
Вот порученье мое! —
Она велела тебя отыскать,
Тебя, кто песню сложил!
Пел твою песню заезжий жонглер,
Долго покоя не знала она,
Ночью приснилось ей в розовом сне
Странное имя твое! —

Молчание.

Очнись, несчастный Бертран!
«Рыцарь-Грядущее!» Гретишь ты сам!
«Рыцарь-Грядущее!» Яркий твой сон
С правдою жизни жестокой несхож!

(Плачет.)

Рыцарь

Да, еду, с тобою!
Сто рыцарей с нами!

Бертран

Дай только мне
Рыцаря слово,
Что в замке
Ты безоружных не тронешь!

Рыцарь

Нет, только в честном бою
С равными буду я биться!
Если там льется
Кровь оскорбленных, —
Все мы встанем под знамя восстанья
И будем сражаться за правых!

Бертран

Лишь на короткий день
В мирной одежде жонглера
Тебя я в замок впущу!
Замок в тот день для тебя
Да будет садом священным,
Где роза Изоры цветет!
Как соловей,
Снов чужих не тревожа,
Ты песню свою ей споешь!
Потом — простимся с тобою,
И — да свершится судьба!

Рыцарь

Доблестный, дай мне руку твою!
Услышит Изора песню мою!

Он трубит в рог, созывая своих рыцарей. Оба уходят к оставленным коням.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

〈СЦЕНА IV〉

.....

А л и с а

Да... подпишись... «Бертран»...

И з о р а

Дай мне скорей! (*Читает.*) «Рыцарь-Грядущее в замке. Он придет к вам потайным ходом, когда взойдет луна. Будьте осторожны, в случае опасности я предупрежу вас альбой. Прекрасная Дама, будьте благословенны. *Бертран*»...

А л и с а

Что я говорила вам?

И з о р а

Да... счастье снова со мной... или все это сон... честный Бертран...

А л и с а

Вам — любовь и радость, а мне — слезы и тюрьма...

И з о р а

Алиса! У тебя будут шелковые ткани, и драгоценные камни, и самый красивый валет... все, все!.. когда я получу свободу!..

Слышится перекличка ночных сторожей:

Полночь пришла!

Сон принесла!

Другие голоса повторяют то же вдаль.

И з о р а

Алиса! Луна! Как бьется сердце! Неужели — правда! Уходи, оставь меня одну!

Алиса уходит в соседнюю комнату.

СЦЕНА V

И з о р а — одна.

И з о р а

Святой Видиан! Я стораю! Где кольцо!

Она легко поднимает за кольцо незаметный люк. Лунный луч сквозь розы окна слабо освещает открытый ход.

Чу! Шорох!

В розовых кустах за окном пробегают шелест. Раздаются тихие шаги под землей. Появляется Рыцарь-Грядущее, закутанный в черный плащ, лицо в тени берета.

СЦЕНА VI

Изора, Рыцарь-Грядущее.

И з о р а

Ты — сон, или нет?
Мрак, или свет?

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Сон твой счастливый!
День твой грядущий!

И з о р а

Голос твой незнакомый
В трепет бросает меня!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Кратко свидание наше...
Не спрашивай ни о чем...

И з о р а

Ни один соловей весенний
Родины бедной моей
Не пел так сладко и нежно!
Но странен слов твоих смысл!
Туманен черный твой плащ!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Изора, ангел ясный!
Грядущее — туманно!

И з о р а

Сбрось печальный свой плащ!
Открой прекрасный свой лик!

Рыцарь - Грядущее
Он не радостен будет
Взорам прекрасным твоим!

И з о р а

Не терзай меня!
Голос твой — громче слов!
Откройся, кто ты!

Рыцарь - Грядущее
Рыцарь-Грядущее я!

И з о р а *(обезумев)*

О, как жесток
Жалкой пленницы сон!
Проснись, Изора! Очнись, Изора!
Нет, сон мой, продлись, продлись!
Если ты правду, сказал —
Открой лицо, я узнаю тебя!

Рыцарь-Грядущее бросает плащ и берет; на нем синяя одежда, усыпанная звездами, глаза сияют, кудри белеют под луной.

Безумие!
Словно из сна моего ты восстал!
Тот самый лик!
Синее пламя очей
И кудри светлее льна!
(Бросается перед ним на колени.)

Боюсь я тебя!
Весь в звездах золотых,
Не рыцарем — небом ты кажешься мне!

Рыцарь - Грядущее
Встань, земная краса!

И з о р а

Жизнь мою погубила
Соловьиная песня твоя!
Знай, из-за песни твоей
Утратила я осторожность,

Я лишилась свободы моей!
Спой мне страшную песню твою!

Рыцарь - Грядущее
Родины нашей суровый напев
К вечному счастью нейдет!
Розы так пышно цветут вокруг тебя,
А в песне — и море, и буря, и вьюга,
И крест одинокий над вьюгой горит!

И з о р а

О, не пугай крестом суровым!
Мать учила молиться меня,
Но не о том — твоя песня... —
Все, все погибнет,
Розы увянут,
Яблони цвет опадет,
В рощах умрут соловьи,
Если уйдешь от меня!

Рыцарь - Грядущее
Много я видел в мире широком,
Но долгие годы не билось так сердце,
Как пред тобой оно бьется, Изора!
Встретясь с тобою, я страстно желал бы
Юности пыл невозвратный вернуть!

И з о р а

Не лги, мой любимый!
Ты все забудешь
В объятиях жарких моих!

Рыцарь - Грядущее
О, роза роз, ты не видишь
Седину печальных кудрей?..

И з о р а

Кудри твои ярче светлого льна!

Рыцарь - Грядущее
На лице — рубцы от меча...

И з о р а

Это — светлые тени луны!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Ветер морской
Обесцветил мне очи!

И з о р а

Молчи! Пылает твой взор,
Как факел, звезда, алмаз!
Мне сладко и страшно с тобой!
И смерть и горе забыть заставляет
Дивная песня твоя!
Вспомни, о, вспомни: «Один
Сердцу закон непреложный» —
Любить и милым владеть!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Изора, закон непреложный
Не о том говорит...

И з о р а

«Радость-Страданье!»
Да, даже страданье —
Радость с тобой!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Дитя прекрасное!
Обманул я тебя моей песней!

И з о р а (*смеется*)

Ты сам свою песню забыл!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

То, что ты вспоминаешь,
Пел тебе соловей, а не я!..

И з о р а

Разум слабеет
Под блеском этих очей!

Что мне до песни!
С ума ты сводишь меня!
Что медлишь? С тобой мы одни...

В ту минуту, как она бросается к нему, раздается альба.

Б е р т р а н (*поет за сценой*)

И з о р а

Проклятие песне,
Слугнувшей мой сон!
Что мне делать? Он близко! —
Завтра придешь ты?
Песню услышу твою?

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Если есть на то воля твоя,
Ты мою песню услышишь!

И з о р а (*мечется по комнате*)

Зачем проклятый урод
Альбой восторг мой спугнул!
Как ты прекрасен! Дикая му́ка —
Мне разлучаться с тобой!
Возьми эту розу на память о страсти,
С розой такой на груди ты мне снился,
Так черна и красна испанская кровь!

Р ы ц а р ь - Г р я д у щ е е

Дар твой на сердце моем
Да будет залогом свиданья!

(*Начинает спускаться.*)

И з о р а

Как алмаз драгоценный
Опускала я в кованный пышный ларец,
Так тебя отпускаю под землю,
Чтоб ты завтра снова восстал!
Ты пришел ко мне, как весна,
Вернись же,
Как грозовое и душное лето ко мне!

Рыцарь - Грядущее (*из-под земли*)
Счастье земное, прости!

И з о р а (*над люком*)
Где мне взять силы,
Чтобы тяжесть эту поднять!
Алиса, помоги мне!

Алиса вбегает, и они вместе опускают крышку. Ключ поет,
входит Граф.

СЦЕНА VII

Изора, Алиса, Граф.

Г р а ф

Что с вами, Изора? На вас лица нет.

И з о р а

Да, мой повелитель! Я страстно молилась, до обморока, до слез!

Г р а ф

Разделите со мною радость! Монфор идет к нам на помощь! Завтра мы празднуем весну! Вы свободны завтра! Мы будем на зеленом лугу слушать нового жонглера, который посетил наш замок! — Довольны ли вы? — Что с вами?

Изора беспомощно смотрит вокруг.

А л и с а

Супруга ваша потрясена неожиданной милостью. Радость не дает ей говорить.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Яркий полдень в замковом парке. Луг и берег пруда, покрытые кустами роз и пестрыми полевыми цветами. Среди них скамьи приготовлены для встречи мая.

СЦЕНА I

Бертран и один из рыцарей Гаэтана.
Бертран несет узел, звенящий бубенцами, — одежду жонглера.
Он свистит условным образом. На свист выходит из-за деревьев рыцарь.

Б е р т р а н

Передай ему платье шута
И скажи, что жду его здесь.

Рыцарь уносит одежду. Бертран в тяжелых думах бродит между деревьями.

СЦЕНА II

Бертран, Алискан.
Алискан — в торжественной одежде, какие носили перед посвящением в рыцари, с цветком в руке.

А л и с к а н (*садится на берегу пруда,
не замечая Бертрана*)

Всю ночь на страже в капелле
Я глаз не сомкнул.
Кто-то альбою в утренний час
Сон влюбленных тревожил... —
Этим ли пальцам красивым сжимать
Грубое древко копьа? —
Куда, говорят, в счастливом Аррасе
Вежливей люди и моды красивей!
Под фиалками тонут столы,
Льется рекою душистый кларет,
Дамы все — познатнее Изоры —
Тонко знают науку любви...
Разве стал бы там рыцарь учтивый
Слуг тревожить, веселье смущать? —
«Ревность — отсталое чувство», —
Сказано, помнится, в книге красивой,
Что из Рима привез мне отец...

(*Смотрится в пруд.*)

Эти нежные губы подобны
Прихотливому луку Амура, —

Их я спрячу под маской железной?
Этот розовый ноготь сломаю
Рукоятю железной меча?.. —
Нет, другие бы люди и моды, —
Спал бы ночью я рядом с Изорой,
Альбу нежную слыша сквозь сон...

(Погружается в дремоту.)

Б е р т р а н *(ломаю руки)*

Как мирно уснул он!
Верно, совесть чиста у него!
А ты, несчастный?
Куда привела твое сердце любовь?
Изменил ты!
В замке — рыцарь чужой и враждебный.
Что ты сулишь, Грядущее, ответь!

СЦЕНА III

Бертран, Гаэтан, Алискан — спящий.

Г а э т а н *(переодетый жонглером,
выходя из-за деревьев, кладет ему руку на плечо)*

Брат, ты звал меня.

Б е р т р а н *(вздрагивая)*

Ты здесь! Что Изора?

Г а э т а н *(сумрачно)*

Спит непробудно она.

Б е р т р а н

Боже милосердый!
Он застал вас? Он ее убил!

Г а э т а н *(с горькой улыбкой)*

Нет, спасла ее альба твоя.
Горького жизни напиток
Еще не вкусила она.

Океана ветер соленый
Не обжег еще жарких ланит...

Б е р т р а н

Холодным ужасом веет
От слов непонятных твоих!

Г а э т а н

Тише. Ты мальчика разбудишь.

Б е р т р а н

Этот валет?
Он спит и не слышит,
До забот человека такие не чутки...

Г а э т а н

Все спит: синий полдень,
И пестрый луг, и мальчик нарядный.
Спит земная краса,
И сердце мое засыпает.
Видно, кончен мой путь земной...
Отойди, неистовый сердцем,
Ты мешаешь мне путь мой свершить...

Б е р т р а н

И ты? Что случилось с тобою?
Не рыцарем — призраком кажешься ты.

Г а э т а н

Вечной людскою заботой
Болен мятежный твой мозг.

Б е р т р а н

Нет, я еще мыслю и вижу!
Ты же, вечно меняющий маски,
Друг или враг — отвечай наконец!

Г а э т а н

Я — брат твой усталый...

Б е р т р а н

Не верю!
Мало крови в твоих словах!

Г а э т а н

Смирись!
Ослепила ревность тебя!
Океану, и ветру, и звездам
Дела нет до страстей человека!

Б е р т р а н

Может быть, я — больной ревнивец,
Что бы ни было — сердце твердит мне,
Что с тобою пришла вражда...
Сторож замка — врага впустил я,
Изменил одному, ослепленный другим! —
Если призрак ты — прахом развейся!
Если ты отшельник, покинь
Эту землю, тебя заклинаю,
Путь, сужденный тебе, продолжай...
Если ж верен ты прежнему слову, —
То, как рыцарь, бейся со мной!

Г а э т а н

Не ломай в отчаяньи руки,
Не берись за меч бесполезный,
Мы когда-то бились с тобою,
Но друг друга сразить не могли...
Пусть услышит песню Изора,
Дал ей слово я спеть мою песню
И в последний — судьбу испытать!

Скрывается за деревьями. Алискан просыпается от песен девушек, несущих майское дерево.

СЦЕНА IV

Бертран, Алискан, девушки, Изора, Граф и весь его двор.

Д е в у ш к и (*поют*)

Вот май, веселый май...

.....

П е с н я
«Р ы ц а р я - Г р я д у щ е е»

Ревет ураган,
Поет океан,
Вечный кружится снег!
Мчится мгновенный век!
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковой
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан!
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан!

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено!
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

В прошлом — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди? —
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

День твой грядущий — скитанье, —
Пусть же под песню волны
Рыцарю снятся в тумане
Милой Арморики сны!

Ревет ураган,
Поет океан,
Вечный кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Г р а ф

Старик, сегодня — май, а твоя песня пахнет мокрым февралем, как и твоя борода.

Г а э т а н

Госпожа, вы слышали песню мою?

И з о р а (*смотрит на него,
не узнавая*)

Старый жонглер.

Лишается чувств. Дамы и Алискан бросаются к ней

Г р а ф

Рыцарь-Несчастье привез нам этого скомороха! Точно опять наступила зима, и холодный ветер заставляет бледнеть наших дам!

Во время этих слов Гаэтан пропадает в толпе.

СЦЕНА V

Те же, без Гаэтана.
Издали слышны трубы.

Б е р т р а н

Ваша Светлость! Измена!

Волнение среди рыцарей, крики, звон оружия.

О т д е л ь н ы е г о л о с а

На коней! — Поднять мост! —

Измена! — Монфор! — К оружию!

Все разбегаются в суматохе.

СЦЕНА VI

Изора, Алискан, Бертрап
Изора в суматохе подает руку Алискану и бежит с ним, приподнимая платье от росы.

Б е р т р а н (*преграждая им дорогу*)
Изора!

И з о р а

Посторонитесь, дерзкий рыцарь!

Б е р т р а н

Он велел вам отдать эту розу
И сказать вам: «Прости,
Я только твой сон!»

И з о р а

Кто — он?

Б е р т р а н

Рыцарь-Грядущее!

И з о р а

Невозможно!

Б е р т р а н

Смертельная бледность
Покрывает ваши ланиты...
Обопритесь на эту руку!
Силы еще в ней довольно,
Чтобы ветвь розы сдержать...

И з о р а

Так значит... Только сном он и был?
Но откуда черная роза!..

Шатаясь, смотрит на Бертрана и опирается па руку Алискана,
стоящего подле.

А л и с к а н

Погоня! Бежим!

Увлекает ее. За деревьями показываются какие-то кресто-
носцы.

СЦЕНА VII

Бертран, рыцарь.

Б е р т р а н (*обезумев, бросается впе-
ред с обнаженным мечом*)

Изменник! Меч обнажай!
Ты призрак! Крест твой — обман!

Лишь через труп мой пройдешь
В башню высокую к ней!

Крестоносец

Богохульник! Подлый ткач!
Сражаются. Крестоносец падает.

Бертран

Грядущее! Где ты!
Сам на бой выходи!

На него нападает несколько крестоносцев. Жестокая битва. Бертран убивает нескольких и падает, наконец, пораженный в сердце, обагрив кровью цветы.

Грядущее! Сражон я тобой!

Другой крестоносец

Во имя Бога и Монфора! Одним еретиком меньше!

(Добивает его мечом.)

Бертран

Монфор... все равно... довольно... Изора... *(Умирает.)*

Из замка доносятся трубы и радостные крики: «Да здравствует Монфор!»

Конец

ПРИМЕЧАНИЯ К ДРАМЕ «РОЗА И КРЕСТ»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА II

Святой Иаков!

Граф и Капеллан часто поминают одного из наиболее почитаемых в их время святых — апостола Иакова Старшего, «святого Иакова Кампостельского». Прах святого Иакова, покровителя Испании, был перевезен в IX столетии в Кампостелло; легенда говорит, что место для погребения (в испанской провин-

дии Галиции) было указано звездой; отсюда — имя местечка — *Campus Stellae*; немного позже, по преданию, сам Иаков на белом коне участвовал в битве с маврами при Logrono и принес испанцам победу. Все это сделало Santiago местом паломничества не менее знаменитым, чем Рим; один из торных путей северных паломников пролегал близ Тулузы; как раз в начале XIII столетия достраивался собор над могилой святого.

СЦЕНА III

Болезнь называется меланхолией...

Диагноз Доктора заимствован мной из средневекового лечебника, составляющего часть рукописи XIII—XIV вв. муниципальной библиотеки в Cambrai (напечатан в статье A. Salmon, в книге «*Etudes romanes dédiés à Gaston Paris par ses élèves français et étrangers*». Paris, 1891). Лечебник начинается словами: «*Constantins et maistre Galiens et Ipcras nous tiesmoignent...*» Далее: «*Et u melancolie surhabunde, le corps malmet... et si ne puet la folie de legier esciver*» (избежать... см. слова Алисы в IV сцене)... «*Li sanc croist en printans, et en gain (осенью) noire cole. Li sanc croist des ydes des fevrier disques as ydes de marc... Melancolie regne des ydes d'aoust dusques en fevrier... Quant il ia trop sanc, par le nés s'en ist fors...*

...*Contre melancolie, ki est froide et seke et aigre, on ne le doit mie tenir trop maigre; on le doit plenierment dyeter, et li doit on donner douc et moiste, et ce li vaut...*» *

Дай сюда шахматы...

В романе Круглого Стола «*Lancelot*» фея Вивiana играет в шахматы с Ланселотом. О том, что шахматы были распространены в замках феодалов, свидетельствует и Вальтер Скотт

* «Великие учителя Гален и Гиппократ нам свидетельствуют... И когда меланхолия возобладает, терзает тело... и таким образом не легко избежать безумия... Кровь бунтует весной и осенью черным цветом. Кровь бунтует от ид февраля до ид марта... Меланхолия господствует от ид августа до февраля. Когда бывает излишек крови, она исходит через нос...

...Против меланхолии, которая холодна, суха и остра, не следует быть слишком худым; следует полностью соблюдать диету и следует вводить влагу, и это помогает...» (старофранц). — *Ред.*

в своих «Essais sur la Chevalerie», и популярные истории литературы и нравов.

Спеть вам песню, которую поют при Аррасском дворе?

Аррасский двор (Аррас — столица графства Артуа, главный город нынешнего департамента Па де Калэ), о котором только и мечтает Алискан, был в XII столетии, после долгого господства графов фландрских, присоединен Филиппом Августом к французской короне; он отличался особым блеском куртуазии в XIII столетии.

Аэлис, о, роза...

Только имя Аэлис в этой песне заимствовано мной (по его созвучию с именем Алисы) из известной старофранцузской народной песенки: «Bele Aaliz main leva...» * (см. Е. В. Аничков, «Весенняя обрядовая песня»; транскрипция имени принадлежит ему же).

СЦЕНА IV

Симон Монфор

Симон — сначала барон, потом граф Монфортский (родился около 1160 г.), в 1199 г. участвовал в крестовом походе в Палестину и был прозван за храбрость «Маккавеем» своего века; возвратясь, был избран баронами предводителем крестового похода против альбигойцев; поход этот начался в 1208 году, к которому и надо приурочить время действия «Розы и Креста». Крестonosное войско собралось в Лионе и пошло на юг; взятие Безье, при котором папский легат произнес исторические слова (слова Бертрана, д. III, сц. 1), а потом и Каркассона, относится к следующему году. Симон, прославившийся крайней жестокостью во время альбигойской войны, был убит (гораздо позже) ударом камня при осаде Тулузы.

Раймунд

Раймунд VI «Старый», граф Тулузский, родился в 1156 г., имел бурные разногласия со св. престолом по поводу альбигойства, которому он негласно сочувствовал; ему приписали убийство легата Петра де Кастельно. Два раза отлученный от церкви

* Прекрасная Аэлис подняла руку... (старофранц.). — *Ред.*

(1208, 1211), он выдержал страшную резню, шесть лет был в изгнании (пока Тулузой правил Симон Монфор), но потом возвратился и до смерти продолжал владеть графством, несмотря на нападения Амори Монфора (сына Симона). Раймунд был женат пять раз, но оставил только двух законных сыновей. В 1208 году графство Тулузское вмещало в себе графства Кверси, Альби, Каркассон, Ним, Безье, Фуа и «Прованский маркизат».

Монсегюр

Монсегюр — замок в Лангедоке — был одним из очагов сектантства.

Епископу их новому присягу...

Многие города Лангедока (Альби, Тулуза, Каркассон, Валь д'Аран) были почти сплошь заселены сектантами (катарами); в Альби жил епископ, стоявший во главе одной из епархий.

С дьяволовыми ткачами мы сладим...

«Ткачами» (tisserands, téxerands) назывались альбигойцы потому, что большая часть секты состояла из ремесленников этого рода, особенно в Тулузе.

Роман о Флоре и Бланшефлёре

Роман этот греческого происхождения (две редакции XII века); сюжет его использован, между прочим, Боккачио; это — трогательная история любви двух детей; их разлучают, но, после многих приключений и опасностей, они счастливо соединяются; родственна этой истории *chante-fable Aucassin et Nicolette*,* написанная также в XII столетии, частью стихами, частью прозой (G. Paris, *La Litterature française au moyen âge*, XI—XIV siècle).

СЦЕНА V

Святой Видиан

Изора, дочь бедной швей-испанки, из маленького городка Martres Tolosanes (Муки Толозанские), который лежит у подошвы Пиреней на берегу Гаронны; патрон этого городка — мало-

* Сказка об Окассене и Николетте (франц.). — *Ред.*

известный St. Vidian, сын герцога времен Карла Великого, обративший в бегство мавров, убитый ими около городка Ангонии и погребенный там; на могиле его были явлены чудеса; с той поры Ангония (южнее Толозы) была названа городом «мучеников» (Martres), и до сих пор, около Троицы, праздник святого знаменуется там примерными битвами христиан с маврами (описание праздника и костюмов — в статье A. Thomas — Vivien d'Aliscans et la légende de St. Vidian в книге «Études romanes», указанной выше; в статье доказывается родство жития св. Видиана с некоторыми chansons de geste *).

Я клялся бы розой — Вы краше всех роз...

Изора принимает эти слова за общее место и удивляется, откуда мог научиться куртуазии бедный рыцарь.

За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

Золото Тулузы вошло в поговорку с языческих времен; оно означает богатство, приносящее беду.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Не верь безумию любви...

Песня, словами которой перекликаются Гаэтан и рыбак, записана виконтом de la Villemarqué в его собрании народных бретонских песен (Barzaz-Breiz, Chants populaires de la Bretagne). История сохранила смутную память о каком-то городе V века, который назывался Хрис, или Кэр-Ис. Легенда рассказывает, что Кэр-Ис был столицей Арморики; им правил благочестивый король Граллон, который был дружен со святым Гвеннолэ, первым аббатом первого монастыря, построенного в Арморике; город Кэр-Ис стоял на берегу моря и был отделен от него громадным бассейном, который спасал от наводнений во время приливов; в плотине, отделявшей бассейн от города, была потайная дверь, а ключ от нее хранился у короля. Песня, написанная на корнваллийском диалекте, начинается словами:

* Героическими поэмами (франц.). — *Ред.*

«Arabad eo en embarat!
Arabad eo en arabadiat!
Goude levenez, Kalonad!»

то есть:

«Не верьте любви!
Не верьте безумию!
За радостью — страданье!»

Далее описывается, как старый король уснул после пира; он спал в пурпурной мантии, с золотой цепью на шее, его седины, белые, как снег, струились по плечам.

В это время коварная дочь Граллона, прекрасная Дагю (Dahu) проскользнула в его спальню, опустилась на колени, сняла с его шеи цепь и ключ вместе с цепью.

Она открыла потайную дверь, чтобы впустить своего любовника, чьи речи текли тихонько, как вода, ей в уши; океан хлынул и затопил город; только лесник слышал потом, как дикий конь Граллона, быстрый, как пламя, промчался в черную ночь; он видел, как водяница расчесывала на берегу под полуденным солнцем золотые волосы; она пела, и песни ее были печальны, как плеск волн; св. Гвеннолэ превратил коварную Дагю в сирену; рыбаки и поныне видят остатки стен и башен, выступающие из воды во время отлива, а в бурю слышат звон колоколов на дне морском.

Гаэтан — лишь один из слагателей легенды, источники которой восходят к легендам о гибели Содома.

Трауменек

Замок, о котором идет речь, в действительности назывался Troménes. Все имена деревень и местечек — исторические: Plougasnou, Plouézec и Plouguerneau — лежат на севере Бретани, в нынешнем департаменте Finistère. В книге брата Albert Le Grand, доминиканца XVI века (Les vies des saints de la Bretagne — Armorique. Brest et Paris, 1837, Imprimerie de P. Anner et fils; есть новое издание), есть глава, перепечатанная из «Истории церквей и часовен Божьей Матери, построенных в диоцезе Св. Льва» (сочинение монаха Кирилла ле Пеннека — Morlaix, 1647). Здесь рассказывается следующее: близ Арморики виднеется приход Ландеда (Landeda); хоть он и не велик, однако ничем не уступает другим в отношении почитания Пресвятой Девы. Отсюда — спуск к порту Аберврак (Aber-Grac'h, Aber-Wrac'h), где существует преданный церкви монастырь «Notre-

Dame des Anges», основанный в 1507 году (таким образом, во времена «Розы и Креста» монастыря еще не было, как нет его и теперь: в наше время он превращен в гостиницу, а уничтожен был во время Великой Революции). В том же приходе можно посетить капеллу Божьей Матери на красивой и приятной лужайке, по соседству с прекрасным источником; она принадлежит благородному дому Троменек; замок находится рядом с ней (в наши дни от этого замка осталось лишь несколько развалин, заросших плющом); построена она сеньером Троменека на память о поединке с молодым сеньером Карманом.

Аберврак лежит на самом берегу бухты, при устье речки, от которой он получил имя, и прямо против него — выход в океан, укрепленный в 50-х годах прошлого столетия небольшим фортом, который теперь оставлен. Прибрежная полоса, отделяющая бухту от океана, только и носит теперь имя Арморики (древнее имя Бретани); близ этого форта есть скалы и камни причудливых очертаний. Ландеда и развалины Троменека лежат на высотах над Абервраком, в виду океана. Со всего этого берега виден лежащий в море пустынный остров Девы (Ile Vierge), на котором воздвигнут величайший из французских маяков, указывающий вход в Ламанш.

Мы все туда на праздник ходим...

Рыбак понимает les pardons — «прощеные дни», которые исстари празднуются по всей Бретани танцами, шествиями, ярмарками и т. д.

СЦЕНА II

Из Арморики милой я родом...

Гаэтан называет свою родину Арморикой по-старинному. В его время она уже носила имя Бретани.

*...Ты веришь,
Что в жилах у нас
Одна — святая, французская кровь?..*

Это не ходячее мнение; в то время, хотя и близкое к объединению Франции, большинство думало иначе, и Алискан, говорящий о «чужой и дикой Бретани» (действие 1, сц. 3), является характерным выразителем обывательских мнений.

*Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги сверну!*

Бертран поехал на север, по поручению графа, выехав сначала на Толозанскую дорогу (La via Tolosana) — обычный путь пилигримов в Santiago с севера; путь этот указан в одном «путеводителе пилигримов» (Codex Campostellanus XII века; здесь значатся: Nîmes, Saint-Gilles, Saint-Guilhem-du-Désert, Toulouse). В последние годы Bédier в своей книге (Les Légendes épiques, recherches sur la formation des chansons de geste, 2 volumes, Paris, 1908), следуя указаниям Chansons de geste, проследил этот путь за Nîmes на Париж через Clermonts-Ferrand. Монфор, выйдя из Лиона и направляясь к Тулузе, очевидно, вышел где-то южнее на Толозанскую дорогу; там-то Бертран и встретил его. Затем, исполняя поручение Изоры, Бертран свернул к северо-западу и достиг пределов Бретани.

Возле синего озера юная мать...

Весь монолог Гаэтана навеян романом «Lancelot du lac»; Ланселот был унесен из колыбели феей Вивианой на дно озера; она воспитала его; она учила его играть в шахматы, за обедом он сидел против нее в венке из роз даже в те месяцы, когда розы перестают цвести; когда же юный Ланселот стал тосковать и пожелал стать рыцарем, фея долго не хотела отпускать его, наконец научила его христианским заповедям рыцарства и сама отвезла ко двору короля Артура и прекрасной королевы Джиневры.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Войска его святейшества

Крестовый поход против альбигойцев был вдохновлен папой Иннокентием III.

Орифламма Монфора

Герб Симона III Монфортского — в Версали. Все гербы зала крестовых походов (чертежи и описания) — см. в шестом томе «Galeries Historiques du Palais de Versailles» (Paris, 1840).

Они теперь в Безье...

Событие относится в действительности к лету 1209 года. Знаменитые слова произнес папский легат Арнольд Амальрик; после этого, говорит хроника, в городе «не осталось ни одного живого существа»; Безье разграбили и сожгли.

...Первый день весенний, вы знаете, он — первый года день...

«Апрель и май — ключ всего года» (старая французская поговорка).

СЦЕНА II

Подсыпь немного ивово́й коры...

Salix alba — известное в средних веках слабительное.

Сегодня я встаю на ночную стражу...

В обряд посвящения в рыцари входило, кроме поста и очистительной ванны, стояние на ночной страже в ночь перед посвящением; это называлось — «*veillée des armes*».

СЦЕНА III

Многие места диалога Изоры и Алисы, особенно то место, где Алиса играет роль клерка, заимствованы мной из провансальского романа XII века *Flamenca*.

Им же навеян мне характер графа. Оттуда же взято имя графа *Archambaut* (Арчимбаут — транскрипция Е. В. Аничкова), имена Алисы (у *Châtelaine* Фламенки две «*damoiselles*»: Алиса и Маргарита), Оттона и Клари. Наконец, из того же романа взяты мной некоторые отдельные образы и выражения в пьесе, например: волосы у графа, «как у черта на картинке»; «когда улыбается, скалит зубы по-собачьи»; «ярость любого дракона можно смягчить кротостью»; и др. (Срв. «*Le roman de Flamenca*», publié d'après le manuscrit unique de Carcassone, traduit et accompagné d'un glossaire par Paul Meyer, Paris — Béziers, 1865).

Прекрасный, как святой Губерт

S. Hubert — «*Apôtre des Ardennes*» XII века, покровитель охотников.

СЦЕНА V

Переключка ночных сторожей

Ночные сторожа в Тулузе до сих пор кричат: «Minuit passé, dormez en paix!»

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Душистый кларет —

смесь вина, меда, духов и пряностей.

Наука учтивой любви —

куртуазия.

СЦЕНА III

Песня девушек

взята мною из разных майских песен («trimouzettes»). Начало ее:

C'est le mai, le joli mai,
C'est le mai, le tri mà ça.

(Срв.: Е. В. Аничков, «Весенняя обрядовая песня», часть I, глава 3, стр. 168 и сл.).

Майское дерево — столб, украшенный цветами и лентами, — носили девушки в венках и с песнями или возили на телеге, запряженной волами.

Бароны и богатеи —

постоянный титул провансальской знати: «rics oms e baros».

Песня первого менестреля —

свободный перевод трех строф (I, II и IV) знаменитой сирвенты Бертрана де Борн:

«Ve m platz lo dous temps de pascor» * (все чередования рифмы соблюдены).

* Очень мне приятно сладостное время пасхи (старофранц.). — *Ред.*

Песня второго менестреля —

вольное переложение песенки пикарского трувера XIII века.
Начало ее:

Le premier jor de mai
dou dous tans cointe et gai
chevalchai
entre Arras et Douai

(см. Аничков, «Весенняя обрядовая песня», т. I, стр. 124 и сл.).

Песня Гаэтана

принадлежит мне, но некоторые мотивы ее навеяны бретонской поэзией. В ней есть отголосок разговора ребенка с друидом, где друид говорит: «La Nécessité unique, Ankou, père de Douleur; rien avant, rien de plus» * (см. Villemarqué, Barzaz-Breiz).

В припеве повторяется постоянный мотив: «La neige tombait, le vent soufflait» ** (сравн. A. le Braz, «Vieilles Histoires du pays breton», Paris, 1905, «Nôel des Chouans»).

Что касается понимания песни Изорой, то оно зависит не только от ее собственного характера, но и от общего направления южного ума: итальянский ученый Egidio Gozzi, говоря о провансальской поэзии, подчеркивает: «joi e poesia sono sinonimi, come pure sinonimi sono poesia et amors» *** (Delle origini della poesia de medio evo, Torino, 1895). Суровый северный напев о Радости и Страдании откликается в южном сердце как «Страдание — радость с милым». Joi на севере — высокое вдохновение, на юге — легкая весенняя радость.

Шутов сюда!

Показывать акробатические фокусы умели часто те самые жонглеры, которые умели петь. Слова моих жонглеров — заимствованы.

Крест на красном поле —

герб Раймунда Тулузского, — см. «Galeries historiques de Versailles», t. VI.

* Единственная Необходимость, Анку, отец Страдания; ничего впереди, ничего более (франц.). — *Ред.*

** Снег падал, ветер свистел (франц.). — *Ред.*

*** Радость и поэзия — синонимы, так же как чистые синонимы — поэзия и любовь (итал.). — *Ред.*

Крест над вьюгой —

видение бретонских рыбаков.

**ЗАПИСКИ БЕРТРАНА, НАПИСАННЫЕ ИМ ЗА
НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ДО СМЕРТИ**

Я, Бертран, сын простого тулузского ткача, с малых лет попал на службу в замок графа Арчимбаута в Лангедоке. За долгую службу граф опоясал меня мечом. Посвящение мое в рыцари прошло незаметно, и никакая дама не дала мне ни шарфа, ни пояса, но сам я, втайне от всех, избрал дамою своего сердца прекрасную супругу моего господина — графиню Изору. Жизнь моя так и протекла бы в неустанных заботах об охране замка, которые были все возложены на меня; я мог бы проводить еще долгие ночи на страже во дворе замка, так как силу не спать, но бодрствовать мне давала любовь к той, чье окно выходило на мой пустой двор; но случилось происшествие, которое дало толчок к перемене всей моей судьбы.

Однажды во время турнира, в минуту, когда я почувствовал непобедимую усталость после бессонных ночей, чужой рыцарь — великан с дельфином в гербе — вышиб меня из седла подлым ударом и наступил мне ногой на грудь. Горя стыдом и гневом, я умолял его пронзить мне сердце; но госпожа махнула платком, и меня пощадил. С тех пор никто не давал мне проходу, все стали смеяться мне прямо в лицо. Вероятно, и она смеялась надо мной за глаза, но любовь моя к ней не умерла, а только чувство горечи примешалось к ней, потому что я чувствовал себя ей обязанным моей, хотя и несчастной, жизнью; я решил тогда доживать свой век, редко позволяя себе утешаться мыслями о смерти и полагая, что мне уже ничем не смыть того унижения, которое так неожиданно на меня обрушилось.

Тем временем окрестные крестьяне, которых здесь зовут презрительно «ткачами», стали все чаще совершать набеги на замок, а иногда нападать и на наших рыцарей, которых заставляли врасплох на дороге. Таким образом они напали на Оттона и на Клари; правда, их не убили, а только исколотили дубьем до полусмерти. Это было ответом на вызывающее поведение

нашего двора; графу случалось для потехи устраивать облавы на крестьян, как на диких зверей, а иногда рыцари наши, наскучив турнирами, пирами и песнями, охотились за девушками из соседних деревень.

Видя все это, я не мог оставаться равнодушным, но также не мог ничем помочь беде, так как был только ночным сторожем и разведчиком и, в унижении моем, не имел даже голоса, чтобы умолить моего господина оставить жестокие забавы и предостеречь его от грозящих неприятностей. Может быть, — да простит меня бог, — в моей оскорбленной душе жило грешное чувство злорадства, ибо тот, кто унижал меня не совсем справедливо, сам не был чист. Особенно же мучило меня и восставляло против господина — его отношение к молодой графине, на которую он не обращал никакого внимания, не умея ничем занять свою прекрасную супругу, которой было только семнадцать лет. Молодые женщины требуют внимания и забот, а те из них, которые отличаются пылким нравом, умеют сами занять себя, когда их не занимает супруг.

Невнимание моего господина к прекрасной Изоре, которая отличалась пылким нравом, не замедлило сказаться. Юная графиня приблизила к себе своего молодого пажу Алискана, и я был иногда свидетелем того, как она резвилась на зеленом лугу среди цветов, приподнимая платье от вечерней росы, с этим красивым мальчиком, а он преследовал ее, как мотылек преследует пеструю бабочку.

Наступила весна этого тяжелого года, когда невинные забавы молодой графини были неожиданно прерваны. Заезжий жонглер спел в замке странную песню, которая произвела глубокое впечатление на прекрасную Изору; она отстранила от себя пажу и предалась непонятной ни для кого тоске. Напрасно размышлял я о том, чем волнует ее песня, из которой мне запомнились ярко слова о том, что беда и утраты преследуют человека всюду и нет для него иного спасения, кроме креста. В песне этой говорилось также о море, о снеге и Радости Страданья. Я помню утро, когда я, по обыкновению, стоя на страже во дворе замка, размышлял о своей несчастной судьбе, о неразделенной любви и о том, как может Страдание быть Радостью. Эти слова песни влекли меня, но я не знаю, сам ли я чувствовал скрытый за ними тайный смысл, или чувствовать его меня заставляла любовь к той, для кого в те дни эта песня была предметом всех стремлений. — Пока я стоял там на страже и тихо

повторял про себя темный напев, придворная дама моей госпожи, распахнув окно наверху, велела мне, по обыкновению, принести воды из колодца и потом приказала отойти от окна. Я помню, она сказала: «Моя госпожа больна, ее расстраивает ваше пенье».

В те дни я был послан на разведки и узнал, что граф Раймунд снарядил войско в Тулузе и под знамя его встал сосед наш — Монсегюр. Граф Монфор, которого ждали у нас в замке как избавителя от еретиков, был, по словам окрестных жителей, еще только в Лионе. Господин мой, призвав меня через несколько дней к себе, расспросил меня обо всем подробно и велел ехать на север, чтобы узнать в точности, где находится войско Симона Монфора.

В тот самый день госпожа кликнула меня из окна, когда я проходил по двору. Я вошел к ней изумленный, ибо никогда прежде не удостоивался от нее такой чести. В присутствии своей придворной дамы она сказала мне, что ее супруг и мой господин подозревает ее и собирается заточить в Башню Неутешной Вдовы, чем возбудила в моей душе величайшее сострадание к пей. Узнав от меня, что я послан на север и что в башне есть потайной ход, она велела мне отыскать сочинителя той песни, которая не дает ей уснуть, по двум признакам, которые она видела во сне: и по черной розе на груди и по имени «Странник». Поручение это показалось мне детскою сказкой, но, зная, что в детских сказках больше правды, чем думают люди, я дал ей слово погибнуть, или исполнить ее поручение, полагая втайне, что иду на верную гибель, которая не страшила меня, ибо я ни на что больше не надеялся в жизни.

После этого госпожа моя заставила меня, как я ни просил меня отпустить, признаться в моей любви к ней. Когда я безмолвно склонил перед ней колени, мне показалось, что тень привета скользнула по ее прекрасному лицу. В эту минуту вошел граф с ключами от башни и, застав меня в комнате госпожи, решил, что я ухаживаю за ее придворной дамой. Госпожа не стала, конечно, отрицать этого, чтобы не навлечь на себя худших подозрений, так как гневу графа и без того не было пределов. Он унижал меня словами, которых я не стерпел бы, если бы могла в те дни исполниться мера моего унижения. Но унижение мое тогда было беспредельно, и, когда граф на моих глазах отослал свою супругу в Башню Неутешной Вдовы, я исполнился желанием помочь моей невольной и прекрасной предательнице и, смущенный сердцем, отправился на далекий север —

с двойным поручением: от господина, который с того часа стал вовсе чужим моей душе, но которому я не мог и не хотел изменять, ибо измену, даже неправде, почитаю делом, недостойным рыцаря; и от госпожи, любовь и сострадание к которой давали мне силу продолжать путь, еще самому мне непонятный.

Я странствовал долго и уже собрал все сведения о войске графа Монфора, которое застал на Толозанской дороге, в Безье, где оно занималось делом, позорным для христиан, избивая, по наущению папского легата, мирных жителей. Давно свернув с Толозанской дороги, я доехал до самого берега океана в той местности, которая носила некогда название Арморики, а ныне называется Бретанью. Кружа по берегу на усталом коне среди камней под хлопьями снега и под ветром, который хлестал мне в лицо, — я увидел внезапно странного рыцаря в лохмотьях; он затеял со мной ссору, из которой я легко вышел победителем, так как он был стар и слаб. После этого он позвал меня отдохнуть у себя в замке, и я охотно принял его предложение, так как конь мой устал и я начинал отчаиваться в моих долгих поисках. Рыцарь, оказавшийся сеньором Трауменека и назвавшийся Гаэтаном, рассказывал мне чудно и непонятно о подводном городе, а я, слушая его голос и смотря на его юношеское лицо и глаза, которые не утратили своего огня даже под тенью седин, убелявших его голову, — исполнялся странным предчувствием, чего со мной никогда не бывало. Иногда во время его рассказа, содержание которого мне было трудно уловить моим простым умом, мне казалось, что он послан мне в награду за что-то. Каково же было мое изумление и радость, когда он наконец явственно повторил слова песни, волновавшей мою госпожу, и признался, что он сам сочинил эту песню! Я радовался и тому, что нашел того, кого, казалось мне, не было и не могло быть на свете, и тому, что рыцарь этот стар и что госпожа моя лучше услышит из его уст его песню, не смущаясь низкой мужской красотой. Да простит мне господь это грешное чувство, но я не должен скрывать, что, хотя я никогда не помышлял о близости к госпоже, зная, что недостоин ее ни по положению моему, ни по возрасту, тем не менее радовался тайно тому, что она отстранила от себя юного Алискана, и тайно боялся красоты того нового рыцаря, которого она поручила мне отыскать.

Мне было не трудно уговорить Гаэтана отправиться со мной на юг, ибо он не имел почти никакого имущества в своем замке и был по природе своей истинным Странником. То, что на груди

Гаэтана вместо черной розы был вышит выцветший крест, мало смущало меня, ибо говорят, что сны нельзя толковать дословно; более смущала меня непонятность его речей, которые я слушал от него всю дорогу. Особенно волновал меня напев о Радости-Страданьи, который он повторял часто; порою речи его и песни, имевшие какой-то таинственный смысл, которого я никак не мог уловить, наводили на меня жуть, ибо мне начинало казаться, что передо мной нет человека, а есть только голос, зовущий неизвестно куда. Тогда, чтобы разогнать свой испуг, я должен был прикоснуться рукой к своему собеседнику, и, убедившись таким образом, что это — не призрак, я бережно укладывал его спать и кормил хлебом, как старого младенца. Он же, несколько не интересуясь тем, куда и зачем я его везу, — не замечая ни времени, ни мест, по которым мы проезжали, и не нуждаясь почти ни в пище, ни в питье, ни в сне, без которых нельзя жить человеку, — рассказывал мне свои сказки и пел песни. Меня одновременно увлекал его странный образ, в котором было какое-то обаяние нездешнее, и отталкивала его беспомощность, слабого подобия которой я никогда не встречал в нашем мире. Некоторые черты его возбуждали во мне даже негодование, которого я никак не умел побороть; особенно не мог я простить ему того, что он не мог запомнить имени моей госпожи и часто смешивал ее с какой-то Морганой, к рассказу о которой он возвращался часто.

Так, волнуемый противоположными чувствами и зарождающимися во мне сомнениями, привез я старого Гаэтана в наш замок, где в это время томилась в заточении моя госпожа.

Доложив графу о своих разведках и приведя его в доброе расположение духа мало говорящим известием, что Монфор находится на Толозанской дороге, я воспользовался этим, чтобы просить графа — освободить юную графиню, упомянул, что наступает май, который все празднуют в нашей округе, и что я привез с собой нового жонглера с новыми песнями. Граф обещал мне на радостях освободить Изору.

Когда наступила ночь, я, перед тем как отправиться на стражу, спрятал Гаэтана в розовых кустах, чтобы его никто не нашел. Ложась спать, он продолжал рассказывать сказки, еще раз назвал госпожу мою Морганой и, когда я спросил его наконец, где у него правда и где вымысел и может ли он объяснить мне, как может Страданье стать Радостью, он сослался только на свои песни.

Стоя в ту ночь на страже у ее пустого окна, я чувствовал какую-то особенную тревогу, и крайние сомнения стали терзать меня. Мне с ясностью представилось, что старик, которого я привез с собой и которому должен завтра принести одежду жонглера, чтобы он пел на празднике, где будет слушать его моя госпожа, наслал на нее какие-то туманные и страшные сны, от которых она томится, не находя исхода. Я подумал о том, что она была счастливее, когда предавалась невинным играм с молодым пажом, и стал молиться господу богу, прося его освободить от туманных образов пламенную грудь юной Изоры.

Наутро, когда я пришел будить Гаэтана, он бредил во сне, а на груди его лежала черная роза, непохожая на все те красные, которые цвели над ним. Грудь моя исполнилась несказанным волнением, и я спросил его, откуда у него этот цветок. Он ответил, что цветок, вероятно, упал с куста, и, в ответ на мою просьбу, с легкостью отдал мне розу. Взяв благоговейно цветок и спрятав его на грудь, я не пытался проникнуть в чудо, посланное мне за мою усердную молитву, но почувствовал необыкновенный прилив сил. В тот час я понял ясно, что старый младенец более не опасен для прекрасной Изоры и что любовь моя стала выше и чище с той минуты, как роза стала моею.

Перед началом праздника я узнал о готовящемся нападении на замок и пытался предупредить графа, который не захотел, однако, меня слушать. Положившись на волю божию, я был свидетелем того, как Алискан был посвящен в рыцари, как Гаэтан пел свою песню, как Изора от волнения лишилась чувств, как старик скрылся куда-то и как потом Изора, очнувшись от обморока, обратила свои взоры на Алискана. В ту минуту, когда придворные дамы скрыли от моих глаз двух влюбленных, пришла весть о нападении, все бросились к оружию, и я, чувствуя розу на груди моей, пошел в бой.

Богу угодно было, чтобы среди небольшого отряда нападающих, сторонников графа Раймунда, оказался тот самый рыцарь с дельфином на гербе, который был причиной всех моих несчастий. Я вступил с ним в бой, бой длился недолго, и в ту минуту, когда этот рыцарь нанес мне жестокий удар мечом в грудь, где была спрятана роза, я повалил его на землю, хотя он был ростом с великана, и, наступив ему ногою на грудь, так же, как некогда он наступил мне, заставил его просить пощады. Тогда войска нападающих рассеялись, и я, оставив моему противнику

жизнь, возвратился в замок. Граф, узнав о том, что я ранен, передал через дружественного мне рыцаря, что он на эту ночь освобождает меня от стражи, но госпожа моя, встретив меня благосклонно, приказала мне быть на страже эту ночь, чтобы во время ее свидания с Алисканом подать ей знак ударом меча, в случае опасности. Теперь я чувствую себя в руке божией и, насколько хватит сил (ибо раны мои болят), буду стараться, чтобы никто в эту ночь не нарушил покоя юных влюбленных, помня, как добрый отец, что не страшны те, кто убивает тело, души же не может убить.

Май 1913

«РОЗА И КРЕСТ»

(К постановке в Художественном театре)

Первое, что я хочу подчеркнуть, это то, что «Роза и Крест» — не историческая драма. Дело не в том, что действие происходит в южной и северной провинции Франции в начале XIII столетия, а в том, что помещичья жизнь и помещичьи нравы любого века и любого народа ничем не отличаются один от другого. Первые планы, чертежи драмы в тот период творчества, когда художник собирается в один нервный клубок, не позволяет себе разбрасываться, — все это было, так сказать, внеисторично. История и эпоха пришли на помощь только во второй период, когда художник позволяет себе осматриваться, вспоминать, замечать, когда он «распускает» себя.

Вот вкратце содержание и основная мысль драмы «Роза и Крест».

Есть песни, в которых звучит смутный зов к желанному и неизвестному. Можно совсем забыть слова этих песен, могут запомниться лишь несвязные отрывки слов; но самый напев все будет звучать в памяти, призывая и томя призывом.

Одну из таких туманных северных песен спел в южном французском замке заезжий жонглер. Песня говорила о том, что в мире повсюду беда и утраты и что рыцарь должен отметить грудь свою знаком креста, ибо «сердцу закон непреложный — Радость-Страданье одно»; эта песня, с суровым припевом о море и о снеге, запала в душу юной графини Изоры, жены владельца богатого замка, и в душу бедного рыцаря Бертрана, который

перно служил графу, не получая наград за трудную службу, и тайно любил графиню Изору без надежды на взаимность.

Семнадцатилетняя Изора, дочь простой испанки, начитавшаяся романов, поняла песню о Радости-Страдании по-своему: «Радость — любить, страданье — не знать любви». Она затосковала и заболела, стараясь припомнить и понять зовущую песню. Причина ее болезни неизвестна ни старому глупому мужу, ни льстивому и развратному капеллану, ни доктору, ни придворной даме, ни молодому и красивому пошляку — пажу Алискану, с которым Изора еще недавно занималась от скуки легкими любовными играми.

Простой и здравый разум седеющего неудачника Бертрана не умеет постичь туманного смысла песни. Бертран слишком свыкся со страданием, чтобы поверить, что оно может стать Радостью; но сердце его слышит далекий зов, и оно твердит ему, что госпожа, которую он любит, томится этой самой песней.

В то время разгорается на юге Франции восстание альбигойцев, и папа снаряжает против них крестовый поход; войско его движется с севера на выручку сюзеренов Лангедока. Граф, который также боится нападения окрестных крестьян, посылает Бертрана разведать, близко ли папское войско. Изора, узнав, что Бертран отправляется на север, велит ему отыскать создателя непонятной песни по признакам, которые ей приснились, и привезти его к ней.

Бертран не отказывается от сумасбродного поручения и решает исполнить его, или погибнуть. Поэтому, разузнав все, что ему приказано, о войске папы, он пускается в дальний путь и достигает пределов Бретани. Здесь, на пустынном берегу океана, судьба или случай сталкивают его с высоким худым рыцарем в поношенной одежде с выцветшим крестом на груди. В причудливых рассказах этого старого ребенка, которого зовут Гаэтаном, простой ум Бертрана не может различить правды от вымысла; но, вслушиваясь в рассказы, Бертран исполняется странным предчувствием; сам себе плохо веря, он узнает по-немногу в странном старике создателя туманной песни, и с торжеством увозит его с собою.

На празднестве, устроенном в первый весенний день, Гаэтан должен выступить после других жонглеров и спеть свою песню; но взволнованная ожиданием графиня Изора ждала прекрасного и юного певца, и не признает его в призрачном старике. Только голос, слышанный ею во сне, потрясает ее так, что она лишается

чувств. Придя в себя, она видит, что старик исчез, а рядом с нею — влюбленный в нее красивый и молодой Алискан. Тогда все недавнее томление начинает казаться ей сном.

Празднество прервано нападением врагов. Бертран бросается в бой, обращает врагов в бегство и смертельно ранен. Изора, не зная о ране и видя в Бертрane единственного преданного слугу, просит его стать ночью на стражу у окна, пока у нее будет Алискан, и, в случае опасности, подать знак ударом меча о камень.

Бертран, помогая Алискану взобраться в окно госпожи, встает на стражу у окна счастливых любовников. Истекая кровью, он постигает наконец, как Страдание может стать Радостью. В ту минуту, когда Изоре грозит опасность быть застигнутой ревнивым мужем, умирающий Бертран роняет меч на каменные плиты двора. Алискан, услышав звон меча, успевает бежать. Изора, никогда не обращавшая внимания на бедного рыцаря, увидав его мертвым, плачет.

Такова основа драмы «Роза и Крест». Она есть, во-первых, драма человека Бертрана; он — не герой, но разум и сердце драмы; бедный разум искал примирения Розы никогда не испытанной Радости с Крестом привычного Страдания. Сердце, прошедшее долгий путь испытаний и любви, нашло это примирение лишь в минуту смерти, так что *весь* жизненный путь бедного рыцаря представлен в драме.

«Роза и Крест» есть, во-вторых, драма Изоры, хотя в ней представлена лишь часть ее пути, дальнейшая же судьба неразумной мещанки, сердце которой чисто, потому что юно и страстно, — неизвестна. Изора еще слишком молода для того, чтобы оценить преданную, *человеческую только* любовь, которая охраняет незаметно и никуда не зовет. Изора прислушивается к нечеловеческим зовам, которые влекут ее на противоположные пути. Если Гаэтан — не человек, а призрак и как бы *чистый* *голос*, певец, сам не знающий, о чем поет, то и Алискан — не человек, а красивое животное, которое слишком знает, куда зовет.

Естественно, что молодая и красивая женщина предпочла живое — призрачному; было бы странно, если бы темная и страстная испанка забыла южное солнце для северного тумана; но судьба Изоры еще не свершилась, о чем говорят ее слезы над трупом Бертрана. Может быть, они случайны, и она скоро забудет о них; может быть, и она приблизилась к пониманию

Радости-Страдания; может быть, наконец, ее судьба — совсем не сходна с судьбою человека, который любил ее *христианской* любовью и умер за нее как *христианин*, открыв для нее своей смертью новые пути.

25 мая 1915

〈ИНТЕРВЬЮ С А. БЛОКОМ О ДРАМЕ
«РОЗА И КРЕСТ»〉

〈В репортерской записи〉

О своей пьесе Александр Блок говорит следующее:

«Роза и Крест» первым долгом является драмой человека Бертрана. Он — не герой драмы, но — Разум и Сердце ее. Бедный Разум хотел примирить Розу красоты и бессмертия с Крестом страдания. Разум искал примирения с Сердцем, а нашло его одно только Сердце. Утешение же Бертрана оказалось в Смерти.

«Роза и Крест» есть также драма Изоры, этой слишком молодой, красивой женщины, столь отзывчивой на нечеловеческие, фантастические зовы. Она предпочитает реальное — призрачному, и действительно казалось бы странным, если бы смуглая испанка отдала свое чувство северному певцу.

В заключение А. Блок указывает на то, что исторические факты действий драмы, провансальские и бретонские названия ее — верны и действительны.

〈Декабрь 1915〉

〈ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА〉

Первое, что я хочу подчеркнуть, — это то, что «Роза и Крест» — не историческая драма. Вовсе не эпоха, не события французской жизни начала XIII столетия, не стиль — стояли у меня на первом плане, когда я писал драму. По многим причинам, среди которых были даже и чисто внешние, я выбрал именно эту эпоху. Первые схемы, чертежи, контуры, соотноше-

ния, — словом, все то, что художник делает напряженно, лихорадочно, экономя время, собираясь весь в один нервный клубок, — все это было, так сказать, внеисторично. Только в следующей стадии, когда художник освобождается, так сказать развязывает себя, дает себе волю смотреть по сторонам, дает крови своей течь свободно, присматриваться, прислушиваться, вспоминать, выбирать, — пришла на помощь эпоха.

Итак, дело не в том, что действие происходит в 1208 году в южной и северной Франции, а в том, что жизнь западных феодалов, своеобразная в нравах, красках, подробностях, ритмом своим несколько не отличалась от помещичьей жизни любой страны и любого века.

На холме, окруженном бедными хижинами, стоит грубая, толстостенная громада — феодальный замок, окруженный серыми стенами, вром, над которым кипит цепной мост, с башнями, бойницами, узкими окнами. На окрестных холмах — такие же поместья, вокруг — те же хижины. Шесть месяцев зимы проходят в однообразии и скуке, остальное время — в пирах, турнирах, охотах, празднествах, в которых принимают главное участие приезжие жонглеры и менестрели.

В замке живет хозяин с семьей, двором, прихлебателями, челядью и т. д. Если он женат, — дети его воспитываются в другом таком же замке, готовясь к посвящению в рыцари.

Совершенно таков же простой, давно устоявшийся, уклад жизни графа Арчимбаута, человека знатного рода; вероятно, в роду его были настоящие крестоносцы, и в его грубом облике, облике квадратном и тяжелом, как самый дом, в котором он живет, и в его речи, довольно широкой и высокопарной, когда он сохраняет самообладание, и рычащей, когда он его теряет, — сквозят все же аристократические черты. Живет он в то время, когда всякая мода на крестовые походы и на всякий героизм — прошла безвозвратно, и оттого жизнь его особенно однообразна. Привычные звуки этой жизни — собачий лай, лошадиное ржанье, скрип цепей на мосту, дребезжание посуды на кухне; и голоса всех местных жителей — немножко похожи на все эти звуки. Лучи солнца ярки, трава зелена и жирна, розы красны и огромны — и все это только еще больше подчеркивает квадратность всего уклада, сонную животность его.

Самый близкий к Арчимбауту человек — капеллан, потому что он все умеет пронюхать и обо всем донести, а вместе с тем,

когда нужно, успокоить; [близок, разумеется, также и повар, потому что готовит кушанье, но повар все-таки зависит от капеллана.]* Доктор занимает довольно униженное положение, потому что все всегда, в сущности, здоровы и доктор содержится для штату.

В одно из своих странствий Графъ заехал в Пиренеи и попал в маленькое местечко, называвшееся «Толозанские Муки». Здесь пленила его дочь простой швеи Изора, и он, наскучив холостой жизнью, решил на ней жениться.

Изора сразу не хотела выходить за Графа, уговорила ее мать, и сама она, будучи девушкой сметливой и далеко не трусливой, решила, что не стоит гнушаться графским титулом. Она переехала в замок и стала женой Арчимбаута, но ни взаимной любви, ни даже привязанности из этого не вышло.

Изора — смуглая, быстрая, хищная, жадная, капризная. Она не плебейка, но демократка. Все ее движения быстры, их угловатость смягчается природной грацией. Грация эта в ней именно — от природы, а не от породы. Она умна, находчива, в ней много здравого смысла и даже — грубости, которая опять-таки смягчается только обаянием ее женственного облика. Женщина она до мозга костей, и этим, конечно, ограничен диапазон ее движений, поступков, поз, мыслей; несмотря на широту ее размаха, она всегда обречена бросаться от ястребиной зоркости в кошачью мягкость. Мы застаем ее уже женщиной, а не девушкой, это смягчило в ней последние углы, сделало ее всю расцветшей, *налившейся*, как сказал Флобер про одну из своих героинь. В Изоре так много звериного, темного, что все то новое, что неудержимо плывет на нее, что, помимо воли, ее обуревают, — потрясает ее всю, даже физически, бросает ей кровь в щеки, доводит до припадков гнева, ярости, до обмороков. Но при всем этом, Изора — такой тонкий и благородный инструмент и создана из такого беспримесно-чистого и восприимчивого металла, что самый отдаленный зов отзывается в ней. — Из всех обывателей замка Изора одна — чужая, приезжая, и потому — без всякой квадратности.

Конечно, такая женщина не могла привязаться к старому и неуклюжему мужлану, каким был граф Арчимбаут. И он, когда первое увлечение прошло, нашел жену свою слишком

* Взятые в прямые скобки были Блоком позднее вычеркнуты. — *Ред.*

беспокойной и предоставил ей полную свободу, заботясь только об одном: чтобы не пострадала его честь, а на остальное смотрел сквозь пальцы; для надзора за женой Граф приставил к Изоре — Алису, которая стала ее наперсницей, за неимением лучшей.

Алиса, в противоположность Изоре, — глубочайшая плейбейка, кофейница, как теперь бы сказали мы. Постарше своей семнадцатилетней госпожи, смазливая; она — осторожная, ничем не брезгует: старый капеллан, так капеллан, если нельзя залучить молодого Алискана.

Алискан состоит при Изоре в качестве пажа. Этот молодой человек с пушком на губе очень красив собой, строен, гибок и изящен. Он — сын богатых помещиков, дружественных Арчимбауту и отдавших своего сына на воспитание в его замок. Ходит с лютней, мечтательно рассеянный (когда ему неинтересно), говорит жирным голосом. Впоследствии он будет, в сущности, таким же Арчимбаутом, но с тою разницей, что у старого графа еще сохранились кое-какие обрывки понятий о родовой чести, а у этого — ничего нет, кроме изнеженности, свойственной молодым людям его поколения. Все дело спасает только молодость и животная красота. Алискан, разумеется, понимает, что Изора свободна и «плохо лежит», а Изоре нравится чернокудрый Алискан, и, конечно, они давно бы стали любовниками, если бы не помешала этому все развивающаяся «меланхолия» Изоры. Алискан, однако, не теряет надежды, но действует не торопясь и наверняка. Хотя Алискан и приезжий, но все упомянутые качества вполне способствуют его приспособлению к укладу жизни; он, в сущности, тоже — квадратный, при всей своей «мечтательности», и из рамок квадратности не выходит.

Теперь нам надо сказать несколько слов о последнем обитателе замка, который играет для нас главную роль. Это — бедный рыцарь Бертран. Он сам рассказывает свою биографию во II акте «Розы и Креста».

Захудалого рыцаря Бертрапа заставили сторожить замок и исполнять самую трудную и черную работу. Он безропотно исполняет все, будучи верным слугой.

Бертран, что называется, тяжелый человек; он и неповоротлив, и неуклюж, и некрасив лицом. Лет ему за сорок, в черных волосах пробивается седина, лицо обветренное, огрубевшее. Мы его застаем в самую трудную для него минуту — когда плечи его горбит безысходная тяжесть. Он неумолимо честен, трудно честен, а с такой честностью жить на свете почти невоз-

можно, и все окружающие, пользуясь этой честностью на все лады, над ней же издеваются и ее же считают дурацкой.

Бертран скрывает под своей непривлекательной внешностью нежное сердце и любит все то, чего никто не любит и не умеет любить так, как он.

Он любит прежде всего Изору, полюбил ее с одного взгляда, понял о ней сразу все, что никому не приходило в голову, и ей самой в том числе; что она среди других — особенная, что в ней много детского, что ее капризы таят в себе настоящую волю, которая способна сломать много преград. Изора — для Бертрана — все, что есть светлого на земле; когда она страдает — страдает и он.

Изоре, конечно, нет дела до бедного сторожа, но ей, как всем женщинам, не лишнее — и его любовь, которую она прекрасно чувствует, хотя он ее до сих пор не проявлял никогда и ничем. Она способна иногда от скуки кивнуть ему из окна, подразнить его, пробежать мимо него по двору, кокетливо приподнимая платье от вечерней росы.

Бертран любит свою родину, притом в том образе, в каком только и можно любить всякую родину, когда ее действительно любишь. То есть, говоря по-нашему, он не националист, но он француз, для него существует *ma dame France*,* которая жива только в мечте, ибо в его время объединение Франции еще не совершилось, хотя близость ее объединения он предчувствовал. От этой любви к родине и любви к будущему — двух любвей, неразрывно связанных, всегда предполагающих ту или другую долю священной ненависти к настоящему своей родины, — никогда и никто не получал никаких выгод. Ничего, кроме горя и труда, такая любовь не приносит и Бертрону.

И, наконец, — Бертран — слуга, служба и долг глубоко вошли в его жизнь. В этом чувстве нет ни тени лакейства; но он действительно и искренно защищает своих хозяев, действительно считает долгом сносить от них все зло, которое они ему причиняют, и защищать их от тех, с кем бы он был сам, при других условиях; так как он — сын тулузского ткача и в жилах его течет народная кровь, кровь еретика, [альбигойца,] кафара.

Прибавим к этому еще, что Бертран по природе страстен, у него южный сангвинический темперамент. Это — единственный человек из здешних, из местных, у которого — квадратная

* Моя госпожа Франция (франц.). — *Ред.*

внешность и не квадратная душа. Нужна большая сила событий для того, чтобы повернуть этого неуклюжего, тяжелого, обиженного человека, для того, чтобы он изменился даже внешне так, как изменяется он к концу драмы.

Таково положение, в котором мы находим действующих лиц перед началом драмы.

Вся эта жизнь так и шла бы без особых перемен, если бы не вступило в нее некое новое начало, сначала — в виде «мечты», воспоминания (о голосе, о словах), предчувствия, а потом и в виде лица, которое, однако, не действует самостоятельно. Ему суждено только дать последний толчок к разрешению драмы и выйти из нее так же незаметно, как оно вошло в нее.*

Каков же Гаэтан?

Гаэтан есть прежде всего некая сила, действующая помимо своей воли. Это — зов, голос, песня. Это — художник. За его человеческим обликом сквозит все время нечто другое, он, так сказать, прозрачен, и даже внешность его — немного призрачна. Весь он — серо-синий, шатаемый ветром.

Про рост его ничего нельзя сказать — бывают такие люди, о которых мало сказать, что они высокого роста. Лицо — немного иконописное, я бы сказал — отвлеченное. Кудри седые, при лунном свете их легко принять за юношеские льняные кудри, чему помогают большие синие глаза, вечно юные; — не глаза, а очи, не волосы, а кудри, не рот, а уста, из которых исходит необыкновенно музыкальный и гибкий голос.

Гаэтан сам ничего не знает, он ничему не служит, ни с чем в мире не связан, воли не имеет. Он — *instrumentum Dei*, орудие судьбы, странник, с выцветшим крестом на груди, с крестом, которого сразу и не заметишь. Это именно — ξέγος — странный чужеземец.

Ξέγος — чужеродное начало — проявляет свою деятельность задолго до поднятия занавеса; может быть, год, может быть, два года — Изора томилась, сама себе не отдавая отчета, а влюбленный в нее Бертран, сторож замка, ходил по двору и останавливался на своем привычном месте под окном беспокойно спящей Изоры, под старой яблоней, на которую сам стал похож, которой он поверил все свои тайные мучения — старые обиды, ежедневные насмешки, собственное уродство, может быть,

* Это лицо и начало лучше всего определить словом ξέγος, что значит по-гречески — чужестранный, необыкновенный и странный, пришлец («ксенос», ξέγος).

даже тайные мучения ревности, в которых сам себе боялся признаться. Все это составляет, так сказать, увертюру драмы.

Но вот — чужеродное начало начинает явственно внедряться в жизнь, оказывает на нее ощутительное давление. Изора тоскует чуть ли не смертельно, так что пришлось позвать доктора, советоваться с духовником.

Бертрана поднимающийся занавес застигает, разумеется, все на том же месте двора, на 1001-м рассвете, в минуту, когда он мучительно припоминает слова и напев — который раз! — и все не может припомнить «ее любимой песни».

Что происходит в жизни, когда в нее вторгается непрошенный, неожиданный гость? В ней начинается брожение, беспокойство, движение. Можно изобразить это симфонически: раздастся длинный печальный, неизвестно откуда идущий, звенящий звон; в ответ — многообразие сонных шорохов, стуков, шумов. Первый монолог Бертрана играет роль этого длинного печального звука; слова Алисы спросонья, потом — шопот в переходах замка во второй сцене — первый сонный, смешанный ответный гул жизни.

Неизвестное приближается, и приближение его чувствуют бессознательно все. Тут-то и проявляются люди, тут-то и выявляется их истинное лицо. Те, кто не только не ждет, но и не хочет нового, кто хочет прежде всего, чтобы все осталось по-старому, — начинают проявлять свое сопротивление способами, которые присущи каждому из них. Граф суетится, боится, ревнует, Капеллан шипит, ябедничает; вульгарность Алисы, слушающей десяти господам, достигает особого безобразия.

Те, кто жаждет перемены и ждет чего-то, начинают искать пути, нащупывают линии того движения, которое скоро захватит их и повлечет неудержимо к предназначенной цели. Так как ни Изора, ни Бертран не знают, что должно произойти, и души их бродят ощупью, — их тревога сказывается прежде всего в невыразимой тоске. Вероятно, особенно напряженно тосковал Бертран в ночь накануне решительного для него дня; а Изора в ту ночь рвала зубами наволочки и рубашку на плече, когда ей приснился сон, который сама она капризно и властно окрестила вещим, не ведая о том, что сон этот был действительно пророческим и что он помимо ее воли предрешил судьбу ее упрямой, своевольной и страстной души.

Новое никогда не приходит одно, без свиты; и вот, на хозяина замка сразу обрушивается несколько бед: вместе с непо-

ление среды. Но как только загораются позади него лучи Гаэтана, его собственное стремление приобретает все бóльшую силу, и среда начинает постепенно растворяться под светом двух встречных лучей — Бертрана и Изоры.

Постепенно среда теряет сопротивляемость, посредственные люди отслуживают свою службу и уступают силе лучей. Представители среды как бы сходят со сцены, превращаются в призраков или в животных. Звезда Гаэтана, послав столько лучей, сколько было нужно для придания интенсивности свету лучей Бертрана и Изоры, тоже уходит за горизонт. Последней — меркнет звездочка Алискана, который сыграл окончательно свою роль, успев бежать от скандала и истязания. Тут гаснет и свет Бертрана, и *одна Изора* остается на полпути, над трупом Бертрана, окруженная зверями и призраками, с крестом, неожиданно для нее, помимо воли, ей сужденным.

Март 1916

6. «РАМЗЕС»

〈План пьесы〉

XIV в. до Р. Хр. Древние Фивы при Рамзесе II.

Раннее утро. Торговая площадь с домом градоначальника в центре города.

Некрасивые и мрачные фасады довольно высоких домов с плотно закрытыми дверями. Окон на улицу почти нет, так что видны только немногие окна, и то — в верхних этажах. К стенам прислонены лавочки, крытые камышом, пока запертые.

У главной двери дома градоначальника, которая помещается в низкой зубчатой стене, — сам градоначальник, главный правитель Земли Юга и главный распорядитель царских работ *Псару*, маленький, толстый, лысый человек — со своим домоправителем *Хамоизитом*.

Псару не выспался, голова горит, во рту горько, болит живот. Он замучился накануне, во время охоты с фараоном. Теперь ему предстоит еще явиться к фараону и делать ему доклад о своей поездке по провинции. Скверное расположение духа он вымещает на Хамоизите, который заслужил неодобрение своего господина пьянством и слишком крупным взяточничеством (Тураев I, 347). Хамоизит защищается, описывая, что у него украли рабочий (Тураев I, 352) и как трудно ладить с каменщиками, которые проломали стену Некрополя и украли зерно фараона. (Между прочим, Псару — во вражде с хранителем

Некрополя, ib., 353). В доме Псару ночует знатный гость. Когда он проснулся, Псару велит управителю проводить гостя и показать ему город, а сам идет румяниться и одеваться к встрече с фараоном.

Во время этих разговоров сцена постепенно оживляется — начинается торговля. Гонят ослов, нагруженных соломой. Пригнали овец, гусей, коз, волов. Крестьяне и рыбаки уселись на корточках перед плетеными лотками с хлебом, плодами, овощами, мясом, рыбой, материями. Продают удочки, циновки, браслеты, ожерелья, помаду, железо, олово, янтарь, драгоценные камни, стекло, фаянс. Открываются лавочки — сапожника, золотых дел мастера, столяра, горшечника, кондитера, пивная. Появляются покупатели и прохожие в пестрых костюмах — купцы, офицеры, чьювники, жрецы, богатые дамы, простолюдины, — сирийцы, эфиопы, феллахи, нубийцы, негры.

Хамоизит водит гостя своего повелителя по базару и обращает его внимание на драгоценные товары. Гость за все расплачивается золотом, покупает духи, опахало, узорные сирийские материи. Хамоизит согнулся под тяжестью покупок. Торговцы и торговки начинают бегать за богатым покупателем, который наконец скрывается от них в дверях дома градоправителя.

Дама заказывает ювелиру выплавить браслет из плитки электрона, страшно болтая и рассказывая городские сплетни.

В открытых помещениях видно, как горшечники лепят, сапожники скоблят кожу, работают, сидя на корточках, прядильщицы и ткачихи, мастер высверливает большую алебастровую вазу.

На площади чиновник и офицер спорят о том, чья служба обременительнее и хуже (Тураев I, 346—347).

У нескольких лавок останавливаются передовые верблюды каравана, пришедшего из пустыни. Негр спрыгивает со спины верблюда и подносит мешочек золота Хамоизиту, который привычно принимает его. Верблюдов разгружают.

Появляется человек в лохмотьях, странно размахивающий руками и посылающий проклятия на город. Его окружают любопытные; мальчишки гоняются за ним и швыряют в него луковицами; из верхнего окошка дома появляется на крик лысая голова Псару; пророк грозит ему, градоправитель быстро скрывается за окном.

Вдруг раздается страшный шум, вбегают несколько каменщиков, испачканных глиной и известкой. Они машут инструмен-

тами и тащат за собой трех скриб; вид у писцов (падсмотрщиков) испуганный и жалкий.

Каменщики требуют градоправителя и главного распорядителя царских работ Псару. Хамоизит напрасно убеждает их, что градоправитель нездоров, рабочие начинают грозить. Из дверей выходит уже накрашенный и одетый в белый халат Псару; выражение лица у него кислое, он держится за живот. Псару вступает в спор с каменщиками, доказывая им, что на прошлой неделе они получили уже хлеба более, чем им полагалось. В это время невольник проталкивается сквозь толпу и тихо сообщает градоправителю, что фараон уже выехал из дворца по направлению к храму Аммона; что, узнав о нездоровье градоправителя, фараон решил проехать мимо его дома и здесь принять от него доклад.

Псару, соображая, что фараона необходимо избавить от зрелища голодного бунта, вдруг обрывает споры, подзывает Хамоизита и приказывает ему дать каменщикам хлеба из его житниц. Хамоизиту спорить уже бесполезно, потому что Псару быстро говорит рабочим: «Подите за Хамоизитом, он даст вам хлеба из своих житниц». Каменщики, приписывая решение Псару его великодушию, благодарят его, приветствуют и уходят вслед за Хамоизитом.

Рынок тем временем уже несколько опустел, потому что наступил час полуденного отдыха. Перед пивной лежит пьяный. Кавалерист и пехотинец спорят о том, чья служба обременительнее и хуже. Вдруг, расталкивая и сбивая с ног редких прохожих, вбегают десяток черных невольников с палками в руках, наклонясь вперед. За ними появляется взвод разноцветных солдат со знаменем, булавой, пиками, секирами, щитами. Они становятся шпалерой, оттесняя народ к стенам; Псару, его друзья и рабы, вышедшие из дому, как и все остальные зрители, кроме солдат, падают ниц, и на сцене появляется Рамзес, красивый, как бог Озирис. Стоя на маленькой колеснице, один, с веером в руке, он осаживает на скаку своих двух лошадей прямо против дома градоначальника.

За колесницей фараона появляется колесница царицы и свиты.

Фараон обращается к лежащему на животе Псару с милостивым вопросом о здоровье. Градоправитель отвечает, что его слезили и над ним уже стоит шакал-Анубис. Фараон велит его поднять, утешает его, припимает от него доклад и, довольный ходом дел, велит наградить Псару множеством золота.

Перед фараоном ставят столик с драгоценностями, фараон берет самое тяжелое ожерелье и вешает его на шею Псару. То же делает царица и три царевны, так что Псару в конце концов еле может устоять под тяжестью драгоценностей, свешивающихся ему на живот и на спину. Однако он выпрямляется, воздевает руки и запекает хвалебную песню фараону, которую подхватывают все присутствующие. — Скриба записывает число розданных драгоценностей, которые начинают бросать в народ.

Фараон уезжает, сопровождаемый криками толпы. Друзья и родственники бросаются с поздравлениями к Псару, целуют его ноги и одежду; но Псару шатается и валится на бок. Его освобождают от драгоценностей и тащат с причитаниями в дом. Кучка друзей становится на колени перед домом и произносит заклинательную молитву о выздоровлении Псару. Скоро из дому с плачем выбегают женщины босые, с распущенными волосами, посыпанными пеплом: Псару помер. Площадь оглашается воплями, женщины, друзья, клиенты шныряют в толпе и призывают месть на голову того, кто сглазил Псару. Появляется оборванный пророк, он опять выкрикивает свои проклятия. Кто-то указывает на него, озверелая толпа гонится за пророком с палками, вслед ему летят камни.

Хамоизит с сокрушенным видом выходит из дому. Его окружает толпа мастеров и ремесленников. Он заказывает ваятелям, резчикам, гончарам, ювелирам, столярам, парикмахерам, гробовщикам, скрибам утварь для загробного жилища градоправителя. В толпе разносится весть о том, что пророк убит.

Приближается вечер, на горизонте загорелся огромный Сириус, народ начинает ему молиться.

7. <ПЛАНЫ «ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТИН»>

ПЛАН ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Действие происходит на юге Франции в конце XII столетия. Идея крестовых походов в упадке, канун Возрождения. Беспокойное время, когда человек начинает требовать свободы, душа рвет церковные и государственные путы, тело расцветает под тяжелыми одеждами, воля побеждает разум; из могилы средневековья вырываются рядом с самыми высокими помыслами — самые низменные инстинкты; человеческой жизни сообщилось вихревое движение, она закружилась в весеннем хороводе.

Богомольная владелица замка, молодая *Châtelaine*, заражена ересью, которая носится в воздухе и скоро попалит весь французский юг. *Châtelaine* сама не знает, что с ней, но молитвенник падает у нее из рук, душа ее полна туманных бредней и постоянно взволнована; от того молодая графиня становится только прекрасней и расцветает, как цветок, который ждет, чтобы его сорвали.

Равновесие потеряно, графиня уже не хозяйка себе и своему дому, и весь двор и вся ее челядь развращены; ее владения постепенно превращаются в очаг опасной для церкви и государства заразы, которыми скоро покроется весь Прованс, где среди празднеств слишком вольных и в песнях слишком громких все чаще раздается хула на католическую церковь.

У молодой графини есть брат, феодал более могущественный, чем она, советник короля, участник не одного крестового

похода, трубадур, искатель приключений и прожигатель жизни. Это — один из людей, которыми живет и дышит война, для которых, как это всегда бывает, цель войны всего менее интересна. Веселому и жестокому графу, конечно, нет никакого дела до гроба господня; зато его влекут приключения, добыча, пирушки, разврат и праздность — вечные спутники всякой войны.

Граф пресыщен удачами на войне и в любви. Последний предмет его страстных мечтаний — родная сестра. Но он — слуга короля и папы и боится испортить свою крестonosную карьеру преступной связью.

Удобный случай приходит сам собой; король и папа обеспокоены ростом ереси, зреющей на юге Франции. Граф получает поручение — по пути в Святую Землю водворить порядок в Провансе; самые мятежные земли отдаются ему на поток и разграбление.

Действие открывается в ту минуту, когда графиня готовится к торжественной встрече брата и празднеству в честь его, ничего не зная о его настоящих замыслах. Между тем часть ее придворной челяди уже подкуплена римским золотом; судьба ее решена.

Граф является на праздник с отрядом вооруженных рыцарей, со свитой, среди которой выделяется облачение папского легата.

Праздник начинается; за народными шествиями следуют песни трубадуров, в которых звучит насмешка над святым престолом; игры жонглеров сменяются плясками и скомошествами вплоть до церемонии посвящения Епископа Дураков.

Граф пьет вино, поет песню, в которой дико сплетаются напевы о золоте и о гробе господнем, и грубо ухаживает за сестрой; наконец он притворяется окончательно возмущенным пародией на католические обряды. Он объявляет сестру своей пленницей и делает знак рыцарям.

Папский легат приказывает жечь и резать всех — господь разберет своих. Рыцари и часть придворных выхватывают оружие. Дамы бегут, приподнимая свои тяжелые платья, по вечерней росе.

(Весна 1919)

ТРИСТАН

⟨ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ⟩

1. Сводчатый зал замка

Король Марк говорит баронам о новой дани, наложенной королем Ирландии.

Является Морольт — великан со спутниками. Его речь и вызов.

Речи баронов (трусливые. Назвать их именами будущих врагов Тристана).

Морольт повторяет вызов. Он похож на коршуна...

Морольт в третий раз повторяет вызов.

Тристан принимает вызов. Бароны хвалят его храбрость и плачут от стыда. Король Марк хвалит Тристана, напоминая его прошлое.

2. Берег моря

Тристана провожает народ. Он отплывает к острову. Приплывает и Морольт. Тристан отталкивает. Браня друг друга, бойцы углубляются в глубь острова. Три раза слышен ужасный крик оттуда. Народ ждет. Тристан возвращается с двумя мечами. Его приветствуют спасенные юноши и девушки. Тристан падает, обессилив от ран.

3. Ирландский берег

Изольда, дочь короля, ждет жениха — великана Морольта. Его спутники возвращаются с его трупом. Изольда проклинает имя Тристана. Похоронный плач. Изольда вынимает из головы Морольта кусок меча и прячет его.

4. Сводчатый зал замка

Четыре барона завидуют Тристану, ненавидят его за волшебство и боятся, что он станет королем. Они убеждают короля Марка жениться. Король противится — он стар. Тристан, чтобы отклонить от себя подозрение, также убеждает короля и угрожает покинуть двор. Король колеблется. Влетают две ласточки. Золотой волос. Король говорит, что он женится на Прекрасной Даме, у которой такие волосы. Тристан вызывается ехать на поиски ее.

5. Ирландский берег

Тристан и спутники подплывают к незнакомому берегу. Он слышит ужасный крик. Проходящая мимо женщина рассказывает ему о драконе и об обещании ирландского короля. Тристан идет сразиться с драконом. Он возвращается израненный и отравленный. Рыбаки говорят, что его может исцелить только их госпожа. Тристана несут к Изольде. (Или — во время боя с драконом за сценой, Изольда проезжает по берегу. Она говорит со спутниками Тристана, которые выдают себя за кушцов. Тристан раненый. Она берется его вылечить.)

6. Комната Изольды

Изольда любит красоту Тристана; она рассматривает его шлем и панцырь. Она замечает выемку на мече, прикладывает к мечу кусок, вынутый из головы Морольта, и убеждается в том, что Тристан — его убийца. Тристан возвращается к жизни. Изольда хочет убить его. Тристан говорит, что он убил за нее дракона и приехал искать ее по золотому волосу. Изольда смягчается; она будет говорить с королем-отцом.

7. Палуба корабля

По Вагнеру? По Готфриду Страсбургскому.

Конец первого действия

(ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ)

С в о д ч а т ы й з а л

Король Марк грустит у окна. В руках у него золотой волос. Его любовь к Тристану.

Входят Андрэ, Генелон, Гондоин и Деноален. Завидую Тристану, считая его волшебником и боясь, что он завладеет тронem, они убеждают короля Марка найти себе жену. Король упорствует — в сердце своем он хочет отдать престол Тристану. Бароны грозят войной.

Входит Тристан. Король Марк обращается к нему за советом. Тристану обидно подозрение в корысти. Он также грозит покинуть двор. Тогда король показывает золотой волос и го-

ворит, что он возьмет себе в жены только ту, которой он принадлежит. Бароны с досадой говорят, что нельзя найти по одному волосу. Тристан берется пуститься в поиски и прячет волос у себя на груди. (Горвенель) извещает о прибытии исплинского рыцаря Морольта, который требует уплаты по старым договорам. Король Марк велит рыцарю войти и садится на трон. Собираются все бароны.

Является Морольт. Его вызов. Страх баронов. Морольт повторяет вызов во второй и в третий раз. Тристан просит короля позволить ему, принять бой. Марк уклоняется. Тристан бросает Морольту рукавицу. Король (благословляет) Тристана. Тристан вооружается на ковре. Бароны плачут от стыда и жалости. Морольт и Тристан возбуждают друг друга бранными словами.

Изольда, племянница Морольта, и Бранжена. Они скорбят о смерти Морольта, потому что некому, освободить страну от дракона. Изольда посылает проклятия убийце над осколком меча, вынутым из головы Морольта.

Является Андрэ. Он говорит, что он убил убийцу Морольта, что он — племянник короля Марка, который хочет забыть прежние обиды; Андрэ просит руки Изольды. Он отдает ей зазубренный меч Тристана, которым был убит Морольт, в знак того, что Тристана нет на свете. Изольда говорит ему, что пойдет за него, если он сразится с драконом. То же условие поставила она Агиниррену Рыжему, который также просит ее руки.

Рыбаки приносят раненого Тристана. Рассказ Рыбака. Изольда берется вылечить неизвестного пришельца. Она любит его красотой. Тристан приходит в себя и говорит, что он — жонглер. Его поражают золотые волосы Изольды.

(1919)

〈ИВАН КАЛИТА〉

Надо написать *Калиту* — как он молитвенно и гневно собирает русскую землю и без милости казнит расточителей.

1. Молится.
2. О земле с боярами.
3. Казнит буйного князя.

14 ноября 1919

〈ИЗОТТА МАЛАТЕСТА〉

Сигизмондо Малатеста, герцог Римини.

Изотта делья Атти, его любовница.

Роберто Малатеста, сын Сигизмондо.

(Роберто) Вальтурно, «король наук», автор сочинения «De re militari».

Порчеллио Базинио из Пармы, филолог.

Требанио, филолог.

Джусто де Конти, лирик.

Место действия — *Arx Sismundea* и *Divae Isottae Sacrum*.

Правление Сигизмондо — 1432—1467.

(Конец 1919)

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

«Нашествие на Русь Мамаю при князе Дмитрие Донском». Большая русская историческая сцена XIV столетия, соч. Н. Мушинского.

Озеров. Дмитрий Донской.

ЛОДКА

Содержание истории — борьба культуры и стихии.

Человеческое семейство (мужчина, женщина, дети) бредут по бесплодному месту. Они изнемогли. Перед ними открывается большая река и за рекой — синяя страна, где ходят мирные животные и на деревьях висят плоды.

Река — естественная преграда. Мужчина пробует переплыть ее и возвращается. Течение слишком быстро.

Нападение хищного зверя. Борьба с ним.

Присоединяется еще семейство.

Вместе смотрят на тот берег. Там созрели новые плоды.

Новая проба переплыть. Один из них тонет.

Один из племени уходит искать переправы.

Его ждут. Он пропал.

Новые нападения зверей. Жизнь на деревьях. Оттуда еще дальше видна плодоносная страна. Там показывается стадо оленей.

Нападение зверя. Гибнут дети. Змея. Голод.

8. «ПРАМАТЕРЬ»

〈Из статьи «Об одной старинной пьесе»〉

Пьеса, о которой я буду говорить и которая скоро появится в русском переводе, а потом пойдет на русской сцене, по времени написания (1817 год) непосредственно предшествует «Сафо». Следовательно, ей уже девяносто лет.

Она носит очень странное заглавие: «Праматерь» (Die Ahnfrau). Содержание этой пятиактной трагедии — следующее:

Действие происходит в родовом замке графа Боротин и открывается в тот момент, когда престарелый граф, потомок знатного рода, живущий в замке со своею единственной дочерью, получил известие о кончине своего дальнего родича. Со смертью его граф остается единственным в роде. Сын его погиб еще трехлетним мальчиком, утонув в пруде, его супруга давно умерла, и знаменитый древний род, таким образом, должен прекратиться. Но единственная дочь графа, Берта, полюбила юного Яромира, который спас ее жизнь от разбойников, живущих в соседних лесах. Узнав об этом, граф видит единственный исход в союзе своей любимой дочери с Яромиром, который, как говорит Берта, хотя и беден, но принадлежит тоже к знатному и древнему роду. Счастливый случай приводит Яромира в графский замок, и растроганный отец благословляет его союз с Бертой.

Но над родом и замком Боротин тяготеет древнее проклятие. Несколько сот лет назад Праматерь дома Боротин, такая же

прекрасная, как дочь графа, совершенно похожая на нее лицом и станом, именуемая также Бертой, изменила своему супругу, была застигнута им на месте преступления и заколота кинжалом. С тех пор тень ее осуждена бродить по мрачным залам и коридорам замка и тревожить живых до тех пор, пока не вымрет весь род, зачатый ею во грехе и проклятии. Старый граф не верит этому преданию, которое со страхом и трепетом ему рассказывает его старый слуга, но скоро сами обстоятельства заставляют поверить и мужественного графа.

В длинном ряде ночных сцен, следующих за поселением счастливого жениха в мрачном замке и протекающих при тусклом свете свечей, неспособном разогнать окружающую тьму и ужасов снежной бури, голосящей за окнами в полях и лесах, — выясняется, что гибель дома Боротин неизбежна, что дух мертвой Праматери не успокоится, пока не погибнет последний отпрыск ее грешного рода. Действие внешних и внутренних сил, ведущих к гибели, развивается постепенно и параллельно.

С одной стороны, тень умершей красавицы появляется беспрестанно. Отец принимает ее за дочь, жених за невесту, так как Праматерь отличается от юной дочери графа только волнующимся покрывалом, сквозь которое сквозят черты и стан Берты.

С другой стороны, постепенно выясняется, что жених Берты, Яромир, — предводитель той самой шайки разбойников, с которой издавна борется граф Боротин. Когда же Яромир, преследуемый и вынужденный к бегству, скрывается в замке, назначив Берте свидание в старинном склепе ее предков, старый разбойник, пойманный солдатами короля, сознается графу, что Яромир, которого он выдавал за своего сына, не его сын, что он и есть мнимо умерший сын графа, украденный и воспитанный разбойниками. Граф, пораженный страшной вестью и раненный к тому же разбойниками, которых он только что преследовал, умирает. Нежная Берта не в силах перенести утраты жениха и отца и сходит с ума.

Яромир, ничего не знающий ни о своем происхождении, ни о проклятии, тяготеющем над родом, приходит на свидание ночью в склеп. На зов его из могилы выходит сама Праматерь. В последний раз приняв ее за невесту, Яромир бросается в ее мертвые объятия и падает бездыханным.

Так кончается всеобщей гибелью эта печальная трагедия. Только Праматерь, успокоенная, мирно засыпает в своей гроб-

нице, ибо цель ее достигнута, род ее стерт с лица земли, и она может уснуть спокойно.

Я не рассказал всех перипетий этой необыкновенно сложной пьесы, но и сказанное дает представление о ее мрачном романтическом характере. «Праматерь» написана в эпоху «политической реакции» 1815—1848 гг., в те печальные и тусклые времена, которые во многих чертах напоминают наше страшное и угнетающее безвременье.

За романтической бутафорией, которой щедро украшена юношеская трагедия Грильпарцера, не сразу можно почувствовать ее таинственный внутренний смысл.

Июль 1908

ПРИМЕЧАНИЯ

И в личной жизни Александра Блока и в его творчестве театр, театральные интересы играли очень большую роль. Он любил театр и сам называл себя «театральным человеком». Уже в юности Блок проявлял страстную привязанность к сцене. Ромео и Гамлет, Чацкий и Скупой рыцарь — эти образы крепко владели воображением юноши — активного участника любительских спектаклей, всерьез мечтавшего о карьере драматического актера. И хотя актером он не стал, но любовь к театру сохранил на всю жизнь.

Сравнительно рано, примерно к 1907 году, Блок приходит к убеждению, что театр, драматическое творчество — та линия, на которой современное искусство может ближе всего сойтись с жизнью. Выход поэта на сцену, представляется Блоку одним из наиболее реальных средств преодоления «лирической уединенности» и «отчужденности от людей и мира».

Громадную роль в углублении идейно-творческих поисков Блока сыграла, как известно, революция 1905 года. Не случайно и его первые драматургические опыты — «лирические драмы» 1906 года — были задуманы и осуществлены именно в это время. Обострившееся ощущение кризиса индивидуализма толкало Блока на поиски путей, которые сблизили бы его как художника с реальной жизнью. Стремление сойти с «шаткой, чисто лирической почвы», выйти за пределы узкого лиризма, не позволяющего, как представлялось Блоку, проникнуть в природу предельно обнажившихся противоречий действительности, желание как-то объективировать свои душевные переживания — все это сказа-

лось и в драматической трилогии 1906 года и в раздумьях Блока о призвании и задачах театра. «Более чем какой бы то ни было род искусства, — писал он в 1908 году, — театр изобличает кощунственную бесплотность формулы «искусство для искусства». Ибо театр — это сама плоть искусства — та высокая область, в которой «слово становится плотью». Вот почему почти все, без различия направлений, сходятся на том, что высшее проявление творчества есть творчество драматическое» («О театре» — см. т. V наст. издания).

Расширяя сферу своих творческих исканий, отказываясь от своей юношеской наивно-утешительной религиозно-мистической веры, сосредоточиваясь как художник на противоречиях сознания современного человека и уже начиная видеть и понимать реальные социально-исторические противоречия эпохи, Блок закономерно обращается к драматургии.

Путь Блока-драматурга можно разделить на три этапа. Первый из них ознаменован циклом созданных в 1906 году «лирических драм» («Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка»). Второй связан с напряженной работой над «драматической поэмой» «Песня Судьбы» (1908). Третий, завершающий этап воплощен в драме «Роза и Крест» (1912).

Основная проблема «лирических драм» 1906 года, как сформулировал ее сам Блок, — поиски жизни «прекрасной, свободной и светлой», которая одна может сбросить со слабых плеч современного человека «непосильное бремя лирических сомнений и противоречий и разогнать назойливых и призрачных двойников». Очень отчетливо это стремление «выйти в мир» выражено в «Балаганчике», в заключительном монологе Арлекица:

...О, как хотелось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти в мир!
Совершить в пустом безлюдьи
Мой веселый весенний пир!
Здесь никто понять не смеет,
Что весна плывет в вышине!
Здесь никто любить не умест,
Здесь живут в печальном сне!..

Вместе с тем Блок настойчиво называл свои ранние драмы «лирическими», подчеркивая в предисловии к ним, что стремился всего лишь раскрыть «переживания отдельной души», не посягая ни на какие «идейные, моральные или иные выводы». Однако

значение этих небольших пьес в идейно-творческом развитии поэта вышло далеко за границы, которые он сам поставил перед собой.

Все три пьесы объединяет открытая условность драматической формы, проистекающая, в свою очередь, из условности самого замысла каждой из них. В «Балаганчике» эта условность особо подчеркнута ориентацией на буффонаду, стремлением к шаржу и гротеску. Пьеро, Арлекин, Коломбина, так же как Председатель, Автор и Паяц — это «маски», условные персонажи, знакомые по старой «комедии масок» (*Commedia dell'arte*), ставшей достоянием общеевропейского народного театра. Характеров здесь нет, реальный смысл пьесы скрыт за внешней буффонадой. Но смысл этот был очень значителен и жизненно важен для Блока. Установлено, что блоковская сатира была направлена против кружка московских мистиков-соловьевцев, к которым еще недавно принадлежал и Блок. «Адрес» блоковской сатиры был настолько прозрачным, что, по свидетельству Андрея Белого, один из участников московского кружка (Сергей Соловьев) «узнал» себя в одном из мистиков «Балаганчика». Пьеса показала всю глубину расхождения Блока с прежними единомышленниками.

Однако значительность блоковского замысла не могла в данном случае не прийти в известное столкновение с формами его сценического воплощения. Это противоречие, между прочим, сказалось и в том, что спектакль, талантливо, с большой выдумкой осуществленный В. Э. Мейерхольдом, оказался недоступным широкой публике.

Еще более явный разрыв между замыслом и его художественным оформлением сказался в «Короле на площади». Содержание этой пьесы было навеяно событиями первой русской революции. Напряженная атмосфера этого времени ощущается здесь во всем — и в развитии сюжетного конфликта (заговор против Короля), и в поведении действующих лиц, и в диалогах и репликах (не случайно драматическая цензура сразу запретила «Короля на площади» к постановке). Символический лейтмотив пьесы — ожидание кораблей, которые должны прийти из неведомой страны и принести людям весть о новой, лучшей жизни. Этот образ приносящих счастье кораблей занимает важное место и в тогдашней блоковской лирике и в неоконченной поэме «Ее прибытие»; о «больших кораблях» говорил Блок и в предисловии к сборнику «Нечаянная радость».

Центральная проблема «Короля на площади» — проблема народной революции, которая представляется Блоку как взрыв стихийных инстинктов толпы. Не дождавшись «вести», разъяренная толпа сбрасывает с пьедестала изваяние Короля — символ порабощения и власти, — и оно рушится, увлекая за собой людей. Уже из этого видно, насколько отвлеченной была символика этой драмы.

Таким образом, в отличие от «Балаганчика», психологический и социальный подтекст «Короля на площади» связан уже не только с темами душевных переживаний Блока, но и с современными событиями действительной жизни. Однако громадного значения социальный мотив переведен в пьесе в план совершенно условных намеков и иносказаний. Проблематика пьесы осложнена еще и побочными мотивами: Дочь Зодчего, «высокая красавица в черных шелках», пытается воскресить Короля, вернуть ему «прежнюю силу», вдохнуть свою «юность» в его «древний разум». Но Король мертв, ничто, даже сила юности, не в состоянии оживить его. Отсюда как бы делается глубоко пессимистический вывод: мир не изменится, несмотря ни на какие потрясения. В утверждении этой истины и состоит, как можно думать, смысл заключительных слов Зодчего: «Вы разбили мое создание, и вот остается дом ваш пустым. Но завтра мир будет по-прежнему зелен, и море будет так же спокойно».

На фоне происходящих в пьесе событий особое значение приобретает фигура Поэта. Это ее «лирический центр», к которому тянутся все нити пьесы. Поэт слаб и безволен, душа его исполнена сомнений, он живет в мире сказки и красоты («Сказкой твоей дышу», — говорит он Дочери Зодчего). Главное в сложной цепи его рассуждений — мысль о красоте, которая должна быть сохранена в мире.

При всем том, несмотря на отвлеченность символики и условность формы, пьеса свидетельствовала о серьезных сдвигах, которые к тому времени произошли в мировоззрении Блока. Знаменательны в этом смысле финальные сцены, передающие настроения голодной толпы. Это — одна из первых в творчестве Блока попыток воспроизвести многоголосие улицы.

С гораздо большей силой впечатления реальной жизни дают себя знать в третьей «лирической драме» — «Незнакомка». Можно сказать, что здесь они решительно вторгаются в сферу символических иносказаний. В «Незнакомке» Блок тоже оперирует символами и аллегориями (Поэт, Мария, Звездочет, Голубой и др.),

но уже явно ощущается его интерес к лепке человеческого характера (посетители кабачка в первом видении, участники светского журфикса — в третьем). Три «видения» пьесы символизируют три стороны жизни ее лирического героя. Центральное место занимает второе «видение» — встреча Поэта с его мечтой, упавшей с неба и воплотившейся в прекрасную Незнакомку звездой. Мечта Поэта высока и прекрасна, но бесплодна, отрешена от действительной жизни. Именно поэтому, захмелевший Поэт и прозевал свою «даму»: ее уводит некий «господин в котелке» — один из тех пошляков, которыми кишат улицы буржуазной столицы. Блок пользуется приемом двойного контраста: земные стремления Незнакомки противопоставлены отвлеченным, неосознанным порывам Поэта, но эти порывы, в свою очередь, противопоставляются низкой и грубой действительности (изображению ее и посвящены две другие, симметрично повторяющиеся друг друга сцены — в кабаке и в светской гостиной).

Драматический цикл 1906 года полностью относится к жанру драмы «лирической», или, как писалось в тогдашней критике, «субъективной», герои которой не являются объективно действующими характерами, а служат лишь «масками ее творца» («Аполлон», 1909, № 1, стр. 77). Основная задача, которую ставила перед собою такая «субъективная драма», — показать разные стороны души современного человека, раскрыть его слабости и противоречия. Именно в этом аспекте вырисовываются перед нами фигуры Пьеро («Балаганчик»), Поэта («Король на площади») и другого Поэта («Незнакомка»). Это — маски одного и того же лица, видоизменения человека, смятого противоречиями жизни. Они разрушили его душу, лишили ее цельности и собранности. Герой первых блоковских пьес — это мятущийся человек, ищущий, но не находящий выхода из тупика противоречий. Все «ценности» окружающего этого героя мира буржуазной пошлости оказываются призрачными, нереальными, не дают необходимой опоры. Коломбина в «Балаганчике» оказывается картонной куклой; даль, к которой стремится Арлекин, нарисована на бумаге. Гибнет Поэт в «Короле на площади», так и не выбрав между революционным разрушением и верностью «древней сказке». Не узнает свою мечту и другой Поэт — даже тогда, когда она появилась в светской гостиной в облике прекрасной Незнакомки. Хаос, царящий в душах героев, не выдуман, он существует реально, это хаос самой жизни — неустроенной и равнодушной, но только преломившейся сквозь призму лириче-

ского восприятия ее самим автором. Именно поэтому, характеризуя свои «лирические драмы» в предисловии к сборнику, Блок говорил о том, что здесь «переживания отдельной души, сомнения, страсти, неудачи, падения — только представлены в драматической форме». Тем самым мы получаем возможность реально представить себе связь между драматургией Блока и его поэтическим творчеством. В сложной завуалированной форме в драмах Блока даны различные стороны «отдельной души», но нет еще, так сказать, разных «душ». Персонажи «лирических драм» еще далеки от того, что мы называем объективно действующими характерами.

Следующим значительным опытом Блока в драматургии явилась пьеса «Песня Судьбы». Написана она была всего через два года после цикла «лирических драм», но значительностью поставленных в ней вопросов далеко превосходит все, созданное Блоком ранее в этой области. В литературе о Блоке утвердилось мнение, что как драматическое произведение «Песня Судьбы» не удалась поэту: «Стремление построить отношения героев, их поведение и поступки на основах драматической необходимости не находит себе воплощения в „Песне Судьбы“», — говорит исследователь театра Блока. *

Главной проблемой пьесы является вопрос о взаимоотношении народа и интеллигенции. «Этой теме, — писал Блок К. С. Станиславскому 9 декабря 1908 года, — я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первый вопрос, самый жизненный, самый реальный» (см. т. VIII наст. издания). Сознание разрыва, мысль о «роковой черте» между народом и интеллигенцией угнетает Блока, он мучительно ищет путей к примирению двух «враждебных станов». Сама постановка этого вопроса в период реакции была обусловлена целым рядом объективных обстоятельств (о чем, в частности, свидетельствует внимание к нему со стороны других писателей, прежде всего — М. Горького). И то, что Блок посвящает первую же после цикла «лирических драм» пьесу вопросу, волновавшему в то время русскую общественность, свидетельствует о все углубляющемся кризисе «лирического» мироощущения поэта, о стремлении его откликнуться на наиболее острые противоречия современной действительности.

Однако в интерпретации Блока вопрос о народе и интелли-

* П. Г р о м о в. Герой и время. Л., 1961, стр. 497.

генции лишился необходимой в данном случае четкости: Блок недостаточно ясно представлял себе внутреннюю неоднородность русской интеллигенции, наличие в ней, наряду с кругами, охваченными декадентскими настроениями, также и здоровых, демократических сил. Что же касается народа, то он по-прежнему воспринимался Блоком в виде дремлющей до времени грозной «стихии», в любой момент готовой «затопить берега».

Неконкретность, отвлеченность самой постановки проблемы сказалась в художественной структуре «Песни Судьбы»; и здесь Блок остался в плену аллегоричности. Главные персонажи пьесы — Герман и Фаина — выступают как олицетворение двух «враждебных станов» — интеллигенции и народа. Покидая свой уединенный дом, расставаясь с уютом, Герман уходит на поиски путей к людям, к народу. Кульминация драмы — встреча Германа с Фаиной на «всемирной промышленной выставке» (третья картина). Сцена эта полна трагического напряжения. Стихийная, эксцентричная Фаина бьет Германа бичом по лицу, он падает перед ней на колени, он тянется к ней, как к единственному спасению от тоски и одиночества.

Германа выводит «на дорогу» Коробейник (образ, навеянный поэмой Некрасова). Коробейник занимает небольшое место в пьесе, но чрезвычайно важен для понимания ее идейного смысла и творческих исканий Блока (в черновике был не Коробейник, а просто «мужик»). Заключительные слова Коробейника: «До ближнего места я тебя доведу, а потом — сам пойдешь, куда знаешь» — раскрывают глубинную суть всего произведения. Трагедия Германа в том, что он не знает, куда ему надо идти. Он — не «герой», его любовь к Фаине — любовь-страдание. Трагедия же Фаины в том, что Герман — это не тот человек, которого она ждет; ее отношение к нему не выходит за границы любви-сострадания.

Просчет Блока в «Песне Судьбы» заключался в том, что сложность проблематики пьесы никак не соотносилась с законами драматической формы. Стремления героев определены лишь в общем плане — поиски своих путей, но они предельно отвлечены в исходных моментах и неясны по своим возможным результатам. Этим, видимо, и объясняется скептическое отношение К. С. Станиславского к возможности сценического воплощения «Песни Судьбы» (хотя Блок хотел увидеть ее на подмостках именно Художественного театра, придавая этому факту принципиальное значение).

Высшим достижением Блока-драматурга явилась пьеса «Роза и Крест», написанная на тему, взятую из эпохи французского средневековья. Это сложное многоплановое произведение, созданное в пору полного расцвета блоковского дарования и глубоко оразившее его творческие раздумья и искания. В этой пьесе Блок уже вполне овладел приемами драматургического письма. Рыцарь Бертран, граф Арчимбаут, Изора, Алискан, Капеллан — это уже не «маски», а достоверные образы людей, наделенных индивидуальными и типическими чертами. Широкую картину жизни феодального замка рисует Блок в этой пьесе. Психологическая верность характеров, яркость и конкретность бытовых сцен, великолепные стихи — все это ставит «Розу и Крест» в число самых совершенных созданий зрелого Блока.

Главное в «Розе и Кресте» — трагедия рыцаря Бертрана, честного и мужественного человека, до конца преданного юной графине Изоре — владелице замка, в котором он служит сторожем. Мужество, верность в любви и сознание долга сочетаются в облике Бертрана с большой чуткостью к людям. Его не понимают окружающие — пошлые и недалекие люди: им недоступен истинный смысл его переживаний. Но Бертран — неудачник, «рыцарь-несчастье», как говорил о нем Блок. Ему не дано преодолеть отчужденность от людей, его удел — страдание.

Превосходно выписан в «Розе и Кресте» и образ Изоры — простой испанской девушки, швеи, ставшей неожиданно для самой себя супругой грубого и недалекого владельца феодального замка. Она здорова и жизнерадостна, ее, как и Бертрана, томит и угнетает жизнь в четырех стенах замка. Она тоже мечтает о большой, настоящей любви, но рядом с ней нет достойного человека, и она отдает свои чувства изнеженному и трусливому Алискану.

К «Розе и Кресту» Блок пришел обогащенный громадным опытом работы над лирическими циклами третьего тома стихотворений и поэмой «Возмездие». «Трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего — противоречий непримиримых и требовавших примирения» (как писал он в предисловии к поэме) лежит в основе сложной и многосторонней концепции третьего тома лирики. Это же «трагическое сознание» противоречивости мира отчетливо просвечивает и в драме «Роза и Крест». Восприятие красоты мира как красоты трагической находилось в прямом соответствии с господствовавшей в сознании и творчестве Блока «лирической стихией» — той самой, которую он так настойчиво

стремился и не мог победить. Это была борьба с самим собой: по природе и характеру своего дарования Блок был лириком, и лирическое восприятие мира было самой сущностью его натуры. Оно и сейчас оказалось непреодолимой преградой на пути к реалистической драме, драме объективно действующих характеров, какой хотел видеть Блок «Розу и Крест». Если ему и удалось создать такого рода характеры, то это были характеры не главных действующих лиц (граф Арчимбаут, доктор, Капеллан, Алискан). Что же касается самой идеи пьесы, выраженной в знаменитой песне Гаэтана о «радости-страдании», то она последовательно выдержана в духе блоковского лиризма — трагического лиризма третьего тома и поэмы «Возмездие». Средневековая обстановка драмы была именно обстановкой — и только. Задумываясь над вопросом, почему он остановился на XIII веке, Блок отвечал: «Потому, что современная жизнь очень пестрит у меня в глазах и смутно звучит в ушах. Значит, я еще не созрел для изображения современной жизни, а может быть и никогда не созрею, потому, что не владею еще этим (современным) языком» (записная книжка, 25 марта 1916 г., — см. т. VII наст. издания).

Но Блок настойчиво хотел овладеть «современным языком». В связи с этим находится так и не осуществившийся замысел драмы «Нелепый человек». В центре пьесы должно было находиться изображение помещичьей семьи, постепенно разоряющейся в условиях буржуазного предпринимательства. Из попытки отыскать в районе имения уголь ничего не выходит, имение продается. И только после этого обнаруживаются на территории имения залежи промышленного угля. В литературе о Блоке указывалось на близость этого замысла сюжетной коллизии «Вишневого сада» А. П. Чехова. Главный персонаж блоковской пьесы, помещик — мечтатель, фразер, «нелепый человек», оказывается близок героям пьесы Чехова. «„Нелепый человек“, — пишет Вл. Орлов, — был задуман как реалистическая пьеса о современной жизни. И, очевидно, именно поэтому замысел, увлекавший Блока в течение долгого времени, остался неосуществленным: поэт не сумел решить задачу изображения современной жизни теми художественными средствами, которыми он владел в совершенстве, но которые в данном случае оказались непригодными». *

* В л. О р л о в. Александр Блок. М., 1956, стр. 192.

Таков был итог десятилетних драматургических исканий Блока. Они были неразрывно связаны с общими творческими устремлениями поэта, находившими отражение в различных видах его творческой деятельности — лирике, драматургии, публицике.

В настоящем томе собраны все драматические произведения и переводы Александра Блока. Они печатаются в окончательных редакциях, по тексту последних публикаций, корректуру которых держал автор, — с проверкой по рукописям (фонд А. Блока в Рукописном отделении Института русской литературы Академии наук СССР) и первопечатным публикациям.

«Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка» и «Роза и Крест» печатаются по второму изданию сборника «Театр» (изд-во «Земля», П., 1918); диалог «О любви, поэзии и государственной службе» — по тексту газеты «Знамя труда», 1918, № 191, от 28 апреля; «Песня Судьбы» — по отдельному (переработанному) изданию (изд-во «Алконост», П., 1919); «Рамзес» — по отдельному изданию (изд-во «Алконост», П., 1921); «Действо о Теофиле» — по сборнику «Театр» (изд-во «Мусагет», М., 1916); «Праматерь» — по радикально переработанному тексту, подготовленному А. Блоком в 1918 г. для неосуществленного издания.

В разделе «Приложения» сосредоточены некоторые наиболее существенные материалы, непосредственно связанные с драматическими произведениями и переводами А. Блока и способствующие более глубокому их пониманию.

В некоторых случаях редактором-составителем настоящего тома П. П. Громовым предложена иная группировка и иное прочтение рукописного материала сравнительно с шестым томом «Собрания сочинений» А. Блока (1932), где были широко представлены первоначальные редакции его драматических произведений. Так, например, было признано целесообразным отказаться от публикации первой (прозаической) редакции «Короля на площади» и вместе с тем воспроизвести не публиковавшийся до сих пор набросок «Начало II акта», существенный для понимания драмы. В иной последовательности, сравнительно с «Собр. соч.» (1932), приведены отрывки из первоначальных редакций драмы «Роза и Крест». Текстологические мотивировки во всех подобных случаях опущены, ибо это потребовало бы детального анализа рукописей.

Все материалы, вошедшие в раздел «Приложения», за исключением предисловия к сборнику «Лирические драмы», примечаний к драме «Роза и Крест», интервью о драме «Роза и Крест» и отрывка из статьи «Об одной старинной пьесе», печатаются по рукописям.

Из планов не осуществленных А. Блоком драматических произведений в настоящий том вошли лишь планы «Исторических картин». Остальные драматургические замыслы и наброски А. Блока («Дионис Гиперборейский», о «человеке власть имеющем», о «писателе», «Нелепый человек», «Иисус» и др.), записанные им в дневнике или в записных книжках, столь тесно связаны с окружающим их дневниковым текстом, что выделять их представляется нецелесообразным. Читатель найдет их в VII томе настоящего издания.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Бекетова — М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Второе издание. «Academia», Л., 1930.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Медведев — Павел Медведев. Драммы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания. Изд-во писателей в Ленинграде, 1928.

«Письма к родным» I — «Письма Александра Блока к родным». С предисловием и примечаниями М. А. Бекетовой. «Academia», Л., 1927.

«Письма к родным» II — «Письма Александра Блока к родным». II. Под редакцией и с примечаниями М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого. «Academia», М. — Л., 1932.

«Собр. соч.» — Александр Блок. Собрание сочинений, тт. 1—12. Изд-во писателей в Ленинграде и «Советский писатель», 1932—1936.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БАЛАГАНЧИК

История создания «Балаганчика» сводится к следующему. Мысль о пьесе на основе одноименного стихотворения Блока, написанного в июле 1905 г. (т. II наст. изд., стр. 67), возникла у Г. И. Чулкова в связи с предполагавшейся организацией театра «Факелы» (см. Г. Чулков. «Из истории „Балаганчика“» — «Культура театра», 1921, № 7—8, стр. 19—21). 3 января 1906 г. Блок писал А. Белому: «Только что вернулся с большого собрания, где *Факелы* и *Жупелы* обсуждали свои театры. Там... выяснилось, что мне придется... писать пьесу, развивая стихотворение „Балаганчик“» (т. VIII наст. изд.). Вскоре, 21 января 1906 г., Блок известил Г. И. Чулкова: «Надеюсь, что успею написать балаган, может быть даже раньше, чем Вы пишете. Вчера много придумалось и написалось» («Письма Александра Блока». Л., 1925, стр. 131), а через два дня, 23 января, уже сообщил, что «„Балаганчик“ кончен, только не совсем отделан. Сейчас еще займусь им... Во многом сомневаюсь. Когда можно будет прочитать его?» (там же, стр. 132). Между тем театр «Факелы» организован не был, но в апреле 1906 г. вышел из печати первый выпуск альманаха «Факелы» (под редакцией Г. И. Чулкова), где «Балаганчик» был опубликован, с подзаголовком: «Лирические сцены». В дальнейшем пьеса без изменений вошла в сборники Блока: «Лирические драмы» (1908) и «Театр» (1916 и 1918).

Осенью 1906 г. решено было поставить «Балаганчик» в реформированном В. Э. Мейерхольдом театре В. Ф. Коммиссаржевской. Премьера состоялась 30 декабря 1906 г., в один вечер с «Чудом святого Антония» М. Метерлинка. Спектакль шел

в постановке В. Э. Мейерхольда, с декорациями Н. Н. Сапунова (эскиз воспроизведен в журнале «Аполлон», 1914, № 4), музыкой М. А. Кузмина (ноты ее напечатаны в приложении к сборнику «Лирические драмы», 1908). Роли исполняли: М. А. Русьева (Коломбина), В. Э. Мейерхольд (Пьеро),* А. А. Голубев (Арлекин), К. Э. Гибшман, И. А. Лебединский, К. А. Давидовский, П. Ф. Шаров (мистики), А. П. Нелидов (Председатель), Е. М. Мундт и А. Я. Закушняк (первая пара влюбленных), В. П. Веригина и М. А. Бецкий (вторая пара влюбленных), Н. Н. Волохова и А. П. Зонов (третья пара влюбленных), А. Н. Феона (автор).

Перед премьерой Г. И. Чулков прочитал актерам доклад о пьесе (часть его была напечатана в газете «Молодая жизнь», 1906, № 4 от 27 декабря), который, нужно думать, отражал понимание пьесы режиссером будущего спектакля В. Э. Мейерхольдом. Чулков говорил: «В «Балаганчике» А. Блок приближается к своей возлюбленной в маске скомороха, подобно тому как средневековый гаер подходил к мадонне, напевая песенку, исполненную своеобразной печали и юмора. Образы Пьеро и Арлекина необходимы Блоку, чтобы за этими масками скрыть великое отчаяние сомневающегося мудреца... Старые боги для нас умерли, религия позитивизма нас не удовлетворяет. Мы познали новый глубокий и сложный опыт, но наша мудрость и наша честность не позволяют нам заковать его цепями догматизма. Этот новый «мистический скептицизм» характеризует главные моменты творчества А. Блока. Поэт первоначально приходит к «идеи неприятия мира»: эмпирический мир пошатнулся, поколебался под его пытливым взглядом. И вот он создает «Балаганчик», пьесу, которую можно назвать мистической сатирой. Пьеро является простаком, святым «пидиотом», и «умный» Председатель открывает ужасную истину: Коломбина не желанная невеста, а желанная смерть... Простодушный Пьеро не может верить Председателю, но и не смеет овладеть сердцем Коломбины. Ее уводит за руку Арлекин. Но герой Арлекин *двойник* Пьеро. И неожиданно раскрывается страшная правда о «картонной невесте». Здесь звучит великая и последняя насмешка над самой дорогой и уже воплощенной мечтой. Поэт с болью и с отчаянием раскрывает свое неверие в абсолютное начало, им же созданное... Падение Паяца

* В книге Н. Волкова «Мейерхольд», т. I, «Academia», М. — Л., 1929, в качестве фронтисписа воспроизведен портрет Мейерхольда в костюме Пьеро, работы Н. П. Ульянова.

на ребро рамы «Балаганчика» и «клюквенный сок» вместо крови знаменуют все ту же непрочность нашего бытия, наших волнений... Таково содержание этого странного и страшного фарса» (см. также заметку Г. И. Чулкова о постановке пьесы — «Перевал», 1907, № 4, стр. 52—53).

Об оформлении спектакля известно со слов самого В. Э. Мейерхольда: «В первой картине... на сцене длинный стол, до пола покрытый черным сукном, поставлен параллельно рампе. За столом сидят «мистики» так, что публика видит лишь верхнюю часть их фигур. Испугавшись какой-то реплики, мистики так опускают головы, что вдруг за столом остаются бюсты без голов и без рук. Оказывается, это из картона были выкроены контуры фигур и на них сажей и мелом намалеваны были сюртуки, манишки, воротнички и манжеты. Руки актеров просунуты были в круглые отверстия, вырезанные в картонных бюстах, а головы лишь прислонены к картонным воротничкам» (Вс. Мейерхольд. О театре. СПб., 1913, стр. 171—172). В примечании к списку своих режиссерских работ В. Э. Мейерхольд дополнительно сообщил еще следующие подробности: «Вся сцена по бокам и сзади завешена синего цвета холстами; это синее пространство служит фоном и оттеняет цвета декораций маленького «театрика», построенного на сцене. «Театрик» имеет свои подмостки, свой занавес, свою суфлерскую будку, свои порталы и паддуги... Перед «театриком» на сцене, вдоль всей линии рамы, оставлена свободная площадка. Здесь появляется автор... Действие начинается по сигналу большого барабана... Арлекин впервые появляется из-под стола «мистиков». Когда автор выбегает на проscениум, ему не дают договорить начатой им тирады, за фалды сюртука кто-то невидимый оттаскивает его назад за кулисы; он оказывается привязанным на веревку, чтобы не смел прерывать торжественного хода действия на сцене...» (там же, стр. 198).

Блоку постановка «Балаганчика» понравилась. Он посещал репетиции и в обширном письме к В. Э. Мейерхольду от 22 декабря 1906 г., написанном после генеральной репетиции (см. т. VIII наст. издания), высказал ряд интересных замечаний и о пьесе и о спектакле. «Общий тон настолько понравился мне, — говорил он здесь, — что для меня открылись новые перспективы... Мне кажется, что это не одна лирика, но есть уже и в нем <«Балаганчике». — Л. Д.> остов пьесы». В предисловии к сборнику «Лирические драмы» (1908) Блок назвал постановку Мейерхольда «идеальной» (см. выше — «Приложения», стр. 434), хотя допу-

скал возможность иного сценического истолкования пьесы. «Постановка «Балаганчика» меня радует... — писал он В. Я. Брюсову в январе 1907 г. — Играют, по-моему, хорошо, с любовью, но можно, конечно, сыграть и совсем иначе. Иногда мне брезжит, вместо маленькой сцены на сцене, — балы в духе Лагуша * — вьющиеся лестницы, запруженные легкой толпой масок» (т. VIII наст. издания).

В течение трех недель «Балаганчик» шел пять раз. Спектакль вызвал множество разнообразных и противоречивых откликов. Г. И. Чулков вспоминает: «Я никогда, ни до, ни после, не наблюдал такой непримиримой оппозиции и такого восторга поклонников в зрительном зале театра. Неистовый свист врагов и гром дружеских аплодисментов смешались с криками и воплями» («Культура театра», 1921, № 7—8, стр. 20). О том же свидетельствует М. А. Бекетова: «На первом представлении театр был совершенно полон. Был тут весь цвет тогдашней интеллигенции... Когда занавес упал и автор вышел на вызовы, раздалось громкое шиканье и пронзительный свист... Но все это было покрыто аплодисментами» (стр. 105). На следующий день после премьеры Блок отметил в записной книжке: «Я выходил на сцену 4 раза. Один пронзительный свисток и аплодисменты. Кланялся тому и другим» (т. VII наст. издания; см. также письмо Блока А. В. Гиппиусу от 20 января 1907 г. — т. VIII наст. издания). «Будто в подлинной битве кипел зрительный зал, — вспоминал С. А. Ауслендер, — почтенные, солидные люди готовы были вступить в рукопашную; свист и рев ненависти прерывались звонкими воплями... И перед смятенной залой стоял лучезарный, как бы прекрасный монумент, в своем строгом черном сюртуке, с белыми лилиями в руках, гость неведомой страны, страж заповедной двери, Александр Александрович Блок, и в посиневших глазах его были грусть и усмешка...» (Н. Волков. Мейерхольд, т. I, М. — Л., 1929, стр. 280). Интересно, что, по свидетельству С. М. Городецкого, «среди зрителей шла усиленная работа по пригонке символов пьесы к современным событиям» («Образование», 1908, № 8, стр. 67), а на последнем в сезоне представлении «молодежь устроила автору овацию. Откопали политическую тенденцию: Коломбину приняли за долгожданную и несуществующую конституцию» (Бекетова, стр. 106).

* Гастон Ла Туш (1854—1913) — французский художник-импрессионист.

Что касается газетных откликов, то здесь Блока ожидала глухая стена непонимания. Даже в общем дружественная к символистам пресса не скрывала своего разочарования: «Много претензий и надуманности и очень мало свободного вдохновения и искреннего пафоса... Игруют «Балаганчик» превосходно... но прекрасная постановка еще больше обнажает внутреннюю скудость „лирических сцен“» («Молодая жизнь», 1907, № 5 от 2 января). «Александр Блок, изящный лирик, вдохновился сюжетом „Петрушки“, — с недоумением писала «Речь» (1907, № 1 от 1 января). Большинство газет изощрилось в грубости и насмешках. Блока называли «юродивым», а пьесу его характеризовали как «Бедламчик», «жалкую белиберду... в которой разберется разве один Поприщин», «бред куриной души, напоминавший званый вечер в больнице Николая Чудотворца», и т. д. «Пытаться отыскать смысл в этой балаганной клоунаде... — ниже достоинства здравомыслящего человека», — писали в «Биржевых ведомостях» (1907, № 3673 от 1 января). Большой статьей откликнулось реакционное «Новое время»: «Это никому не нужно... Это претенциозно, манерно и фальшиво... Не сатира ли пад самой публикой этот «Балаганчик»?..» (1907, № 11067 от 3 января). И только очень немногие пытались серьезно разобраться в смысле пьесы (см., например, «Товарищ», 1907, № 154 от 1 января).

В конце августа 1907 г. театр В. Ф. Коммиссаржевской выехал на гастроли в Москву. «Балаганчик» был показан в зале театра «Эрмитаж» 3 и 4 сентября. Газетная пресса в Москве («Московские ведомости», «Русское слово», «Русские ведомости») так же глумилась над спектаклем, как и в Петербурге. Лишь в отдельных случаях газеты попытались вникнуть в суть спектакля. Так, «Голос Москвы», отметив «оригинальность» пьесы, следующим образом передавал ее содержание: «А. Блок задумал нарисовать, как должны выражаться у жалких и ничтожных марионеток те чувства высшего порядка, о которых так любят и так умеют говорить люди... И хрупкие создания изысканной духовной культуры превратились в жалкие маски и картонки». И далее рецензент рассматривает спектакль как «смелый и новый шаг в искусстве», как «завоевание новой формы для новой драмы» (1907, № 205 от 4 сентября). Положительный отзыв поместила газета «Новости сезона» (1907, № 1442 от 5—6 сентября). Сочувственными статьями на спектакль откликнулись «Литературно-художественная неделя» (1907, № 1 от 17 сентября — статья Б. Грифцова) и символистский журнал «Золотое руно» (1907,

№ 7—9 — статьи Е. Дикса и П. Ярцева). Особо следует упомянуть о статье Андрея Белого «Символический театр» («Утро России», 1907, № 1 от 16 сентября и № 11 от 28 сентября). А. Белый, в то время полемизировавший с Блоком по основным вопросам мировоззрения и творчества, писал: «Марионеточный характер субстанции блоковского символизма в «Балаганчике» — вот что страшно: страшно нам за высокоодаренного поэта, произвольно допустившего в трагедии кощунство».

В последующее время «Балаганчик» был показан в Минске, в постановке В. Э. Мейерхольда (Н. Волков. Мейерхольд, т. II, стр. 318). В апреле 1914 г. В. Э. Мейерхольд сообщал с Ю. М. Бонди осуществил новую постановку «Балаганчика» силами молодых актеров своей студии (в зале Тенишевского училища, Петербург). Художник спектакля — Ю. М. Бонди (эскиз декорации см. у Волкова — «Мейерхольд», т. II, стр. 272—273; там же, на стр. 317—324, — анализ спектакля). «Балаганчик» шел в один вечер с «Незнакомкой». Описание спектакля было дано в журнале Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4/5. Спектаклю был посвящен ряд статей: Евг. Зноско-Боровского («Современник», 1914, июнь, стр. 118—123), А. Бобрищева-Пушкина («Театр и искусство», 1914, № 15, стр. 347—348), Ан. Чеботаревской («Дневники писателей», 1914, № 2, стр. 36—38). Появились и газетные отклики («Речь» от 9 апреля 1914 г., «Биржевые ведомости» от 8 апреля 1914 г., «Современное слово» от 10 апреля 1914 г.). Известна любительская постановка «Балаганчика» (в один вечер с «Незнакомкой») в октябре 1922 г. в Пушкинском доме Академии наук. «Вечер производил прямо удручающее впечатление», «постановка бедная и неинтересная» («Последние новости», 1922, № 12 от 9 октября).

Отметим также известные нам заграничные постановки. Весной 1923 г. «Балаганчик» в английском переводе был поставлен театральной корпорацией «Америкен Комедия дель Арте» в Нью-Йорке, с участием популярного комика Джемса Уоттса (в роли Пьеро); потом, в июле, спектакль был перенесен в «Лирик-театр», где шел в течение двух недель. Спектакль не был понят публикой. В корреспонденции из Нью-Йорка сообщалось: «С начала и до конца не умолкали смех, гогот, фырканье и, наконец, вульгарные реплики с балкона... Приветствовали своего любимца Ваттса» (Алла Гарри. Александр Блок на Бродвее. — «Красная газета», веч. вып., 1923, № 184 от 4 августа).

К «Балаганчику» неоднократно обращался известный ре-

жиссер Ж. Питоев: 29 декабря 1915 г. он поставил его в Женеве; в марте 1916 г. спектакль был возобновлен с участием известной актрисы Людмилы Питоевой в роли Коломбины. Еще раз Ж. Питоев поставил «Балаганчик» в сезон 1923—1924 гг. (премьера — 22 ноября 1923 г.) в Париже, в «Comédie de Champs Elysées»; Ж. Питоев выступал в роли Пьеро (см.: А. Frank. Georges Pitoeff. Paris, 1955, p. 26—27, 30—31, 151, 153; А. Pitoeff. Ludmilla, ma mère. Paris, 1955, p. 74—75, 116; также — «Современный Запад», 1924, № 1, стр. 228).

КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ

На обложке черновой рукописи — дата: «Лето 1906. Осень — октябрь». В конце рукописи имеются еще две даты: «В прозе и вчерне кончено 3 августа 1906 г.» и «Второй вариант окончен 10 октября». Первый вариант пьесы (то, что Блок обозначил как оконченное «в прозе и вчерне») опубликован в Собр. соч., т. VI, стр. 277—298. Отдельные сцены этого черновика Блок впоследствии выделил в качестве самостоятельного произведения — «Диалог о любви, поэзии и государственной службе». Вторая редакция пьесы была напечатана в журнале «Золотое руно», 1907, № 4, и без изменений вошла в сборник «Лирические драмы» (1908). Третьей и последней редакцией «Короля на площади» является текст, опубликованный в сборнике «Театр» (изд. 1916 и 1918 гг.).

«Король на площади» дался Блоку с большим трудом, чем «Балаганчик». Многочисленные варианты, исключение целых кусков (так, было исключено все начало II акта, см. выше — «Приложения», стр. 428—432) — все это свидетельствует о напряженной работе над пьесой.

Пьеса была навеяна событиями первой русской революции. Как указал сам Блок, отдельные мотивы пьесы нашли свое выражение в неоконченной поэме «Ее прибытие» (1904), «посвященной разным „несбывшимся надеждам“» (см. т. II наст. издания, стр. 392).

В письме от 17 октября 1906 г. Блок сообщал В. Я. Брюсову: «Драма «Король на площади» должна идти в этом сезоне у Коммиссаржевской... срок еще не назначен, да и цензуры я немного побаиваюсь... сам я не вполне ею доволен и с формальной и с внутренней стороны... Она — трехактная, и есть места, мало связанные с действием. Техникой я еще мало владею. Боюсь несколько за разностильность ее, может быть символы

чередуются с аллегориями, может быть местами я — на границе старого «реализма». Но в сущности так мне хотелось, и летом, когда я обдумывал план, я переживал сильное внутреннее «возмущение». Вероятно, революция дохнула в меня и что-то раздробила внутри души, — так что разлетелись кругом неровные осколки, иногда, может быть, случайные» (т. VIII наст. издания).

В начале октября, в связи с предполагавшейся постановкой, Блок читал пьесу на одной из «суббот» в театре В. Ф. Коммиссаржевской (см.: Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923, стр. 84; Н. Волков. Мейерхольд, т. I, М. — Л., 1929, стр. 262). 18 октября 1906 г. Блок сообщил матери: «Вчера получил письмо от Мейерхольда, пишет, что решили поставить «Короля на площади» в этом же сезоне. Тороплюсь переписывать для драматической цензуры, так что палец болит» («Письма к родным» I, стр. 157—158). Однако постановка осуществлена не была. В январе 1907 г. Блок пишет А. В. Гишпиусу: «...пьесу «Король на площади» запретила театральная цензура» (т. VIII наст. издания). Специального дела о пьесе в архиве Главного управления по делам печати (ЦГИАЛ) не обнаружено, — возможно, запрещение носило устный характер. Сообщение о том, что «Король на площади» не может быть поставлен по условиям театральной цензуры, появилось в декабре 1906 г. в статье Г. И. Чулкова «О новом театре» («Молодая жизнь», 1906, № 4 от 27 декабря).

В 1915 г., обдумывая состав нового издания сборника «Театр», Блок назвал «Короля на площади» «весьма сомнительным», а незадолго до смерти, в разговоре с Н. Павлович, охарактеризовал эту пьесу как «петербургскую мистику» (альманах «Феникс» I, 1922, стр. 156).

В 1923 г. в тифлисской газете «Заря Востока» (№ 2, от 4 января) появилось сообщение о том, что московский Театр Революции приступил к работе «по постановке произведений А. Блока «Рамзес», «Король на площади» и «Двенадцать». Все инсценировки пойдут в один вечер. Ставит их В. Э. Мейерхольд». Спектакль этот не состоялся.

О ЛЮБВИ, ПОЭЗИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Диалог был написан летом 1906 г. Первоначально входил в черновую рукопись «Короля на площади», затем, очевидно в начале октября 1906 г., был выделен в качестве самостоя-

тельного произведения и с незначительными изменениями напечатан в журнале «Перевал», 1907, № 6 (апрель). В 1918 г. был перепечатан в газете «Знамя труда», № 191 от 28 апреля, и в 1920 г. издан отдельной книжкой (изд. «Скифы», Берлин).

К стр. 63. Слова Шута: *«Наука моя — заразительная, веселая наука»*, вызывают реплику Поэта: *«Однако, он читал Ницше»*. — Имеется в виду книга Ф. Ницше «Веселая наука» (1882).

К стр. 64. Стихи, которые читает Поэт:

*В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега... —*

цитата из стих. А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...»

НЕЗНАКОМКА

Первоначально, в рукописи, драма была озаглавлена: «Три видения». На последней странице рукописи — дата окончания: 11 ноября 1906 г. Впервые «Незнакомка» была опубликована в журнале «Весь», 1907, № 5—7, и без изменений вошла в сборники «Лирические драмы» (1908) и «Театр» (1916 и 1918). В 1914 г. журнал «Вестник знания» выпустил отдельное издание пьесы, оставшееся Блоку неизвестным и являющееся большой библиографической редкостью.

Блок сам указал, что в этой лирической драме дано «развитие темы» ряда его стихотворений, написанных в 1906 г., а именно: «Незнакомка», «Там дамы щеголяют модами...», «Твое лицо бледней, чем было...», «Шлейф, забрызганный звездами...», «Там, в ночной завывающей стуже...» (см. т. II наст. издания, стр. 423). Связь эта была подчеркнута третьим эпитафием к драме, взятым из стих. «Незнакомка» и снятым только в последнем издании сборника «Театр»:

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

Два других эпитафия взяты из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (ч. I, гл. 3 и 4), где эти строки относятся к героине романа — Настасье Филипповне.

По словам М. А. Бекетовой, «Незнакомка» была навеяна «скитаниями по глухим углам Петербургской стороны. Пивная из «Первого видения» помещалась на углу Геслеровского переулка и Зелениной улицы. Вся обстановка, начиная с кораблей на обоях и кончая действующими лицами, взята с натуры...» (стр. 103). Пейзаж из «Второго видения» тоже связан с определенным местом: это — мост и аллея, ведущие на Крестовский остров со стороны Б. Зелениной улицы.

12 января 1907 г. Блок читал «Незнакомку» «в тесном кругу, у себя дома», а 1 февраля — на собрании литературно-художественного «Кружка молодых» при Петербургском университете. Об этом чтении вспоминает В. А. Зоргенфрей: «Впервые, кажется, в Петербурге представители новой поэзии лицом к лицу сошлись с публикою, настроенною частью пассивно-выжидательно, частью настороженно. Помню перешептыванья, отдельные недомысленные и иронические возгласы; но помню и трепетную настороженность слушателей... В этот вечер новая поэзия одержала первую победу над косною стихией толпы...» («Записки мечтателей», 1922, № 6, стр. 134).

Так же как и «Король на площади», «Незнакомка» намечалась к постановке в театре В. Ф. Коммиссаржевской. В конце ноября 1906 г. Блок сообщает матери, что собирается передать рукопись пьесы В. Э. Мейерхольду («Письма к родным» I, стр. 159—160). Однако постановка ее в сезон 1906—1907 гг. осуществлена не была. 20 января 1907 г. Блок пишет А. В. Гиппиусу: «„Незнакомку“ поставят м. б. в будущем сезоне» (т. VIII наст. издания). В конце ноября 1907 года пьеса была представлена в Главное управление по делам печати и тогда же запрещена к постановке. Цензор О. И. Ламкерт в рапорте от 28 ноября 1907 г. писал: «Пьеса эта представляет такой декадентский сумбур, что разобраться в ее содержании я не берусь. То обстоятельство, однако, что, судя по некоторым намекам, автор в лице «незнакомки» изобразил богоматерь, следует признать достаточным поводом к запрещению этой пьесы» (ЦГИАЛ; опубликовано в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК», 1934, № 303 от 28 декабря).

Как видно из письма Блока к матери от 27 ноября 1907 г., пьеса должна была читаться по ролям 6 декабря в Новом театре, где ее также предполагалось поставить («Письма к родным» I, стр. 181). Была предпринята попытка осуществить постановку «Незнакомки» и в конце 1912 г. В Государственной театральной библиотеке имени А. В. Луначарского (Ленинград) сохранился

оттиск «Незнакомки» из журнала «Весы», на котором проставлен цензорский штамп: «К представлению признано неудобным».

В сезон 1914—1915 гг. предполагалась постановка пьесы в студии Художественного театра, руководимой Е. Б. Вахтанговым (см.: Н. Эфрос. Московский Художественный театр. М.—П., 1924, стр. 416).

Впервые «Незнакомка» была поставлена в феврале 1913 г. (первый спектакль — 3 февраля) в московском Литературно-художественном кружке силами «студии молодых актеров» при курсах артистки Художественного театра С. В. Халютинной. Режиссер спектакля — В. А. Соколов. Главные роли исполняли: А. С. Мамиконян (Незнакомка), Р. П. Кречетов (Поэт), Н. В. Коробанов (Звездочет), С. И. Камская (Хозяйка гостиницы). Постановка получила отклик в прессе: «Московские ведомости» в № 30 от 6 февраля 1913 г. поместили статью, в которой говорилось, что «Незнакомка» принадлежит к «самым крайним течениям модернизма»; в ней «смена настроений и переживаний автора воплощается в капризно-причудливых образах, подобных сонным грезам». Произведение «оставляет впечатление какого-то ребуса, которому тщетно ищешь толкование». Переходя к спектаклю, рецензент писал: «Перед нами проходил ряд живых картин: на черном фоне вырисовывались фигуры играющих, замерших в определенных позах. Эти фигуры время от времени оживлялись, заговаривали, меняли позы и снова замирали. Чувствовалась твердая заученность каждого жеста, каждой позы, каждой группировки находящихся на сцене... Паузы затягивались далеко за пределы возможности. Декламация отличалась страшной приподнятостью и аффектацией... Для такой игры таланта не требуется: нужно только послушание и прилежание». Сообщения о спектакле см. также в газете «Новости сезона», 1913, № 2548 от 30 января и № 2551 от 3—4 февраля.

«Незнакомка» (вместе с «Балаганчиком») ставилась в апреле 1914 г. в Петербурге силами молодых артистов студии В. Э. Мейерхольда и в октябре 1922 г. — в Пушкинском доме Академии наук (см. выше — примечания к «Балаганчику»).

Известна также постановка «Незнакомки» в 1917 г. в московском «Кафе-Питtoresк». Режиссеры — С. В. Вермель и Г. А. Кроль, художник А. Лентулов. По словам рецензента, «это не было нечто завершенное, а лишь опыт, лишь проба нового подхода к Блоку»; спектакль был осуществлен в духе романтической гофманиады («Аполлон», 1917, № 8—10, стр. 120—121).

ПЕСНЯ СУДЬБЫ

Рукопись датирована: «Апрель 1907 — 29 апреля 1908 (Дочтения Станиславскому и Немировичу-Данченко)». В конце черновика имеется еще сорок шесть страниц, озаглавленных: «Третье действие». Сбоку, на полях приписано: «Эта сцена написана летом в Шахматове после весенних разговоров со Станиславским и Немировичем-Данченко». Она представляет собой первоначальный вариант пятой картины канонического текста драмы (Сцена на пустыре).

История «Песни Судьбы» (включая историю создания, публикации, отношение Блока к возможности сценического воплощения драмы) делится на несколько периодов. Судя по письму Блока В. Я. Брюсову от января 1908 г., где он говорит, что «мучается» пьесой «вот уже год», он приступил к работе над «Песней Судьбы» в начале 1907 г. Но к этому времени относились, по-видимому, лишь замысел и самые общие соображения, не отразившиеся в дошедших до нас рукописях (Блок уничтожил часть черновиков пьесы, — об этом свидетельствует запись 1921 г. на последнем листе черновика: «Кроме того, были наброски *талантливой* сцены между Еленой, Другом, Фаиной и Германом в игорном доме. Она мною уничтожена, как и всякие другие наброски. VI. 1921»).

8 января 1908 г. Блок сообщал матери, что «набросал три акта, то есть дошел до перелома: самое трудное сделано, и теперь остается только последнее напряжение всех сил и много черной и упорной работы. Тут я не ленюсь (целиком, например, выбрасываю хорошо написанный, но идейно неудовлетворительный 5-й акт)». (По всей вероятности, имеется в виду пятая картина пьесы — сцена на вокзале железной дороги; см.: П. Медведев, стр. 81—90; «Собр. соч.», т. VI, стр. 299—306; выше — «Приложения», стр. 436. Сцена эта так и не вошла в текст пьесы.)

В этот первый период работа над пьесой носила очень напряженный характер. «Драма подвигается, теперь пишу четвертый акт», — сообщал Блок матери 17 января 1908 г. «Все из-за драмы я долго не пишу тебе, мама, и не еду. Пока не кончу, — не могу. Необходимо кончить скорее», — ей же 25 января («Письма к родным» I, стр. 190 и 191). В конце января 1908 г. Блок читал пьесу своей тетке, М. А. Бекетовой. Она «сделала мне несколько реальных замечаний, которые я принял к сердцу. Проклятие отвлеченности преследует меня и в этой пьесе...» (там же, стр. 193). Блок придавал большое значение «Песне Судьбы». «Мне Песня

Судьбы очень важна, я боюсь за нее. Это — мое любимое дитя...» — писал он матери и через несколько дней добавлял: «Это — первая моя вещь, в которой я нащупываю не шаткую и не только лирическую почву... и потому люблю ее больше всего, что написал» («Письма к родным» I, стр. 210—211; см. также запись в записной книжке от 3 мая 1908 г. — т. VII наст. издания).

В конце апреля 1908 г. первая редакция «Песни Судьбы» была закончена. 1 мая Блок читал пьесу у себя дома небольшому кружку литераторов (среди которых были А. М. Ремизов, Е. П. Иванов, В. А. Зоргенфрей) и «остался очень доволен впечатлением и отдельными критиками...» («Письма к родным» I, стр. 211). 4 мая Блок читал пьесу у Г. И. Чулкова в присутствии Л. Н. Андреева, Ф. К. Сологуба, А. Л. Вольнского, В. И. Иванова, М. А. Кузмина, М. А. Волошина, Е. Е. Лансере и др. (см. «Письма к родным» I, стр. 211). О пьесе стали говорить. Л. Н. Андреев просил ее для альманаха «Шиповник». В. Ф. Комиссаржевская предлагала поставить ее в своем театре, но Блок «ответил уклончиво», ибо мечтал увидеть ее на сцене Художественного театра («Письма к родным» I, стр. 189 и 197). В мае 1908 г. с «Песней Судьбы» ознакомились К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. 24 мая Блок писал отцу, что К. С. Станиславский «пленился» пьесой, «может быть, он поставит ее, но я еще должен над ней работать» (там же, стр. 212—213). Позднее Блок вспоминал, что «Станиславский страшно хвалил „Песню Судьбы“, «велел переделать две картины, и я переделал в то же лето в одну» (дневник 1 декабря 1912 г. — см. т. VII наст. издания). Здесь имеется в виду 5-я картина окончательного текста, заменившая 4-ю и 5-ю картины первой редакции — сцену в уборной Фаины и сцену на вокзале. Переделав пьесу, Блок в августе 1908 г. выслал ее в Художественный театр. Начались месяцы томительного ожидания. 11 сентября К. С. Станиславский извещает Блока о получении рукописи. В это время Блок получает предложение опубликовать пьесу. Но он хочет прежде увидеть ее на сцене. 7 ноября 1908 г., не дождавшись ответа К. С. Станиславского, Блок посылает ему письмо с вопросом, находит ли он пьесу «приемлемой для театра» («Русская литература», 1958, № 4, стр. 190). В середине ноября Блок получает от К. С. Станиславского телеграмму, в которой говорится, что «в этом сезоне» пьеса поставлена не будет (К. С. Станиславский. Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. М., 1960, стр. 414). Блок посылает второе письмо К. С. Станиславскому,

в котором выражает надежду увидеть пьесу на сцене в будущем сезоне: «...душа моя просит сцены для этой пьесы, — в противоположность всем остальным, какие я до нее писал» («Русская литература», 1958, № 4, стр. 191). Блок готов отказаться от печатания «Песни Судьбы», хотя испытывает денежные затруднения. Наконец, 3 декабря 1908 г. К. С. Станиславский пишет Блоку обширное письмо, в котором выражает серьезные сомнения в возможности осуществить постановку пьесы на сцене Художественного театра: «Я прочел Вашу пьесу раза четыре. По-прежнему люблю первые картины. Полюбил и новые... но не полюбил действующих лиц и самой пьесы. Я понял, что мое увлечение относится к таланту автора, а не к его произведению... Очень может быть, что я не понимаю чего-то, что связывает все акты в одно гармоническое целое, а может быть, что и в пьесе нет цельности. Почти каждый раз меня беспокоит то, что действие происходит в России! Зачем?» (К. С. Станиславский. Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. М., 1960, стр. 415; в черновике письма последняя фраза имела такой вид: «...мне мешает то, что действие происходит в России — я ее не чувствую» — там же, стр. 727). Через четыре года, вспоминая об этом факте, Блок записал в дневнике: «Когда я отослал рукопись, Художественный театр долго молчал. Наконец, Станиславский прислал длинное письмо о том, что пьесу нельзя и не надо ставить. Я поверил этому, иначе — это поставило для меня точку, потому что сам я, отходя от пьесы, разочаровался в ней» (запись от 1 декабря 1912 г. — см. т. VII наст. издания). 9 декабря 1908 г. Блок ответил К. С. Станиславскому большим письмом, в котором, согласившись с критикой, защищал тему пьесы и излагал свои мысли о России, народе и интеллигенции. «...Что касается, в частности, «Песни Судьбы», — писал он, — то сам о ней мало знаю, лучше сказать, жива она для меня до сих пор *настолько*, что и Вашими словами я не убеждаюсь до конца. Может быть, Вы правы, сами лица неживые (за исключением некоторых). Но всех их я нежно люблю, бóльшую часть — ясно перед собою вижу... Хочу, чтобы Вы... знали... что я ни в каком случае не хочу забывать «форму» для «содержания», пренебрегать математической точностью, строжайшей шлифовкой драгоценного камня. Но *камень-то*, который я, может быть, не сумел отшлифовать в «Песне Судьбы», — *он драгоценен*... Хочу принципиально постановки пьесы... ибо *театральное действие* уже больше слова. Надо, чтобы тема моя, в жизненности которой я убежден, про-

ника не только в уши слушателей, но в очи, в сердца, в волю *арителя*) (т. VIII наст. издания).

На этом завершается первый период истории «Песни Судьбы». Блок отклоняет другие предложения поставить ее на сцене — в театре В. Ф. Коммиссаржевской, в Александринском театре (где ее собирався ставить В. Э. Мейерхольд; см. письмо Блока матери от 13 марта 1909 г. — т. VIII наст. издания), в Новом театре (по предложению Л. Н. Андреева, — см. его письмо к Блоку от 2 марта 1909 г. в сборнике «Реквием», М., 1930, стр. 86). Однако работа над пьесой продолжалась. 17 марта 1909 г. Блок пишет матери: «Песню Судьбы ни за что никому не отдам. А переделывать буду, если смогу, очень сильно — для театра и для себя. Это необходимо» («Письма к родным» I, стр. 251). И в 1909 г. Блока не оставляла надежда увидеть пьесу на сцене.

Опубликована «Песня Судьбы» была в 1909 г. в девятом альманахе «Шиповник». Здесь она имела подзаголовок: «Драматический пролог» и состояла из четырех действий, причем первое и четвертое были разбиты каждое на две картины (сцена у дома Германа — первое действие, всемирная промышленная выставка — второе действие, сцена на пустыре — третье действие, сцена у дома Германа и встреча с Коробейником* — четвертое действие).

В течение нескольких лет Блок не возвращался к «Песне Судьбы». Поездка в Италию (1909), в результате которой появился цикл «Итальянские стихи», смерть отца (1909) и напряженная работа над поэмой «Возмездие» отвлекли его от пьесы. «К этому времени (1910 г.) — я решительно уже считал «П(есню) С(удьбы)» — *дурацкой* пьесой, — писал Блок в дневнике 1 декабря 1912 г., — и считал ее таковой до последних месяцев, когда стал ее перечитывать, имея в виду переиздание своего «Театра»... Перечитывая, опять волновался многим в ней. Буду пытаться выбросить оттуда (для печати и для возможной сцены) все пошрое, все глупое, также то леонид-андреевское, что из нее торчит. Посмотрим, что останется тогда от этого глуповатого Германа» (т. VII наст. издания). В это же время В. Э. Мейерхольд вновь предложил поставить «Песню Судьбы» в Александринском театре. Но никакой переработки пьесы на этот раз не последовало. В оба издания сборника «Театр» (1916 и 1918 гг.) она включена не была. Только в самом конце 1918 г., предпола-

* Черновой вариант этой последней сцены см. выше — «Приложения», стр. 445.

гая осуществить новое издание «Театра», Блок радикально переработал «Песню Судьбы» («...стараюсь выкинуть все уж очень глупое...» — запись в дневнике от 7 января 1919 г.; см. т. VII наст. издания). В начале 1919 г. переработка пьесы была завершена и в том же году, с подзаголовком «Драматическая поэма», она вышла отдельным изданием (изд-во «Алконост»). «Песня Судьбы» имела здесь семь картин: две первые соответствовали двум картинам первого действия текста альманаха «Шиповник», третья картина — всемирная промышленная выставка — второму действию, четвертая картина — уборная Фаины (она была исключена из первопечатного текста, а сейчас восстановлена), пятая картина — сцена на пустыре — соответствовала третьему действию, шестая и седьмая — двум картинам четвертого действия. Была проделана и стилистическая правка. Вне текста по-прежнему осталась сцена на вокзале железной дороги.

«Песня Судьбы» во многом автобиографична. Искания Германа в какой-то степени воспроизводят поиски самого Блока (см. об этом: Медведев, стр. 60). Образ Фаины был навеян Блоку Н. Н. Волоховой, которой посвящен цикл «Снежная маска» и с которой связан цикл «Фаина» (см. дневниковую запись Блока от 1 декабря 1912 г. — т. VII наст. издания). По свидетельству Л. Д. Блок, Спутник Фаины имеет реальным прототипом С. Ю. Витте (см.: Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. Л., 1936, стр. 564). Интересен для истории создания пьесы и тот факт, что вместо монаха по первоначальному замыслу должен был быть падший ангел, образ которого связывался у Блока с картиной финского художника Г. Зимберга — Блок знал ее по репродукции в журнале «Мир искусства», 1904, № 1, стр. 53 (см. об этом: Медведев, стр. 65).

«Песня Судьбы» тесно связана с целым рядом стихотворений Блока 1907—1908 гг., в первую очередь с циклом «Фаина»; ср., например, во второй картине монолога Монаха (первый и третий) со стих. «Гармоника, гармоника!..» (т. II наст. издания, стр. 280) и черновыми набросками стихотворений «Снежная Дева» (там же, стр. 431) и «Задебренные лесом кручи...» (т. III, стр. 586). Ср. также первый монолог Германа в седьмой картине со стих. «Второе крещение» из цикла «Снежная маска» (т. II, стр. 216) и в особенности монолог Германа в пятой картине (стр. 149 наст. тома) — со стихотворениями цикла «На поле Куликовом» (т. III, стр. 249—253), написанными в июне 1908 г., в разгар работы над переделкой «Песни Судьбы».

Первоначально, в марте 1912 г., пьеса «Роза и Крест» была задумана как сценарий балета из жизни провансальских трубадуров, музыка к которому должна была быть написана А. К. Глазуновым. Задание написать сценарий на средневековую тему было получено Блоком от капиталиста-мецената М. И. Терещенко, состоявшего чиновником особых поручений при директоре императорских театров (см. запись в дневнике от 24 марта 1912 г. — т. VII наст. издания). По сообщению М. А. Бекетовой, Терещенко «затеял в Петербурге большое театральное дело и хотел поставить в своем будущем театре какую-нибудь новую значительную вещь» (стр. 173). Идея балета увлекла Блока. Средние века были со времен молодости любимой его эпохой (см. предисловие Блока к «Легенде о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» Виктора Гюго, — т. VI наст. издания). Старина привлекает Блока и во время заграничных путешествий. Его письма из Бретани, где Блок провел лето 1911 г., перестрят упоминаниями о средних веках, описаниями океана, прибрежных скал, морского прибоя (ср. второе действие «Розы и Креста»). Именно поэтому предложение М. И. Терещенко пришлось по душе Блоку. 27 марта 1912 г. Блок встречается с ним у А. М. Ремизова, а 31 марта пишет А. М. Ремизову: «Если увидите Терещенку, скажите ему, пожалуйста, что я уже литературу о трубадурах узнал... Один балет я уже сочинил, только он не годится...» («Литературный современник», 1933, № 5, стр. 146). Весь апрель прошел в напряженной работе. «Все придумываю балет, — сообщает Блок А. М. Ремизову 28 апреля, — это трудно, пока нет почвы под ногами, пора бы уже поговорить с Глазуновым» (там же, стр. 147). К апрелю — маю 1912 г. относятся первоначальные планы и наброски будущей пьесы. Сюжетная коллизия наиболее раннего наброска (см. выше — «Приложения», стр. 455—456) сводится к следующему: старый трубадур любит молодую *Châtelaine*, владелицу замка, и слагает о ней песни. Услышав одну из них, она, тайно от своего господина, посылает за ним. Он прибывает и исполняет под ее окном песни. Прекрасная госпожа слушает его, не замечая, что он стар и сед. Благодаря проделкам слуги господина («дьявольский посыл»), трубадур оказывается закованным в кандалы. Вынужденный исполнить песню вторично, он не был узнан госпожой (перед ней стоял старик) и умер у ее ног. 3 мая Блок изложил М. И. Те-

рещенко и А. М. Ремизову «канву своего балета»: «Терещенко дал несколько хороших советов: вместо «злодея» должен быть умный и смешной человек, который не «отсюда», он родившийся на юге, ненавидит его вечного праздника и молодости и красоты Châtelaine и связан с северным рыцарем нитями «друидическими» (мое)...» (запись Блока в дневнике от 3 мая 1912 г. — см. т. VII наст. издания). К 14 мая 1912 г. относится следующий значительный набросок: «Соображения и догадки о пьесе» (см. выше, стр. 456). К этому времени в работе наступает перелом: сценарий балета превращается в либретто оперы (см. запись в дневнике от 17 мая, где «Роза и Крест» названа оперой). Набросок 14 мая уже содержит многие узлы будущей пьесы, здесь же дана и психологическая характеристика главных действующих лиц (Бертрана, Изоры, Алискана, Графа). Отсутствует еще Газтан, — он появится позднее. На первый план резко выдвинута фигура Бертрана (см. выше — «Приложения», стр. 456—457). После этого работа над пьесой несколько замедляется. Почувствовав необходимость в дополнительных источниках, Блок приступает к изучению специальной литературы по истории средних веков (список использованных книг приведен у Медведева, стр. 111—113. Среди них имеются: книга Г. Париса «Поэмы и легенды средних веков»; «Эпические легенды» Ж. Бедье, «Биографии трубадуров» К. Шабано, «Последние трубадуры Прованса» П. Мейера; «Французское общество XIII века» Ш. В. Ланглуа, собрание стихотворений Бертрана де Борна; «О происхождении средневековой лирики» Э. Горра; «Лирика и лирики позднего средневековья» В. Шишмарева и др.).

21 июня Блок сообщает матери: «...работа моя все-таки продвигается, хотя и медленно. Три действия вчерне записаны, остается четвертое действие, отделка, несколько мелочей и несколько вставных песен» («Письма к родным» II, стр. 205). В это время впервые возникла мысль о «Розе и Кресте» как драматическом произведении: «...одно время мне показалось, что выходит не опера, а драма, но выходит все-таки опера: меня ввело в заблуждение одно из действующих лиц, которое по характеру скорее драматично, чем музыкально: это — неудачник Бертран» (письмо от 27 июня 1912 г. — «Письма к родным» II, стр. 207; см. также запись в дневнике от 26 июня 1912 г.). Однако окончательного решения о переделке «Розы и Креста» в драму еще принято не было. К середине июля 1912 г. «опера» была закончена. 15 июля Блок читал ее М. И. Терещенко («Письма к родным»

II, стр. 214; также «Литературный современник», 1933, № 5, стр. 149).

Эта первая редакция «Розы и Креста» напечатана в «Собр. соч.», т. VI, стр. 313—335 (не полностью) и приведена в наст. томе (стр. 464—489). В августе — сентябре 1912 г. работа над «Розой и Крестом» снова замедлилась; 30 сентября была сделана запись в дневнике: «Первый, пока еще не сильный, ручей мысли об опере (как кончить, несколько подробностей, возможность еще одного — предпоследнего действия)» (т. VII наст. издания).

С этого момента начинается новый период в истории «Розы и Креста». Именно в это время созревает окончательное решение писать не оперу, а драму. Важное признание о смысле будущего произведения было сделано в дневниковой записи от 11 октября 1912 г.: «Я... располагаю в опере все, на что я способен, вокруг одного: *судьба неудачника*; по крайней мере в христианскую эпоху, которой мы современники, это величина постоянная. Если же я (или кто другой) будут располагать все многообразие своих образов вокруг Рока и бога греческой трагедии, то я буду занят чем-то нереальным, если захочу это показать другим» (т. VII наст. издания). Особенно напряженным оказался период сентября — октября 1912 г.: окончательно определился образ Гаэтана (см. заметку Блока о «Рыцаре-Грядущем» выше — «Приложения», стр. 458), было переделано четвертое действие (см. там же, стр. 459: «Новый проект четвертой картины»).

Наконец, 31 октября 1912 г. вторая редакция пьесы была окончена (см. дневник, 31 октября, — т. VII наст. издания). 2 ноября Блок читал «оперу» М. И. Терещенко. «Он хвалил, — записал поэт в дневнике в тот же день, — но *очищающего чувства* у меня нет. Говорит — дописать песни, диалоги, которыми и я недоволен, предоставить «Студии» Станиславского, прочесть пьесу Станиславскому, потом — думать о музыке к ней» (т. VII наст. издания). Эта вторая редакция напечатана в «Собр. соч.», т. VI, стр. 335—354 (не полностью). В извлечениях она приведена и в наст. томе, — см. выше — «Приложения», стр. 489. И эта редакция, несмотря на то, что она сильно отличалась от первой, была еще далека от окончательного текста. Через неделю после чтения пьесы М. И. Терещенко Блок «понял окончательно, что Рыцарь-Грядущее должен быть переделан» (дневник, 9 ноября 1912 г., — см. т. VII наст. издания). Блок не был удовлетворен не только центральным образом, но и всей пьесой. 20 ноября он записывает в дневнике: «Пьесу *всю* переделать,

разбить единство места, отчего станет напряженнее действие и естественнее — отдельные сцены. Начал план. Очень улыбается, но много работы, срок придется еще оттянуть опять» (т. VII наст. издания). Обдумывание нового плана захватило конец ноября и начало декабря. В дневниковой записи от 10 декабря содержится указание на то, что в это время Блок работает над первым действием третьей редакции пьесы. 25 декабря был написан «новый конец», 4 января 1913 г. — четвертое действие, 6 января Блок перелагает в стихи «некоторые новые сцены», 7 января «написано все — только несколько еще «ударов кисти» и монолог Изоры с призраком. На ночь читаю Любе, ей нравится и мне. Успокоение». 9 января 1913 г. третья редакция «Розы и Креста» была окончена, «остается только отделка». Отделка продолжалась до 19 января, когда пьеса и была завершена (см. записи Блока в дневнике под соответствующими датами — т. VII наст. издания). 30 января 1913 г. Блок читал законченную «Розу и Крест» у А. М. Ремизова. Среди слушателей были М. И. Терещенко, руководитель «Нашего театра» А. П. Зонов и др. «По тому, как относятся, — записал Блок в дневнике на следующий день, — что выражается на лицах, как замечания касаются только мелочей, вижу, что я написал, наконец, настоящее... Что будет с пьесой дальше, — не знаю» (см. т. VII наст. издания). 3 февраля Блок прочел пьесу у себя в присутствии Е. П. Иванова, В. П. Веригиной, А. Н. Чеботаревской, Ю. М. Бонди, С. М. Бонди, В. Э. Мейерхольда, Р. В. Иванова-Разумника и др. «Опять сильное впечатление, хороший вечер», — записал Блок в тот же день в дневнике. «В последний раз приложил руку» к «Розе и Кресту» Блок 7 июня 1913 г. (см. выше — «Приложения», стр. 463). Впервые «Роза и Крест» была напечатана в первом альманахе «Сирин» в августе 1913 г. и впоследствии вошла в оба издания сборника Блока «Театр» (1916 и 1918 гг.). В издании 1916 г. Блок сопроводил пьесу обширными примечаниями (они приведены выше — «Приложения», стр. 510—524). В издании 1918 г. появилось посвящение *** (Л. А. Дельмас).

«Роза и Крест» вызвала большое количество критических отзывов. Касаясь места пьесы в ряду других драматических произведений Блока и ее сценичности, К. А. Вогак, например, писал: «„Роза и Крест“ — вторая большая пьеса Александра Блока. Она значительно отличается от остальных его драм... тем, что по глубине и общности содержания она уже совершенно не может быть причислена к тому разряду лирических драм, куда

самим поэтом были отнесены «Балаганчик», «Король на площади» и «Незнакомка» и куда по справедливости должен быть отнесен и драматический пролог „Песня Судьбы“. Проанализировав пьесу, Вогак приходил к выводу: «Глубокое и мудрое содержание драмы влито в законченную и уравновешенную сценическую форму... Пьеса дает много простора для работы и актера и режиссера» («Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, стр. 52—57).

Закончив пьесу, Блок начинает думать о постановке «Розы и Креста» на сцене. Как и прежде, его привлекает Художественный театр. Он отвергает предложения других театров и посылает письмо К. С. Станиславскому с просьбой выслушать пьесу (произошло это во время гастролей театра в Петербурге весной 1913 г. Ответ К. С. Станиславского см. в его Собрании сочинений, т. 7. М., 1960, стр. 569). «Пока не поговорю с Станиславским, ничего не предпринимаю. Если Станиславскому пьеса понравится и он найдет ее театральной, хочу сказать ему твердо, что довольно насмотрелся я на актеров и режиссеров, недаром высидел последние годы в своей мурье, никому, не верю, кроме него одного. Если захочет — ставил бы и играл бы сам — Бертрана. Если *коснется пьесы его гений*, буду спокоен за все остальное» (дневник, 20 апреля 1913 г., — см. т. VII наст. издания). 27 апреля 1913 г. Блок читал пьесу К. С. Станиславскому. После чтения состоялся интересный и важный шестичасовой разговор (его содержание подробно передано Блоком в дневниковой записи от 27 апреля 1913 г. — см. т. VII наст. издания). Блок увидел, что К. С. Станиславский пьесу «не воспринимает», она представляется ему мало сценичной. Вывод, к которому пришел Блок: «По-видимому, и с Художественным театром ничего не выйдет, и «Розу и Крест» придется только печатать, а ставить на сцене еще не пришла пора». В мае 1913 г., пытаюсь «проверить драму для себя особым способом» (см. письмо Блока Л. Я. Гуревич от 20 февраля 1916 г. — т. VIII наст. издания), Блок написал «Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти» (см. выше — «Приложения», стр. 521). В «Записках» изложена биография Бертрана и дана психологическая характеристика образа.

В конце 1915 г. Художественный театр сам обратился к Блоку с предложением поставить пьесу. Сделано это было отчасти по инициативе Л. Н. Андреева. «Прочел на днях «Розу и Крест» Блока, — писал он В. И. Немировичу-Данченко, — и показалось мне, что эта пьеса могла бы пойти в Художественном

театре: есть в ней душа». И в другом письме: «Трагедия Блока «Роза и Крест» вещь поистине замечательная, что могу говорить с особенно спокойной уверенностью, не состоя с оными символистами ни в дружбе, ни в свойстве... Ставя ее, театр *нисколько не отойдет от заветов правды и простоты*: лишь в новых и прекрасных формах даст эту правду и простоту» (Н. Эфрос. Московский Художественный театр. М.—П., 1924, стр. 300—302; ср. также: «Реквием». Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930, стр. 257).

24 ноября 1915 г. Блок получает телеграмму от В. И. Немировича-Данченко о том, что театр «хочет работать» над «Розой и Крестом» и приглашает Блока в Москву для обсуждения характера постановки (ЦГАЛИ). Предложение было горячо принято Блоком. В это же время с предложением поставить «Розу и Крест» обратился к Блоку Камерный театр: 21 февраля 1916 г. руководитель театра А. Я. Таиров присылает Блоку телеграмму: «Неужели верить слуху, что «Роза и Крест» отдана Художественному? Основываясь на нашем разговоре (летом 1914 г. — Л. Д.), был уверен, что пьеса за Камерным. Готовились, нашли специально актеров, решили открыть ею будущий сезон в Москве, после Петрограда. Не можете представить нашего волнения и горя, надеемся подтвердите пьесу за Камерным» (ЦГАЛИ). Но Блок твердо решил отдать «Рсзу и Крест» только Художественному театру, в результате чего пьеса вообще не увидела света рампы. В феврале 1916 г. Блок писал Л. Я. Гуревич: «Когда драма «Роза и Крест» была готова, я не думал ни о каком театре, кроме Художественного; когда она не понравилась К. С. Станиславскому... я как-то не отчаялся ни в чем, а только подумал, что «не судьба»... Весть, полученную Вами от Лужского (а теперь уже и мной от Немировича-Данченко), я принял именно как событие; она меня озаботила в такой же мере, в какой обрадовала... «Роза и Крест» в эти годы производила на меня разное впечатление, но все еще кажется мне *верно* написанной, так что я там все узнаю и за все отвечаю» (т. VIII наст. издания). 29 марта 1916 г. Блок приехал в Москву, и в этот же день состоялась первая беседа его с актерами. Блок принял активное участие в подготовке к репетициям (см.: письмо к матери от 31 марта 1916 г. — т. VIII наст. издания; записи в записной книжке от 10 и 25 марта 1916 г. — т. VII наст. издания).

Еще до поездки в Москву он составил «Объяснительную записку для Художественного театра» (см. выше — «Приложе-

ния», стр. 530), которая и легла, видимо, в основу его бесед с актерами. Таких бесед состоялось восемь (Н. Эфрос. Московский Художественный театр. М.—П., 1924, стр. 144). Актриса Художественного театра О. В. Гзовская вспоминает о появлении Блока в театре: «Весеннее утро, ярко освещенное солнцем фойе... У всех пришедших на репетицию приподнятое настроение от предстоящей встречи с Блоком. И без минуты запоздания появился он, очень скромный и приветливый. Видно было, что он взволнован... Протокольно сухо произнес название пьесы, перечислил действующих лиц. Потом посмотрел поверх всех нас, сидевших вокруг него за столом, и точно унесясь куда-то далеко в своих мыслях, будто вспоминая что-то, не заглядывая в лежащую перед ним раскрытую книгу, отрывисто произнес: «Двор замка. Сумерки». И зазвучал первый монолог Бертрана. Кругом царил напряженная тишина, все глаза были устремлены на этого человека, стоявшего с поднятой головой, с лучистыми глазами, и какое-то особое внимание было на лицах всех слушавших... Читал Блок очень просто, ярко и четко... Потом начались восторженные высказывания, и актеры окружили автора. Пьеса всех увлекла» («Василий Иванович Качалов». Сборник статей, воспоминаний, писем. М., 1954, стр. 393—394; ср. также: Г. Хмара. А. Блок в Художественном театре — «Русские новости», Париж, 1959, № 754 от 13 ноября).

Пробыл в Москве Блок первую неделю апреля 1916 г. Репетиции продолжались в театре всю весну (было проведено пятнадцать репетиций), а затем были перенесены на осень 1916 г. Первоначально состав исполнителей намечался такой: А. Л. Вишневский (граф Арчимбаут), О. В. Гзовская (Изора), М. П. Лилина (Алиса), В. В. Лужский (Капеллан), В. И. Качалов (Гаэтан), Н. О. Массалитинов (Бертран), В. Г. Гайдаров (Алискан). Постановку спектакля должны были осуществить совместно К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Декорации и костюмы — М. В. Добужинского. Работа над пьесой продвигалась с трудом, не ладилось дело с распределением ролей. В. И. Немирович-Данченко писал Блоку 1 ноября 1916 г.: «Просто, искренне, выразительно и в области настоящей поэзии, — до этого идеала далеко-далеко! Только-только начали понимать, чего искать у себя, в своих темпераментах. Разобрались лишь в первом и втором действиях, и то не полностью — и на них просидим еще с месяц». Он сообщал о возможном распределении ролей и о переговорах с С. В. Рахманиновым относительно музыки к пьесе:

«Говоря широко, — писал В. И. Немирович-Данченко в том же письме, — нужен только великолепный, гениальный (скрябинского тона) романс Гаэтана. Этот романс будет интродукцией. Он заглохнет в какой-то одной скрипичной ноте, отдаленный, отдаленный. И Бертран начнет его припоминать. Никакой музыки в прозаических сценах... Вся музыка пьесы в одном этом романсе. И не оркестр нужен для него, а сочетание каких-то трех, четырех, пяти инструментов...» Переговоры с С. В. Рахманиновым успехом не увенчались. В июне 1916 г. композитор Б. К. Яновский исполнял в театре музыку к «Розе и Кресту» — романс Алискана, песня девушек и песня двух менестрелей, романс Гаэтана (см. письмо В. В. Лужского Блоку от 8 июня 1916 г. — ЦГАЛИ). Писали музыку к пьесе композиторы Ю. П. Базилевский и позднее, в 1918 г., — С. И. Потоцкий и М. Ф. Гнесин.

Осенью 1916 г. репетиции «Розы и Креста» возобновились и продолжались до весны 1917 г. В апреле 1917 г. Блок снова побывал в Москве. 15 апреля он писал матери: «...я прослушал в театре весь первый акт и 2-ю картину, второго. Все за исключением частных совершенно верно, и все волнуются (хороший признак)» (т. VIII наст. издания). Однако вскоре отношение Блока к возможности постановки пьесы изменилось: «В театре... все отвлечены чрезвычайными обстоятельствами и заняты «политикой»... <Станиславскому> «Роза и Крест» совершенно непонятна и ненужна; по-моему, он притворяется (хитрит с самим собой), хваля пьесу. Он бы на ней только измучил себя» (письмо матери от 17 апреля 1917 г. — т. VIII наст. издания).

Вместе с тем важные события, происходившие в стране, не могли не сказаться на работе Художественного театра. Темп репетиций «Розы и Креста» заметно замедлился. К концу 1917 г. они вообще прекратились. Однако в 1918 г. работа над пьесой опять возобновилась — уже с новым составом актеров. На этот раз в спектакле были заняты: Л. М. Коренева (Изора), О. И. Пыжова (Алиса), В. И. Качалов (Гаэтан), Н. О. Массалитинов (Бертран), А. Л. Вишневский (граф Арчимбаут), В. В. Лужский (Капеллан), Калужский (Алискан), В. М. Михайлов (Доктор). Предполагалось «Розой и Крестом» открыть 3 октября сезон 1918—1919 г. Об этом было объявлено в газете «Новая жизнь», 16 июля 1918 г. Интересные данные содержатся в письме секретаря театра и заведующего постановочной частью С. Бертенсона, отправленном Блоку в октябре 1918 г.: «Театр решил отказаться

от готовой уже постановки М. В. Добужинского, оказавшейся очень громоздкой и удлиняющей антракты до невозможности. Константин Сергеевич взялся изобрести упрощенные методы постановки, были сделаны удачные опыты, и мы рассчитывали приготовить всю новую систему к открытию сезона, чтобы начать его «Розой». Отсутствие рабочих рук так, однако, затянуло дело, что работы в срок не успели, и пришлось бы либо отложить открытие сезона на два месяца и ждать, когда будет готова постановка «Розы», либо открыть старой пьесой, наладить старый и возобновляемый репертуар, а потом уже перейти к «Розе». Материальные соображения, с которыми в настоящий момент нельзя не считаться, заставили остановиться на последнем. На днях пройдет последняя из пьес старого репертуара, недели через две состоится возобновление «Иванова», и затем все постановочные работы перейдут только к «Розе». Тогда же возобновятся и репетиции... Всю весну очень много работали над музыкой, и С. И. Потоцким сделаны очень удачные изобретения в области соединения музыки со звуковыми эффектами (буря, шум океана, ветер, пение птиц и т. п.). Сейчас вся партитура закончена и разучивается нашими актерами» (ЦГАЛИ). Но и на этот раз постановка пьесы осуществлена не была. За все время в Художественном театре было проведено около двухсот репетиций «Розы и Креста» (см. «Театр», 1938, № 10—11, стр. 229).

Кроме Художественного и Камерного театров, «Розу и Крест» собирались ставить «Наш театр» А. Зюнова и Свободный театр в Москве (1915), Александринский и Михайловский театры в Петрограде (1918), 2-й Театр МОНО (б. Незлобина) и театр Корша в Москве (1921). Выражали желание ставить пьесу в 1916 г. в Иркутске и Уфе (см. «Письма к родным» II, стр. 502, примечание М. А. Бекетовой).

В 1917 г. была предпринята попытка экранизировать пьесу Блока (см. его письмо к матери от 2 апреля 1917 г.).

Впервые «Роза и Крест» была поставлена в Костромском городском театре в сезон 1920—1921 г. Постановка, декорации и костюмы Ю. М. Бонди, музыка Б. А. Федорова (песня Алискана — М. Ф. Гнесина), балет М. М. Чумакова. Пьеса выдержала пятнадцать представлений. В программе спектакля содержались две аннотации, написанные С. М. Бонди (приводим их полностью):

«1.) «Роза и Крест» (сочинена в 1913 г.) ставится на сцене впервые. Автор ее Александр Александрович Блок (родился в 1880 г.) — поэт первой величины. Силою дарования он пре-

восходит едва ли не всех поэтов современности и может быть поставлен рядом с Фетом, Баратынским, Тютчевым — великими лириками прошлого века. Поэт личных переживаний по преимуществу, Блок обнаруживает в своей поэзии громадную силу лирического подъема, неодолимо захватывающую читателя, и изумительную певучесть: в его поэзии нам как бы слышится поющий голос самой души (иллюзия, встречающая нас и у Пушкина, Баратынского и Лермонтова). Необычайная искренность, крайняя серьезность и глубина содержания характеризуют его творчество. Постоянным свойством является также отпечаток грусти, лежащей на всей его поэзии. Веселых стихов у Блока нет вовсе, зато есть все ступени грустного чувства — от светлого до самого мрачного — и все оттенки его — от печальной улыбки до холодного смеха отчаяния. Комические сцены «Розы и Креста» еще более оттеняют трагическую глубину основного содержания пьесы. Через всю драму проходит и завязывает ее действие странная песня рыцаря-поэта Гаэтана — о «радости-страдании». Ее повторяет молодая графиня Изора, страдающая непонятной болезнью: она видит каждую ночь во сне образ неведомого Странника-рыцаря, сложившего песню, ждет его и томится смутною тоскою... Странник является (верный и самоотверженный Бертран, сам влюбленный в Изору, отправляется на поиски и приводит его), но светлокудрый рыцарь ее видения оказывается стариком — «болезнь» Изоры проходит, душа ее освобождается от «образов туманных», и она замечает «земные уста», «земные горячие руки» красивого мальчика пажа Алискана. Ту же песню твердит и Бертран, по прозванию Рыцарь-Несчастье, сторож замка, «урод, осмеянный всеми» — главное лицо драмы. Через все ступени страдания, унижения и самоотвержения он пронесит непоколебленную «вечную верность Даме» и достигает в конце высшего просветления. Смертельно раненный в битве за чуждое ему дело, он, как верный слуга, становится на страже у окна Изоры, проводящей «соловьиную ночь» в объятиях изнеженного и трусливого Алискана. Тут в последние минуты жизни, когда «рана открылась, силы слабеют» и величайшее страдание души сливается с величайшей радостью отречения, Бертран проникает в темный смысл песни Гаэтана — «сердцу закон непреложный — радость — страданье одно», и умирает, верный даме и после смерти, так как звон меча, выпавшего из рук мертвого, служит знаком, вовремя предупреждающим любовников».

«2.» О постановке «Розы и Креста».

Постановка «Розы и Креста» построена на принципе отказа от «реализма», от подражания действительной жизни. Цель декораций — служить живописным фоном для игры актеров и давать своим рисунком и красочными сочетаниями художественное впечатление, дополняющее впечатление от происходящего на сцене действия. Только в отдельных случаях, при помощи введенных в декорации реальных предметов (дерево, скала, зажженный очаг), делается намек на реальную обстановку и дается опора воображению зрителя. Выдвинутая вперед площадка (так называемый «просцениум»), приближая игру актера к зрительному залу, позволяет в то же время избежать частых антрактов, нарушающих непрерывность действия (пьеса состоит из 19 отдельных сцен), так как некоторые проходные сцены ведутся перед закрытым занавесом. Перемена декораций производится большей частью на глазах у зрительного зала особыми «театральными слугами», которые, появляясь между отдельными сценами, легко и неслышно убирают ненужную обстановку и готовят следующую картину. В драму введена музыка, являющаяся в наиболее лирические моменты. На фоне ее актеры произносят свои слова, что отвечает общей музыкальности пьесы (стихи в устах действующих лиц, песни почти в каждом акте и самая завязка и разрешение драмы при помощи песни Гаэтана)*.

О костромском спектакле Блоку было известно. В альманахе «Земные ласки» (Кинешма, 1922) помещены воспоминания Мих. Сокольниковой об этой постановке; См. также «Воспоминания В. Старикова» — Журнал «Театральная жизнь», 1961, № 15, стр. 31.

Известны также некоторые любительские постановки «Розы и Креста» (в 1919 г. учениками б. Таганцевской гимназии, в 1926 г. — учащимися 192-й Ленинградской школы второй ступени).

РАМЗЕС

«Рамзес» был написан в конце 1919 г., в связи с работой Блока в «Комиссии по составлению исторических картин», созданной по инициативе и при участии А. М. Горького. В конце

* Программа спектакля предоставлена нам Е. А. Вагиным.

мая 1919 г. А. М. Горький выступил в Большом художественном совете Отдела театров и зрелищ Наркомпроса с докладом о задачах и репертуаре театров и кинематографов (изложение доклада см. в журнале «Вестник театра», 1919, № 30, стр. 90). Горький говорил о большом познавательном и воспитательном значении инсценировок на сюжеты из русской и мировой истории и выдвигал ряд примерных тем: «Пир Иоанна Грозного», «Петровская ассамблея», «Ганс Сакс» и др. Идея Горького была поддержана А. В. Луначарским. Общий план «Исторических картин», по предложению А. М. Горького, был разработан Блоком (см. т. VI наст. издания); кроме того, он написал ряд рецензий на пьесы, предназначавшиеся к постановке (там же). Одной из таких пьес был и «Рамзес». Пьеса была издана отдельно в 1921 г. (изд-во «Алконост»). Это была последняя книжка Блока, вышедшая при его жизни.

В 1923 г. «Рамзес» готовился к постановке В. Э. Мейерхольдом (см. выше, стр. 574).

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

ДЕЙСТВО О ТЕОФИЛЕ

Перевод знаменитого в свое время миракля о Теофиле, сочиненного французским поэтом XII—XIII вв. Рютбефом, был выполнен Блоком в октябре 1907 г. по заказу Н. В. Дризену для только что организованного им Старинного театра. Театр этот ставил своей задачей «воспроизведение сценического представления во всей роскоши его архаических форм»; при этом «каждая пьеса должна была быть представлена так же, как тогда было принято, со всей присущей соответствующей эпохе наивностью, простотой и непосредственностью» (Э. А. Старк. Старинный театр. СПб., <1911>, стр. 8, 10—11). В неизданном письме к Н. В. Дризену от 31 октября 1907 г. Блок писал: «Сейчас докончил я вчерне последние стихи миракля. Все перевел в стихах. Надо обсудить, что выкинуть и что изменить для цензуры, поэтому мне хочется познакомить Вас с моим переводом черновым и не переписанным». И в следующем письме, от 4 ноября 1907 г.: «Вот моя работа. Дальнейшие цензурные поправки, если понадобится, можно сделать позже» (Рукописное отделение

Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Судя по третьему письму к Н. В. Дризену (от 6 ноября 1907 г.), Блоку пришлось внести в текст перевода еще ряд поправок, вызванных цензурными условиями.

7 декабря 1907 г. «Действом о Теофиле» Старинный театр начал свои представления (постановка Н. В. Дризена и А. А. Санина; декорации и костюмы И. Я. Билибина, — эскиз декорации см. в указ. книге Э. А. Старка, стр. 24—25). «Я был на премьере, — писал Блок матери, — а теперь мое «действие» идет там каждый день — довольно забавно» («Письма к родным» I, стр. 184).

В 1908 г. «Действо о Теофиле» было набрано для газеты «Слово» (оттиск сохранился среди бумаг Блока), где, однако, не появилось. В 1915 г. перевод был опубликован в альманахе «Стрелец», а в 1916 г. включен Блоком в сборник «Театр».

ФРАНЦ ГРИЛЬПАРЦЕР. ПРАМАТЕРЬ

Трагедия австрийского драматурга Грильпарцера (1791—1872) «Праматерь» («Die Ahnfrau») была написана в 1816 и впервые поставлена в 1817 г. Переведена Блоком в 1908 г.; в том же 1908 г. перевод вышел отдельным изданием в книгоиздательстве «Пантеон». Перевод был выполнен по заказу В. Ф. Коммиссаржевской, которая в начале января 1908 г. просила Блока перевести для ее театра какую-нибудь иностранную пьесу. Блок предложил «Праматерь» Грильпарцера («Письма к родным» I, стр. 189), на которую ему указал художник К. А. Сомов. Это выясняется из письма Блока к В. Ф. Коммиссаржевской от 7 января 1908 г., где он писал, в частности: «Я не знаком ни с одной пьесой Грильпарцера, но по тому, что знаю о нем, представляю себе, что его героический (может быть, даже мелодраматический) романтизм мог бы воскреснуть на русской сцене. Поэтому, если Вы найдете это возможным, я с большой охотой возьмусь за перевод» («Театр», 1940, № 2, стр. 117). В следующем письме, от 19 января, Блок писал: «С большой охотой примусь я за перевод трагедии Грильпарцера и надеюсь доставить ее Вам в тот срок, какой Вы назначили, — в мае» (там же). Перевод был закончен к сроку. В августе Блок читал пьесу актерам театра (см. «Письма к родным» I, стр. 222). Первоначально постановку предполагалось осуществить в сентябре — октябре 1908 г. (см. письмо Блока

матери от 4 августа 1908 г. — т. VIII наст. издания). Однако премьера состоялась только 29 января 1909 г. (Режиссер Ф. Ф. Коммиссаржевский, декорации и костюмы А. Н. Бенуа, музыка М. А. Кузмина. Роли исполняли: А. П. Нелидов (граф Зденко фон Боротин), Э. Л. Шиловская (Берта), А. Н. Феона (Яромир), А. А. Мгебров (Гюнтер) и др.). Сама В. Ф. Коммиссаржевская сыграла роль Берты единственный раз в сентябре 1909 г., во время московских гастролей ее театра. А. П. Зонов вспоминает: «Постановка заставила говорить о себе. На первом спектакле изумительные декорации А. Н. Бенуа вызвали бурю аплодисментов, мешавших исполнителям, которым не удалось захватить публику и передать огненный темперамент, с которым написана пьеса... Пьеса могла пройти до конца сезона всего 4 раза» (Н Волков. Александр Блок и театр. М., 1926, стр. 74). Сам Блок писал Ф. Ф. Коммиссаржевскому после премьеры: «Сейчас вернулся из театра и приношу мою глубокую и искреннюю благодарность глубокоуважаемой Вере Федоровне и Вам за постановку «Праматери». Представьте себе, что я не только наслаждался, но интересовался тем, что будет дальше, хотя знаю трагедию наизусть... Часы, после поднятия занавеса, были самые лучшие, так отрадно было смотреть на Вашу работу, на декорации Бенуа и слушать свои стихи, которые я люблю, но которые сегодня показались мне слишком интимными для сцены и для Грильпарцера. Пожалуй, он грубей и страстнее. Но это впечатление Вы восстановили своим ритмом» («Театр», 1940, № 2, стр. 117—118).

В 1918 г. Блок получил от издательства М. и С. Сабашниковых предложение переиздать перевод «Праматери» в серии «Памятники мировой литературы». Блок согласился и радикально переработал свой перевод. В дальнейшем возник проект издания драм Ф. Грильпарцера в издательстве «Всемирная литература», и в письме к М. В. Сабашникову от 17 декабря 1918 г. Блок просил его «уступить» его перевод «Всемирной литературе» (см. «Литература и жизнь», 1960, № 141 от 27 ноября). Очевидно, Сабашников согласился; во всяком случае, на переработанном тексте перевода имеются замечания Ф. Ф. Зелинского и Н. С. Гумилева — рецензентов «Всемирной литературы». В этом издательстве переработанный перевод Блока, однако, не появился и впервые был опубликован только в 1933 г., в четвертом томе «Собрания сочинений».

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. «Балаганчик». (Первоначальный набросок). Впервые (не полностью) — в книге Н. Волкова «Александр Блок и театр». М., 1926; полностью у Медведева (1928).

2. «Король на площади». (Набросок второй редакции). Печатается впервые по рукописи.

3. Предисловие (к сборнику «Лирические драмы»). Впервые — Александр Блок. Лирические драмы. СПб., 1908.

4. «Песня Судьбы». Пятая картина. Впервые у Медведева (1928). (Седьмая картина) печатается впервые по рукописи.

5. «Роза и Крест» (Планы и заметки). Впервые (частично) — «Собрание сочинений Александра Блока», т. IX. Берлин, 1923. Более полно — «Собр. соч.», т. 6 (1932). В наброске от 13 ноября 1912 г. (стр. 460) упоминается стихотворение Ф. И. Тютчева «Два голоса». См. о нем в дневнике Блока, запись от 14 ноября 1911 г. (т. VII наст. издания).

(Из черновиков первой редакции). Частично — Медведев (1928); полностью — «Собр. соч.», т. 6 (1932). Здесь с дополнениями и исправлениями по рукописи.

(Из текстов второй редакции). Впервые — «Собр. соч.», т. 6 (1932).

Примечания к драме «Роза и Крест». Впервые — Александр Блок. Театр. М., 1916. Во втором издании «Театра» (1918) Блок эти примечания устранил.

Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти. Впервые — «Собрание сочинений Александра Блока», т. IX. Берлин, 1923. Было написано Блоком после чтения пьесы К. С. Станиславскому (см. стр. 521 наст. тома) для «проверки» характера Бертрана.

«Роза и Крест» (К постановке в Художественном театре). Впервые — «Утро России», 1916, № 94 от 3 апреля. Было написано для композитора Ю. П. Бази-

левского, который работал над музыкой к пьесе Блока. Сохранилась черновая рукопись этой статьи.

〈Интервью с А. Блоком о драме «Роза и Крест〉». Впервые — «Биржевые ведомости» (веч. выпуск), 1915, № 15268 от 13 декабря. Печатается с исправлением явных опечаток репортера, обесмысливающих текст.

〈Объяснительная записка для Художественного театра〉. Впервые (под заглавием «Введение. К постановке») — «Собрание сочинений Александра Блока», т. IX. Берлин, 1923. Написана (в записной книжке № 48) в связи с принятием пьесы к постановке в Художественном театре и была оглашена Блоком после чтения пьесы труппе театра.

6. «Рамзес» 〈План пьесы〉. Впервые — «Собр. соч.», т. 6 (1932).

7. 〈Планы «Исторических картин»〉. Впервые (частично) — у Медведева (1928); полностью — в «Собр. соч.», т. 6 (1932).

8. «Праматерь». Из статьи «Об одной старинной пьесе». Впервые — «Речь», 1908, № 208 от 17 ноября. В переработанном виде эта статья была помещена в качестве предисловия к отдельному изданию «Праматери» (СПб., 1908).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. А. А. Блок. Фотографический снимок Д. С. Здобнова (1907 г.).
2. *Стр. 8*. Из черновика драмы «Балаганчик» (1906 г.).
3. *Стр. 24*. Из черновика драмы «Король на площади» (1906 г.).
4. *Стр. 83*. Из черновика драмы «Незнакомка» (1906 г.).
5. *Стр. 128*. Из черновика драматической поэмы «Песня Судьбы» (1907—1908 гг.).
6. *Стр. 170*. Из черновика второй редакции драмы «Роза и Крест» (1912 г.).
7. *Стр. 193*. Из черновика третьей редакции драмы «Роза и Крест» (1912 г.).
8. *Стр. 272*. Из черновика перевода «Действа о Теофиле» (1907 г.).
9. *Стр. 416*. Страница из первого издания перевода «Пра-матери» (СПб., 1908) с правкой 1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Балаганчик	7
Король на площади	22
О любви, поэзии и государственной службе. <i>Диалог</i> . . .	61
Незнакомка	72
Песня Судьбы. <i>Драматическая поэма</i>	103
Роза и Крест	168
Рамзес. <i>Сцены из жизни древнего Египта</i>	247

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Действо о Теофиле (Le Miracle de Théophile) Рютбефа (Rutebeuf), трувера XII—XIII столетия	267
Франц Грильпарцер. Праматерь. <i>Трагедия в пяти действиях</i>	292

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. «Балаганчик» 〈Первоначальный набросок〉	425
2. «Король на площади» 〈Набросок второй редакции〉 . .	428
3. Предисловие 〈к сборнику «Лирические драмы»〉 . . .	433
4. «Песня Судьбы» 〈Из первой редакции〉:	
Пятая картина	436
〈Седьмая картина〉	445

5. «Роза и Крест»:	
〈Планы и заметки〉	455
〈«Из черновиков первой редакции»〉	464
〈Из текстов второй редакции〉	489
Примечания к драме «Роза и Крест»	510
Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти	521
«Роза и Крест» (К постановке в Художественном театре)	527
〈Интервью с А. Блоком о драме «Роза и Крест»〉	530
〈Объяснительная записка для Художественного театра〉	530
6. Рамзес. 〈План пьесы〉	539
7. 〈Планы «Исторических картин»〉:	
План представления	543
Тристан:	
〈Первая редакция〉	545
〈Вторая редакция〉	546
〈Иван Калига〉	547
〈Изотта Малатеста〉	548
Куликовская битва	548
Лодка	548
8. «Прамати́рь». 〈Из статьи «Об одной старинной пьесе»〉	549
Примечания	555
К иллюстрациям	599

Александр Александрович
БЛОК
Собрание сочинений, т. 4

Редактор А. Бихтер
Художник Н. Крылов
Художественный редактор
Л. Чалова
Технический редактор
Л. Крючкина
Корректоры И. Кузнецова
и О. Семенова-Тян-Шанская

Сдано в набор 28/IV 1961 г. Под-
писано к печати 4/VIII 1961 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—18,875 печ. л.—
— 30,95 усл. печ. л. Уч.-изд. л.
24,213 + 1 вкл. — 24,263 л. Тираж
200 000 экз. Заказ № 116.
Цена 1 р.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление полигра-
фической промышленности. Типо-
графия № 1 «Печатный Двор»
им. А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинская, 26

